

М. Сергеевич

_____

Лермонтов М. Ю., Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Поэмы //Наука.
Ленингр. отд-ние, Л., 1981
FB2: "Ewgeny ", 24 February 2011, version 1.0
UUID: B1481144-6101-49F0-B7F1-9EA28E678CB9
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Юрьевич Лермонтов

Том 2. Поэмы

(Собрание сочинений в четырех томах #2)

Содержание

Поэмы	0006
Черкесы	0006
Кавказский пленник	0016
Корсар	0040
Преступник	0056
Олег	0064
Два брата	0069
Две невольницы	0072
Джюлио	0075
Последний сын вольности	0103
Каллы́	0137
<Азраил>	0143
Ангел смерти	0154
Исповедь	0176
Моряк	0184
Измаил-Бей	0189
Литвинка	0285
Аул Бастунджи	0312
Хаджи Абрек	0349
Боярин Орша	0368
Сашка	0410
Монго	0510
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	0521

Тамбовская казначейша	0549
Беглец	0579
Демон	0585
Мцыри	0629
Сказка для детей	0657
Приложение	0674
Ранние редакции «Демона»	0674
Примечания	0803
Поэмы М. Ю. Лермонтова	0803
Поэмы	0830

Михаил Юрьевич Лермонтов
Собрание сочинений в 4
томах
Том II

Поэмы

Черкесы

*Уж в горах солнце исчезает,
В долинах всюду мертвый сон,
Заря блистая угасает,
Вдали гудит протяжный звон,
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещет в небесах,
В долинах стад не видно боле,
Лишь серны скачут на холмах.
И серый волк бежит через горы;
Его свирепо блещут взоры.
В тени развесистых дубов
Влезает он в свою берлогу.
За ним бежит через дорогу
С ружьем охотник, пара псов
На сворах рвутся с нетерпенья;
Всё тихо; и в глуши лесов
Не слышно жалобного пенья
Пустынной иволги; лишь там
Весенний ветерок играет,
Перелетая по кустам;
В глуши кукушка занывает;
И на дупле, как тень, сидит
Полночный ворон и кричит.*

Меж диких скал крутит, сверкает
ет

Подале Терек за горой;
Высокий берег подмывает,
Крутяся, пеною седой.

Одето небо черной мглою,
В тумане месяц чуть блестит;
Лишь на сухих скалах травую
Полночный ветер шевелит.
На холмах маяки блистают;
Там стражи русские стоят;
Их копыта острые блестят;
Друг друга громко окликают:
«Не спи, казак, во тьме ночной;
Чеченцы ходят за рекой!»
Но вот они стрелу пускают,
Взвилась! И падает казак
С окровавленного кургана;
В очах его смертельный мрак:
Ему не зреть родного Дона,
Ни милых сердцу, ни семью:
Он жизнь окончил здесь свою.

В густом лесу видна поляна,
Чуть освещенная луной,
Мелькают, будто из тумана,
Огни на крепости большой.
Вдруг слышен шорох за кустами,

Въезжают несколько людей;
Обкинув всё кругом очами,
Они слезают с лошадей.
На каждом шашка, за плечами
Ружье заряжено висит,
Два пистолета, борзы кони;
По бурке на седле лежит.
Огонь черкесы зажигают,
И все садятся тут кругом;
Привязанные к деревьям,
В лесу кони траву щипают,
Клубится дым, огонь трещит,
Кругом поляна вся блестит.

Один черкес одет в кольчугу,
Из серебра его наряд,
Уздени вокруг него сидят;[1]
Другие ж все лежат по лугу.
Иные чистят шашки остры,
Иль наостряют стрелы быстры.
Кругом всё тихо, всё молчит.
Восстал вдруг князь и говорит:
«Черкесы, мой народ военный,
Готовы будьте всякий час,
На жертву смерти – смерти
славной
Не всяк достоин здесь из вас.
Взгляните: в крепости высокой
В цепях, в тюрьме мой брат си-

дит,
В печали, в скорби, одинокой,
Его спасу, иль мне не жить.

«Вчера я спал под хладной мглой,
И вдруг увидел будто брата,
Что он стоял передо мной –
И мне сказал: минуты трата,
И я погиб, – спаси меня;
Но призрак легкий вдруг сокрыл-
ся;

С сырой земли поднялся я;
Его спасти я устремился;
И вот ищущи и ночь и день;
И призрак легкий не являлся
С тех пор, как брата бледна тень
Меня звала, и я старался
Его избавить от оков;
И я на смерть всегда готов!
Теперь клянуся Магометом,
Клянусь, клянусь целым светом!..
Настал неизбежимый час,
Для русских смерть или мученье,
Иль мне взглянуть в последний
раз
На ярко солнца восхожденье».
Умолкнул князь. И все трикратно
Повторили его слова:
«Погибнуть русским невозвратно,

Иль с тела свалится глава».

Восток алея пламенеет,
И день заботливый светлеет.
Уже в селах кричит петух;
Уж месяц в облаке потух.
Денница, тихо поднимаясь,
Златит холмы и тихий бор;
И юный луч, со тьмой сражаясь,
Вдруг показался из-за гор.
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами.
Всё утром дышит, ветерок
Играет в Тереке на волнах,
Вздымает зыблемый песок.
Свод неба синий тих и чист;
Прохлада с речки повеваает,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.
Везде, кругом сгустился лес,
Повсюду тихое молчанье;
Струей, сквозь темный свод дре-
вес
Прокравшись, дневное сиянье
Верхи и корни золотит.
Лишь ветра тихим дуновеньем
Сорван листок летит, блестит,
Смущая тишину паденьем.

Но вот приметя свет дневной,
Черкесы на коней садятся,
Быстрее стрел по лесу мчатся,
Как пчел неутомимый рой,
Сокрылися в тени густой.

О, если б ты, прекрасный день,
Гнал так же горесть, страх, смя-
тенья,

Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!
Заутрень в граде дальний звон
По роце ветром разнесен;
И на горе стоит высокой
Прекрасный град, там слышен
громкой

Стук барабанов, и войска,
Закинув ружья на плеча,
Стоят на площади. И в параде
Народ весь в праздничном наряде
Идет из церкви. Стук карет,
Колясок, дрожек раздается;
На небе стая галок вьетя;
Всяк в дом свой завтракать идет;
Там тихо ставни растворяют;
Там по улице гуляют
Иль идут войско посмотреть
В большую крепость. – Но чер-
неть

Уж стали тучи за горами,
И только яркими лучами
Блистало солнце с высоты;
И ветер бежал через кусты.

Уж войско хочет расходиться
В большую крепость на горе;
Но топот слышен в тишине.
Вдали густая пыль клубится.
И видят: кто-то на коне
С оглядкой боязливой мчится.
Но вот он здесь уж, вот слезает;
К начальнику он подбегает
И говорит: «Погибель нам!
Вели готовиться войскам;
Черкесы мчатся за горами,
Нас было двое, и за нами
Они пустились на конях.
Меня объял внезапный страх;
Насилу я от них умчался;
Да конь хорош, а то б попался».

Начальник всем полкам велел
Сбираться к бою, зазвенел
Набатный колокол; толпятся,
Мянутся, строятся, делятся;
Ворота крепости сперлись.
Иные вихрем понеслись
Остановить черкесску силу,

Иль с славою вкусить могилу.
И видно зарево кругом;
Черкесы поле покрывают;
Ряды, как львы, перебегают;
Со звоном сшибся меч с мечом;
И разом храброго не стало.
Ядро во мраке прожужжало,
И целый ряд бесстрашных пал;
Но все смешались в дыме черном.
Здесь бурный конь с копьем вон-
зенным,
Вскочивши на дыбы, заржал;
Сквозь русские ряды несется;
Упал на землю, сильно рвется,
Покрывши всадника собой,
Повсюду слышен стон и вой.

Пушек гром везде грохочет;
А здесь изрубленный герой
Воззвать к дружине верной хо-
чет;
И голос замер на устах.
Другой бежит на поле ратном;
Бежит, глотая пыль и прах;
Трикрat сверкнул мечом булат-
ным,
И в воздухе недвижим меч;
Звеня, падет кольчуга с плеч;
Копье рамена прободает,

И хлещет кровь из них рекой.
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой.
Еще ружье свое он ищет;
Повсюду стук, и пули свищут;
Повсюду слышен пушек вой;
Повсюду смерть и ужас мещет
В горах, и в долах, и в лесах;
Во граде жители трепещут;
И гул несется в небесах.
Иный черкеса поражает;
Бесплодно меч его сверкает.
Махнул еще; его рука,
Подъята вверх, окостенела.
Бежать хотел. Его нога
Дрожит недвижима, замлела;
Встает и пал. Но вот несется
На лошади черкес лихой
Сквозь ряд штыков; он сильно
рвется
И держит меч над головой;
Он с казаком вступает в бой;
Их сабли остры ярко блещут;
Уж лук звенит, стрела трепещет;
Удар несется роковой.
Стрела блестит, свистит, мелькает

И в миг казака убивает.
Но вдруг толпою окружен,
Копьями острыми пронзен,
Князь сам от раны издыхает;
Падет с коня – и все бегут,
И бранно поле оставляют.
Лишь ядры русские ревут
Над их, ужасно, головой.
Помалу тихнет шумный бой.
Лишь под горами пыль клубится.
Черкесы побежденные мчатся,
Преследуемы толпой
Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона
Видали на своих берегах,
Несут за ними смерть и страх.

Утихло всё: лишь изредка
Услышишь выстрел за горою;
Редко видно казака,
Несущегося прямо к бою,
И в стане русском уж покой.
Спасен и град, и над рекой
Маяк блестит, и сторож бродит;
В окружность быстрым оком
смотрит;
И на плече ружье несет.
Лишь только слышно: кто идет,
Лишь громко слушай раздаётся;

Лишь только редко пронесется
Лихой казак чрез русский стан,
Лишь редко крикнет черный вран
Голодный, трупы пожирая;
Лишь изредка мелькнет, блистая,
Огонь в палатке у солдат.
И редко чуть блеснет булат,
Заржавый от крови в сраженье,
Иль крикнет вдруг в уединенье
Близ стана русский часовой;
Везде господствует покой.

Кавказский пленник

Часть первая

*Genieße und leide!
Dulde und entbehre!
Liebe, hoff' und glaube!
Conz.[2]*

В большом ауле, под горою,
Близ саклей дымных и простых,
Черкесы позднюю порою
Сидят – о конях удалых
Заводят речь, о метких стрелах,
О разоренных ими селах;
И с ними как дрался казак,
И как на русских нападали,

Как их пленили, побеждали.
Курят беспечно свой табак,
И дым, вясь, летит над ними,
Иль, стукнув шашками своими,
Песнь горцев громко запоют.

Иные на коней садятся,
Но перед тем как расставаться,
Друг другу руку подают.

Меж тем черкешенки молодые
Взбегают на горы крутые
И в темну даль глядят – но пыль
Лежит спокойно по дороге;
И не шелохнется ковыль,
Не слышно шума, ни тревоги.

Там Терек издали крутит,
Меж скал пустынных протекает
И пеной зыбкой орошает
Высокий берег; лес молчит;
Лишь изредка олень пугливый
Через пустыню пробежит;
Или коней табун игривый
Молчанье дола возмутит.

Лежал ковер цветов узорный
По той горе и по холмам;
Внизу сверкал поток нагорный

И тек струисто по кремням...
Черкешенки к нему сбежались,
Водою чистой умывались.
Со смехом младости простым
На дно прозрачное иные
Бросали кольца дорогие;
И к волосам своим густым
Цветы весенние влетали;
Гляделися в зеркало вод,
И лица их в нем трепетали.
Сплетаясь в тихий хоровод,
Восточны песни напевали;
И близ аула под горой
Сидели резвою толпой;
И звуки песни произвольной
Ущелья вторили невольно.

Последний солнца луч златой
На льдах серебристых догорает,
И Эльборус своей главой
Его, как туча, закрывает.

.....
Уж раздалось мычанье стад
И ржанье табунов веселых;
Они с полей идут назад...
Но что за звук цепей тяжелых?
Зачем печаль сих пастухов?
Увы! То пленники молодые,
Утратив годы золотые,

*В пустыне гор, в глуши лесов,
Близ Терека пасут уныло
Черкесов тучные стада,
Вспоминая то, что было,
И что не будет никогда!
Как счастье тщетно их ласкало,
Как оставляло наконец,
И как оно мечтою стало!..
И нет к ним жалостных сердец!
Они в цепях, они рабами!
Сливалось всё, как в мутном сне,
Души не чувствуя, оне
Уж видят гроб перед очами.
Несчастные! В чужом краю!
Исчезли сердца упованья;
В одних слезах, в одном страданье
Отраду зрят они свою.*

*Надежды нет им возвратиться;
Но сердце поневоле мчится
В родимый край. – Они душой
Тонули в думе роковой.*

*.....
Но пыль взвивалась над холмами
От стад и борзых табунов;
Они усталыми шагами
Идут домой. – Лай верных псов
Не раздавался вокруг аула;
Природа шумная уснула;*

*Лишь слышен дев издалека
Напев унылый. – Вторяют горы,
И нежен он, как птичек хоры,
Как шум приветный ручейка:*

Песня

*Как сильной грозою
Сосну вдруг согнет;
Пронзенный стрелою,
Как лев заревет;
Так русский средь бою
Пред нашим падет;
И смелой рукою
Чеченец возьмет
Броню золотую
И саблю стальную,
И в горы уйдет.*

*Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варвар, смятенный
Внезапной борьбой,
Страшней не трепещет,
Когда вдруг заблещет
Кинжал роковой.*

*Внимали пленники уныло
Печальной песни сей для них,
И сердце в грусти страшно ныло...*

Ведут черкесы к сакле их;
И, привязавши у забора,
Ушли. – Меж них огонь трещит;
Но не смыкает сон их взора,
Не могут горесть дня забыть.

Льет месяц томное сиянье.
Черкесы храбрые не спят;
У них шумливое собранье:
На русских нападать хотят.

Вокруг оседланные кони;
Серебряные блещут брони;
На каждом лук, кинжал, колчан
И шашка на ремнях наборных,
Два пистолета и аркан,
Ружье; и в бурках, в шапках чер-
ных
К набегу стар и млад готов,
И слышен топот табунов.
Вдруг пыль взвилася над горами,
И слышен стук издадека;
Черкесы смотрят: меж кустами
Гирея видно, ездока!

Он понуждал рукой могучей
Коня, приталкивал ногой.
И влек за ним аркан летучий
Младого пленника собой.

Гирей приблизился – веревкой
Был связан русский, чуть живой.
Черкес прыгнул, – рукою ловкой
Разрезывал канат; – но он
Лежал на камне – смертный сон
Летал над юной головою...

.....

Черкесы скачут уж – как раз
Сокрылись за горой крутою;
Уроком бьет полночный час.

От смерти лишь из сожаленья
Младого русского спасли;
Его к товарищам снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидели близ него всю ночь...

.....

И бледный лик, в крови омытый,
Горел в щеках – он чуть дышал,
И смертным холодом облитый,
Протягшись, на траве лежал.

Уж полдень, прямо над аулом,
На светло-синей высоте,
Сиял в обычной красоте.
Сливались с протяжным гулом
Стадов черкесских – по холмам
Дыханье ветерков проворных,

И ропот ручейков нагорных,
И пенье птичек по кустам.
Хребта Кавказского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые стремнины.
Обложен степенями гор,
Расцвел узорчатый ковер;
Там под столетними дубами,
В тени, окованный цепями,
Лежал наш пленник на траве.
В слезах склонясь к молодой главе,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить
(Но ах! Утраченного счастья
Никто не мог уж возвратить).

.....

Вот он, вздохнувши, приподнялся,
И взор его уж открывался!
Вот он взглянул!.. Затрепетал.
...Он с незабываемыми друзьями! –
Он, вспыхнув, загремел цепями...
Ужасный звук всё, всё сказал!!

Несчастный залился слезами,
На грудь к товарищам упал,
И горько плакал и рыдал.

Счастливы еще: его мученья

Друзья готовы разделять
И вместе плакать и страдать...
Но кто сего уж утешенья
Лишен в сей жизни слез и бед,
Кто в цвете юных пылких лет
Лишен того, чем сердце льстило,
Чем счастье издали манило...
И если годы унесли
Пору цветов искать, как прежде
Минутной радости в надежде, –
Пусть не живет тот на земли.

Так пленник мой с родной стра-
ною
Почти навек прости сказал!
Терзался прошлою мечтою,
Ее места воспоминал:
Где он провел златую младость,
Где испытал и жизни сладость,
Где много милого любил,
Где знал веселье и страданья,
Где он, несчастный, погубил
Святые сердца упованья...

.....

Он слышал слово «навсегда!»
И обреченный тяжелой долей,
Почти дружился он с неволей.
С товарищами иногда

Он пас черкесские стада.
Глядел он с ними, как лавины
Катятся с гор и как шумят;
Как лавой снежною блестят,
Как ими кроются долины;
Хотя цепями скован был,
Но часто к Тереку ходил.
И слушал он, как волны воют,
Подошвы скал угрюмых роют,
Текут средь дебрей и лесов...
Смотрел, как в высоте холмов
Блестят огни сторожевые;
И как вокруг них казаки
Глядят на мутный ток реки,
Склонясь на копья боевые. –
Ах, как желал бы там он быть;
Но цепь мешала переплыть.

Когда же полдень над главою
Горел в лучах, то пленник мой
Сидел в пещере, где от зною
Он мог сокрыться. Под горой
Ходили табуны. – Лежали
В тени другие пастухи
В кустах, в траве и близ реки,
В которой жажду утоляли...
И там-то пленник мой глядит:
Как иногда орел летит,
По ветру крылья простирает,

И видя жертвы меж кустов,
Когтьми хватает вдруг – и вновь
Их с криком кверху поднимает...
Так! Думал он, я жертва та,
Котора в пищу им взята.

Смотрел он также, как кустами,
Иль синей степью, по горам,
Сайгаки, с быстрыми ногами,[3]
По камням острым, по кремням
Летят, стремнины презирая...
Иль как олень и лань младая,
Услыша пенье птиц в кустах,
Со скал не шевелясь внимают –
И вдруг внезапно исчезают,
Взвивая вверх песок и прах.

Смотрел, как горцы мчатся к
бою
Иль скачут смело над рекою;
Остановились, – лошадей
Толкают смелою ногою...
И вдруг, припав к луке своей,
Близ берегов они мелькают,
Стремят – и, снова поскакав,
С утеса падают стремглав
И...

...шумно в брызгах исчезают –
Потом плывут и достигают

Уже противных берегов,
Они уж там, и в тьме лесов
Себя от казаков скрывают...
Куда глядите, казаки?
Смотрите, волны у реки
Седою пеной забелели!
Смотрите, враны на дубах
Вострепенулись, улетели,
Сокрылись с криком на холмах!
Черкесы путника арканом
В свои ущелья завлекут...
И, скрытые ночным туманом,
Оковы, смерть вам нанесут.

И часто, отгоняя сон,
В глухую полночь смотрит он,
Как иногда черкес чрез Терек
Плывет на верном тулуке,[4]
Бушуют волны на реке,
В тумане виден дальний берег,
На пне пред ним висят кругом
Его оружия стальные:
Колчан, лук, стрелы боевые;
И шашка острая, ремнем
Привязана, звенит на нем,
Как точка, в волнах он мелькает,
То виден вдруг, то исчезает...
Вот он причалил к берегам.
Беда беспечным казакам!

Не зреть ужим родного Дона,
Не слышать колоколов звона!
Уже чеченец под горой,
Железная кольчуга блещет;
Уж лук звенит, стрела трепещет,
Удар несется роковой!..
Казак! Казак! Увы, несчастный!
Зачем злодей тебя убил?
Зачем же твой свинец опасный
Его так быстро не сразил?..

Так пленник бедный мой уныло,
Хоть сам под бременем оков,
Смотрел на гибель казаков.
Когда ж полночное светило
Восходит, близ забора он
Лежит в ауле – тихий сон
Лишь редко очи закрывает.
С товарищами вспоминает
О милой той родной стране;
Грустит; но больше, чем оне...
Оставив там залог прелестный,
Свободу, счастье, что любил,
Пустился он в край неизвестный,
И... Всё в краю том погубил.

Часть вторая

Однажды, погружась в мечтанье,

Сидел он позднью порой;
На темном своде без сиянья
Бесцветный месяц молодой
Стоял, и луч дрожащий, бледный
Лежал на зелени холмов,
И тени шаткие дерев,
Как призраки, на крыше бедной
Черкесской сакли прилегли.
В ней огонек уже зажгли,
Краснея он в лампаде медной
Чуть освещал большой забор...
Всё спит: холмы, река и бор.

Но кто в ночной тени мелькает?
Кто легкой тенью меж кустов
Подходит ближе, чуть ступает,
Всё ближе... Ближе... Через ров
Идет бредучею стопою?..
Вдруг видит он перед собою:
С улыбкой жалости немой
Стоит черкешенка младая!
Дает заботливой рукой
Хлеб и кумыс прохладный свой,
Пред ним колена преклоняя.
И взор ее изобразил
Души порыв, как бы смятенной.
Но пищу принял русский пленный
И знаком ей благодарил.

И долго, долго, как немая,
Стояла дева молодая.
И взгляд как будто говорил:
«Утешь себя, невольник милый;
Еще не всё ты погубил».
И вздох не тяжкий, но унылый
В груди раздался молодой;
Потом чрез вал она крутой
Домой пошла тропею мишистой,
И скрылась вдруг в дали тени-
стой,
Как некий призрак гробовой.
И только девы покрывало
Еще очам вдали мелькало,
И долго, долго пленник мой
Смотрел ей вслед – она сокры-
лась.
Подумал он: но почему
Она к несчастью моему
С такою жалостью склонилась –
Он ночь всю не смыкал очей;
Уснул за час лишь пред зарей.
Четверту ночь к нему ходила
Она и пищу приносила;
Но пленник часто всё молчал,
Словам печальным не внимал;
Ах! Сердце, полное волнений,
Чуждалось новых впечатлений;

Он не хотел ее любить.
И что за радости в чужбине,
В его плену, в его судьбине?
Не мог он прежде забыть...
Хотел он благодарным быть,
Но сердце жаркое терялось
В его страданиях немом
И, как в тумане зыбком, в нем
Без отголоска поглощалось!..
Оно и в шуме, и в тиши
Тревожит сон его души.

Всегда он с думою унылой
В ее блистающих очах
Встречает образ вечно милый.
В ее приветливых речах
Знакомые он слышит звуки...
И к призраку стремятся руки;
Он вспомнил всё – ее зовет...
Но вдруг очнулся. Ах! Несчаст-
ный,
В какой он бездне здесь ужасной;
Уж жизнь его не расцветет.
Он гаснет, гаснет, увядает,
Как цвет прекрасный на заре;
Как пламень юный потухает
На освященном алтаре!!!

Не понял он ее стремленья,

Ее печали и волненья;
Не думал он, чтобы она
Из жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья;
Не думал также, чтоб любовь
Точила сердце в ней и кровь;
И в страшном был недоуменье...

.....
Но в эту ночь ее он ждал...
Настала ночь уж роковая;
И сон от очей отгоняя,
В пещере пленник мой лежал.

Поднялся ветер той порою,
Качал во мраке дерева,
И свист его подобен вою –
Как воеет полночью сова.

Сквозь листья дождик пробирался;
Вдали на тучах гром катался;
Блестая, молния струей
Пещеру темну озаряла,
Где пленник бедный мой лежал,
Он весь промок и весь дрожал...

.....
Гроза помалу утихала;
Лишь капала вода с деревьев;
Кой-где потоки меж холмов

Струю мутною бежали
И в Терек с брызгами впадали.
Черкесов в темном поле нет...
И тучи врозь уж разбегают,
И кой-где звездочки мелькают;
Проглянет скоро лунный свет.

И вот над ним луна золотая
На легком облаке всплыла;
И в верх небесного стекла,
По сводам голубым играя,
Блестящий шар свой провела.
Покрылись пеленой серебристой
Холмы, леса и луг с рекой.
Но кто печальною стопой
Идет один тропой гористой?
Она... С кинжалом и пилой;
Зачем же ей кинжал булатный?
Ужель идет на подвиг ратный!
Ужель идет на тайный бой!..
Ах, нет! Наполнена волнений,
Печальных дум и размышлений,
К пещере подошла она;
И голос раздался известный;
Очнулся пленник как от сна,
И в глубине пещеры тесной
Садятся... Долго они там
Не смели воли дать словам...
Вдруг дева шагом осторожным

К нему вздохнувши подошла;
И руку взяв, с приветом нежным,
С горячим чувством, но мятеж-
ным,
Слова печальны начала:

«Ах! Русский! Русский! Что с то-
бою!

Почто ты с жалостью немою,
Печален, хладен, молчалив,
На мой отчаянный призыв...
Еще имеешь в свете друга –
Еще не всё ты потерял...
Готова я часы досуга
С тобой делить. Но ты сказал,
Что любишь, русский, ты другую.
Ее бежит за мною тень,
И вот об чем, и ночь и день,
Я плачу, вот об чем тоскую!..
Забудь ее, готова я
С тобой бежать на край вселен-
ной!
Забудь ее, люби меня,
Твоей подругой неизменной...»
Но пленник сердца своего
Не мог открыть в тоске глубо-
кой,
И слезы девы черноокой
Души не трогали его...

«Так, русский, ты спасен! Но
прежде
Скажи мне: жить иль умереть?!!
Скажи, забыть ли о надежде?..
Иль слезы эти утереть?»

Тут вдруг поднялся он; блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупные мелькнули
На них, как светлая роса:
«Ах нет! Оставь восторг свой
нежный,
Спаси меня не льстись надеж-
дой;
Мне будет гробом эта степь;
Не на остатках, славных, бран-
ных,
Но на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь!»
Он замолчал, она рыдала;
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой,
Кинжал другою подавала.
И вот, под острою пилой
Скряпит железо; распадает
Блистая цепь и чуть звенит.
Она его приподымает;
И так рыдая говорит:

«Да!.. Пленник... Ты меня забудешь...

Прости!.. Прости же... Навсегда;
Прости! Навек!.. Как счастлив будешь,

Ах!.. Вспомни обо мне тогда...

Тогда!.. Быть может, уж могойлой

Желанной скрыта буду я;

Быть может... Скажешь ты уныло:

Она любила и меня!..»

И девы бледные ланиты,

Почти потухшие глаза,

Смущенный лик, тоской убитый,

Не освежит одна слеза!..

И только рвутся вопли муки...

Она берет его за руки

И в поле темное спешит,

Где чрез утесы путь лежит.

Идут, идут; остановились,

Вздыхнув, назад оборотились;

Но роковой ударил час...

Раздался выстрел – и как раз

Мой пленник падает. Не муку,

Но смерть изображает взор;

Кладет на сердце тихо руку...

Так медленно по скату гор,

На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.
Как вместе с ним поражена,
Без чувства падает она;
Как будто пуля роковая
Одним ударом, в один миг,
Обеих вдруг сразила их.

.....

Но очи русского смыкает
Уж смерть холодною рукой;
Он вздох последний выпускает,
И он уж там – и кровь рекой
Застыла в жилах охладевших;
В его руках оцепеневших
Еще кинжал блестя лежит;
В его всех чувствах онемевших
Навеки жизнь уж не горит,
Навеки радость не блестит.

Меж тем черкес, с улыбкой злоб-
ной,
Выходит из глуши дерев.
И волку хищному подобный,
Бросает взор... Стоит... Без слов,
Ногою гордой попирает
Убитого... Увидел он,
Что тщетно потерял патрон;
И вновь чрез горы убегает.

Но вот она очнулась вдруг;
И ищет пленника очами.
Черкешенка! Где, где твой друг...
Его уж нет. Она слезами
Не может ужас выразить,
Не может крови омыть.
И взор ее как бы безумный
Порыв любви изобразил;
Она страдала. Ветер шумный,
Свистя, покров ее клубил!..
Встает... И скорыми шагами
Пошла с потупленной главой,
Через поляну – за холмами
Сокрылась вдруг в тени ночной.

Она уж к Тереку подходит;
Увы, зачем, зачем она
Так робко взором вокруг обводит,
Ужасной грустию полна?..
И долго на бегущи волны
Она глядит. И взор безмолвный
Блестит звездой в полночной
тьме.

Она на каменной скале:
«О, русский! Русский!!!» – восклицает.

Плеснули волны при луне,
Об берег брызнули оне!..
И дева с шумом исчезает.

Покров лишь белый выплывает,
Несется по глухим волнам:
Остаток грустный и печальный
Плывет, как саван погребальный,
И скрылся к каменным скалам.

Но кто убийца их жестокой?
Он был с седою бородой;
Не видя девы черноокой,
Сокрылся он в глуши лесной.
Увы! То был отец несчастный!
Быть может, он ее сгубил;
И тот свинец его опасный
Дочь вместе с пленником убил?
Не знает он, она сокрылась,
И с ночи той уж не явилась.
Черкес! Где дочь твоя? Глядишь,
Но уж ее не возвратишь!!.

Поутру труп оледенелый
Нашли на пенистых берегах.
Он хладен был, окостенелый;
Казалось, на ее устах
Остался голос прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губах;
Узнали все. Но поздно было!
– Отец! Убийца ты ее;
Где упование твое?

Терзайся век! Живи уныло!..
Ее уж нет. – И за тобой
Повсюду призрак роковой.
Кто гроб ее тебе укажет?
Беги! Ищи ее везде!!!..
«Где дочь моя?» и отзвук скажет:
Где?..

Корсар

*Longtemps il eut le sort prospère
Dans ce métier si dangereux.
Las! Il devient trop téméraire
Pour avoir été trop heureux.
La Harpe.[5]*

Поэма

Часть I

*Друзья, взгляните на меня!
Я бледен, худ, потухла радость
В очах моих, как блеск огня;
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нет ясных дней,
Давно нет цели упования!..
Исчезло всё!.. Одни страдания
Еще горят в душе моей.
Я не видал своих родимых, –*

Чужой семьей воскормлен я;
Один лишь брат был у меня,
Предмет всех радостей любимых.
Его я старе годом был,
Но он равно меня любил,
Равно мы слезы проливали,
Когда всё спит во тьме ночной,
Равно мы горе поверяли
Друг другу жаркою душой!..
Нам очарованное счастье
Мелькало редко иногда!..
Увы! – не зрели мы ненастья,
Нам угрожавшего тогда.

Мой умер брат! – перед очами
Еще теперь тот страшный час,
Когда в ногах его с слезами
Сидел. Ах! – я не зрел ни раз
Столь милой смерти хладной му-
ки:
Сложив крестообразно руки,
Несчастный тихо угасал,
И бледны впалые ланиты
И смертный взор, тоской убитый,
В подушке бедный сокрывал.
Он умер! – страшным восклица-
нием
Сражен я вдруг был с содрога-
нием,

Но сожаленье, не любовь
Согрели жизнь мою и кровь...

С тех пор с обманутой душою
Ко всем я недоверчив стал.
Ах! Не под кровлею родною
Я был тогда – и увядал.
Не мог с улыбкою смиренья
С тех пор я всё переносить:
Насмешки, гордости презренья...
Я мог лишь пламенней любить.
Самим собою недоволен,
Желая быть спокоен, волен,
Я часто по лесам бродил
И только там душою жил,
Глядел в раздумьи глубоком,
Когда на дереве высоком
Певец незримый напевал
Веселье, радость и свободу,
Как нежно вдруг ослабевал,
Как он, треща, свистал, щелка́л,
Как по лазоревому своду
На легких крыльях порхал,
И непонятное волненье
В душе я сильно ощущал.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свет,
Узнав неверной жизни цену,
В сердцах людей нашед измену,

Утратив жизни лучший цвет,
Ожесточился я – угрюмой
Душа моя смутилась думой;
Не могли более страдать,
Я вдруг решился убежать.

Настала ночь... Я встал печально
С постели, грустью омрачен.
Во всем доме глубокий сон.
Хотелось мне хоть взор прощаль-
ный

На место бросить то, где я
Так долго жил в тиши безвест-
ной,
Где жизни тень всегда прелест-
ной

Беспечно встретила меня.
Я взял кинжал; два пистолета
На мне за кожаным ремнем
Звенели. Я страшился света
Луны в безмолвии ночном...

Но вихорь сердца молодого
Меня влачил к седым скалам,
Где между берега крутого
Дунай кипел, ревел; и там,
Склонясь на камень головою,
Сидел я озарен луною...

Ах! Как она томна́, бледна́,

Лила лучи свои златые
С небес на рощи береговые.
Везде знакомые места,
Всё мне напоминало младость,
Всё говорило мне, что радость
Навеки здесь погребена.
Хотел проститься с той моги-
лой,
Где прах лежал столь сердцу ми-
лый.

Перебежавши через ров,
Пошел я тихо по кладбищу,
Душе моей давало пищу
Спокойствие немых гробов.
И долго, долго я в молчанье
Стоял над камнем гробовым...
Казалось, веяло в страданье
Каким-то холодом сырым.

Потом... Неверными шагами
Я удалился – но за мной,
Казалось, тень везде бежала...
Я ночь провел в глуши лесной;
Заря багряно освещала
Верхи холмов; ночная тень
Уже редела надо мною.
С отягощенною главою
Я там сидел, склонясь на пень...
Но встал, пошел к берегам Дуная,

Который издали ревел,
Я в Грецию идти хотел,
Чтоб турок сабля роковая
Пресекла горестный удел –
(В душе сменялося мечтанье) –
Ярчее дневное сиянье,
И вот Дунай уж предо мной
Синел с обычной красотой.
Как он прекрасный, величавый
Играл в прибережных скалах.
Воспоминанье о делах
Живет здесь, и протекшей славой
Река гордится. Сев на брег,
Я измерял Дуная бег.
Потом бросаюсь в быстры волны,
Они клубятся под рукой
(Я спорил с быстрою рекой),
Но скоро на́ берег безмолвный
Я вышел. Всё в душе моей
Мутилось пеною Дуная;
И бросив взор к стране своей,
«Прости, отчизна золотая! –
Сказал, – быть может, в этот
раз
С тобой навеки мне проститься,
Но этот миг, но этот час
Надолго в сердце сохранится!...»
Потом я быстро удалился...

Зачем вам сказывать, друзья,
Что было как потом со мною:
Скажу вам только то, что я
Везде с обманутой душою
Бродил один, как сирота,
Не смея ввериться, как прежде,
Всё изменяющей надежде;
Мир был чужой мне, жизнь пуста

Уж я был в Греции прекрасной,
А для души моей несчастной
Ее лишь вид отравой был.
День приходил – день уходил;
Уже с Балканския вершины
Открылись Греции долины,
Уж море синее, блестя
Под солнцем пламенным Восто-
ка,
Как шум нагорного потока,
Обрадовало вдруг меня...
Но как спастися нам от Рока! –
Я здесь нашел, здесь погубил
Почти всё то, что я любил.

Часть II

Где Геллеспонт седой, широкий, [6]
Плеская волнами, шумит,
Покрытый лесом, одинокий,

Афос задумчивый стоит.[7]
Венчаный грозными скалами,
Как неприступными стенами
Он окружен. Ни быстрых волн,
Ни свиста ветров не боится.
Беда тому, чей бранный челн
Порывом их к нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохом заросло.
Между стремнин, между куста-
ми
Изрезан узкими тропами,
С востока ряд зубчатых гор
К подошве тянутся Афоса,
И башни гордые Лемоса[8]
Встречает удивленный взор...
Порою корабли водами
На быстрых белых парусах
Летали между островами,
Как бы на лебедя крылах.
Воспоминанье здесь одною
Прошедшей истиной живет.
Там Цареградский путь идет[9]
Через поле черной полосой.
(Я шел, не чувствуя себя;
Я был в стремительном волне-
нье,
Увидев, Греция, тебя!)...

Кустарник дикий в отдаленье
Терялся меж угрюмых скал,
Меж скал, где в счастья упоенье
Фракиец храбрый пировал;
Теперь всё пусто. Вспоминанье
Почти изгладил ток времен,
И этот край обременен
Под игом варваров. Страданье
Осталось только в той стране,
Где прежде греки воспевали
Их храбрость, вольность; но оне
Той страшной участи не знали,
И дышит всё здесь стариной,
Минувшей славой и войной.

Когда ж народ ожесточенный
Хватался вдруг за меч военный –
В пещере темной у скалы,
Как будто горние орлы,
Бывало, греки в ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турок нападать,
Пленить, рубить, в морях ле-
тать, –
И часто барка в тьме у берега
Была готова для побега
От неприятельских полков;
Не страшен был им плеск валов.
И в той пещере отдыхая,

Как часто ночью я сидел,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокий свой удел,
И что-то новое пылало
В душе неопытной моей,
И сердце новое мечтало
О легком вихре прежних дней.
Желал я быть в боях жестоких,
Желал я плыть в морях широких –
(Любить кого, не находил).
Друзья мои, я молод был!
Зачем губить нам нашу мла-
дость,
Зачем стареть душой своей,
Прости навек тогда уж радость,
Когда исчезла с юных дней.

Нашед корсаров, с ними в море
Хотел я плыть. Ах, думал я,
Война, могила, но не горе,
Быть может, встретят там ме-
ня.

Простясь с печальными берегами,
Я с маврским опытным пловцом
Стремил мой <бег> меж острова-
ми,
Цветущими над влажным дном
Святого старца-океана;
Я видел их. – Но жребий мой,

Где свел нас с буйною толпой,
Там власть дана мне атамана,
И так уж было решено,
Что жизнь и смерть – всё за одно!!!

Как весело водам предаться,
Друзья мои, в морях летать,
Но должен, должен я признаться,
Что я готов теперь бы дать
Всё, что имею, за те годы,
Которые уж я убил
И невозвратно погубил.
Прекрасней были бы мне: воды,
Поля, леса, луга, холмы,
И все, все прелести природы...
Но! – так себе неверны мы!! –
Живем, томимся и желаем,
А получивши забываем
О том. – Уже предмет другой
Играет в нашем воображенье,
И – в непрерывном так томленьи
Мы тратим жизнь, о боже мой!

Мы часто на берег сходили
И часто по степям бродили,
Где конь арабский вороной
Играл скачками подо мной,
Летая в даль степи широкой,

Уже терялся брег далекой,
И я с веселою толпой,
Как в море, был в степи сухой.

Или в лесу в ночи глубокой,
Когда всё спит, то мы одни
При полной в облаках луне
В пещере темной припевая
Сидим, и чаша между нас
Идет с весельем круговая;
За нею вслед за часом час,
И светит пламень, чуть блистая,
Треща, синяя и мелькая...
Потом мы часто в корабли
Опять садились, в быстры волны
С отважной дерзостью текли
Какой-то гордостью полны.
Мы правы были: дом царей
Не так велик, как зыбь морей.

Я часто храбрый, кровожадный
Носился в бурях боевых;
Но в сердце юном чувств иных
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшного я ждал,
Грустил, томился и желал.
Я слушал песни удалые
Веселой шайки средь морей,
Тогда, вспомнив золотые

Те годы юности моей,
Я слезы лил. Не зная бога,
Мне жизни дальняя дорога
Была скользка; я был, друзья,
Несчастный прах из бытия.
Как бы сражаясь с судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа, терзанью предана,
Живет утратою самою.
Узнав лишь тень утраты сей,
Я ждал ее еще мятежней,
Еще печальней, безнадежней,
Как лишь начало страшных дней,
Опять пред мной всё исчезало,
Как свет пред тению ночной,
И сердце тяжело изнывало,
Исчез и кроткий мой покой,
Исчезло милое волненье
И благородное стремленье
И чувств, и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых.

Часть III

Однажды в ночь сошлись тучи,
Катился гром издалека,
И гнал стоная вихрь летучий
Порывом бурным облака.
Надулись волны, море плещет,

И молния во мраке блещет.
Но наших храбрых удалцов
Ничто б тогда не испугало,
И море синее стоило
От резких корабля следов.
Шипящей пеною белеет
Корабль. Вдруг рвется к небесам
Волна, качается, чернеет
И возвращается волнам.
Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стонала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись
И тучи с тучами слетались,
И устремлялся гром на гром,
И море билось с влажным дном,
И черна бездна загоралась
Открытой бездною громов,
И наше судно воздымалось
То вдруг до тяжких облаков,
То вдруг треща вниз опускалось.
Но храбрость я не потерял.
На палубе с моей толпою
Я часто гибель возвещал
Одною пушкой вестовою.
Мы скоро справились! Кругом
Лишь дождь шумел, ревел лишь

гром.

Вдруг слышен выстрел отдаленный,

Блеснул фонарь, как бы зажженный

На мачте в мрачной глубине...

И скрылся он в туманной мгле,

И небо страшно разразилось,

И блеском молний озарилось,

И мы узрели: быстро к нам

Неслося греческое судно.

Всё различить мне было трудно.

Предавшись глухим волнам,

Они на помощь призывали,

Но ветры вопли заглушали.

«Скорей ладью, спасите их!» –

Раздался голос в этот миг.

О камень судно ударяет,

Трещит – и с шумом утопает.

Но мы иных еще спасли,

К себе в корабль перенесли.

Они без чувств, водой покрыты,

Лежали все как бы убиты;

И ветер буйный утихал,

И гром почаще умолкал,

Лишь изредка волна вздымалась,

Как бы гора, и опускалась.

.....

.....

Всё смолкло! Вдруг корабль вол-
ной

Был брошен к мели береговой.

Хотел я видеть мной спасенных,
И к ним поутру я взошел.

Тогда на тучах озлащенных
Вскатилось солнце. Я узрел,
Увы, гречанку молодую.

Она почти без чувств, бледна,
Склонившись на руку главою,
Сидела, и с тех пор она
Доныне в памяти глубоко...

Она из стороны далекой
Была сюда привезена.

Свою весну, златые лета
Воспоминала. Томный взор
Чернее тьмы, ярче света
Глядел, казалось, с давних пор
На небо. Там звезда блистая
Давала ей о чем-то весть
(О том, друзья, что в сердце
есть),

Звезду затмила туча злая,
Звезда померкла, и она
С тех пор печальна и грустна.
С тех пор, друзья, и я стенаю,
Моя тем участь решена,

*С тех пор покоя я не знаю,
Но с тех же пор я омертвел,
Для нежных чувств окаменел.*

Преступник

Повесть

*«Скажи нам, атаман честной,
Как жил ты в стороне родной,
Чай, прежний жар в тебе и ныне
Не остывает от годов.
Здесь под дубочком ты в пустыне
Потешишь добрых молодцов!»*

*«Отец мой, век свой доживая,
Был на второй жене женат;
Она красotka молодая,
Он был и знатен и богат...
Перетерпевши лет удары,
Когда захочет сокол старый
Подругу молодую взять,
Так он не думает, не чует,
Что после будет проклинать.
Он всё голубит, всё милует;
К нему ласкается она,
Его хранит в минуту сна.
Но вдруг увидела другого,
Не старого, а молодого.*

Лишь первая приходит ночь,
Она без всякого зазренья
Клевком лишит супруга зренья
И от гнезда уж мчится прочь!

.....

«Пирьы, веселья забывая
И златоструйное вино,
И дом, где, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно,
Как часто я чело покоил
В коленях мачехи моей,
И с нею вместе козни строил
Против отца, среди ночей.
Ее пронзительных лобзаний
Огонь впивал я в грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаний,
Мольбы, угроз и заклинаний,
Но слезы злобы только лью!..
Бог весть: меня она любила,
Иль это был притворный жар?
И мысль печально утаила,
Чтобы верней свершить удар?
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстию дыша?
Кто знает: женская душа,
Как океан, неисследима!..

«И дни летели. Час настал!
Уж греховодник в дни младые,
Я, как пред казнию, дрожал.
Гремят проклятья роковые.
Я принужден, как некий тать,
Из дому отчего бежать.
О сколько мук! Потеря чести!
Любовь, и стыд, и нищета!
Вражда непримиримой мести
И гнев отца!.. За ворота
Бежал <я> сирый, одинокий,
И обратившись бросил взор
С проклятием на дом высокий,
На тот пустой, унылый двор,
На пруд заглохший, сад широкий!.
В безумье мрачном и немом
Желал, чтоб сжег небесный гром
И стол, за коим я с друзьями
Пил чашу радости и нег,
И речки безымянной брег,
Всегда покрытый табунами,
Где принял он удар свинца,
И возвышенные стремнины,
И те коварные седины
Неумолимого отца;
И очи, очи неземные,
И грудь и плечи молодые,
И сладость тайную отрад,

И уст неизлечимый яд;
И ту зеленую аллею,
Где я в лобзаньях утопал;
И ложе то, где я... И с нею,
И с этой мачехой лежал!..

«В лесах, изгнанник своевольный,
Двумя жидами принят я:
Один властями недовольный,
Купец, обманщик и судья;
Другой служитель Аарона,
Ревнитель древнего закона;
Алмазы прежде продавал,
Как я, изгнанник, беден стал,
Как я, искал по миру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на удар лихой,
На поцелуи сладострастья.
Но скрытен, недоверчив, глух
Для всяких просьб, как адский
дух!..

«Придет ли ночи мрак печальный,
Идем к дороге столбовой;
Там из страны проезжий дальний
Летит на тройке почтовой.
Раздастся выстрел. С быстротой
Свинец промчался непомерной.

Удар губительный и верный!..
С обезображенным лицом
Упал ящик! Помчались кони!..
И редко лишь удар погони
Их не застигнет за леском.

«Раз – подозрительна, бледна,
Катилась на небе луна.
Вблизи дороги, перед нами,
Лежал застреленный прошлец;
О, как ужасен был мертвец,
С окровавленными глазами!
Смотрю... Лицо знакомо мне –
Кого ж при трепетной луне
Я узнаю?.. Великий боже!
Я узнаю его... Кого же? –
Кто сей погубленный прошлец?
Кому же роется могила?
На чьих седилах кровь застыла? –
О!.. Други!.. Это мой отец!..
Я ослабел, упал на землю;
Когда ж потом очнулся, внемлю:
Стучат... Жидовский разговор.
Гляжу: сырой еще бугор,
Над ним лежит топор с лопатой.
И конь привязан под дубком,
И два жида считают злато
Перед разложенным костром!..

.....
.....

*«Промчались дни. На дно речное
Один товарищ мой нырнул.
С тех пор, как этот утонул,
Пошло житье-бытье плохое:
Приему не было в корчмах,
Жить было негде. Отовсюду
Гоняли наглого Иуду.
В далеких дебрях и лесах
Мы укрывались. Без страха
Не мог я спать, мечтались мне:
Остроги, пытки в черном сне,
То петля гладная, то плаха!..*

*«Исчезли средства прокормленья,
Одно осталось: зажигать
Дома господские, селенья,
И в суматохе пировать.
В заре снедающих пожаров
И дом родимый запылал;
Я весь горел и трепетал,
Как в шуме громовых ударов!
Вдруг вижу, раздраженный жид
Младую женщину тащит.
Ее ланиты обгорели
И шелк каштановых волос;*

И очи полны, полны слез
На похитителя смотрели.
Я не слышал его угроз,
Я не слышал ее молений;
И уж в груди ее торчал –
Кинжал, друзья мои, кинжал!..
Увы! Дрожат ее колени,
Она бледнее стала тени,
И перси кровью облились,
И недосказанные пени
С уст посинелых пронеслись.

«Пришло Иуде наказание:
Он в ту же самую весну
Повешен мною на сосну,
На пищу вранам. Состраданья
Последний год меня лишил.
Когда ж я снова посетил
Родные, мрачные стремнины,
Леса, и речки, и долины,
Столь крепко ведомые мне,
То я увидел на сосне:
Висит скелет полуистлевший,
Из глаз посыпался песок,
И коршун, тут же отлетевший,
Тащил руки его кусок...

«Бегут года, умчалась младость

—

Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчит в груди моей
Порыв болезненных страстей.
Одни холодные остатки:
Несчастной жизни отпечатки,
Любовь к свободе золотой
Мне сохранил мой жребий чуд-
ный.
Старик преступный, безрассуд-
ный,
Я всем далек, я всем чужой.
Но жар подавленный очнется,
Когда за волюшку мою
В кругу удалых приведется,
Что чашу полную налью,
Поминки юности забвенной
Прославлю я и шум крамол;
И нож мой, нож окровавленный
Воткну смеясь в дубовый стол!..»

Олег

<I>

*Во мгле языческой дубравы,
В года забытой старины
Когда-то жертвенник кровавый
Дымился божеству войны.[10]
Там возносился дуб высокой,
Священный древностью глубокой.
Как неподвижный царь лесов,
Чело до самых облаков
Он подымал. На нем висели
Кольчуги, сабли и щиты,
Вокруг сожженные кусты
И черепа убитых тлели...
И песня Лады никогда
Не приносилась сюда!..[11]*

2

*Поставлен веры теплым чув-
ством,
Блестел кумир в тени ветвей,
И лик, расписанный искусством,
Был смыт усилием дождей.
Вдали лесистые равнины
И неприступные вершины
Гранитных скал туман одел,
И Волхов за лесом шумел.*

Склонен невольню к удивленью,
Пришелец чуждый, в наши дни
Не презирай сих мест: они
Знакомы были вдохновенью!..[12]
И скальдов северных не раз
Здесь раздавался смелый глас...
[13]

Утихло озеро. С стремниной
Молчат туманные скалы,
И вьются дикие орлы,
Крича над зеркальной пучиной.
Уж челнока с давнишних пор
Волна глухая не лелеет,
Кольцом вокруг угрюмый бор,
Подняв вершины, зеленеет,
Скрываясь за хребтами гор.
Давно ни пес, ни всадник смелый
Страны глухой и опустелой
Не посещал. Окрестный зверь
Забыл знакомый шум ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоит теперь?..
С какою здесь он мыслью стран-
ной?
С мечом, в кольчуге, за спиной
Колчан и лук. Шишак стальной
Блестит насечкой иностранной...
Он тихо красный плащ рукой

На землю бросил, не спуская
Недвижных с озера очей,
И кольца русые кудрей
Бегут, на плечи ниспадая.
В герое повести моей
Следы являлись кратких дней,
Но не заметно впечатлений:
Ни удовольствий, ни волнений,
Ни упоительных страстей.
И став у пенистого берега,
Он к духу озера воззвал:
«Стрибог! Я вновь к тебе пред-
стал;[14]
Не мог ты позабыть Олега.
Он приносил к тебе врагов,
Сверша опасные набеги.
Он в честь тебе их пролил кровь.
И тот опять средь сих лесов,
Пред кем дрожали печенеги.
Как в день разлуки роковой,
Явись опять передо мной!»
И шумно взволновались воды,
Растут свинцовые валы,
Как в час суровой непогоды,
Покрылись пеною скалы.
Восстал в середине столб туман-
ный...
Тихонько вид меняя странный,

Ясней, ясней, ясней... и вот
Стрибог по озеру идет.
Глаза открытые сияли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые власы бежали
По голым персям старика.

Ах, было время, время боев
На милой нашей стороне.
Где ж те года? Прошли оне
С мгновенной славою героев.
Но тени сильных я видал
И громкий голос их слышал:
В часы суровой непогоды,
Когда бушуя плещут воды
И вихрь, клубя седую пыль,
Волнует по полям ковыль,
Они на темно-сизых тучах
Разнообразною толпой
Летят. Щиты в руках могучих,
Их тешит бурь знакомый вой.
Сплетаясь цепью воздушной,
Они вступают в грозный бой.
Я зрел их смутною душой,
Я им внимал неравнодушно.
На мне была тоски печать,
Бездействием терзалась совесть,
И я решился начертать
Времен былых простую повесть.

Жил-был когда-то князь Олег,
Владелец русского народа,
Варяг,[15] боец (тогда свобода
Не начинала свой побег).
Его рушительный набег
Почти от Пскова до Онеги
Поля и веси покорил...[16]
Он всем соседям страшен был:
Пред ним дрожали печенеги,[17]
С ним от Каспийских берегов
Казары дружества искали,[18]
Его дружины побеждали
Свирепых жителей дубров;
И он искал на греков мести,
Презреньем гордых раздражен...
Царь Византии был смущен
Молвой ужасной этой вести...
Но что замедлил князь Олег
Свой разрушительный набег?..

Два брата

Поэма

«Ах, брат! Ах, брат! Стыдись,
мой брат!
Обеты теплые с мольбами
Забыл ли? Год тому назад
Мы были нежными друзьями...
Ты помнишь, помнишь, верно, бой,
Когда рубились мы с тобой
Против врагов родного края
Или, заботы удаляя,
С новорожденною зарей
Встречали вместе праздник Ла-
ды.
И что ж? Волнение досады,
Неугомонная вражда
Нас разделили навсегда!..»
– «Не называй меня, как прежде,
В благополучные года.
В те дни, как верил я надежде,
Любви и дружбе... я знавал
Волненья сердца дорогие,
И очи, очи голубые...
Я сердцем девы обладал:
Ты у меня его украл!..
Ты завладел моей прекрасной,

Ее любовью и красой,
Ты обманул меня... ужасно!
И посмеялся надо мной».

Умолкли. Но еще стоят
В душе терзаемы враждою.
На каждом светлые блестят
Мечи с насечкой золотою,
На каждом панцирь и шелом,
Орлиным осенен крылом.
Всё пусто вокруг в дали туманной.
Пред ними жертвенник. На нем
Кумир белеет деревянный.
И только плющ, вивясь молодой
Лелеет жертвенник простой.
Они колена преклонили,
Взаимной злобой поклялись.
Вот на коней своих вскочили
И врозь стрелою понеслись.

Давно ль? Давно ли друг без друга
Их край родимый не видал?[19]
Давно ль, когда один страдал
В изнеможении недуга,
Другой прикованный стоял
Нежнейшей дружбой к изголо-
вью?
Вдруг, горьким мщением дыша,

Кипят! Надменная душа
Чем раздражилась? – любовью!
Аскар, добычу бранных сил,
Финляндку юную любил.
Она лила в неволе слезы
И помнила средь грустных дней
Скалы Финляндии своей.

Скалы Финляндии пустой,
Озер стеклянные заливы
И бор печальный и глухой,
Как милы вы, как вы счастливы
Своею дикой красотой...[20]
Дымятся низкие долины,
Где кучи хижин небольших
С дворами грязными. Вкруг их
Растут кудрявые рябины,
На высотах чернеют пни
Иль стебли обгорелых сосен.
В стране той кратки дни весны
И продолжительная осень...

Две невольницы

*Beware, my Lord, of jealousy
Othello. W. Shakespear.[21]*

«Люблю тебя, моя Заира!
Гречанка нежная моя! –
У ног твоих богатства мира
И правоверная земля.
Когда глазами голубыми
Ты водишь медленно кругом,
Я молча следую за ними,
Как раб с мечтами неземными
За неземным своим вождем.
Пусть пляшет бойкая Гюльнара,
Пускай под белою рукой
Звенит испанская гитара:
О не завидуй, ангел мой!
Все песни пламенной Гюльнары,
Все звуки трепетной гитары,
Всех роз восточных аромат,
Топазы, жемчуг и рубины
Султан Ахмет оставит рад
За поцелуя звук единый,
И за один твой страстный
взгляд!»
– «Султан! Я в дикой, бедной доле,
Но с гордым духом рождена;

И в униженье, и в неволе
Я презирать тебя вольна!
Старик, забудь свои желанья:
Другой уж пил мои лобзанья –
И первой страсти я верна!
Конечно, грозному султану
Сопротивляться я не стану;
Но знай: ни пыткой, ни мольбой
Любви из сердца ледяного
Ты не исторгнешь: я готова!
Скажи, палач готов ли твой?»

Тиха, душиста и светла
Настала ночь. Она была
Роскошнее, чем ночь Эдема.[22]
Заснул обширный Цареград,
Лишь волны дальные шумят
У стен крутых. Окно гарема
Отворено, и свет луны,
Скользя, мелькает вдоль стены;
И блещут стекла расписные
Холодным, радужным огнем;
И блещут стены парчевые,
И блещут кисти золотые,
Диваны мягкие кругом.
Дыша прохладою ночью,
Сложивши ноги под собою,
Облокотившись на окно,
Сидела смуглая Гюльнара.

В молчанье всё погружено,
Из белых рук ее гитара
Упала тихо на диван;
И взор чрез шумный океан
Летит: туда ль, где в кущах мира
Она ловила жизни сон?
Где зреет персик и лимон
На берегу Гвадалкивира?
Нет! Он боязненно склонен
К подножью стен, где пена дрем-
лет!
Едва дыша, испанка внемлет,
И светит ей в лицо луна:
Не оттого ль она бледна?

Чу! Томный крик... волной плесну-
ло...
И на кристалле той волны
Заколебалась тень стены...
И что-то белое мелькнуло –
И скрылось! – Снова тишина.
Гюльнары нет уж у окна;
С улыбкой гордости ревнивой
Она гитару вновь берет
И песнь Испании счастливой
С какой-то дикостью поет;
И часто, часто слово мщенье
Звучит за томною струной,

*И злобной радости волненье
Во взорах девы молодой!*

Джюлио

(Повесть. 1830 год.)

*Осенний день тихонько угасал
На высоте гранитных шведских
скал.
Туман облек поверхности озер,
Так что едва заметить мог бы
взор
Бегущий белый парус рыбака.
Я выходил тогда из рудника,
Где золото, земных трудов пред-
мет,
Там люди достают уж много
лет;
Здесь обратились страсти все в
одну,
И вечный стук тревожит тиши-
ну;
Между столпов гранитных и ар-
кад
Блестит огонь трепещущих лам-
пад,
Как мысль в уме, подавленном
тоской,*

Кидая свет бессильный и пустой!..

*Но если очи, в бесприветной мгле
Угасшие, морщины на челе,
Но если бледный вялый цвет ла-
нит*

*И равнодушный молчаливый вид,
Но если вздох, потерянный в ти-
ши,*

*Являют грусть глубокую души, –
О! Не завидуйте судьбе такой.
Печальна жизнь в могиле золо-
той.*

*Поверьте мне, немногие из них
Могли собрать плоды трудов сво-
их.*

*Не нахожу достаточных речей,
Чтоб описать восторг души мо-
ей,*

*Когда я вновь взглянул на небеса,
И освежила голову роса.*

*Тянулись цепью острые скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носились, крича средь высоты.
Я зрел вдали кудрявые кусты
У озера спокойных берегов
И стебли черные сухих дубов.*

От рудника вился желтея путь...
Как я желал скорей в себя вдох-
нуть
Прохладный воздух, вольный, как
народ
Тех гор, куда сей узкий путь ве-
дет.

Вожатому подарок я вручил,
Но, признаюсь, меня он удивил,
Когда не принял денег. Я не мог
Понять, зачем, и снова в кошелек
Не смел их положить... Его чер-
ты
(Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости оне),
Казалось, знакомы были мне.

И подойдя, взяв за руку меня:
«Напрасно б, – он сказал, – скры-
вался я!
Так, Джюлио пред вами, но не
тот,
Кто по струям венецианских вод
В украшенной гондоле пролетал.
Я жил, я жил и много испытал;
Не для корысти я в стране чужой:
Могилы тьма сходна с моей ду-

шой,
В которой страсти, лета и меч-
ты
Изрыли бездну вечной пустоты...
Но я молю вас только об одном,
Молю: возьмите этот свиток. В
нем,
В нем мир всю жизнь души моей
найдет –
И, может быть, он вас остере-
жет!»
Тут скрылся быстро пасмурный
чудак,
И посмеялся я над ним; бедняк,
Я полагал, рассудок потеряв,
Не потерял еще свой пылкий нрав;
Но, пробегая свиток (видит бог),
Я много слез остановить не мог.

Есть край: его Италией зовут;
Как божьи птицы, мнится, там
живут
Покойно, вольно и беспечно. И про-
шлец,
Германии иль Англии жилец,
Дивится часто счастью людей,
Скрывающих улыбкою очей
Безумный пыл и тайный яд стра-
стей.

Вам, жителям холодной сторо-
ны,
Не перенять сей ложной тишины,
Хотя ни месть, ни ревность, ни
любовь
Не могут в вас зажечь так силь-
но кровь,
Как в том, кто близ Неаполя
рожден:
Для крайностей ваш дух не сотво-
рен!..
Спокойны вы!.. На ваш унылый
край
Навек я променял сей южный рай,
Где тополи, обвитые лозой,
Хотят шатер достигнуть голу-
бой,
Где любят моря синие валы
Баюкать тень береговой скалы...

Вблизи Неаполя мой пышный дом
Белеется на берегу морском,
И вокруг него веселые сады;
Мосты, фонтаны, бюсты и пруды
Я не могу на память перечесть;
И там у вод, в лимонной роще,
есть
Беседка; всех других она милей,

Однако вспомнить я боюсь об ней.
Она душистым запахом полна,
Уединенна и всегда темна.
Ах! Здесь любовь моя погребена;
Здесь крест, нагнутый временем,
торчит
Над холмиком, где Лоры труп со-
крыт.

При верной помощи теней ноч-
ных,
Бывало, мы, укрывшись от род-
ных,
Туманною озарены луной,
Спешили с ней туда рука с рукой;
И Лора, лютню взяв, певала мне...
Ее плечо горело как в огне,
Когда к нему я голову склонял
И пойманные кудри целовал...
Как гордо волновалась грудь твоя,
Коль очи в очи томно устремля,
Твой Джюлио слова любви твер-
дил;
Лукаво милый пальчик мне гро-
зил,
Когда я, у твоих склоняясь ног,
Восторг в душе остановить не
мог...

Случалось, после я любил сильнее,
Чем в этот раз; но жалость
лишь о сей
Любви живет, горит в груди мо-
ей.

Она прошла, таков судьбы закон,
Неумолим и непреклонен он,
Хотя щадит луны любезной свет,
Как памятник всего, чего уж нет.

О, тень священная! Простишь ли
ты

Тому, кто обманул твои мечты,
Кто обольстил невинную тебя
И навсегда оставил не скорбя?
Я страсть твою употребил во
зло,

Но ты взгляни на бледное чело,
Которое изрыли не труды, –
На нем раскаянья и мук следы;
Взгляни на степь, куда я убежал,
На снежные вершины шведских
скал,

На эту бездну смрадной темно-
ты,
Где носятся, как дым, твои чер-
ты,

На ложе, где с рыданием, с тос-

кой

Клянусь себя с минуты роковой...
И сжалюсь, сжалюсь, сжалюсь на-
до мной!..

.....

.....

Когда мы женщину обманем,
тайный страх
Живет для нас в младых ее очах;
Как в зеркале, вину во взоре том
Мы различив, укор себе прочтем.
Вот отчего, оставя отчий дом,
Я поспешил, бессмысленный, бе-
жать,
Чтоб где-нибудь рассеянье сыс-
кать!
Но с Лорой я проститься захотел.
Я объявил, что мне в чужой пре-
дел
Отправиться на много должно
лет,
Чтоб осмотреть великий божий
свет.
«Зачем тебе! – воскликнула она, –
Что даст тебе чужая сторона,
Когда ты здесь не хочешь быть
счастливым?..

Подумай, Джулио!» Тут, взор
склонив,
Она меня рукою обняла, –
«Ах, я почти уверена была,
Что не откажешь в просьбе мне
одной:
Не покидай меня, возьми с собой,
Не преступи вторично свой
обет...
Теперь... ты должен знать!..» –
«Нет, Лора, нет! –
Воскликнул я, – оставь меня, за-
будь;
Привязанность былую не вдох-
нуть
В холодную к тебе отныне грудь;
Как странники на небе, облака,
Свободно сердце и любовь легка».
И, побледнев как будто бы сквозь
сна,
В ответ сказала тихо мне она:
«Итак, прости навек, любезный
мой;
Жестокий друг, обманщик доро-
гой;
Когда бы знал, что оставляешь
ты...
Однако, прочь, безумные мечты,

Надежда! Сердце это не смущай...
Ты более не мой... прощай!.. Прощай!..
Желаю, чтоб тебя в чужой стране
не
Не мучила бы память обо мне...»

То был глубокой вещью скорби
глас.
Так мы расстались. Кто жалчей
из нас,
Пускай в своем уме рассудит
тот,
Кто некогда сии листы прочтет.

Зачем цену утраты на земле
Мы познаем, когда уж в вечной
мгле
Сокровище потонет, и никак
Нельзя разгнать его покрывший
мрак?
Любовь молодых, прелестных жен-
ских глаз,
По редкости, сокровище для нас
(Так мало дев, умеющих любить);
Мы день и ночь должны его хра-
нить;
И горе! Если скроется оно:

Навек блаженства сердце лишено.
Мы только раз один в кругу зем-
ном
Горим взаимной нежности огнем.

Пять целых лет провел в Париже
я.

Шалил, именье с временем губя;
Первоначальной страсти жар
святой
Я называл младенческой мечтой.
Дорога славы, заманив мой взор,
Наскучила мне. Совесть укор
Убить любовью новой захотев,
Я стал искать беседы юных дев;
Когда же охладел к ним наконец,
Представила мне дружба свой ве-
нец;
Повеселив меня немного дней,
Распался он на голове моей...
Я стал бродить печален и один;
Меня уверили, что это сплин;
Когда же надоели доктора,
Я хладнокровно их согнал с двора.

Душа моя была пуста, жестка.
Я походил тогда на бедняка:
Надеясь клад найти, глубокий ров

Он ископал среди своих садов,
Испортить не страшась гряды
цветов,
Рыл, рыл – вдруг что-то застуча-
ло – он
Вздрыгнул... предмет трудов его
найден –
Приблизился... торопится... гля-
дит:
Что ж? – перед ним гнилой ске-
лет лежит!

«Заботы вьются в сумраке ночей
Вкруг ложа мягкого, золотых ки-
стей;
У изголовья совесть-скорпион
От вежд засохших гонит сладкий
сон;
Как ветер преследует по небу
вдаль
Оторванные тучки, так печаль,
В одну и ту же с нами сев ладью,
Не отстает ни в куще, ни в бою»;
[23]
Так римский говорит поэт-муд-
рец.
Ах! Это испытал я наконец,
Отправившись, не зная сам куда,

*И с Сеною простившись навсегда!..
Ни диких гор Швейцарии снега,
Ни Рейна вдохновенные берега,
Ничем мне ум наполнить не мог-
ли,
И сердцу ничего не принесли.*

.....

.....

*Венеция! О, как прекрасна ты,
Когда, как звезды спавши с высо-
ты,
Огни по влажным улицам твоим
Скользят; и с блеском синим, зо-
лотым,
То затрепещут и погаснут вдруг,
То вновь зажгутся; там далекий
звук,
Как благодарность в злой душе,
порой
Раздастся и умрет во тьме ноч-
ной:
То песнь красавицы, с ней друг ея;
Они поют, и мчится их ладья.
Народ, теснясь на берегу, кипит.
Оттуда любопытный взор сле-
дит
Какой-нибудь красивый павильон,*

Который бегло в вóлнах отражен.
Разнообразный плеск и вёсел шум
Приводят много чувств и много
дум;
И много чудных случаев рождает
Ничем не нарушимый карнавал.

Я прихожу в гремящий маскарад,
Нарядов блеск там ослепляет
взгляд;
Здесь не узнает муж жены своей.
[24]
Какой-нибудь лукавый чичисбей,
[25]
Под маской, близ него проходит с
ней;
И муж готов божиться, что же-
на
Лежит в дому отчаянно больна...
Но если всё проник ревнивый взор

—
Тотчас кинжал решит недолгий
спор,
Хотя ненужно пролитая кровь
Уж не воротит женскую лю-
бовь!..
Так мысля, в зале тихо я блуждал
И разных лиц движенья наблю-

дал;
Но, как пустые грезы снов пу-
стых,
Чтоб рассказать, я не запомню
их.

И вижу маску: мне грозит она.
Огонь паров застольного вина
Смутил мой ум, волнуя кровь
мою.

Я домино окутался, встаю,
Открыл лицо, за тайным чуда-
ком
Стремлюсь и покидаю шумный
дом.

Быстрее ног преследуют его
Мои глаза, не помня ничего;
Вослед за ним, хотя и не хотел,
На лестницу крутую я взлетел!..

Огромные покои предо мной,
Отделаны с искусственной кра-
сой;
Сияли свечи яркие в углах,
И живопись дышала на стенах.
Ни блеск, ни сладкий аромат цве-
тов
Желаньем ускоряемых шагов
Остановить в то время не могли:

Они меня с предчувствием несли
Туда, где, на диване опустясь,
Мой незнакомец, бегом утомясь,
Сидел; уже я близко у дверей –
Вдруг – (изумление души моей
Чьи краски на земле изобразят?)
С него упал обманчивый наряд –
И женщина единственной красы
Стояла близ меня. Ее власы
Катились на волнуемую грудь
С восточной негой... я не смел дох-
нуть,
Покуда взор, весь слитый из огня,
На землю томно не упал с меня.
Ах! Он стрелой во глубь мою про-
ник!
Не выразил бы чувств моих в сей
миг
Ни ангельский, ни демонский
язык!..
Средь гор кавказских есть, слышал
я, грот,[26]
Откуда Терек молодой течет,
О скалы неприступные дробясь;
С Казбека в пропасть иногда ска-
тясь,
Отверстие лавина завалит,
Как мертвый, он на время замол-

чит...

Но лишь враждебный снег промочит он,
Быстрей его не будет аквилон;[27]
Беги сайгак от берега в тот час
И жаждающий табун – умчит он вас,
Сей ток, покрытый пеною густой,
Свободный, как чеченец, удалой:
Так и любовь, покрыта скуки льдом,
Прорвется и мучительным огнем
Должна свою разрушить колыбель,
Достигнет или не достигнет цель!..
И беден тот, кому судьбина, дав
И влюбчивый и своевольный нрав,
Позволила узнать подробно мир,
Где человек всегда гоним и сир,
Где жизнь – измен взаимных вечный ряд,
Где память о добре и зле – всё яд,
И где они, покорствуя страстям,
Приносят только сожаленье нам!

Я был любим, сам страстию пы-

лал

И много дней Мелиной обладал,
Летучих наслаждений властелин.
Из этих дён я не забыл один:
Златило утро дальний небосклон,
И запах роз с берегов был разнесен
Далеко в море; свежая волна,
Играющим лучом пробуждена,
Отзывы песни рыбаков несла...
В ладье при верной помощи весла
Неслися мы с Мелиною сам-друг,
Внимая сладкий и небрежный
звук;
За нами в блеске утренних лучей
Венеция, как пышный мавзолей
Среди песков Египта золотых,
Из волн поднявшись, озирала их.
В восторге я твердил любви слова
Подруге пламенной; моя глава,
Когда я спорить уставал с водой,
В колена ей склонялася порой.
Я счастлив был; неведомый ни-
кем,
Казалось, я покоен был совсем,
И в первый раз лишь мог о том за-
быть,
О чем грустил, не зная возвра-
тить.

Но дьявол, сокрушитель благ зем-
ных,
Блаженство нам дарит на крат-
кий миг,
Чтобы удар судьбы сразил силь-
ней,
Чтобы с жестокой тягостью сво-
ей
Несчастье унесло от жадных глаз
Всё, что ему еще завидно в нас.

Однажды (ночь на город уж легла,
Луна, как в дыме, без лучей плыла
Между сырых туманов; ветер ноч-
ной,
Багровый запад с тусклою луной –
Всё предвещало бури; но во мне
Уснули, мнилось, навсегда оне)
Я ехал к милой; радость и любовь
Мою младую волновали кровь;
Я был любим Мелиной, был бо-
гат,
Всё вокруг мне веселило слух и
взгляд:
Роптанье струй, мельканье чел-
ноков,
Сквозь окна освещение домов,
И баркаролла мирных рыбаков.

К красавице взошел я; целый дом
Был пуст и тих, как завоеван
сном;
Вот – проникаю в комнаты – и
вдруг
Я роковой вблизи услышал звук,
Звук поцелуя... праведный творец,
Зачем в сей миг мне не послал ко-
нец?
Зачем, затрепетав как средь ог-
ня,
Не выскочило сердце из меня?
Зачем, окаменевший, я опять
Движенья жизни должен был при-
нять?..

Бегу, стремлюсь, трещит – и на-
стежь дверь!..
Кидаюся, как разъяренный зверь,
В ту комнату, и быстрый шум
шагов
Мой слух мгновенно поразил – без
слов,
Схватив свечу, я в темный кори-
дор,
Где, ревностью пылая, встретил
взор
Скользящую, как некий дух ноч-

ной,
По стенам тень – дрожащею ру-
кой
Схватив кинжал, машу перед со-
бой!
И вот настиг – в минуту удержу

–
Рука... рука... хочу схватить – гля-
жу:
Недвижная, как мертвая, бледна,
Мне преграждает дерзкий путь
она!
Подъемлю злобно очи... страш-
ный вид!..
Качая головой, призрак стоит –
Кого ж я в нем встревоженный
узнал?
Мою обманутую Лору!..
...Я упал!

Печален степи вид, где без препон
Скитается летучий аквилон
И где кругом, как зорко ни смот-
ри,
Встречаете березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой:
Так жизнь скучна, когда боренья

нет;
В ней мало дел мы можем в цве-
те лет,
В минувшее проникнув, разли-
чить,
Она души не будет веселить;
Но жребий я узнал совсем иной;
Убит я не был раннею тоской...
Страстей огонь, неизлечимый яд,
Еще теперь в душе моей кипят...
И их следы узнал я в этот раз.
В беспамятстве, не открывая
глаз,
Лежал я долго; кто принес меня
Домой, не мог узнать я. День от
дня
Рассудок мой свежей и тверже
был;
Как вновь меня внезапно посетил
Томительный и пламенный недуг.
Я был при смерти. Ни единый друг
Не приходил проведать о боль-
ном...
Как часто в душном сумраке ноч-
ном
Со страхом пробегал я жизнь
мою,
Готовясь предстать пред судию;

Как часто, мучим жаждой огневой,
Я утолить ее не мог водой,
Задохшейся и теплой и гнилой;
Как часто хлеб перед лишенным сил
Черствел, хотя еще не тронут был;
И скольких слез, стараясь мужем быть,
Я должен был всю горечь проглотить!..

И долго я томился. Наконец,
Родных полей блуждающий беглец,
Я возвратился к ним. В большом саду
Однажды я задумавшись иду,
И вдруг пред мной беседка. Узнаю
Зеленый свод, где я сказал: «люблю»
Невинной Лоре (я еще об ней
Не спрашивал соседственных людей),
Но страх пустой мой ум преодолел.
Вхожу, и что ж бродящий взгляд

узрел?

– Могилу! – свежий, летний ветерок

Порою нес увялый к ней листок,
И незабудками испещрена,
Дышала сыростью и мглой она.
Не ужасом, но пасмурной тоской
Я был подавлен в миг сей роковой!
Презренье, гордость в этой тиши-
не

Старались жалость победить во
мне.

Так вот что я любил!.. Так вот о
ком

Я столько дум питал в уме мо-
ем!..

И стоило ль любить и покидать,
Чтобы странам чужим нести ка-
зат

Испорченное сердце (плод стра-
стей),

В чем недостатка нет между
людей?..

Так вот что я любил! Клянусь,
мой бог,

Ты лучшую ей участь дать не
мог;

Пресечь должна кончина бытие:

Чем раньше, тем и лучше для нее!

*И блещут, дева, незабудки над то-
бой,*

Хотя забвенья стали пеленой;

Сплела из них земля тебе венец...

Их вырастили мать и отец,

На дерн роняя слезы каждый день,

Пока туманная, ложася, тень

С холодной сладкою росой ночей,

Не освежала старых их очей...

.....

*И я умру! – но только ветр сте-
пей*

Восплачет над могилою моей!..

*Преодолеть стараясь дум борьбу,
Так я предчувствовал свою судь-
бу...*

.....

.....

И я оставил прихотливый свет,

В котором для меня веселья нет

И где раскаянье бежит от нас,

Покуда юность не оставит глаз.

Но я был стар, я многое свершил!

Поверьте: не одно лишенье сил,

Последствие толпой протекших
дней,

Браздит чело и гасит жизнь
очей!..

Я потому с досадой их кидал
На мир, что сам себя в нем прези-
рал!

Я мнил: в моем лице легко про-
честь,

Что в сей груди такое чувство
есть.

Я горд был – и не снес бы, как по-
зор,

Пытающийся, нескромный, хитрый
взор.

Как мог бы я за чашей хохотать
И яркий дар похмелья выпивать,
Когда всечасно мстительный ме-
талл

В больного сердца струны ударял?

Они меня будили в тьме ночной,
Когда и ум, как взгляд, подернут
мглою,

Чтобы нагнать еще ужасней сон;

Не уходил с зарей багровой он.

Чем боле улыбалось счастье мне,
Тем больше я терзался в глубине,

*Я счастье, казалось, привлек,
Когда его навеки отнял рок,
Когда любил в огне мучений злых
Я женщин мертвых более живых.*

*Есть сумерки души во цвете лет,
Меж радостью и горем полусвет;
Жмет сердце безотчетная тоска;
Жизнь ненавистна, но и смерть
тяжка.*

*Чтобы спастись от этой пусто-
ты,
Воспоминаньем иль игрой мечты
Умножь одну или другую ты.
Последнее мне было легче! Я
Опять бежал в далекие края;
И здесь, в сей бездне, в северных го-
рах,
Зароют мой изгнаннический прах.
Без имени в земле он должен
гнить,
Чтоб никого не мог остановить.
Так я живу. Подземный мрак и
хлад,
Однообразный стук, огни лампад
Мне нравятся. Товарищей толпу
Презреннее себя всегда я чту.
И самолюбье веселит мой нрав:*

Так рад кривой, слепого увидав!

.....

.....

И я люблю, когда немая грусть
Меня кольнет, на воздух выйти.

Пусть,

Пусть укорит меня обширный
свод,

За коим в славе восседает тот,
Кто был и есть и вечно не
прейдет;

Задумавшись, нередко я сижу
Над дикою стремниной и гляжу
В туманные поля передо мной,
Отдохшие под свежесю росой.

<.....>

Тогда, как я, воскликнешь к небе-
сам,

Ломая руки: дайте прежним
дням

Воскреснуть! Но ничто их не най-
дет,

И молодость вторично не при-
дет!..

Ах! Много чувств и мрачных и
живых

Открыть хотел бы Джюлио. Но
их

Пускай обнимет ночь, как и меня!..

*Уже в лампаде нет почти огня,
Страница кончена – и (хоть чудна)...*

С ней повесть жизни, прежде чем она

Последний сын вольности

(Повесть)

Посвящается (Н. С. Шеншину)

*Бывало, для забавы я писал,
Тревожимый младенческой мечтой;*

*Бывало, я любовью страдал,
И, с бурною пылающей душой,
Я в ветреных стихах изображал
Таинственных видений милый рой.*

*Но дни надежд ко мне не придут
вновь,*

Но изменила первая любовь!..

*И я один, один был брошен в свет,
Искал друзей – и не нашел людей;
Но ты явился: нежный твой привет*

Завязку снял с обманутых очей.

Прими ж, товарищ, дружеский
обет,
Прими же песню родины моей,
Хоть эта песнь, быть может,
милый друг, –
Оборванной струны последний
звук!..

* * *

*When shall such hero live again?
The Giaour. Byron.[28]*

Приходит осень, золотит
Венцы дубов. Трава полей
От продолжительных дождей
К земле прижалась; и бежит
Ловец напрасно по холмам:
Ему не встретит зверя там.
А если даже он найдет,
То ветер стрелы разнесет.
На льдинах ветер тот рожден,
Порывисто качает он
Сухой шиповник на берегах
Ильменя. В сизых облаках
Станицы белых журавлей
Летят на юг до лучших дней;
И чайки озера кричат
Им вслед, и вьются над водой,

И звезды ночью не блестят,
Одетые сырою мглой.

Приходит осень! Уж стада
Бегут в гостеприимну сень;
Краснея догорает день
В тумане. Пусть он никогда
Не озарит лучом своим
Густой новгородский дым,
Пусть не надуется вовек
Дыханьем теплым ветерка
Летучий парус рыбака
Над волнами славянских рек!
Увы! Пред властью чуждой
Склонилась гордая страна,
И песня вольности святой
(Какая б ни была она)
Уже забвенью предана.
Свершилось! Дерзостный варяг
Богов славянских победил;
Один неосторожный шаг
Свободный край поработил!
Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнанье дальном и глухом,
Как вольность пробудить опять;

Отчизны верные сыны
Еще надеждою полны:
Так, меж грядями темных туч,
Сквозь слезы бури, солнца луч
Увеселяет утром взор
И золотит туманы гор.

На небо дым валит столбом!
Откуда он? Там, где шумит
Поток сердитый, над холмом,
Треща, большой огонь горит,
Пестреет частый лес кругом.
На волчьих кожах, без щитов,
Сидят недвижно у огня,
Молчанье мрачное храня,
Как тени грусти, семь бойцов:
Шесть юношей, – один старик.
Они славяне! – бранный клик
Своих дружин им не слышать,
И долго, долго не видать
Им милых ближних... но они
Простились с озером родным,
Чтоб не промчались их дни
Под самовластием чужим,
Чтоб не склоняться вечно в прах,
Чтоб тени предков, из земли
Восстав, с упрёком на устах,
Тревожить сон их не пришли!..

О! Если б только Чернобог[29]
Удару мщениа помог!..
Не равная была борьба...
И вот война! И вот судьба!..

«Зачем я меч свой вынимал,
И душу веселила кровь? –
Один из юношей сказал. –
Победы мы не встретим вновь,
И наши имена покрыть
Должно забвенье, может быть;
И несвершенный подвиг наш
Изгладится в умах людей:
Так недостроенный шалаш
Разносит буйный вихрь степей!»
«О! Горе нам, – сказал другой, –
Велик, ужасен гнев богов!
Но пусть и на главу врагов
Спадет он гибельной звездой,
Пусть в битве страх обымет их,
Пускай падут от стрел своих!»

Так говорили меж собой
Изгнанники. Вот встал один...
С руками, сжатыми крестом,
И с бледным пасмурным челом,
На мглу волнистую долин
Он посмотрел, и наконец

Так молвил старику боец:
«Подобно ласке женских рук,
Смягчает горе песни звук,
Так спой же, добрый Ингелот,[30]
О чем-нибудь! О чем-нибудь
Ты спой, чтоб облегчилась грудь,
Которую тоска гнетет.
Пой для других! Моя же месть
Их детской жалобы сильнее:
Что было, будет и что есть,
Всё упадает перед ней!»
«Вадим! – старик ему в ответ, –
Зачем не для тебя?.. Иль нет!
Не надо! Что ты вверил мне,
Уснет в сердечной глубине!
Другую песню я спою:
Садись и слушай песнь мою!»

И в белых кудрях старика
Играли крылья ветерка,
И вдохновенный взор блеснул,
И песня громко раздалась.
Прерывисто она неслась,
Как битвы отдаленный гул.
Поток, вблизи холма катясь,
Срывая мох с камней и пней,
Согласовал свой ропот с ней,
И даже призраки бойцов,

Склоняясь из дымных облаков,
Внимали с высоты порой
Сей песни дикой и простой!

Песнь Ингелота[31]

Собралися люди мудрые
Вкруг постели Гостомысловой.
Смерть над ним летает коршу-
ном!

Но, махнувши слабою рукой,
Говорит он речь друзьям своим:

«Ах, вы люди новгородские!
Между вас змея-раздор шипит.
Призовите князя чуждого,
Чтоб владел он краем родины!» –
Так сказал и умер Гостомысл.

Кривичи, славяне, весь и чудь[32]
Шлют послов за море синее,
Чтобы звать князей варяжских
стран.

«Край наш славен – но порядка
нет!» –
Говорят послы князьям чужим.

Рурик, Трувор и Синав клялись[33]
Не вести дружины за собой;
Но с зарей блеснуло множество
Острых копий, белых парусов

Сквозь синеющий туман морской!..

Обманулись вы, сыны славян!
Чей белеет стан под городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!..

Тридцать юношей собираются,
Мечь в душе, в глазах отчаянье...
Ночи мгла спустилась на холмы,
Полный месяц встал, и юноши
В спящий стан врагов являются!

На щиты склонясь, варяги спят,
Луч луны играет по кудрям.
Вот струею потекла их кровь,
Гибнет враг – но что за громкий
звук?
Чье копьё ударилось о щит?

И вскочили пробужденные,
Злоба в крике и движениях!
Долго защищались юноши.
Много пало... только шесть оста-
лось...

Мир костям убитых в поле том!

Княжит Рурик в Новгороде,
В диких дебрях бродят юноши;

С ними есть один старик седой –
Он поет о родине святой,
Он поет о милой вольности!

«Ужель мы только будем петь,
Иль с безнадежием немым
На стыд отечества глядеть,
Друзья мои? – спросил Вадим. –
Клянусь, великий Чернобог,
И в первый и в последний раз:
Не буду у варяжских ног.
Иль он, иль я: один из нас
Падет! В пример другим падет!..
Молва об нем из рода в род
Пускай передает рассказ;
Но до конца вражда!» – Сказал,
И на колена он упал,
И руки сжал, и поднял взор,
И страшно взгляд его блеснул,
И темно-красный метеор
Из тучи в тучу пролетел!

И встали, и пошли они
Пустынной узкою тропой.
Курился долго дым густой
На том холме, и долго пни
Трещали в медленном огне,
Маня беспечных пастухов,
Пугая кроликов и сов

И ласточек на вышине!..

*Скользнув между вечерних туч,
На море лег кровавый луч;
И солнце пламенным щитом
Нисходит в свой подводный дом.
Одни варяжские струи,
Поднявши головы свои,
Любуясь на его закат,
Теснятся, шепчут и шумят;
И серна на крутой скале,
Чернея в отдаленной мгле,
Как дух недвижима, глядит
Туда, где небосклон горит.*

*Сегодня с этих берегов
В ладью ступило семь бойцов:
Один старик, шесть молодых!
Вадим отважный был меж них.
И белый парус понесло
Порывом ветра, и весло
Ударилось о синий вал.
И в той ладье Вадим стоял
Между изгнанников-друзей,
Подобный призраку морей!
Что думал он, о чем грустил,
Он даже старцу не открыл.
В прощальном, мутном взоре*

том
Изобразилось то, о чем
Пересказать почти нельзя.
Так удалялася ладья,
Оставляя пены белый след;
Всё мрачен в ней стоял Вадим;
Воспоминаньем прежних лет,
Быть может, витязь был то-
мим...
В какой далекий край они
Отправились, чего искать?
Кто может это рассказать?
Их нет. – Бегут толпою дни!..

На вышине скалы крутой
Растет порой цветок молодой:
И в сердце грозного бойца
Любви есть место. До конца
Он верен чувству одному,
Как верен слову своему.
Вадим любил. Кто не любил?
Кто, вечно следуя уму,
Врожденный голос заглушил?
Как моря вид, как вид степей,
Любовь дика в стране моей...

Прекрасна Леда, как звезда
На небе утреннем. Она

Свежа, как южная весна,
И, как пустынный цвет, горда.
Как песня юности, жива,
Как птица вольности, резва,
Как воспоминание детей,
Мила и грустию своей
Младая Леда. И Вадим
Любил. Но был ли он любим?..
Нет! Равнодушной Леды взор
Презренья холод оковал:
Отвергнут витязь; но с тех пор
Он всё любил, он всё страдал.
До униженья, до мольбы
Он не хотел себя склонить;
Мог презирать удар судьбы
И мог об нем не говорить.
Желал он на другой предмет
Излить огонь страстей своих;
Но память, слезы многих лет!..
Кто устоит противу них?
И рана, легкая сперва,
Была всё глубже день со днем,
И утешения слова
Встречал он с пасмурным челом.
Свобода, мщенье и любовь,
Всё вдруг в нем волновало кровь;
Старался часто Ингелот
Тревожить пыл его страстей

И полагал, что в них найдет
Он пользу родины своей.
Я не виню тебя, старик!
Ты славянин: суров и дик,
Но и под этой пеленой
Ты воспитал огонь святой!..
Когда на челноке Вадим
Помчался по волнам морским,
То показал во взоре он
Души глубокую тоску,
Но ни один прощальный стон
Он не поверил ветерку,
И не единая слеза
Не отуманила глаза.
И он покинул край родной,
Где игры детства, как могли,
Ему веселье принесли
И где лукавою толпой
Его надежды обошли,
И в мире может только месть
Опять назад его привести!

Зима сребристой пеленой
Одела горы и луга.
Князь Рурик с силой боевой
Пошел недавно на врага.
Глубоки ранние снега;
На сучьях иней. Звучный лед
Сковал поверхность гладких вод.

Стадами волки по ночам
Подходят к тихим деревням;
Трещит мороз. Шумит метель:
Вершиною качает ель.
С полнеба день на степь глядит
И за туман уйти спешит,
И путник посреди полей
Неверный тщетно ищет путь;
Ему не зреть своих друзей,
Ему холодным сном заснуть,
И должен сгнить в чужих снегах
Его непогребенный прах!..

Откуда зарево блестит?
Не град враждебный ли горит?
Тот город Руриком зажжен.
Но скоро ль возвратится он
С богатой данью? Скоро ль меч
Князь вложит в мирные ножны?
И не пора ль ему пресечь
Зловещий, буйный клик войны?

Ночь. Темен зимний небосклон.
В Новгороде глубокий сон,
И всё объято тишиной;
Лишь лай домашних псов порой
Набегом ветра принесен.
И только в хижине одной

Лучина поздняя горит;
И Леда перед ней сидит
Одна; немолчное давно
Прядет, гудёт веретено
В ее руке. Старуха мать
Над снегом вышла погадать.
И наконец она вошла:
Морщины бледного чела
И скорый, хитрый взгляд очей,
Всё ужасом дышало в ней.
В движенье судорожном рук
Видна душевная борьба.
Ужель бедой грозит судьба?
Ужели ряд жестоких мук
Искусством тайным эту ночь
В грядущем видела она?
Трепещет и не смеет дочь
Спросить. Волшебница мрачна,
Сама в себя погружена.
Пока петух не прокричал,
Старухи бред и чудный стон
Дремоту Леды прерывал,
И краткий сон был ей не в сон!..
И поутру перед окном
Приметили широкий круг,
И снег был весь истоптан в нем,
И долго в городе о том
Ходил тогда недобрый слух.

.....

.....

Шесть раз менялася луна;
Давно окончена война.
Князь Рурик и его вожди
Спокойно ждут, когда весна
Свое дыханье и дожди
Пошлет на белые снега,
Когда печальные луга
Покроют пестрые цветы,
Когда над озером кусты
Позеленеют, и струи
Заблещут пеной молодой,
И в роще Лады в час ночной
Затянут песню соловьи.
Тогда опять поднимут меч,
И кровь соседей станет течь,
И зарево, как метеор,
На тучах испугает взор.

Надеждою обольщена,
Вотще душа славян ждала
Возврата вольности: весна
Пришла, но вольность не пришла.
Их заговоры, их слова
Варяг-властитель презирал;
Все их законы, все права,
Казалось, он пренебрегал.

Своей дружиной окружен,
Перед народ являлся он;
Свои победы исчислял,
Лукавой речью убеждал!
Рука искусного льстеца
Играла глупою толпой;
И благородные сердца
Томились тайною тоской...

И праздник Лады настает:
Повсюду радость! Как весной
Из улья мчится шумный рой,
Так в рощу близкую народ
Из Новагорода идет.
Пришли. Из ветвей и цветов
Видны венки на головах,
И звучно песни в честь богов
Уж раздались на берегах
Ильменя синего. Любовь
Под тенью липовых ветвей
Скрывается от глаз людей.
С досадою, нахмуря бровь,
На игры юношей глядеть
Старик не смеет. Седина
Ему не запрещает петь
Про Диди-Ладо. Вот луна
Явилась, будто шар золотой,
Над рощей темной и густой;

Она была тиха, ясна,
Как сердце Леды в этот час...
Но отчего в четвертый раз
Князь Рурик, к липе прислонен,
С нее не сводит светлых глаз?
Какою думой занят он?
Зачем лишь этот хоровод
Его внимание влечет?..

Страшишься, невинная душа!
Страшишься! Пылкий этот взор,
Желаньем, страстию дыша,
Тебя погубит; и позор
Подавит голову твою;
Страшишься, как гибели своей,
Чтобы не молвил он: «люблю!»
Опасен яд его речей.
Нет сожаленья у князей:
Их ненависть, как их любовь,
Беду вечною грозит;
Насытит первую лишь кровь,
Вторую лишь девичий стыд.

У закоптелого окна
Сидит волшебница одна
И ждет молоденькую дочь.
Но Леды нет. Как быть? – Уж
ночь;

Сияет в облаках луна!..
Толпа проходит за толпой
Перед окном. Недвижный взгляд
Старухи полон тишиной,
И беспокойства не горят
На ледяных ее чертах;
Но тайны чудной налегло
Клеймо на бледное чело,
И вид ее вселяет страх.
Она с луны не сводит глаз.
Бежит за часом скучный час!..

И вот у двери слышен стук,
И быстро Леда входит вдруг
И падает к ее ногам:
Власы катятся по плечам,
Испугом взор ее блестит.
«Погибла! – дева говорит, –
Он вырвал у меня любовь;
Блаженства не найду я вновь...
Проклятье на него! Злодей...
Наш князь!.. Мои мольбы, мой
стон
Презрительно отвергнул он!
О! Ты о мне хоть пожалей,
Мать! Мать!.. Убей меня!..
Убей!..»

«Закон судьбы несокрушим;
Мы все ничтожны перед ним», –
Старуха отвечает ей.
И встала бедная, и тих
Отчаянный казался взор,
И удалилась. И с тех пор
Не вылетал из уст младых
Печальный ропот иль укор.

Всегда с поникшей головой,
Стыдом томима и тоской,
На отуманенный Ильмень
Смотрела Леда целый день
С береговых высоких скал.
Никто ее не узнавал:
Надеждой не дышала грудь,
Улыбки гордой больше нет,
На щеки страшно и взглянуть:
Бледны, как утра первый свет.
Она увяла в цвете лет!..

С жестокой радостью детей
Смеются девушки над ней,
И мать сердито гонит прочь;
Она одна и день и ночь.
Так колос на поле пустом,
Забит неопытным жнецом,
Стоит под бурей одинок,

И буря гнет мой колосок!..

*И раз в туманный, серый день
Пропала дева. Ночи тень
Прошла; еще заря пришла –
Но что ж? Заря не привела
Домой красавицу мою.
Никто не знал во всем краю,
Куда сокрылася она;
И смерть, как жизнь ее, темна!..*

*Жалели юноши об ней,
Проклятья тайные неслись
К властителю; ах! Не нашлись
В их душах чувства прежних дней,
Когда за отнятую честь
Мечом бойца платила месть.
Но на земле еще была
Одна рука, чтоб отомстить,
И было сердце, где убить
Любви чужбина не могла!..*

*Пока надежды слабой свет
Не вовсе тучами одет,
Пока невольная слеза
Еще пытается глаза
Коварной влагой омочить,
Пока мы можем позабыть*

Хоть вполонину, хоть на миг
Измены, страсти лет былых,
Как мы любили в те года,
Как сердце билося тогда,
Пока мы можем как-нибудь
От страшной цели отвернуть
Не вовсе углубленный ум,
Как много ядовитых дум
Боятся потревожить нас! –
Но есть неизбежный час...
И поздно или рано он
Разрушит жизни сладкий сон,
Завесу с прошлого стащит
И всё в грядущем отравит;
Осветит бездну пустоты,
И нас (хоть будет тяжело)
Презреть заставит, нам на зло,
Правдоподобные мечты;
И с этих пор иной обман
Душевных не излечит ран!
Высокий дуб, краса холмов,
Перед явлением снегов
Роняет лист, но вновь весной
Покрыт короной листвоной,
И, зеленея, в жаркий день
Прохладную он стелет тень,
И буря вокруг него шумит,
Но великана не свалит;

Когда же пламень громовой
Могучий корень опалит,
То листьев свежую толпой
Он не оденется вовек...
Ему подобен человек!..

Свetaет – побелел восход
И озарил вершины гор,
И стал синеть безмолвный бор.
На зеркало недвижных вод
Ложится тень от берегов;
И над болотом, меж кустов,
Огни блудящие спешат
Укрыться от дневных огней;
И птицы озера шумят
Между уютных камышей.
Летит в пустыню черный вран,
И в чашу кроется теперь
С каким-то страхом дикий зверь.
Грядой волнистою туман
Встает между зубчатых скал,
Куда никто не проникал,
Где камни темной пеленой
Уныло кроет мох сырой!..

Взошла заря – Зачем? Зачем?
Она одно осветит всем:
Она осветит бездну тьмы,
Где гибнем невозвратно мы;

Потери новые людей
Она лукаво озарит,
И сердце каждое лишит
Всех удовольствий прежних дней,
И сожаленья не возьмет,
И вспоминанья не убьет!..

Два путника лесной тропой
Идут под утреннюю мглой
К ущелиям славянских гор:
Заря их привлекает взор,
Играя меж ветвей густых
Берез и сосен вековых.
Один еще во цвете лет,
Другой, старик, и худ и сед.
На них одежды чуждых стран.
На младшем с стрелами колчан
И лук, и ржавчиной покрыт
Его шишак, и меч звенит
На нем, тяжелых мук бразды
И битв давнишние следы
Хранит его чело, но взгляд
И все движенья говорят,
Что не погас огонь святой
Под сей кольчугой боевой...
Их вид суров, и шаг их скор,
И полон грусти разговор:

«Прошу тебя, не уменьшай
Восторг души моей! Опять
Я здесь, опять родимый край
Сужден изгнанника принять;
Опять, как алая заря,
Надежда веселит меня;
И я увижу милый кров,
Где длился пир моих отцов,
Где я мечом играть любил,
Хоть меч был свыше детских сил.
Там вырос я, там защищал
Своих богов, свои права,
Там за свободу я бы пал,
Когда бы не твои слова.
Старик! Где ж замыслы твои?
Ты зрел ли, как легли в крови
Сыны свободные славян
На берегу далеких стран?
Чужой народ нам не помог,
Он принял правду за предлог,
Гостей врагами почитал.
Старик! Старик! Кто б отгадал,
Что прах друзей моих уснет
В земле безвестной и чужой,
Что под небесной синевой
Один Вадим да Ингелот
На сердце будут сохранять
Старинной вольности любовь,

Что им одним лишь увидеть
Дано свою отчизну вновь?..
Но что ж?.. Быть может, наша
весть
Не извлечет слезы из глаз,
Которые увидят нас,
Быть может, праведную месть
Судьба обманет в третий раз!..» –
Так юный воин говорил,
И влажный взор его бродил
По диким соснам и камням
И по туманным небесам.
«Пусть так! – старик ему в от-
вет, –
Но через много, много лет
Всё будет славиться Вадим;
И грозным именем твоим
Народы устрашат князей,
Как тенью вольности своей.
И скажут: он за милый край,
Не размышляя, пролил кровь,
Он презрел счастье и любовь...
Дивись ему – и подражай!»
С улыбкой горькою боец
Спешил от старца отвернуть
Свои глаза: младую грудь
Печаль давила, как свинец;
Он вспомнил о любви своей,

Невольное сердце потряслось,
И всё волнение страстей
Из бледных уст бы излилось,
Когда бы не боялся он,
Что вместо речи только стон
Молчанье возмутит кругом;
И он, поникнувши челом,
Шаги приметно ускорял
И спутнику не отвечал.

Идут – и видят вдруг курган
Сквозь синий утренний туман;
Шиповник и репей кругом,
И что-то белое на нем
Недвижимо в траве лежит.
И дикий коршун тут сидит,
Как дух лесов, на пне большом –
То отлетит, то подлетит;
И вдруг, приметив меж дерев
Вдали нежданных пришлецов,
Он приподнялся на ногах,
Махнул крылом и полетел,
И, уменьшаясь в облаках,
Как лодка на море, чернел!..

На том холме в траве густой
Бездушный, хладный труп лежал,
Одетый белой пеленой;

Пустыни ветер ее срывал,
Кудрями длинными играл,
И даже не боялся дуть
На эту девственную грудь,
Которая была белей,
Была нежней и холодней,
Чем снег зимы. Закрытый взгляд
Жестокой смертью объят,
И несравненная рука
Уж посинела и жестка...

И к мертвой подошел Вадим...
Но что за перемена с ним?—
Затрясся, побледнел, упал...
И раздался меж ближних скал
Какой-то длинный крик иль
стон...
Похож был на последний он!
И кто бы крик сей услышал,
Наверно б сам в себе сказал,
Что сердца лучшая струна
В минуту эту порвана!..
О! Если бы одна любовь
В душе у витязя жила,
То он бы не очнулся вновь;
Но месть любовь превозмогла.
Он долго на земле лежал
И странные слова шептал,

И только мог понять старик,
Что то родной его язык.
И наконец страдалец встал.
«Не всё ль я вынес? – он сказал, –
О, Ингелот! Любил ли ты?
Взгляни на бледные черты
Умершей Леды... посмотри...
Скажи... иль нет! Не говори...
Свершилось! Я на месть иду,
Я в мире ничего не жду:
Здесь я нашел, здесь погубил
Всё, что искал, всё, что любил!..»
И меч спешит он обнажить
И начал им могилу рыть.
Старик невольно испустил
Тяжелый сожаленья вздох,
И безнадежному помог.
Готов уж смерти тесный дом,
И дерн готов, и камень тут;
И бедной Леды труп кладут
В сырую яму... И потом
Ее засыпали землей,
И дерн покрыл ее сырой,
И камень положен над ним.
Без дум, без трепета, без слез
Последний долг свершил Вадим,
И этот день, как легкий дым,
Надежду и любовь унес.

Он стал на свете сирота.
Душа его была пуста.
Он сел на камень гробовой
И по челу провел рукой;
Но грусть – ужасный властелин:
С чела не сгладил он морщин!
Но сердце билось опять –
И он не мог его унять!..

«Девица! Мир твоим костям! –
Промолвил тихо Ингелот, –
Одна лишь цель богами нам
Дана – и каждый к ней придет,
И жалок, и безумец тот,
Кто ропщет на закон судьбы:
К чему? – мы все его рабы!»

И оба встали и пошли,
И скрылись в голубой дали!..

.....

Горит на небе ясный день,
Бегут золотые облака,
Синеет быстрая река,
И ровен, как стекло, Ильмень.
Из Новагорода народ
Тесняся на берег идет.
Там есть возвышенный курган;

На нем священный истукан,
Изображая бога битв,
Белеет издали. Предмет
Благодарений и молитв,
Стоит он здесь уж много лет;
Но лишь недавно князь пред ним
Склонен с почетом немьм.
Толпой варягов окружен,
На жертву предлагает он
Добычу счастливой войны.
Песнь раздалась в честь богов;
И груди пышные даров
На холм святой положены!..

Рассыпались толпы людей;
Зажглися пни, и пир шумит,
И Рурик весело сидит
Между седых своих вождей!..
Но что за крик? Откуда он?
Кто этот воин молодой?
Кто Рурика зовет на бой?
Кто для погибели рожден?..
В своем заржавом шишаке
Предстал Вадим – булат в руке,
Как змеи кудри на плечах,
Отчаянье и месть в очах.
«Варяг! – сказал он, – выходи!
Свободное в моей груди

Трепещет сердце... испытай,
Сверши злодейство до конца;
Паденье одного бойца
Не может погубить мой край:
И так уж он у ног чужих,
Забыв победы дней былых!..
Новгородцы! Обо мне
Не плачьте... я родной стране
И жизнь и счастье принес...
Не требует свобода слез!»

И он мечом своим взмахнул, –
И меч как молния сверкнул;
И речь все души потрясла,
Но пробудить их не могла!..
Вскочил надменный буйный князь
И мрачно также вынул меч,
Известный в буре грозных сеч;
Вскочил – и битва началась.
Кипя, с оружием своим,
На князя кинулся Вадим;
Так, над пучиной бурных вод
На легкий челн бежит волна –
И сразу лодку разобьет
Или сама раздроблена.

И долго билися они,
И долго ожиданья страх

Блестел у зрителей в глазах, –
Но витязя молодого дни
Уж сочтены на небесах!..

Дружины радостно шумят,
И бросил князь довольный взгляд:
Над непреклонной головой
Удар спустился роковой.
Вадим на землю тихо пал,
Не посмотрел, не простонал.
Он пал в крови, и пал один –
Последний вольный славянин!

* * *

Когда росистой ночи мгла
На холмы темные легла,
Когда на небе чередой
Являлись звезды и луной
Сребрилась в озере струя,
Через туманные поля
Охотник поздний проходил
И вот что после говорил,
Сидя с женой, между друзей,
Перед лачугою своей:
«Мне чудилось, что за холмом,
Согнувшись, человек стоял,
С трудом кого-то поднимал:
Власы белели над челом;

*И, что-то на плеча взвалив,
Пошел – и показалось мне,
Что труп чернелся на спине
У старика. Поворотив
С своей дороги, при луне
Я видел: в недалекий лес
Спешил с своею ношей он,
И наконец совсем исчез,
Как перед утром лживый сон!..»*

*Над озером видал ли ты,
Жилец простой окрестных сел,
Скалу огромной высоты,
У ног ее зеленый дол?
Уныло желтые цветы
Да можжевельника кусты,
Забыты ветрами, растут
В тени сырой. Два камня тут,
Увявши в землю, из травы
Являют серые главы:
Под ними спит последним сном,
С своим мечом, с своим щитом,
Забыв славянскою страной,
Свободы витязь молодой.*

*A tale of the times of old!..
The deeds of days of other years!..[34]*

Каллы[35]

*'T is the clime of the East; 't is the land of
the Sun –
Can he smile on such deeds as his children
have done?
Oh! Wild as the accents of lovers' farewell
Are the hearts which they bear, and the
tales which they tell.
The Bride of Abydos. Byron.[36]*

Черкесская повесть

*«Теперь настал урочный час,
И тайну я тебе открою.
Мои советы – божий глас;
Клянись им следовать душою.
Узнай: ты чудом сохранен
От рук убийц окровавленных,
Чтоб неба оправдать закон
И отомстить за побежденных;
И не тебе принадлежат
Твои часы, твои мгновенья;
Ты на земле орудье мщенья,
Палач, – а жертва Акбулат!
Отец твой, мать твоя и брат,
От рук злодея погибая,
Молили небо об одном:
Чтоб хоть одна рука родная*

За них разведалась с врагом!
Старайся быть суров и мрачен,
Забудь о жалости пустой;
На грозный подвиг ты назначен
Законом, клятвой и судьбой.
За все минувшие злодеяния
Из обреченного семейства
Ты никого не пощади;
Ударил час их истребленья!
Возьми ж мои благословенья,
Кинжал булатный – и поди!»
Так говорил мулла жестокий,
И кабардинец черноокий
Безмолвно, чистя свой кинжал,
Уроку мщенья внимал.
Он молод сердцем и годами,
Но, чуждый страха, он готов
Обычай дедов и отцов
Исполнить свято над врагами;
Он поклялся – своей рукой
Их погубить во тьме ночной.

Уж день погас. Угрюмо бродит
Аджи вокруг сакли... и давно
В горах всё тихо и темно;
Луна, как желтое пятно,
Из тучки в тучку переходит,
И ветер свищет и гудёт.
Как призрак, юноша идет

Теперь к заветному порогу;
Кинжал из кожаных ножен
Уж вынимает понемногу...
И вдруг дыханье слышит он!
Аджи недолго рассуждает;
Врагу заснувшему он в грудь
Кинжал без промаха вонзает
И в ней спешит перевернуть.
Кому убийцей быть судьбина
Велит – тот будь им до конца;
Один погиб, но с кровью сына
Смешать он должен кровь отца.
Пред ним старик: власы седые!
Черты открытого лица
Спокойны, и усы большие
Уста закрыли бахромой!
И для молитвы сжаты руки!
Зачем ты взор потупил свой,
Аджи? Ты мщенья слышишь зву-
ки!
Ты слышишь!.. То отец родной!
И с ложа вниз, окровавленный,
Свалился медленно старик,
И стал ужасен бледный лик,
Лобзаньем смерти искаженный;
Взглянул убийца молодой...
И жертвы ищет он другой!
Обшарил стены он, чуть дышит,

Но не встре<чает> ничего –
И только сердца своего
Биенье трепетное слышит.
Ужели все погибли? Нет!
Ведь дочь была у Акбулата!
И ждет ее в семнадцать лет
Судьба отца и участь брата...
И вот луны дрожащий свет
Проникнул в саклю, озаряя
Два трупа на полу сыром
И ложе, где роскошным сном
Спала девица молодая.

Мила, как сонный херувим,
Перед убийцею своим
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала; только сон мятежный,
Волнуя девственную грудь,
Мешал свободно ей вздохнуть.
Однажды, полные томленья,
Открылись черные глаза,
И, тайный признак упоенья,
Блистала ярко в них слеза;
Но испугавшись мрака ночи,
Мгновенно вновь закрылись очи...
Увы! Их радость и любовь
И слезы не откроют вновь!
И он смотрел. И в думах тонет
Его душа. Проходит час.

Чей это стон? Кто так просто-
нет, –
И не последний в жизни раз?
Кто, услышав такие звуки,
До гроба может их забыть?
О, как не трудно различить
От крика смерти – голос муки!

Сидит мулла среди ковров,
Добытых в Персии счастливой,
В дыму табачных облаков
Кальян свой курит он лениво;[37]
Вдруг слышен быстрый шум ша-
гов.

В крови, с зловещими очами,
Аджи вбегает молодой;
В одной руке кинжал, в другой...
Зачем он с женскими власами
Пришел? И что тебе, мулла,
Подарок с женского чела?
«О, как верны мои удары! –
Ужасным голосом сказал
Аджи, – смотри! Узнал ли, ста-
рый?»
«Ну что же?» – «Вот что!» – и
кинжал
В груди бесчувственной торчал...
На вышине горы священной,

Вечерним солнцем озаренной,
Как одинокий часовой,
Белеет памятник простой:
Какой-то столбик округленный!
Чалмы подобие на нем;[38]
Шиповник стелется кругом;
Оттуда синие пустыни
И гребни самых дальних гор, –
Свободы вечные твердыни, –
Пришельца открывает взор.
Забывши мир, и им забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Под этим камнем спит мулла,
И вместе с ним его дела.
Другого любит без боязни
Его любимая жена,
И не боится тайной казни
От злобной ревности она!..

И в это время слух промчался
(Гласит преданье), что в горах
Безвестный странник показался,
Опасный в мире и боях;
Как дикий зверь, людей чуждался,
И женщин он ласкать не мог!

<.....>

Хранил он вечное молчанье,
Но не затем, чтоб подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье;

И он лишь знает, почему
Каллы́ ужасное прозванье
В горах осталось ему.

<Азраил>

(Речка, кругом широкие долины, курган, на берегу издохший конь лежит близ кургана, и вороны летают над ним. Всё дико).

Азраил (сидит на кургане)

Дождуся здесь; мне не жестка
Земля кургана. Ветер дует,
Серебряный ковыль волнует
И быстро гонит облака.
Кругом всё дико и бесплодно.
Издохший конь передо мной
Лежит, и коршуны свободно
Добычу делят меж собой.
Уж хладные белеют кости,
И скоро пир кровавый свой
Незваные оставят гости.
Так точно и в душе моей:
Всё пусто, лишь одно мученье
Грызет ее с давнишних дней
И гонит прочь отдохновенье;
Но никогда не устает
Его отчаянная злоба,

И в темной, темной келье гроба
Оно вовеки не уснет.
Всё умирает, всё проходит.
Гляжу, за веком век уводит
Толпы народов и миров
И с ними вместе исчезает.
Но дух мой гибели не знает;
Живу один среди мертвецов,
Законом общим позабытый,
С своими чувствами в борьбе,
С душой, страданьями облитой,
Не зная равного себе.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной,
Я всё мгновенное люблю,
Утрата мучит грудь мою.
И я бессмертен, и за что же!
Чем, чем возможно заслужить
Такую пытку? Боже, боже!
Хотя бы мог я не любить!

Она придет сюда, я обниму
Красавицу и грудь к груди при-
жму,
У сердца сердце будет горячей;
Уста к устам чем ближе, тем
сильней
Немая речь любви. Я расскажу

Ей всё и мир и вечность покажу;
Она слезу уронит надо мной,
Смягчит творца молитвой молодой,
Поймет меня, поймет мои мечты
И скажет: как велик, как жалок ты.
Сей речи звук мне будет жизни звук
И этот час последний долгих мук.
Клянусь воспоминание об нем
Глубоко в сердце схоронить моем.
Хотя бы на меня восстал весь ад.
Тот угол, где я спрячу этот клад,
Не осквернит ни ропот, ни упрек,
Ни месть, ни зависть; пусть свирепый рок
Сбирает тучи, пусть моя звезда
В тумане вечном тонет навсегда,
Я не боюсь; есть сердце у меня
Надменное и полное огня,
Есть в нем любви ее святой залог,
Последнего ж не отнимает бог.

Но слышен звук шагов, она, она.
Но для чего печальна и бледна?

*Венок пестреет над ее челом,
Играет солнце медленным лучом
На белых персях, на ее кудрях –
Идет. Ужель меня тревожит
страх?*

(Дева входит, цветы в руках и на голове, в белом платье, крест на груди у нее).

Дева

*Ветер гудёт,
Месяц плывет,
Девушка плачет,
Милый в чужбину скачет.
Ни дева, ни ветер
Не замолкнут;
Месяц погаснет,
Милый изменит.*

Прочь печальная песня. Я опоздала, Азраил. Так ли тебя зовут, мой друг? *(Садится рядом).*

Азраил. Что до названия? Зови меня твоим любезным, пускай твоя любовь заменит мне имя, я никогда не желал бы иметь другого. Зови, как хочешь, смерть – уничтожением, гибелью, покоем, тлением, сном – она всё равно поглотит свои жертвы.

Дева. Полно с такими черными мыслями.

Азраил. Так, моя любовь чиста, как голубь, но она хранится в мрачном месте, которое темнеет с вечностью.

Дева. Кто ты?

Азраил. Изгнанник, существо сильное и побежденное. Зачем ты хочешь знать?

Дева. Что с тобою? Ты побледнел приметно; дрожь пробежала по твоим членам, твои веки опустились к земле. Милый, ты становишься страшен.

Азраил. Не бойся, всё опять прошло.

Дева. О, я тебя люблю, люблю больше блаженства. Ты помнишь, когда мы встретились, я покраснела; ты прижал меня к себе, мне было так хорошо, так тепло у груди твоей. С тех пор моя душа с твоей одно. Ты несчастлив, вверь мне свою печаль, кто ты? Откуда? Ангел? Демон?

Азраил. Ни то, ни другое.

Дева. Расскажи мне твою повесть; если ты потребуешь слез, у меня они есть; если потребуешь ласки, то я удушю тебя моими; если потребуешь помощи, о возьми всё, что я имею, возьми мое сердце и приложи его к язве, тер-

зающей твою душу; моя любовь сожжет этого червя, который гнездится в ней. Расскажи мне твою повесть!

Азраил. Слушай, не ужасайся, склонись к моему плечу, сбрось эти цветы, твои губы душистее. Пускай эти гвоздики, фиалки унесет ближний поток, как некогда время унесет твою собственную красоту. Как, ужели эта мысль ужасна, ужели в столько столетий люди не могли к ней привыкнуть, ужели никто не может пользоваться всею опытностью предшественников? О люди! Вы жалки, но со всем тем я сменял бы мое вечное существование на мгновенную искру жизни человеческой, чтобы чувствовать хотя всё то же, что теперь чувствую, но иметь надежду когда-нибудь позабыть, что я жил и мыслил. Слушай же мою повесть.

*Когда еще ряды светил
Земли не знали меж собой,
В те годы я уж в мире был,
Смотрел очами и душой,
Молился, действовал, любил.
И не один я сотворен,
Нас было много; чудный край
Мы населяли, только он,*

Как ваш давно забытый рай,
Был преступленьем осквернен.
Я власть великую имел,
Летал, как мысль, куда хотел,
Мог звезды навещать порой
И любоваться их красотой
Вблизи, не утомляя взор;
Как перелетный метеор,
Я мог исчезнуть и блеснуть
Везде мне был свободный путь.

Я часто ангелов видал
И громким песням их внимал,
Когда в багряных облаках
Они, качаясь на крылах,
Все вместе славили творца,
И не было хвалам конца.
Я им завидовал: они
Беспечно проводили дни,
Не знали тайных беспокойств,
Душевных болей и расстройств,
Волнения враждебных дум
И горьких слез; их светлый ум
Безвестной цели не искал,
Любовью грешной не страдал,
Не знал пристрастия к вещам,
Он весь был отдан небесам.
Но я, блуждая много лет,

Искал чего, быть может, нет:
Творенье, сходное со мной,
Хотя бы мукою одной.
И начал громко я роптать,
Мое рождение проклиная,
И говорил: всесильный бог,
Ты знать про будущее мог,
Зачем же сотворил меня?
Желанье глупое храня,
Везде искать мне суждено
Призрак, видение одно.
Ужели мил тебе мой стон?
И если я уж сотворен,
Чтобы игрушкою служить,
Душой бессмертной, может
быть,
Зачем меня ты одарил?
Зачем я верил и любил?

И наказание в ответ
Упало на главу мою.
О, не скажу какое, нет!
Твою беспечность не убью,
Не дам понятия о том,
Что лишь с возвышенным умом
И с непреклонною душой
Изведать велено судьбой.
Чем дольше мука тяготит,

Тем глубже рана от нее;
Обливши смертью бытие,
Она опять его живит.
И эта жизнь пуста, мрачна,
Как пропасть, где не знают дна:
Глотая всё, добро и зло,
Не наполняется она.
Взгляни на бледное чело,
Приметь морщин печальный ряд,
Неровный ход моих речей,
Мой горький смех, мой дикий
взгляд
При вспоминанье прошлых дней,
И если тотчас не прочтешь
Ты ясно всех моих страстей,
То вечно, вечно не поймешь
Того, кто за безумный сон,
За миг столетьями казнен.

Я пережил звезду свою;
Как дым рассыпалась она,
Рукой творца раздроблена;
Но смерти верной на краю,
Взирая на погибший мир,
Я жил один, забыт и сир.
По беспредельности небес
Блуждал я много, много лет
И зрел, как старый мир исчез

И как родился новый свет;
И страсти первые людей
Не скрылись от моих очей.
И ныне я живу меж вас,
Бессмертный смертную люблю.
И с трепетом свиданья час,
Как пылкий юноша, ловлю.
Когда же род людей пройдет
И землю вечность разобьет,
Услышав грозную трубу,
Я в новый удалюся мир
И стану там, как прежде сир,
Свою оплакивать судьбу.

Вот повесть чудная моя;
Поверь иль нет, мне всё равно –
Доверчивое сердце я
Привык не находить давно;
Однако ж я молю: поверь
И тем тоску мою умерь.
Никто не мог тебя любить
Так пламенно, как я теперь.
Что сердце попусту язвить,
Зачем вдвойне его казнить?
Но нет, ты плачешь. Я любим,
Хоть только существом одним,
Хоть в первый и последний раз.
Мой ум светлей отныне стал,

*И, признаюсь, лишь в этот час
Я умереть бы не желал.*

*

Дева. Я тебя не понимаю, Азраил, ты говоришь так темно. Ты видел другой мир, где ж он? В нашем законе ничего не сказано о людях, живших прежде нас.

Азраил. Потому что закон Моисея не существовал прежде земли.

Дева. Полно, ты меня хочешь только испугать.

Азраил *(бледнеет)*.

Дева. Я пришла сюда, чтобы с тобой проститься, мой милый. Моя мать говорит, что покамест это должно, я иду замуж. Мой жених славный воин, его шлем блестит, как жар, и меч его опаснее молнии.

Азраил. Вот женщина! Она обнимает одного и отдает свое сердце другому!

Дева. Что сказал ты? О, не сердись.

Азраил. Я не сержусь, *(горько)* и за что сердиться?

Ангел смерти

Восточная повесть

Посвящается А. М. В.

Тебе – тебе мой дар смиренный,
Мой труд безвестный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньем и – тобой!

Я дни мои влачу, тоскуя
И в сердце образ твой храня,
Но об одном тебя прошу я:
Будь ангел смерти для меня.

Явись мне в грозный час страда-
нья,
И поцелуй пусть будет твой
Залогом близкого свиданья
В стране любви, в стране другой!

*Златой Восток, страна чудес,
Страна любви и сладострастья,
Где блещет роза – дочь небес,
Где всё обильно, кроме счастья;
Где чище катится река,
Вольнее мчатся облака,
Пышнее вечер догорает,*

И мир всю прелесть сохраняет
Тех дней, когда печатью зла
Душа людей, по воле рока,
Не обесславлена была,
Люблю тебя, страна Востока!
Кто знал тебя, тот забывал
Свою отчизну; кто видал
Твоих красавиц, не забудет
Надменный пламень их очей
И без сомненья верить будет
Печальной повести моей.

Есть ангел смерти; в грозный час
Последних мук и расставанья
Он крепко обнимает нас,
Но холодны его лобзанья,
И страшен вид его для глаз
Бессильной жертвы; и невольно
Он заставляет трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Последний вздох ему отдать.
Но прежде людям эти встречи
Казались – сладостный удел.
Он знал таинственные речи,
Он взором утешать умел,
И бурные смирял он страсти,
И было у него во власти
Больную душу как-нибудь

На миг надеждой обмануть!

*Равно во все края вселенной
Являлся ангел молодой;
На всё, что только прах земной,
Глядел с презрением нетленный;
Его приход благословенный
Дышал небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Как полуночная звезда,
Манил он смертных иногда,
И провожал он к дверям рая
Толпы освобожденных душ,
И сам был счастлив. Почему ж
Теперь томит его объятье,
И поцелуй его – проклятье?*

.....

*Недалеко от берегов
И волн ревущих океана,
Под жарким небом Индостана
Синеет длинный ряд холмов.
Последний холм высок и страшен,
Скалами серыми украшен
И вдался в море; и на нем
Орлы да коршуны гнездятся,
И рыбаки к нему боятся
Подъехать в сумраке ночном.*

Прикрыта дикими кустами,
На нем пещера есть одна –
Жилище змей – холодна, темна,
Как ум, обманутый мечтами,
Как жизнь, которой цели нет,
Как недосказанный очами
Убийцы хитрого привет.
Ее лампада – месяц полный,
С ней говорят морские волны,
И у отверстия стоят
Сторожевые пальмы в ряд.

Давным-давно в ней жил изгнан-
ник,
Пришелец, юный Зораим.
Он на земле был только стран-
ник,
Людьми и небом был гоним.
Он мог быть счастлив, но бла-
женства
Искал в забавах он пустых,
Искал он в людях совершенства,
А сам – сам не был лучше их;
Искал великого в ничтожном,
Страшась надеяться, жалел
О том, что было счастьем лож-
ным,
И, став без пользы осторожным,

Поверить никому не смел.
Любил он ночь, свободу, горы,
И всё в природе – и людей, –
Но избегал их. С ранних дней
К презрению приучил он взоры,
Но сердца пылкого не мог
Заставить так же охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она – хоть презрена – всё бог.
Одно сокровище, святыню
Имел под небесами он;
С ним раем почитал пустыню...
Но что ж? Всегда ли верен сон?..

На гордых высотах Ливана
Растет могильный кипарис,
И ветви плюща обвились
Вокруг его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумит
И сломит кипарис высокой, –
Вкруг кипариса плющ обвит:
Он не погибнет одиноко!..
Так, миру чуждый, Зораим
Не вовсе беден – Ада с ним!
Она резва, как лань степная,
Мила, как цвет душистый рая;
Всё страстно в ней: и грудь, и
стан,

Глаза – два солнца южных стран.
И деве было всё забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанник бледный, величавый,
С холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье
Огонь в очах его родить
И в мертвом сердце возбудить
Любви безумное страданье,
И удалось ей. Зораим
Любил – с тех пор, как был лю-
бим;
Судьбина их соединила,
А разлучит – одна могила!

На синих небесах луна
С звездами дальними сияет,
Лучом в пещеру ударяет;
И беспокойная волна,
Ночной прохладой полна,
Утес, белея, обнимает.
Я помню – в этот самый час
Обыкновенно нежный глас,
Сопровождаемый игрою,
Звучал, теряясь за горою:
Он из пещеры выходил.
Какой же демон эти звуки
Волшебной властью усыпил?..

Почти без чувств, без дум, без сил,
Лежит на ложе смертной муки
Младая Ада. Ветерок
Не освежит ее ланиты,
И томный взор полуоткрытый
Напрасно смотрит на восток,
И утра ждет она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будет там,
Где солнца уж не нужно нам.
У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораим
Стоит – коленопреклоненный,
Тоской отчаянья томим.
В руке изгнанника белеет
Девуцы хладная рука,
И жизни жар ее не греет.
«Но смерть, – он мыслит, – не
близка!
Рука – не жизнь; болезнь простая
–
Всё не кончина роковая!»
Так иногда надежды свет
Являет то, чего уж нет;
И нам хотя не остается
Для утешенья ничего,
Она над сердцем все смеется,

Не исчезая из него.

В то время смерти ангел нежный
Летел чрез южный небосклон;
Вдруг слышит ропот он мятеж-
ный,

И плач любви – и слабый стон,
И, быстрый как полет мгновенья,
К пещере подлетает он.

Тоску последнего мученья
Дух смерти усладить хотел
И на устах покорной Ады
Свой поцелуй напечатлел:
Он дать не мог другой отрады!
Или, быть может, Зораим
Еще замечен не был им...

Но скоро при огне лампы
Недвижный, мутный встретив
взор,

Он в нем прочел себе укор;
И ангел смерти сожаленье
В душе почувствовал святой.
Скажу ли? – даже в преступленье
Он обвинял себя порой.

Он отнял всё у Зораима:
Одна была лишь им любима,
Его любовь была сильнее
Всех дум и всех других страстей.

И он не плакал, – но понятно
По цвету бледному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерял он невозвратно.
И ангел знал, – и как не знать?
Что безнадежности печать
В спокойном холоде молчанья,
Что легче плакать, чем стра-
дать
Без всяких признаков страданья.

И ангел мыслью поражен,
Достоиную небес: желает
Вознаградить страдальца он.
Ужель создатель запрещает
Несчастных утешать людей?
И девы труп он оживляет
Душою ангельской своей.
И, чудо! Кровь в груди остылой
Опять волнуется, кипит;
И взор, волшебной полон силой,
В тени ресниц ее горит.
Так ангел смерти съединился
Со всем, чем только жизнь мила;
Но ум границам подчинился,
И власть – не та уж, как была,
И только в памяти туманной
Хранит он думы прежних лет;

Их появленье Аде странно,
Как ночью метеора свет,
И ей смешна ее беспечность,
И ей грядущее темно,
И чувства, вечные как вечность,
Соединились все в одно.
Желаньям друга посвятила
Она все радости свои,
Как будто смерть и не гасила
В невинном сердце жар любви!..

Однажды на скале прибрежной,
Внимая плеск волны морской,
Задумчив, рядом с Адой нежной,
Сидел изгнанник молодой.
Лучи вечерние златили
Широкий синий океан,
И видно было сквозь туман,
Как паруса вдали бродили.
Большие черные глаза
На друга дева устремляла,
Но в диком сердце бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой рассеянные взгляды
На красный запад он кидал
И вдруг, взяв тихо руку Ады
И обратившись к ней, сказал:
«Нет! Не могу в пустыне доле

Однообразно дни влачить;
Я волен – но душа в неволе:
Ей должно цепи раздробить...
Что жизнь? – давай мне чашу сла-
вы,
Хотя бы в ней был смертный яд,
Я не вздрогну – я выпить рад:
Не все ль блаженства – лишь
отравы?
Когда-нибудь всё должен я
Оставить ношу бытия...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
И мне покойну быть? – о нет!..
Взгляни: за этими горами
С могучим войском под шатрами
Стоят два грозные царя;
И завтра, только что заря
Успеет в облаках проснуться,
Труба войны и звук мечей
В пустыне нашей раздадутся.
И к одному из тех царей
Идти как воин я решился.
Но ты не жди, чтоб возвратился
Я побежденным. Нет, скорей
Волна, гонимая волнами

По бесконечности морей,
В приют родимых камышей
Воротится. Но если с нами
Победа будет, я принесу
Клянусь тебе жемчуг и золото,
Себе одну оставляю честь...
И буду счастлив, и тогда-то
Мы заживем с тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройский меч не презирала,
Но если б даже ты желала...
Мой друг, я должен видеть кровь!
Верь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слепой.
Как? Ты бледнеешь?.. Слезы? Сле-
зы?
Об чем же плакать, ангел мой?»
И ангел-дева отвечает:
«Видал ли ты, как отражает
Ручей склонившийся цветок?
Когда вода не шевелится,
Он неподвижно в ней глядится,
Но если свежий ветерок
Волну зеленую встревожит
И всколебается волна,
Ужели тень цветочка может
Не колебаться, как она?
Мою судьбу с твоей судьбою

Соединил так точно рок,
Волна – твой образ, мой – цветок.
Ты грустен, – я грустна с тобою!
Как знать? – быть может, этот
час
Последний счастливый для нас!..»

Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?
Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернят.
Цветок измятый обагрится
Их кровью, и стрела промчится
На место птицы в небесах,
И солнце отуманит прах.
Крик победивших, стон сражен-
ных
Принудят мирных соловьев
Искать в пределах отдаленных
Иных долин, других кустов,
Где красный день, как ночь, споко-
ен,
Где их царицу, их любовь,
Не стопчет розу мрачный воин
И обагрить не может кровь.

Чу!.. Топот... Пыль клубится ту-
чей,

И вот звучит труба войны,
И первый свист стрелы летучей
Раздался с каждой стороны!
Новорожденное светило
С лазурной неба вышины
Кровавым блеском озарило
Доспехи ратные бойцов.
Меж тем войска еще сходились
Всё ближе... ближе – и сразились;
И треску копий и щитов,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье – царь в душах людей
И удивления сильней.

Была ужасна эта встреча,
Подобно встрече двух громов
В грозу меж дымных облаков.
С успехом равным длилась сеча,
И всё теснилось. Кровь рекой
Лилась везде, мечи блистали,
Как тени знамена блуждали
Над каждой темною толпой,
И с криком смерти роковой
На трупы трупы упали...
Но отступает наконец
Одна толпа; и побежденный
Уж не противится боец;
И по траве окровавленной

Скользит испуганный беглец,
Один лишь воин, окруженный
Враждебным войском, не хотел
Еще бежать. Из мертвых тел
Вокруг него была ограда...
И тут остался он один.
Он не был царь иль царский сын,
Хоть одарен был силой взгляда
И гордой важностью чела.
Но вдруг коварная стрела
Пронзила витязя младого,
И шумно навзничь он упал,
И кровь струилась... и ни слова
Он, упадая, не сказал,
Когда победный крик раздался,
Как погребальный крик над ним,
И мимо смелый враг промчался,
Огнем пылая боевым.

На битву издали взирая
С горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской,
Высоко перси подымая,
Боязнью сердце билось в ней,
Всечасно слезы набегали
На очи, полные печали...
О боже! – Для таких очей

Кто не пожертвовал бы славой?
Но Зораиму был милей
Девичьей ласки путь кровавый!
Безумец! Ты цены не знал
Всеми, всему, чем обладал,
Не ведал ты, что ангел нежный
Оставил рай свой безмятежный,
Чтоб сердце Ады оживить;
Что многих он лишил отрады
В последний миг, чтоб усладить
Твое страданье. Бедной Ады
Мольбу отвергнул хладно ты;
Возможно ль? Ангел красоты
Тебе, изгнанник, не дороже
Надменной и пустой мечты?..
Она глядит и ждет... но что же?
Давно уж в поле тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными телами
Долина битвы устлана...
Увы! Где ангел утешенья?
Где вестник рая молодой?
Он мучим страстию земной
И не услышит их моленья!..
Уж солнце низко – Ада ждет...
Всё тихо вокруг... он всё нейдет!..

Она спускается в долину

И видит страшную картину.
Идет меж трупов чуть дыша;
Как у невинного пред казнью,
Надеждой, смешанной с боязнью,
Ее волнуется душа.
Она предчувствовать страшит-
ся,
И с каждым шагом воротиться
Она желала б; но любовь
Превозмогла в ней ужас вновь;
Бледны ланиты девы милой,
На грудь склонилась голова...
И вот недвижна! Такова
Была б лилея над могилой!
Где Зораим? Что, если он
Убит? – но чей раздался стон?
Кто этот раненный стрелою
У ног красавицы? Чей глас
Так сильно душу в ней потряс?
Он мертвых окружен грядюю,
Но час кончины и над ним...
Кто ж он? – Свершилось! – Зора-
им.

«Ты здесь? Теперь? – И ты ли, Ада?
О! Твой приход мне не отрада!
Зачем? – Для ужасов войны
Твои глаза не созданы,

Смерть не должна быть их пред-
метом;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда – что пользы в этом?..
Лишь я хотел увидеть кровь
И вижу... и приход мгновенья,
Когда усну, без сновиденья.
Никто – я сам тому виной...
Я гибну! Первою звездой
Нам возвестит судьба разлуку.
Не бойся крови, дай мне руку:
Я виноват перед тобой...
Прости! Ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родных, ни крова,
И даже... на груди другого
Не будешь счастлива опять:
Кто может дважды счастье
знать?

«Мой друг! К чему твои лобзанья
Теперь, столь полные огня?
Они не оживят меня
И увеличат лишь страданья,
Напомнив, как я счастлив был;
О, если б, если б я забыл,
Что в мире есть воспоминанья!
Я чувствую, к груди моей
Всё ближе, ближе смертный хо-

лод.

О, кто б подумал? Как я молод!
Как много я провел бы дней
С тобою, в тишине глубокой,
Под тенью пальм береговых,
Когда б сегодня рок жестокой
Не обманул надежд моих!..
Еще в стране моей родимой
Гадатель мудрый, всеми чтимый,
Мне предсказал, что час придет –
И громкий подвиг совершу я,
И глас молвы произнесет
Мое названье, торжествуя,
Но...» Тут, как арфы дальней звон,
Его слова невнятные стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабел приметно он.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крепко обнимала,
Забыв, что у нее уж нет
Чудесной власти прежних лет;
Что поцелуй ее бессильный,
Ничтожный, как ничтожный
звук,
Не озаряет тьмы могильной,
Не облегчит последних мук.
Меж тем на своде отдаленном

Одна алмазная звезда
Явилась в блеске неизменном,
Чиста, прекрасна, как всегда;
И мнилось: луч ее не знает,
Что́ на земле он озаряет:
Так он игриво нисходил
На жертву тленья и могил.
И Зораим хотел напрасно
Последним ласкам отвечать;
Всё, всё, что может он сказать,
Уныло, мрачно, – но не страстно!
Уж пламень слез ее не жжет
Ланиты хладные как лед,
Уж тихо каплет кровь из раны;
И с криком, точно дух ночной,
Над ослабевшей головой
Летает коршун, гость незванный.
И грустно юноша взглянул
На отдаленное светило,
Взглянул он в очи деве милой,
Привстал – и вздрогнул – и вздох-
нул –
И умер. С синими губами
И с побелевшими глазами,
Лик – прежде нежный – был
страшной
Всего, что страшно для людей.

Чья тень прозрачной мглой оде-
та,
Как заблудившийся луч света,
С земли возносится туда,
Где блещет первая звезда?
Венец играет серебристый
Над мирным, радостным челом,
И долго виден след огнистый
За нею в сумраке ночном...
То ангел смерти, смертью тлен-
ной
От уз земных освобожденный!..
Он тело девы бросил в прах:
Его отчизна в небесах.
Там всё, что он любил земного,
Он встретит и полюбит снова!..

Всё тот же он, и власть его
Не изменилась ничего;
Прошло печали в нем волнение,
Как улетает призрак сна,
И только хладное презрение
К земле оставила она;
За гибель друга в нем осталось
Желанье миру мстить всему;
И ненависть к другим, казалось,
Была любовью к нему.
Всё тот же он – и бесконечность,

Как мысль, он может пролетать,
И может взором измерять
Лета, века и даже вечность.
Но Ангел смерти молодой
Простился с прежней добротой;
Людей узнал он: «Состраданья
Они не могут заслужить;
Не награжденье – наказание
Последний миг их должен быть.
Они коварны и жестоки,
Их добродетели – пороки,
И жизнь им в тягость с юных
лет...»
Так думал он – зачем же нет?..

Его неизбежной встречи
Боится каждый с этих пор;
Как меч – его пронзает взор;
Его приветственные речи
Тревожат нас, как злой укор,
И льда хладней его объятье,
И поцелуй его – проклятье!..

Исповедь

День гас; в наряде голубом
Крутясь бежал Гвадалкивир,
И не заботясь о том,
Что есть под ним какой-то мир,
Для счастья чуждый, полный
злом,
Светило южное текло,
Беспечно, пышно и светло;
Но в монастырскую тюрьму
Игривый луч не проникал;
Какую б радость одному
Туда принес он, если б знал;
Главу склоня, в темнице той
Сидел отшельник молодой,
Испанец родом и душой;
Таков был рок! – зачем, за что,
Не знал и знать не мог никто;
Но в преступленье обвинен,
Он оправданья не искал;
Он знал людей и знал закон...
И ничего от них не ждал.
Но вот по лестнице крутой
Звучат шаги, открылась дверь,
И старец дряхлый и седой
Взошел в тюрьму – зачем теперь?
Что сожаленья и привет

Тому, кто гибнет в цвете лет?

«Ты здесь опять! Напрасный труд!..

Не говори, что божий суд
Определяет мне конец.

Всё люди, люди, мой отец...
Пускай погибну, смерть моя

Не продолжит их бытия,
И дни грядущие мои

Им не присвоить – и в крови,
Неправой казнью пролитой,

В крови безумца молодой,
Согреть им вновь не суждено

Сердца, увядшие давно;

И гроб без камня и креста,
Как жизнь их ни была свята,

Не будет слабым их ногам
Ступенью новой к небесам.

И тень невинного, поверь,
Не отопрет им рая дверь.

Меня могила не страшит.

Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине,

Но с жизнью жаль расстаться
мне;

Я молод, молод, – знал ли ты,
Что значит молодость, мечты?

Или не знал – или забыл,

Как ненавидел и любил,
Как сердце билось живею
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой,
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой!
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл – ты слеп, ты сед,
И от желаний ты отвык;
Что за нужда? – ты жил, старик;
Тебе есть в мире что забыть!
Ты жил! Я также мог бы жить!

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел – благодарю;
Не понимаю: что была
У них за мысль? – мои дела
И без меня ты должен знать –
А душу можно ль рассказать?
И если б мог я эту грудь
Перед тобою развернуть,
Ты, верно, не прочел бы в ней,
Что я преступник иль злодей.
Пусть монастырский ваш закон
Рукою неба утвержден;
Но в этом сердце есть другой,

Ему не менее святой;
Он оправдал меня – один
Он сердца полный властелин;
И тайну страшную мою
Я неизменно сохраню,
Пока земля в урочный час
Как двух друзей не примет нас.
Доселе жизнь была мне плен
Среди угрюмых этих стен,
Где детства ясные года
Я проводил, бог весть куда!
Как сон, без радости и бед,
Промчались тени лучших лет,
И воскресить те дни едва ль
Желал бы я – а всё их жаль!
Зачем, молчание храня,
Так грозно смотришь на меня?
Я волен... я не брат живых.
Судей бесчувственных моих
Не проклинаю... но, старик,
Я признаюсь, мой язык
Не станет их благодарить
За то, что прежде, может быть,
Чем луч зари на той стене
Погаснет в мирной тишине,
Я, свежий, пылкий, молодой,
Который здесь перед тобой,
Живу, как жил тому пять лет,

Весь превращуся в слово: нет!..
И прах, лишенный бытия,
Уж будет прах один – не я!

«И мог ли я во цвете лет,
Как вы, душой оставить свет
И жить, не ведая страстей,
Под солнцем родины моей?
Ты позабыл, что седина
Меж этих кудрей не видна,
Что пламень в сердце молодом
Не остудит мольбой, постом!
Когда над бездною морской
Свирепой бури слышен вой
И гром гремит по небесам,
Вели не трогаться волнам,
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!..
Да если б черный сей наряд
Не допускал до сердца яд,
Тогда я был бы виноват;
Но под одеждой власяной
Я человек, как и другой!
И ты, бесчувственный старик,
Когда б ее небесный лик
Тебе явился хоть во сне,
Ты позавидовал бы мне
И в исступленье, может быть,
Решился б также согрешить,

Отвергнув всё, закон и честь,
Ты был бы счастлив перенести
За слово, ласку или взор
Мое страданье, мой позор!..

«Я о спасенье не молюсь,
Небес и ада не боюсь;
Пусть вечно мучусь; не беда!
Ведь с ней не встречу никогда!
Разлуки первый, грозный час
Стал веком, вечностью для нас!
И если б рай передо мной
Открыт был властью неземной,
Клянусь, я прежде чем вступил,
У врат священных бы спросил,
Найду ли там, среди святых,
Погибший рай надежд моих?
Нет, перестань, не возражай...
Что без нее земля и рай?
Пустые звонкие слова,
Блестящий храм без божества!
Увы! Отдай ты мне назад
Ее улыбку, милый взгляд,
Отдай мне свежие уста,
И голос сладкий, как мечта...
Один лишь слабый звук отдай...
О! Старец! Что такое рай?..

«Смотри, в сырой тюрьме моей

Не видно солнечных лучей;
Но раз на мрачное окно
Упал один – давным-давно;
И с этих пор между камней
Ничтожный след веселых дней
Забут, как узник, одинок
Растет бледнеющий цветок;
Но вовсе он не расцветет,
И где родился – там умрет;
И не сходна ль, отец святой,
Его судьба с моей судьбой?
Знай, может быть, ее уж нет...
И вот последний мой ответ:
Поди, беги, зови скорей
Окровавленных палачей:
Судить и медлить вам на что?
Она не тут – и всё ничто!
Прощай, старик; вот казни час:
За них молись... в последний раз
Тебе клянусь перед творцом,
Что не виновен я ни в чем.
Скажи: что умер я как мог,
Без угрызений и тревог,
Что с тайной гибельной моей
Я не расстался для людей...
Забудь, что жил я... что любил
Гораздо более, чем жил!
Кого любил? Отец святой,

Вот что умрет во мне, со мной;
За жизнь, за мир, за вечность вам
Я тайны этой не продам!»

.....

.....

...И он погиб – и погребен.
И в эту ночь могильный звон
Был степи ветром принесен
К стенам обители другой,
Объятой сонной тишиной,
И в храм высокий он проник...
Там, где сиял Мадонны лик
В дыму трепещущих лампад,
Как призраки, стояли в ряд
Двенадцать дев, которых свет
Причел к умершим с давних лет;
Неслась мольба их к небесам,
И отвечал старинный храм
Их песни мирной и святой,
И пели все, кроме одной.
Как херувим, она была
Обворожительно мила.
В ее лице никто б не мог
Открыть печали и тревог.
Но что такое женский взгляд?
В глазах был рай, а в сердце ад!
Прилежным ухом у окна
Шум ветра слушала она,

Как будто должен был принести
Он речь любви иль смерти весть!..
Когда ж унылый звон проник
В обширный храм – то слабый
крик
Раздался, пролетел и вмиг
Утих. Но тот, кто услышал,
Подумал, верно, иль сказал,
Что дважды из груди одной
Не вылетает звук такой!..
Любовь и жизнь он взял с собой.

Моряк

*O'er the glad waters of the dark blue sea,
Our thoughts as boundless, and our souls
as free,
Far as the breeze can bear, the billows
foam,
Survey our empire, and behold our home.
The Corsair. L. Byron.[39]*

Отрывок

*В семье безвестной я родился
Под небом северной страны,
И рано, рано приучился
Смирять усилия волны!
О детстве говорить не стану.*

Я подарен был океану,
Как лишний в мире, в те года
Беспечной смелости, когда
Нам всё равно, земля иль море,
Родимый или чуждый дом;
Когда без радости поём,
И, как раба, мы топчем горе,
Когда мы ради всё отдать,
Чтоб вольным воздухом дышать.

Я волен был в моей темнице,
В полуживой тюрьме моей;
Я всё имел, что надо птице:
Гнездо на мачте меж снастей!
Как я могуц себе казался,
Когда на воздухе качался,
Держась упругою рукой
За парус иль канат сырой;
Я был меж небом и волнами,
На облака и вниз глядел,
И не смущался, не робел,
И, всё окинувши очами,
Я мчался выше – о! Тогда
Я счастлив был, да, счастлив, да!

Найдите счастье мне другое!
Родными был оставлен я;
Мой кров стал – небо голубое,

Корабль – стал родина моя:
Я с ним тогда не расставался,
Я, как цепей, земли боялся;
Не ведал счету я друзьям:
Они всегда теснились к нам,
Катились следом, забежали,
Шумя, толкаяся, вперед,
И нам нестись по лону вод,
Казалось, запретить желали;
Но это шутка лишь была,
Они не делали нам зла.

Я их угадывал движенья,
Я понимал их разговор,
Живой и полный выраженья;
В нем были ласки и укор,
И был звучней тот звук чудесный,
Чем ветра вой и шум древесный!
И каждый вечер предо мной
Они в одежде парчевой,
Как люди, гордые являлись;
Обворожен, я начал им
Молиться, как богам морским,
И чувства прежние умчались
С непостижимой быстротой
Пред этой новою мечтой!..
Мир обольстительный и стран-
ный,

Мир небывалый, но живой,
Блестящий вместе и туманный,
Тогда открылся предо мной;
Всё оживилось: без значенья
Меж тучек не было движенья,
И в море каждая волна
Была душой одарена;
Безумны были эти лета!
Но что ж? Ужели был смешней
Я тех неопытных людей,
Которые, в пустыне света
Блуждая, думают найти
Любовь и душу на пути?

Все чувства тайной мукой полны;
И всякий плакал, кто любил:
Любил ли он морские волны
Иль сердце женищинам дарил!
Покрывшись пеною рядами,
Как серебром и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слуг окружена;
Так точно дева молодая,
Идет гордясь между рабов,
Их скромных просьб, их нежных
слов
Не слушая, не понимая!
Но вянут девы в тишине,

А волны, волны всё одне.

*Я обожатель их свободы!
Как я в душе любил всегда
Их бесконечные походы
Бог весть откуда и куда;
И в час заката молчаливый
Их раззолоченные гривы,
И бесполезный этот шум,
И эту жизнь без дел и дум,
Без родины и без могилы,
Без наслажденья и без мук;
Однообразный этот звук,
И наконец все эти силы,
Употребленные на то,
Чтоб малость обращать в ни-
что!*

*Как я люблю их дерзкий шепот
Перед летучим кораблем;
Их дикий плеск, упрямый ропот,
Когда утес, склонясь челом,
Все их усилия презирает,
Не им грозит, не им внимает;
Люблю их рев и тишину,
И эту вечную войну
С другой стихией, с облаками,
С дождем и вихрем! Сколько раз*

На корабле, в опасный час,
Когда летала смерть над нами,
Я в ужасе творца молил,
Чтоб океан мой победил!

Измаил-Бей

Восточная повесть

Опять явилось вдохновенье
Душе безжизненной моей
И превращает в пенопенье
Тоску, развалину страстей.
Так, посреди чужих степей,
Подруг внимательных не зная,
Прекрасный путник, птичка рая
Сидит на дереве сухом,
Блестя лазоревым крылом;
Пускай ревет, бушует вьюга...
Она поет лишь об одном,
Она поет о солнце юга!..

Часть первая

*So moved on earth Circassia's daughter
The loveliest bird of Franguestan!
Byron. The Giaour.[40]*

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:

Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих
пор
Всё небо юга да утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край сво-
боды,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синяя, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся, как
тени,
Как над главой огромных привиде-
ний
Колеблемые перья, – и луна
По синим сводам странствует
одна.

Как я любил, Кавказ мой велича-
вый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных, гром-
ких бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Как стражи окликаются ночные;
И вдруг проглянет солнце, и по-
ток
Озолотится, и степной цветок,

Душистую головку поднимая,
Блестает, как цветы небес и
рая...

В вечерний час дождливых обла-
ков

Я наблюдал разодранный покров;
Лиловые, с багряными краями,
Одни еще грозят, и над скалами
Волшебный замок, чудо древних
дней,

Растет в минуту; но еще скорей
Его рассеет ветра дуновенье!

Так прерывает резкий звук цепей
Преступного страдальца сновиде-
нье,

Когда он зрит холмы своих по-
лей...

Меж тем белей, чем горы снего-
вые,

Идут на запад облака другие
И, проводивши день, теснятся в
ряд,

Друг через друга светлые глядят
Так весело, так пышно и беспечно,
Как будто жить и нравиться им
вечно!..

И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,

Они растут среди разбоев тай-
ных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага – не преступ-
ление;
Верна там дружба, но вернее
миценье;
Там за добро – добро, и кровь – за
кровь,
И ненависть безмерна, как лю-
бовь.

Темны преданья их. Старик-чече-
нец,
Хребтов Казбека бедный уроже-
нец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть расска-
зал.
Хвалил людей минувшего он века;
Водил меня под камень Росламбе-
ка,
Повисший над извилистым пу-
тем,
Как будто бы удержанный Аллою
На воздухе в падении своем,
Он весь оброс зеленою травой;

И не боясь, что камень упадет,
В его тени, храним от непогод,
Пленительней, чем голубые очи
У нежных дев ледяной полуночи,
Склоняясь в жар на длинный сте-
белек,

Растет воспоминания цветков!..
И под столетней, мшистою ска-
лою

Сидел чечен однажды предо
мною;

Как серая скала, седой старик,
Задумавшись, главой своей по-
ник...

Быть может, он о родине молил-
ся!

И, странник чуждый, я прервать
страшился

Его молчанье и молчанье скал:
Я их в тот час почти не разли-
чал!

Его рассказ, то буйный, то пе-
чальный,

Я вздумал перенести на север
дальный:

Пусть будет странен в нашем он
краю,

Как слышал, так его передаю!

Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы как тайна он погиб со
мною;
Пускай ему не внемлют, до конца
Я доскажу! Кто с гордою душою
Родился, тот не требует венца;
Любовь и песни – вот вся жизнь
певца;
Без них она пуста, бедна, уныла,
Как небеса без туч и без светила!..

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчит-
ся,
Где за Машуком день встает,[41]
А за крутым Бешту садится,[42]
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был.
Красою чудной за горами
Известны были девы их,
И старцы с белыми власами
Судили распри молодых,
Весельем песни их дышали!
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

Не всё судьба голубит нас,
Всему свой день, всему свой час.
Однажды, – солнце закатилось,
Туман белел уж под горой,
Но в эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада теснились и шумели,
Арбы тяжелые скрипели,
Трепеща, жены близ мужей
Держали плачущих детей,
Отцы их, бурками одеты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на костре высоком жгли,
Что взять с собою не могли!
Когда же день новорожденный
Заветный озарил курган,
И мокрый утренний туман
Рассеял ветер пробужденный,
Он обнажил подошвы гор,
Пустой аул, пустое поле,
Едва дымящийся костер
И свежий след колес – не боле.

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнание
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?

О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опас-
ный,
Неумолимый и ужасный,
Что всё громам его подвластно,
Что сил его нельзя и счесть.
Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,
И у жены его молодой
Спаситель есть – кинжал двой-
ной;
И страх насильства и могилы
Не мог бы из родных степеней
Их удалить: позор цепей
Несли к ним вражеские силы!
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для ге-
роя
Милей отчизны и покоя.
«В насмешку русским и в укор
Оставим мы утесы гор;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы», –
Так думал каждый; и Бешту
Теперь их мысли понимает,
На русских злобно он взирает,
Иль облаками одеваает

Вершин кудрявых красоту.

*Меж тем летят за годом годы,
Готовят мщенье народы,
И пятый год уж настает,
А кровь джяуров не течет.[43]*

*В необитаемой пустыне
Черкес бродящий отдохнул,
Построен новый был аул
(Его следов не видно ныне).
Старик и воин молодой
Кипят отвагой и враждой.
Уж Росламбек с берегов Кубани
Князей союзных поджидал;
Лезгинец, слыша голос брани,
Готовит стрелы и кинжал;
Скопилась месть их роковая
В тиши над дремлющим врагом:
Так летом глыба снеговая,
Цветами радуги блистая,
Висит, прохладу обещаая,
Над беззаботным табуном...*

*В тот самый год, осенним днем,
Между Железной[44] и Змеиной,
[45]*

*Где чуть приметный путь лежал,
Цветущей, узкою долиной
Тихонько всадник проезжал.*

Кругом, налево и направо,
Как бы остатки пирамид,
Подъемлясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит;
И дале царь их пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.

Еще небесное светило
Росистый луг не обсушило.
Со скал гранитных над путем
Склонился дикий виноградник,
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник.
Но вот остановился он.
Как новой мыслью поражен,
Смущенный взгляд кругом обво-
дит,
Чего-то, мнится, не находит;
То пустит он коня стремглав,
То остановит и, привстав
На стремяна, дрожит, пылает.
Всё пусто! Он с коня слезает,
К земле сырой главу склоняет
И слышит только шелест трав.
Всё одичало, онемело.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? – За кровлю сакли бе-
лой,

За близкий топот табуна
Тогда он мир бы отдал целый!..

Кто ж этот путник? Русский?
Нет.

На нем чекмень, простой беш-
мет,

Чело под шапкою косматой;

Ножны кинжала, пистолет

Блестят насечкой небогатой;

И перетянут он ремнем,

И шашка чуть звенит на нем;

Ружье, мотаясь за плечами,

Белеет в шерстяном чехле;

И как же горца на седле

Не различить мне с казаками?

Я не ошибся – он черкес!

Но смуглый цвет почти исчез

С его ланит; снега и вьюга

И холод северных небес,

Конечно, смыли краску юга,

Но видно всё, что он черкес!

Густые брови, взгляд орлиный,

Ресницы длинные и черны,

Движенья быстры и вольны;

Отвергнул он обряд чужбины,

Не сбрил бородки и усов,

И блещет белый ряд зубов,

Как брызги пены у берегов;

Он, сколько мог, привычек, правил
Своей отчизны не оставил...
Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,
Развратом, ядом просвещенья
В Европе душной заражен!
Старик для чувств и наслажде-
нья,
Без седины между волос,
Зачем в страну, где всё так живо,
Так беспокойно, так игриво,
Он сердце мертвое принес?..

Как наши юноши, он молод,
И хладен блеск его очей.
Поверхность темную морей
Так покрывает ранний холод
Корой ледяною своей
До первой бури. – Чувства, стра-
сти,
В очах навеки догорев,
Таятся, как в пещере лев,
Глубоко в сердце; но их власти
Оно никак не избежит.
Пусть будет это сердце камень –
Их пробужденный адский пламень
И камень углем раскалит!
И всё прошедшее явилось,

Как тень умершего, ему;
Всё с этих пор переменилось,
Бог весть и как и почему!
Он в поле выехал пустое,
Вдруг слышит выстрел – что та-
кое?
Как будто на смех, звук один,
Жилец ущелий и стремнин,
Трикраты отзыв повторяет.
Кинжал свой путник вынимает,
И вот, с винтовкой без штыка
В кустах он видит казака;
Пред ним фазан окровавленный,
Росою с листьев окропленный,
Блестя радужным хвостом,
Лежал в траве пробит свинцом.
И ближе путник подъезжает
И чистым русским языком:
«Казак, скажи мне, – вопрошает, –
Давно ли пусто здесь кругом?»
– «С тех пор, как русских устра-
шился
Неустрашимый твой народ!
В чужих горах от нас он скрылся.
Тому сегодня пятый год».

Казак умолк, но что с тобою,
Черкес? Зачем твоя рука
Подъята с шашкой роковою?

Прости улыбку казака!
Увы! Свершилось наказанье...
В крови, без чувства, без дыханья
Лежит насмешливый казак.
Черкес глядит на лик холодный,
В нем пробудился дух природный –
Он пощадить не мог никак,
Он удержать не мог удара.
Как в тучах зарево пожара,
Как лава Этны по полям,
Больной румянец по щекам
Его разлился; и блистали,
Как лезвеё кровавой стали,
Глаза его – и в этот миг
Душа и ад – всё было в них.
Оборотясь, с улыбкой злобной
Черкес на север кинул взгляд;
Ничто, ничто смертельный яд
Перед улыбкою подобной!
Волною поднялася грудь,
Хотел он и не мог вдохнуть,
Холодный пот с чела крутого
Катился, – но из уст ни слова!
И вдруг очнулся он, вздрогнул,
К луке припал, коня толкнул.
Одно мгновенье на кургане
Он черной птицею мелькнул,
И скоро скрылся весь в тумане.

Через камни конь его несет,
Он не смотрит и не боится;
Так быстро скачет только тот,
За кем раскаяние мчится!..

Куда черкес направил путь?
Где отдохнет молодая грудь,
И усмирится дум волнение?
Черкес не хочет отдохнуть –
Ужели отдыхает мизантроп?
Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел –
Всё уничтожил русский воин.
Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей
Векам грядущим в поученье
Он не воздвигнет мавзолеей
И так отмстит за унижение
Любезной родины своей.
«Я знаю вас, – он шепчет, – знаю,
И вы узнаете меня;
Давно уж вас я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только с нынешнего дня!»
Он бьет и дергает коня,
И конь летит, как ветер степи;
Надулись ноздри, блещет взор,
И уж в виду зубчатые цепи
Кремнистых бесконечных гор,

И Шат подьёмлетя за ними[46]
С двумя главами снеговыми,
И путник мнит: «Недалеко,
В час прискачу я к ним легко!»

Пред ним, с оттенкой голубою,
Полувоздушною стеною
Нагие тянутся хребты;
Неверны, странны, как мечты,
То разойдутся – то сольются...
Уж час прошел, и двух уж нет!
Они над путником смеются,
Они едва меняют цвет!
Бледнеет путник от досады,
Конь непривычный устает;
Уж солнце к западу идет,
И больше в воздухе прохлады,
А всё пустынные громады,
Хотя и выше и темней,
Еще загадка для очей.

Но вот его, подобно туче,
Встречает крайняя гора;
Пестрей восточного ковра
Холмы кругом, всё выше, круче;
Покрытый пеной до ушей,
Здесь начал конь дышать воль-
ней.
И детских лет воспоминанья

Перед черкесом пронеслись,
В груди проснулись желанья,
Во взорах слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И дум неотразимых бремя
От сердца, мнилось, отлегло;
Он поднял светлое чело,
Смотрел и внутренно гордился,
Что он черкес, что здесь родился!
Меж скал незыблемых один
Забыл он жизни скоротечность,
Он, в мыслях мира властелин,
Присвоить бы желал их вечность.
Забыл он всё, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнанья,
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!..

Краснеют сизые вершины,
Лучом зари освещены;
Давно расселины темны;
Катясь чрез узкие долины,
Туманы сонные легли,
И только топот лошадиный
Звуча теряется вдали.
Погас бледнея день осенний;
Свернув душистые листы,
Вкушают сон без сновидений
Полузавядшие цветы;

И в час урочный молчаливо
Из-под камней ползет змея,
Играет, нежится лениво,
И серебрится чешуя
Над перегибистой спиною:
Так сталь кольчуги иль копья
(Когда забыты после бою
Они на поле роковом),
В кустах найденная луною,
Блестит в сумраке ночном.

Уж поздно, путник одинокой
Оделся буркою широкой.
За дубом низким и густым
Дорога скрылась, ветер дует;
Конь спотыкается под ним,
Храпит, как будто гибель чуёт,
И встал!.. – Дивится, слез седок
И видит пропасть пред собою,
А там, на дне ее, поток
Во мраке бешеной волною
Шумит. – (Слышал я этот шум,
В пустыне ветром разнесенный,
И много пробуждал он дум
В груди, тоской опустошенной.)
В недоуменье над скалой
Остался странник утомленный;
Вдруг видит он, в дали пустой
Трепещет огонек, и снова

Садится на коня лихого;
И через силу скачет конь
Туда, где светится огонь.

Не дух коварства и обмана
Манил трепещущим огнем,
Не очи злобного шайтана[47]
Светилися в ущелье том:
Две сакли белые, простые,
Таятся мирно за холмом,
Чернеют крыши земляные,
С краев ряды травы густой
Висят зеленой бахромой,
А ветер осени сырой
Поет им песни неземные;
Широкий окружает двор
Из кольев и ветвей забор,
Уже нагнутый, обветшалый;
Всё в мертвый сон погружено –
Одно лишь светится окно!..
Заржал черкеса конь усталый,
Ударил о землю ногой,
И отвечал ему другой...
Из сакли кто-то выбегает,
Идет – «великий Магомет
К нам гостя, верно, посылает.
Кто здесь?» – Я странник! – был
ответ.
И больше спрашивать не хочет,

Обычай прадедов храня,
Хозяин скромный. Вкруг коня
Он сам заботится, хлопочет,
Он сам снимает весь прибор
И сам ведет его на двор.

Меж тем приветно в сакле дым-
ной
Приезжий встречен стариком;
Сажая гостя пред огнем,
Он руку жмет гостеприимно.
Блится по стенам кругом
Богатство горца: ружья, стрелы,
Кинжалы с набожным стихом,
В углу башлык убийцы белый
И плетъ меж буркой и седлом.
Они заводят речь – о воле,
О прежних днях, о бранном поле;
Кипит, кипит беседа их,
И носятся в мечтах живых
Они к грядущему, к былому;
Проходит неприметно час –
Они сидят! И в первый раз,
Внимая странника рассказ,
Старик дивится молодому.

Он сам лезгинец; уж давно
(Так было небом суждено)
Не зрел отечества. Три сына

И дочь младая с ним живут.
При них молчит еще кручина,
И бедный мил ему прият.
Когда горят ночные звезды,
Тогда пускаются в разъезды
Его лихие сыновья:
Живет добычей вся семья!
Они повсюду страх приносят:
Украсть, отнять – им всё равно;
Чихирь и мед кинжалом просят
[48]

И пулей платят за пшено,
Из табуна ли, из станицы
Любого уведут коня;
Они боятся только дня,
И их владеньям нет границы!
Сегодня дома лишь один
Его любимый старший сын.
Но слов хозяина не слышит
Пришелец! Он почти не дышит,
Остановился быстрый взор,
Как в миг паденья метеор:
Пред ним, под видом девы гор,
Создание земли и рая,
Стояла пери молодая! [49]

И кто б, ее увидев, молвил: нет!
Кто прелести небес иль даже
след

Небесного, рассеянный лучами
В улыбке уст, в движенье черных
глаз,

Всё, что так дружно с первыми
мечтами,

Всё, что встречаем в жизни
только раз,

Не отличит от красоты ни-
чтожной,

От красоты земной, нередко
ложной?

И кто, кто скажет, совесть за-
глуша:

Прелестный лик, но хладная ду-
ша!

Когда он вдруг увидит пред собою
То, что сперва почел бы он душою,
Освобожденной от земных цепей,
Слетевшей в мир, чтоб утешать
людей!

Пусть, подойдя, лезгинку он узна-
ет:

В ее чертах земная жизнь играет,
Восточная видна в ланитах
кровь;

Но только удалится образ милый
—

Он станет сомневаться в том,

что было,
И заблуждёнью он поверит вновь!

Нежна – как перы молодая,
Создание земли и рая,
Мила – как нам в краю чужом
Меж звуков языка чужого
Знакомый звук, родных два слова!
Так утешительно-мила,
Как древле узнику была
На сумрачном окне темницы
Простая песня вольной птицы,
Стояла Зара у огня!

Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
В ее наряде простота –
Но также вкус! Ее головка
Платком прилежно обвита;
Из-под него до груди нежной
Две косы темные небрежно
Бегут; – уж, верно, час она
Их расплетала, заплетала!
Она понравиться желала:
Как в этом женщина видна!

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиранный ужин пред отцом,
И улыбнулась; и потом

Уйти хотела; и не знала
Идти ли? – Грудь ее порой
Покров приметно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажет путник молодой.
Но он молчит, блуждают взоры:
Их привлекает лезвеё
Кинжала, ратные уборы;
Но взгляд последний на нее
Был устремлен! – Смутилась де-
ва,
Но, не боясь отцова гнева,
Она осталась, – и опять
Решилась путнику внимать...
И что-то ум его тревожит;
Своих неконченных речей
Он оторвать от уст не может,
Смеется – но больших очей
Давно не обращает к ней;
Смеется, шутит он, – но хлад-
ный,
Печальный смех нейдет к нему.
Замолкнет он? – ей вновь досадно,
Сама не знает почему.
Черкес ловил сначала жадно
Движенье глаз ее живых;
И наконец остановились
Глаза, которые резвились,

Ответа ждут, к нему склонились,
А он забыл, забыл о них!
Довольно! Этого удара
Вторично дева не снесет:
Ему мешает, видно, Зара?
Она уйдет! Она уйдет!..

Кто много странствовал по свету,
Кто наблюдать его привык,
Кто затвердил страстей примету,
Кому известен их язык,
Кто рано брошен был судьбою
Меж образованных людей
И, как они, с своей рукою
Не отдавал души своей,
Тот пылкой женщины пристрастье
Не почитает уж за счастье,
Тот с сердцем диким и простым
И с чувством некогда святым
Шутить боится. Он улыбкой
Слезу старается встречать,
Улыбке хладно отвечать;
Коль обласкает, – так ошибкой!
Притворством вечным утомлен,
Уж и себе не верит он;

Душе высокой не довольно
Остатков юности своей.
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нет пищи в ней.
Такие люди в жизни светской
Почти всегда причина зла,
Какой-то робостию детской
Их отзываются дела:
И обольстить они не смеют,
И вовсе кинуть не умеют!
И часто думают они,
Что их излечит край далекой,
Пустыня, вид горы высокой
Иль тень долины одинокой,
Где юности промчались дни;
Но ожиданье их напрасно:
Душе всё внешнее подвластно!

Уж милой Зары в сакле нет.
Черкес глядит ей долго вслед
И мыслит: «Нежное созданье!
Едва из детских вышла лет,
А есть уж слезы и желанья!
Бессильный, светлый луч зари
На темной туче не гори:
На ней твой блеск лишь помра-
чится,
Ей ждать нельзя, она умчится!»

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утешься! Нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя.
Я б мог нежнейшею любовью
Тебя любить; но над тобой
Хранитель, верно, неземной:
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли греть моим объятьям?
Тебя ли станут целовать
Уста, привыкшие к проклятьям?»

.....

Пора! – Яснеет уж восток,
Черкес проснулся, в путь готовый.
На пепелище огонек
Еще синел. Старик суровый
Его раздул, пшено сварил,
Сказал, где лучшая дорога,
И сам до ветхого порога
Радушно гостя проводил.
И странник медленно выходит,
Печалью тайной угнетен;
О юной деве мыслит он...
И кто ж коня ему подводит?
Уныло Зара перед ним
Коня походного держала

И тихим голосом своим,
Подняв глаза к нему, сказала:
«Твой конь готов! Моей рукой
Надета бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блестит кубанская насечка,
И бурку черную ремнем
Я привязала за седлом;
Мне это дело ведь не ново;
Любезный странник, всё готово!
Твой конь прекрасен; не страшна
Ему утесов крутизна,
Хоть вырос он в краю далеком;
В нем дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Как камень, сглаженный пото-
ком;
Как уголь взор его блестит,
Лишь наклонись – он полетит;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя он, путник, спас
От вражей шашки и кинжала
В степи глухой, в недобрый час!

«Но погоди в стальное стремя
Ступать поспешною ногой;
Послушай, странник молодой,
Как знать? Быть может, будет
время,

И ты на милой стороне
Случайно вспомнишь обо мне;
И если чаша пированья
Кипит, блестит в руке твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони от сердца поскорей;
Но если эта мысль родится,
Но если образ мой приснится
Тебе в страдальческую ночь:
Услышь, услышь мое моленье!
Не презирай то сновиденье,
Не отгоняй те мысли прочь!

«Приют наш мал, зато спокоен;
Его не тронет русский воин, –
И что им взять? – пять-шесть
коней

Да наши грубые одежды?
Поверь ты скромности моей,
Откройся мне: куда надежды
Тебя коварные влекут?
Чего искать? – останься тут,
Останься с нами, добрый стран-
ник!

Я вижу ясно – ты изгнанник,
Ты от земли своей отвык,
Ты позабыл ее язык.
Зачем спешишь к родному краю,
И что там ждет тебя? – не знаю.

Пусть мой отец твердит порой,
Что без малейшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны:
По мне отчизна только там,
Где любят нас, где верят нам!

«Еще туман белеет в поле,
Опасен ранний хлад вершин...
Хоть день один, хоть час один,
Послушай, час один, не боле,
Пробудь, жестокий, близ меня!
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжет,
Он отдохнет, напьется, ляжет,
А ты у сакли здесь, в тени,
Главу мне на руку склони;
Твоих речей услышать звуки
Еще желала б я хоть раз:
Не удержу ведь счастья час,
Не прогоню ведь час разлуки?..»
И Зара с трепетом в ответ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нет,
Слеза с ресниц упасть готова,
Увы! Молчание храня,
Садится путник на коня.
Уж ехать он приготовлялся,
Но обернулся, – испугался,

И, состраданьем увлечен,
Хотел ее утешить он!

«Не обвиняй меня так строго!
Скажи, чего ты хочешь? – слез?
Я их имел когда-то много:

Их мир из зависти унес!

Но не решусь судьбы мятежной

Я разделять с душою нежной;

Свободный, раб иль властелин,

Пускай погибну я один.

Всё, что меня хоть малость лю-
бит,

За мною вслед увлечено;

Мое дыханье радость губит,

Щадить – мне власти не дано!

И не простого человека

(Хотя в одежде я простой),

Утешься! Зара! Пред собой

Ты видишь брата Росламбека!

Я в жертву счастье должен при-
нести...

О! Не жалею о том! – прости, про-
сти!..»

Сказал, махнул рукой, и звук под-
ков

Раздался, в отдаленье умирая.

Едва дыша, без слез, без дум, без

слов

Она стоит, бесчувственно вни-
мая,
Как будто этот дальний звук под-
ков

Всю будущность ее унес с собою.
О, Зара, Зара! Краткою мечтою
Ты дорожила; – где ж твоя меч-
та?

Как очи полны, как душа пуста!
Одно мгновенье тяжелей другого,
Всё, что прошло, ты оживляешь
снова!..

По целым дням она глядит туда,
Где скрылася любви ее звезда,
Везде, везде она его находит:
В вечерних тучах милый образ
бродит;

Услышав ночью топот, с ложа
сна

Вскочив, дрожит, и ждет его она,
И постепенно ветром разноси-
мый

Всё ближе, ближе топот – и все
мимо!

Так метеор порой летит на нас,
И ждешь – и близок он – и вдруг
погас!..

Часть вторая

*High minds, of native pride and force,
Most deeply feel thy pangs, Remorse!
Fear, for their scourge, mean villains have,
Thou art the torturer of the brave!*
Marmion. S. Walter-Scott.[50]

Шумит Аргуна мутною волной;
Она коры не знает ледяной,
Цепей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снегов родится,
И там, где даже серна не про-
мчится,
Дитя природы, с детской просто-
той,
Она, резвясь, играет и катится!
Порою, как согнутое стекло,
Меж длинных трав прозрачно и
светло
По гладким камням в бездну нис-
падая,
Теряется во мраке, и над ней
С прощальным воркованьем вьет-
ся стая
Пугливых, сизых, вольных голу-
бей...
Зеленым можжевельником по-

крыты,
Над мрачной бездной гробовые
плиты
Висят и ждут, когда замолкнет
вой,
Чтобы упасть и всё покрыть со-
бой.

Напрасно ждут они! Волна не
дремлет.

Пусть темнота кругом ее объем-
лет,
Прорвет Аргуна землю где-нибудь
И снова полетит в далекий путь!

На берегу ее кипучих вод
Недавно новый изгнанный народ
Аул построил свой, – и ждал
мгновенье,
Когда свершить придуманное
мщенье;
Черкес готовил дерзостный на-
бег,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Рослам-
бек,
Склонялся перед русскими сми-
ренно,
А между тем с отважною тол-
пой

Станицы разорял во тьме ночной;
И, возвратясь в аул, на пир кровавый
Он пленников дрожащих приводил,
И уверял их в дружбе, и шутил,
И головы рубил им для забавы.

Легко народом править, если он
Одною общей страстью увлечен;
Не должно только слишком завлекаться,
Пред ним гордиться или с ним равняться;
Не должно мыслей открывать своих,
Иль спрашивать у подданных совета,
И забывать, что лучше гор златых
Иному ласка и слова привета!
Старайся первым быть везде, всегда;
Не забывайся, будь в пирах умерен,
Не трогай суеверий никогда
И сам с толпой умей быть суеверен;
Страшись сначала много успе-

вать,
Страшишь народ к победам при-
учать,
Чтоб в слабости своей он призна-
вался,
Чтоб каждый миг в спасителе
нуждался,
Чтоб он тебя не сравнивал ни с
кем
И почитал нуждою – принужде-
нья;
Умей отважно пользоваться
всем
И не проси никак вознагражденья!
Народ – ребенок: он не хочет
дать,
Не покушайся вырвать, – но
украдь!

У Росламбека брат когда-то был:
О нем жалеют шайки удалые;
Отцом в Россию послан Измаил,
И их надежду отняла Россия.
Четырнадцать лет оставил он
Края, где был воспитан и рожден,
Чтоб знать законы и права чу-
жие!
Не под персидским шелковым ков-
ром

Родился Измаил; не песнью нежной

Он усыплен был в сумраке ночном:

Его баюкал бури вой мятежный!
Когда он в первый раз открыл глаза,

Его улыбку встретила гроза!
В пещере темной, где, гонимый братом,

Убийцею коварным, Бей-Булатом,
Его отец таился много лет,
Изгнанник новый, он увидел свет!

Как лишний меж людьми, своим рождением

Он душу не обрадовал ничью,
И, хоть невинный, начал жизнь свою,

Как многие кончают, – преступленьем.

Он материнской ласки не знал:
Не у груди, под буркою согретый,
Один провел младенческие леты;
И ветер колыбель его качал,
И месяц, полуночи с ним играл!

Он вырос меж землей и небесами,
Не зная принужденья и забот;
Привык он тучи видеть под нога-

ми,
А над собой один лазурный свод;
И лишь орлы да скалы величавы
С ним разделяли юные забавы.
Он для великих создан был стра-
стей,
Он обладал пылающей душою,
И бури юга отразились в ней
Со всей своей ужасной красотой!..
Но к русским послан он своим от-
цом,
И с той поры известья нет об
нем...

Горой от солнца заслоненный,
Приют изгнанников смиренный,
Между кизиловых деревьев
Аул рассыпан над рекою;
Стоит отдельно каждый кров,
В тени под дымной пеленою.
Здесь в летний день, в полдневный
жар,
Когда с камней восходит пар,
Толпа детей в траве играет,
Черкес усталый отдыхает;
Меж тем сидит его жена
С работой в сакле одиноко,
И песню грустную она
Поет о родине далекой:

И облака родных небес
В мечтаньях видит уж черкес!
Там луг душистей, день светлее!
Роса перловая свежее;
Там разноцветною дугой,
Развеселясь, нередко дивы[51]
На тучах строят мост красивый,
Чтоб от одной скалы к другой
Пройти воздушною тропой;
Там в первый раз, еще несмелый,
На лук накладывал он стрелы...

Дни мчатся. Начался байран.[52]
Везде веселье, ликования;
Мулла оставил алкоран,
И не слышать его призыванья;
Мечеть кругом освещена;
Всю ночь над хладными скалами
Огни краснеют за огнями,
Как над земными облаками
Земные звезды; но луна,
Когда на землю взор наводит,
Себе соперниц не находит,
И, одинокая, она
По небесам в сиянье бродит!

Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: темно.
Вокруг огня, певцу внимая,

Столпилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С неммым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинается: три струны
Уж забренчали под рукою,
И живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.

9

Много дев у нас в горах;
Ночь и звезды в их очах;
С ними жить завидна доля,
Но еще милее воля!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

Кто жениться захотел,
Тот худой избрал удел,
С русским в бой он не поскачет:
Отчего? – жена заплачет!
Не женися, молодец,

Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

Не изменит добрый конь:
С ним – и в воду и в огонь;
Он, как вихрь, в степи широкой,
С ним – всё близко, что далеко.
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

Откуда шум? Кто эти двое?
Толпа в молчанье раздалась.
Нахмуря бровь, подходит князь,
И рядом с ним лицо чужое.
Три узденя за ними вслед.
«Велик Алла и Магомет! –
Воскликнул князь. – Сама могила
Покорна им! В стране чужой
Мой брат храним был их рукой:
Вы узнаете ль Измаила?
Между врагами он возрос,
Но не признал он их святыни,
И в наши синие пустыни
Одну лишь ненависть принес!»

И по долине восклицанья
Восторга дикого гремят;

Благословляя час свиданья,
Вкруг Измаила стар и млад
Теснятся, шепчут; поднимая
На плеча маленьких ребят,
Их жены смуглые, зевая,
На князя нового глядят.
Где ж Росламбек, кумир народа?
Где тот, кем славится свобода?
Один, забыт, перед огнем,
Поодаль, с пасмурным челом,
Стоял он, жертва злой досады.
Давно ли привлекал он сам
Все помышления, все взгляды?
Давно ли по его следам
Вся эта чернь шумя бежала?
Давно ль, дивясь его делам,
Их мать ребенку повторяла?
И что же вышло? – Измаил,
Врагов отечества служитель,
Всю эту славу погубил
Своим приездом? – и властитель,
Вчерашний гордый полубог,
Вниманья черни бестолковой
К себе привлечь уже не мог!
Ей всё пленительно, что ново!
«Простынет!» – мыслит Рослам-
бек,
Но если злобный человек

Узнал уж зависть, то не может
Совсем забыть ее никак;
Ее насмешливый призрак
И днем и ночью дух тревожит.

Война!.. Знакомый людям звук
С тех пор, как брат от братних
рук

Пред алтарем погиб невинно...
Гремя, через Кавказ пустынный
Промчался клик: война! Война!
И пробудились племена.

На смерть идут они охотно.
Умолк аул, где беззаботно
Недавно слушали певца;
Оружья звон, движенье стана:
Вот ныне песни молодца,
Вот удовольствия байрана!..
«Смотри, как всякий биться рад
За дело чести и свободы!..
Так точно было в наши годы,
Когда нас вел Ахмат-Булат!» –
С улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважных юношей полки;
Пора! Кипят они досадой, –
Что русских нет? – им крови на-
до!

Зима проходит; облака
Светлей летят по дальним сво-
дам,
В реке глядятся мимоходом;
Но с гордым бешенством река,
Крутясь, как змей, не отвечает
Улыбке неба своего
И белых путников его
Меж тем упорно обгоняет.
И ровны, прямы, как стена,
По берегам темнеют горы;
Их крутизна, их высота
Пленяют ум, пугают взоры.
К вершинам их прицеплена
Нагими красными корнями,
Кой-где кудрявая сосна
Стоит печальна и одна,
И часто мрачными мечтами
Тревожит сердце: так порой
Властитель, полубог земной,
На пышном троне, окруженный
Льстецов толпою униженной,
Грустит о том, что одному
На свете равных нет ему!

Завоевателю преграда
Положена в долине той;
Из камней и деревьев громада
Аргуну давит под собой.

К аулу нет пути иного;
И мыслят горцы: «Враг лихой!
Тебе могила уж готова!»
Но прямо враг идет на них,
И блеск орудий громовых
Далеко сквозь туман играет.
И Росламбек совет сзывает;
Он говорит: «В тиши ночной
Мы нападём на их отряды,
Как упадают водопады
В долину сонную весной...
Погибнут молча наши гости,
И их разбросанные кости,
Добыча вранов и волков,
Сгнут, лишённые гробов.
Меж тем с боязнию лукавой
Начнём о мире договор,
И втайне местию кровавой
Омоем долгий наш позор».

Согласны все на подвиг ратный,
Но не согласен Измаил.
Взмахнул он шашкою булатной
И шумно с места он вскочил;
Окинул вмиг летучим взглядом
Он узденей, сидевших рядом,
И, опустивши свой булат,
Так отвечает брату брат:
«Я не разбойник потаенный;

Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне!..»
И поединка ожидали
Меж братьев молча уздени;
Не смели тронуться они.
Он вышел – все еще молчали!..

Ужасна ты, гора Шайтан,
Пустыни старый великан;
Тебя злой дух, гласит преданье,
Построил дерзостной рукой,
Чтоб хоть на миг свое изгнание
Забить меж небом и землей.
Здесь, три столетья очарован,
Он тяжелой цепью был прикован,
[54]

Когда надменный с новых скал
Стрелой пророку угрожал.
Как буркой, ельником покрыта,
Соседних гор она черней.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;

Она ни мохом, ни кустами
Не зарастает никогда;
Пестрея чудными следами,
Она ведет... бог весть куда?
Олень с ветвистыми рогами,
Между высокими цветами,
Одетый хмелем и плющом,
Лежит полуобъятый сном;
И вдруг знакомый лай он слышит
И чует близкого врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свежестью подышит,
Росу с могучих плеч стряхнет,
И вдруг одним прыжком махнет
Через утес; и вот он мчится,
Тернов колючих не боится
И хмель коварный грудью рвет:
Но, вольный путь пересекая,
Пред ним тропинка роковая...
Никем не зримая рука
Царя лесов останавливает,
И он, как гибель ни близка,
Свой прежний путь не продолжа-
ет!..

Кто ж под ужасною горой
Зажег огонь сторожевой?
Треща, краснея и сверкая,
Кусты вокруг он озарил.

На камень голову склоняя,
Лежит поодаль Измаил:
Его приверженцы хотели
Идти за ним – но не посмели!

Вот что ему родной готовил
край?
Сбылись мечты! Увидел он свой
рай,
Где мир так юн, природа так бо-
гата,
Но люди, люди... что природа им?
Едва успел обнять изгнанник бра-
та,
Уж клевета и зависть – всё над
ним!
Друзей улыбка, нежное свиданье,
За что б другой творца благода-
рил,
Всё то ему дается в наказанье;
Но для терпенья ль создан Изма-
ил?
Бывают люди: чувства – им стра-
данья;
Причуда злой судьбы – их бытие;
Чтоб самовластье показать свое,
Она порой кидает их меж нами;
Так, древле, в море кинул царь ал-
маз,

Но гордый камень в свой урочный
час

Ему обратно отдан был волнами!
И детям рока места в мире нет;
Они его пугают жизнью новой,
Они блеснут – и сгладится их
след,

Как в темной туче след стрелы
громовой.

Толпа дивится часто их уму,
Но чаще обвиняет, потому,
Что в море бед, как вихри их ни
носят,

Они пособий от рабов не просят;
Хотят их превзойти в добре и зле,
И власти знак на гордом их челе.

«Бессмысленный! Зачем отверг-
нул ты

Слова любви, моленья красоты?
Зачем, когда так долго с ней сра-
жался,

Своей судьбы ты детски испугал-
ся?

Всё прежнее, неизвестный молвой,
Ты б мог забыть близ Зары моло-
дой,

Забыть людей близ ангела в пу-
стыне,

Ты б мог любить, но не хотел! – и
ныне

Картины счастья живо пред то-
бой

Проходят укоряющей толпой;
Ты жмешь ей руку, грудь ее <и>
плечи

Целуешь в упоенье; ласки, речи,
Исполненные счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; об-
раз милый,
Волшебный взор – всё пред тобой,
как было

Еще недавно; все мечты твои
Так вероятны, что душа боится,
Не веря им, вторично ошибиться!
А чем ты это счастье заменил?»

–
Перед огнем так думал Измаил.
Вдруг выстрел, два и много! – он
вскочил,
И слушает, – но всё утихло снова.
И говорит он: «Это сон больно-
го!»

Души волнением утомлен,
Опять на землю князь ложится;
Трещит огонь, и дым клубится, –
И что же? – призрак видит он!

Перед огнем стоит спокойен,
На саблю опершись рукой,
В фуражке белой русский воин,
Печальный, бледный и худой.
Спросить хотелось Измаилу,
Зачем оставил он могилу!
И свет дрожащего огня,
Упав на смуглые ланиты,
Черкесу придал вид сердитый:
«Чего ты хочешь от меня?» –
«Гостеприимства и защиты! –
Пришлец бесстрашно отвечал, –
Свой путь в горах я потерял,
Черкесы вслед за мной спешили
И казаков моих убили,
И верный конь под мною пал!
Спаси, убить врага ночного
Равно ты можешь! Не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!» –
«Ты прав; на честь мою надейся!
Вот мой огонь: садись и грейся».

Тиха, прозрачна ночь была,
Светила на небе блистали,
Луна за облаком спала,
Но люди ей не раздражали.
Перед огнем враги сидят,
Хранят молчанье и не спят.

Черты пришельца возбуждали
У князя новые мечты,
Они ему напоминали
Давно знакомые черты;
То не игра воображенья.
Он должен разрешить сомненья...
И так пришельцу говорил
Нетерпеливый Измаил:
«Ты молод, вижу я! За славой
Привыкнув гнаться, ты забыл,
Что славы нет в войне кровавой
С необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы, и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?»

«Ты ошибаешься, черкес! –
С улыбкой русский отвечает, –
Поверь: меня, как вас, пленяет
И водопад, и темный лес;
С восторгом ваши льды я вижу,

Встречая пышную зарю,
И ваше племя я люблю:
Но одного я ненавижу!
Черкес он родом, не душой,
Ни в чем, ни в чем не схож с то-
бой!

Себе иль князю Измаилу
Клялся я здесь найти могилу...
К чему опять ты мрачный взор
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мне укор;
Но выслушай, ты всё узнаешь...
И сам досадой запылаешь...

«Ты знаешь, верно, что служил
В российском войске Измаил;
Но, образованный, меж нами
Родными бредил он полями,
И всё черкес в нем виден был.
В пирах и битвах отличался
Он перед всеми! Томный взгляд
Восточной негой отзывался:
Для наших женщин он был яд!
Воспламенив их воображенье,
Повелевал он без труда,
И за проступок наслажденье
Не почитал он никогда;
Не знаю – было то презренье
К законам стороны чужой

Или испорченные чувства!..
Любовью женщин, их тоской
Он веселился, как игрой;
Но избежать его искусства
Не удалось ни одной.

«Черкес! Видал я здесь прекрасных
Свободы нежных дочерей,
Но не сравню их взоров страст-
ных
С приветом северных очей.
Ты не любил! – ни слов опасных,
Ни уст волшебных не знавал;
Кудрями девы золотыми
Ты в упоенье не играл,
Ты клятвам страсти не внимал,
И не был ты обманут ими!
Но я любил! Судьба меня
Блестящей радугой манила,
Невольно к бездне подводила...
И ждал я счастливого дня!
Своей невестой дорогою
Я смел уж ангела назвать,
Невинным ласкам отвечать
И с райской девой забывать,
Что рая нет уж под луною.
И вдруг ударил страшный час,
Причина долголетней муки;
Призыв войны, отчизны глас,

Раздался вестником разлуки.
Как дым рассеялись мечты!
Тот день я буду помнить вечно...
Черкес! Черкес! Ни с кем, конечно,
Ни с кем не расставался ты!

«В то время Измаил случайно
Невесту увидал мою
И страстью запылал он тайно!
Меж тем как в дальнем я краю
Искал в боях конца иль славы,
Сластолюбивый и лукавый,
Он сердце девы молодой
Опутал сетью роковой.
Как он умел слезой притворной
К себе доверенность вселять!
Насмешкой – скромность побеж-
дать
И, побеждая, вид покорный
Хранить; иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать пред ней!
Он очертил волшебным кругом
Ее желанья; ведал он,
Что быть не мог ее супругом,
Что разделял их наш закон,
И обольщенная упала
На грудь убийцы своего!
Кроме любви, она не знала,
Она не знала ничего...

«Но скоро скуку пресыщенья
Постиг виновный Измаил!
Таиться не было терпенья,
Когда погас минутный пыл.
Оставил жертву оболститель
И удалился в край родной,
Забыл, что есть на небе мсти-
тель,
А на земле еще другой!
Моя рука его отыщет
В толпе, в лесах, в степи пустой,
И казни грозный меч просвищет
Над непреклонной головой;
Пусть лик одежда изменяет:
Не взор – душа врага узнает!

«Черкес, ты понял, вижу я,
Как справедлива месть моя!
Уж на устах твоих проклятья!
Ты, внемля, вздрагивал не раз...
О, если б мог пересказать я,
Изобразить ужасный час,
Когда прелестное созданье
Я в униженье увидал
И безотчетное страданье
В глазах увядших прочитал!
Она рассудок потеряла;
Рядилась, пела <i> плясала,
Иль сидя молча у окна,

По целым дням, как бы не зная,
Что изменил он ей, вздыхая,
Ждала изменника она.
Вся жизнь погибшей девы милой
Остановилась на былом;
Ее безумье даже было
Любовь к нему и мысль об нем...
Какой душе не знал он цену!..» –
И долго русский говорил
Про месть, про счастье, про изме-
ну:
Его не слушал Измаил.
Лишь знает он да бог единый,
Что под спокойною личиной
Тогда происходило в нем.
Стеснив дыханье, вверх лицом
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали от небес отрады)
Лежал он на земле сырой,
Как та земля, и мрачный и
немой!

Видали ль вы, как хищные и злые,
К оставленному трупу в тихий
дол
Слетаются наследники земные,
Могильный ворон, коршун и орел?
Так есть мгновенья, краткие
мгновенья,

Когда, столпясь, все адские муче-
нья

Слетаются на сердце – и грызут!

Века печали стоят тех минут.

Лишь дунет вихрь – и сломится
лилея;

Таков с душой кто слабою рож-
ден,

Не вынесет минут подобных он;

Но мощный ум, крепясь и каме-
нея,

Их превращает в пытку Проме-
тея!

Не сгладит время их глубокий
след:

Всё в мире есть – забвенья только
нет!

Светает. Горы снеговые

На небосклоне голубом

Зубцы подъямлют золотые;

Слилися с утренним лучом

Края волнистого тумана,

И на верху горы Шайтана

Огонь, стыдясь перед зарей,

Бледнеет – тихо приподнялся,

Как перед смертью больной,

Угрюмый князь с земли сырой.

Казалось, вспомнить он старался

Рассказ ужасный и желал
Себя уверить он, что спал;
Желал бы счесть он всё мечтою...
И по челу провел рукою;
Но грусть жестокий властелин!
С чела не сгладил он морщин.

Он встал, он хочет непременно
Пришельцу быть проводником.
Не зная думать что о нем,
Согласен юноша смущенный.
Идут они глухим путем,
Но их тревожит всё: то птица
Из-под ноги у них вспорхнет,
То краснобокая лисица
В кусты цветущие нырнет.
Они всё ниже, ниже сходят
И рук от сабель не отводят.
Через опасный переход
Спешат нагнувшись, без оглядки;
И вновь на холм крутой взошли,
И цепью русские палатки,
Как на ночлеге журавли,
Белеют смутно уж вдали!
Тогда черкес остановился,
За руку путника схватил,
И кто бы, кто не удивился?
По-русски с ним заговорил.

«Прощай! Ты можешь безопасно
Теперь идти в шатры свои;
Но, если веришь мне, напрасно
Ты хочешь потопить в крови
Свою печаль! Страшишь, быть мо-
жет,

Раскаянье прибавишь к ней.
Болезни этой не поможет
Ни кровь врага, ни речь друзей!
Напрасно здесь, в краю далеком,
Ты губишь прелесть юных дней;
Нет, не достать вражде твоей
Главы, постигнутой уж роком!
Он палачам судей земных
Не уступает жертв своих!
Твоя б рука не утрашила
Того, кто борется с судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри ж, он здесь перед тобой!»
И с видом гордого презренья
Ответа князь не ожидал;
Он скрылся меж уступов скал –
И долго русский без движенья,
Один, как вкопанный, стоял.

Меж тем, перед горой Шайтаном
Расположась военным станом,
Толпа черкесов удалых
Сидела вокруг огней своих;

Они любили Измаила,
С ним вместе слава иль могила –
Им всё равно! Лишь только б с
ним!

Но не могла б судьба одним
И нежным чувством меж собою
Сковать людей с умом простым
И с беспокойною душою:
Их всех обидел Росламбек!
(Таков повсюду человек.)

Сидят наездники беспечно,
Курят турецкий свой табак
И князя ждут они: «Конечно,
Когда исчезнет ночи мрак,
Он к нам сойдет; и взор орлиный
Смирит враждебные дружины,
И вздрогнут перед ним они,
Как Росламбек и уздени!»
Так, песню воли напевая,
Шептала шайка удалая.

Безмолвно, грустно, в стороне,
Подняв глаза свои к луне,
Подруге дум любви мятежной,
Прекрасный юноша стоял, –
Цветок для смерти слишком
нежный!

Он также Измаила ждал,

Но не беспечно. Трепет тайный
Порывам сердца изменял,
И вздох тяжелый, не случайный,
Не раз из груди вылетал;
И он явился к Измаилу,
Чтоб разделить с ним – хоть мо-
гилу!

Увы! Такая ли рука
В куски изрубит казака?
Такой ли взор, стыдливый, скром-
ный,
Глядит на мир, чтоб видеть
кровь?

Зачем он здесь, и, ночью темной,
Лицом прелестный, как любовь,
Один в кругу черкесов праздных,
Жестоких, буйных, безобразных?
Хотя страшился он сказать,
Нетрудно было б отгадать,
Когда б... но сердце, чем моложе,
Тем боязливее, тем строже
Хранит причину от людей
Своих надежд, своих страстей.
И тайна юного Селима,
Чуждаясь уст, ланит, очей,
От любопытных, как от змей,
В груди сокрылась невредима!

Часть третья

*She told nor whence, nor why she left
behind*

*Her all for one who seem'd but little kind.
Why did she love him? Curious fool! – be
still–*

*Is human love the growth of human will?..
Lara. – L. Byron.[55]*

*Какие степи, горы и моря
Оружью славян сопротивлялись?
И где веленью русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес! И запад и во-
сток,*

*Быть может, скоро твой разде-
лит рок.*

*Настанет час – и скажешь сам
надменно:*

*Пускай я раб, но раб царя вселен-
ной!*

*Настанет час – и новый грозный
Рим*

*Украшит Север Августом другим!
[56]*

*Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.*

Как хищный зверь, в смиренную
обитель
Врывается штыками победи-
тель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кин-
жал,
Отпрянул русский, – захрипел, – и
пал!
«Отмсти, товарищ!» – и в одно
мгновенье
(Достойное за смерть убийцы
мщенье!)
Простая сакля, веселя их взор,
Горит, – черкесской вольности ко-
стер!..

В ауле дальном Росламбек угрю-
мый
Сокрылся вновь, не ужасом объ-
ят;
Но у него коварные есть думы,
Им помешать теперь не может
брат.
Где ж Измаил? – безвестными го-
рами

Блуждает он, дерется с казаками,
И, заманив полки их за собой,
Пустыню усыпает их костями,
И манит новых по дороге той.
За ним устали русские гоняться,
На крепости природные взбираться;
Но отдохнуть черкесы не дают;
То скроются, то снова нападут.
Они, как тень, как дымное виденье,
И далеко и близко в то ж мгновение.

Но в бурях битв не думал Измаил
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей он
мстил, –
И не пленялся именем героя;
Он ведал цену почестей и слов,
Изобретенных только для глупцов!
Недолгий жар погас! Душой усталый,
Его бы не желал он воскресить;
И не родной аул, – родные скалы
Решился он от русских защитить!

Садится день, одетый мглою,
Как за прозрачной пеленою...
Ни ветра на земле, ни туч
На бледном своде! Чуть примет-
но

Орла на вышине бесцветной;
Меж скал блуждая, желтый луч
В пещеру дикую прокрался
И гладкий череп озарил,
И сам на жителе могил
Перед кончиной разыгрался,
И по разбросанным костям,
Травой поросшим, здесь и там
Скользнул огнистой полосой,
Дивясь их вечному покою.
Но прежде встретил он двоих,
Недвижных также, – но живых...
И, как немые жертвы гроба,
Они беспечны были оба!

Один... так точно! – Измаил!
Безвестной думой угнетаем,
Он солнце тусклое следил,
Как мы нередко провождаем
Гостей докучливых; на нем
Черкесский панцирь и шелом,
И пятна крови омрачали
Местами блеск военной стали.
Младую голову Селим

Вождю склоняет на колени;
Он всюду следует за ним,
Хранительной подобно тени;
Никто ни ропота, ни пени
Не слышал на его устах...
Боится он или устанет,
На Измаила только взглянет –
И весел труд ему и страх!

Он спит, – и длинные ресницы
Закрыли очи под собой;
В ланитах кровь, как у девицы,
Играет розовой струей;
И на кольчуге боевой
Ему не жестко. С сожаленьем
На эти нежные черты
Взирает витязь, и мечты
Его исполнены мученьем:
«Так светлой каплею роса,
Оставляя край свой, небеса,
На лист увядший упадет;
Блестящая райским жемчугом,
Она покоится на нем,
И, беззаботная, не знает,
Что скоро лист увядший тот
Пожнет коса иль конь сомнет!»

С полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,

Он спит; но мирная душа
Взволнована! Полусловами
Он с кем-то говорит во сне!
Услышал князь и удивился;
К устам Селима в тишине
Прилежным ухом он склонился:
Быть может, через этот сон
Его судьбу узнает он...
«Ты мог забыть? – любви не нужно
Одной лишь нежности наружной...
Оставь же!» – сонный говорил.
«Кого оставить?» – князь спросил.
Селим умолк, но на мгновенье;
Он продолжал: «К чему сомненье?
На всем лежит его презренье...
Увы! Что значат перед ним
Простая дева иль Селим?
Так будет вечно между нами...
Зачем бесценными устами
Он это имя освятил?»
«Не я ль?» – подумал Измаил.
И, погодя, он слышит снова:
«Ужасно, боже! Для детей
Проклятие отца родного,
Когда на склоне поздних дней
Оставлен ими... но страшней

Его слеза!..» Еще два слова
Селим сказал, и слабый стон
Вдруг поднял грудь, как стон про-
щанья,
И улетел. – Из состраданья
Князь прерывает тяжкий сон.

И, вздрогнув, юноша проснулся,
Взглянул вокруг и улыбнулся,
Когда он ясно увидал,
Что на коленях друга спал.
Но, покрасневши, сновиденье
Пересказать стыдился он,
Как будто бы лукавый сон
Имел с судьбой его сношенье.
Не отвечая на вопрос
(Примета явная печали),
Щипал он листья диких роз,
И наконец две капли слез
В очах склоненных заблестали;
И, с быстротой отворотясь,
Он слезы осушил рукою...
Всё примечал, всё видел князь;
Но не смутился он душою
И приписал он простоте,
Затеям детским слезы те.
Конечно, сам давно не знал он
Печалей сладостных любви?
И сам давно не предавал он

Слезам страдания свои?

Не знаю!.. Но в других он чувства
Судить отвык уж по своим.
Не раз, личиною искусства,
Слезой и сердцем ледяным,
Когда обманов сам чуждался,
Обманут был он; – и боялся
Он верить, только потому,
Что верил некогда всему!

И презирал он этот мир ничтож-
ный,
Где жизнь – измен взаимных веч-
ный ряд;
Где радость и печаль – всё призрак
ложный!
Где память о добре и зле – всё яд!
Где льстит нам зло, но более
тревожит;
Где сердца утешать добро не мо-
жет;
И где они, покорствуя страстям,
Раскаянье одно приносят нам...

Селим встает, на гору всходит.
Сребристый стелется ковыль
Вокруг пещеры; сумрак бродит
Вдали... вот топот! Вот и пыль,

Желтея, поднялась в лощине!
И крик черкесов по заре
Гудит, теряясь в пустыне!
Селим всё слышал на горе;
Стремглав, в пещеру он вбегает:
«Они! Они!» – он восклицает,
И князя нежною рукой
Влечет он быстро за собой.
Вот первый всадник показался;
Он, мнилось, из земли родился,
Когда въезжал на холм крутой;
За ним другой, еще другой,
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Там, если б два коня столкнулись,
Назад бы оба не вернулись
И не могли б вперед идти.

Толпа джигитов[57] удалая,
Перед горой остановясь,
С коней измученных слезая,
Шумит. – Но к ним подходит
князь,
И всё утихло! Уваженье
В их выразительных чертах;
Но уважение – не страх;
Не власть его основа – мненье!
«Какие вести?» – Русский стан
Пришел к Осаевскому Полю,[58]

Им льстит и бедность наших стран!

Их много! – «Кто не любит волю?»

Молчат. – «Так дайте ж отдохнуть

Своим коням; с зарею в путь.

В бою мы ради лечь костями;

Чего <же> лучшего нам ждать?

Но в цвете жизни умирать...

Селим, ты не поедешь с нами!..»

Бледнеет юноша, и взор

Понятно выразил укор: –

«Нет, – говорит он, – я повсюду,

В изгнанье, в битве спутник твой;

Нет, клятвы я не позабуду –

Угаснуть или жить с тобой!

Не робок я под свистом пули,

Ты видел это, Измаил;

Меня враги не ужаснули,

Когда ты, князь, со мною был!

И с твоего чела не я ли

Смывал так часто пыль и кровь?

Когда друзья твои бежали,

Чьи речи, ласки прогоняли

Суровый мрак твоей печали?

Мои слова! Моя любовь!

Возьми, возьми меня с собою!

Ты знаешь, я владеть стрелою
Могу... И что мне смерть? – о
нет!

Красой и счастьем юных лет
Моя душа не дорожила;
Всё, всё оставляю, жизнь и свет,
Но не оставлю Измаила!»

Взглянул на небо молча князь,
И наконец, отворотясь,
Он протянул Селиму руку;
И крепко тот ее пожал
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знак сей обещал!
И долго витязь так стоял;
И под нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я мог бы этот блеск назвать,
Когда б не скрылся он опять!..

По косогору ходят кони;
Колчаны, ружья, седла, брони
В пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены;
На князе яркая кольчуга
Блестит краснея; погружен
В мечтанье горестное он;
И от страстей, как от недуга,
Бежит спокойствие и сон.

И говорит Селим: «Наверно,
Тебя терзает дух пещерный!
Дай песню я тебе спою;
Нередко дева молодая
Ее поет в моем краю,
На битву друга отпуская!
Она печальна; но другой
Я не слыхал в стране родной.
Ее певала мать родная
Над колыбелию моей,
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навеют звуки
Все сновиденья детских дней!»
Селим запел, и ночь кругом вни-
мает,
И песню ей пустыня повторяет:

Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
И дева ему говорит:

«Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Любви будь вернее!

*«Всегда награжден,
Кто любит до гроба,
Ни зависть, ни злоба
Ему не закон;
Пускай его смерть и погубит;
Один не погибнет, кто любит!»*

*«Любви изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы;
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не заруют!»*

*Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет!*

*«Прочь эту песню! – как безумный
Воскликнул князь, – зачем упрек?..
Тебя ль послушает пророк?..
Там, облит кровью, в битве шум-
ной
Твои слова я заглушу,
И разорву ее оковы...
И память в сердце удушю!..
Вставайте! – как? – вы не гото-*

вы?..

Прочь песни! – крови мне!.. Пора!..
Друзья! Коней!.. Вы не слышали...
Удары, топот, визг ядра,
И крик, и треск разбитой стали?..
Я слышал!.. О, не пой, не пой!
Трость сердце, как дрожит, и что
же?

Ты недовольна?.. Боже! Боже!..
Зачем казнить ее рукой?..»

Так речь его оторвалась
От бледных уст и пронеслася
Невнятно, как далекий гром.
Неровным, трепетным огнем
До половины освещенный,
Ужасен, с шашкой обнаженной
Стоял недвижим Измаил,
Как призрак злой, от сна могил
Волшебным словом пробужден-
ный;

Он взор всей силой устремил
В пустую степь, грозил рукою,
Чему-то страшному грозил:
Иначе, как бы Измаил
Смутиться твердой мог душою?
И понял наконец Селим,
Что витязь говорил не с ним!
Неосторожный! Он коснулся

Душевных струн, – и звук проснул-
ся,
Расторгнув хладную тюрьму...
И сам искусству своему
Селим невольно ужаснулся!

Толпа садится на коней;
При свете гаснущих огней
Мелькают сумрачные лица.
Так опоздавшая станица
Пустынных белых журавлей
Вдруг поднимается с полей...
Смех, клики, ропот, стук и ржа-
нье!

Всё дышит буйством и войной!
Во всем приличия незнанье,
Отвага дерзости слепой.

Светлеет небо полосами;
Заря меж синими рядами
Ревнивых туч уж занялась.
Вдоль по лощине едет князь,
За ним черкесы цепью длинной.
Признаться: конь по седоку!
Бежит, и будто ветер пустынный,
Скользкий шумно по песку,
Крутится, вьется на скаку;
Он бел, как снег: во мраке ночи
Его заметить могут очи.

С колчаном звонким за спиной,
Отягощен своим нарядом,
Селим проворный едет рядом
На кобылице вороной.
Так белый облак, в полдень зной-
ный,
Плывет отважно и спокойно,
И вдруг по тверди голубой
Отрывок тучи громовой,
Грозы дыханием гонимый,
Как черный лоскут, мчится ми-
мо;
Но как ни бейся, в вышине
Он с тем не станет наравне!

Уж близко роковое поле.
Кому-то пасть решит судьба?
Вдруг им слышалась стрельба;
И каждый миг всё боле, боле,
И пушки голос громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнул князь, махнул рукою:
«Вперед! – воскликнул он, – за
мною!»

Сказал и бросил повод.
Нет! Так прекрасен никогда
Он не казался! Повелитель,
Герой по взорам и речам,
Летел к опасным он врагам,

Летел, как ангел-истребитель;
И в этот миг, скажи, Селим,
Кто б не последовал за ним?

Меж тем с беспечною отвагой
Отряд могучих казаков
Гнался за малою ватагой
Неустрашимых удальцов;
Всю эту ночь они блуждали
Вкруг неприязненных шатров;
Их часовые увидали,
И пушка грянула по ним,
И казаки спешат навстречу!
Едва с отчаяньем немым
Они поддерживали сечу,
Стыдясь и в бегстве показать,
Что смерть их может испугать.
Их круг тесней уж становился;
Один под саблю свалился,
Другой, пробитый в грудь свин-
цом,
Был в поле унесен конем,
И, мертвый, на седле всё бился!..
Оружье брось, надежды нет,
Черкес! Читай свои молитвы!
В крови твой шелковый бешимет,
Тебе другой не видеть битвы!
Вдруг пыль! И крик! – он им зна-
ком:

То крик родной, не бесполезный!
Глядят и видят: над холмом
Стоит их князь в броне желез-
ной!..

Недолго Измаил стоял:
Вздыхнуть коню он только дал,
Взглянул, и ринулся, и смял
Врагов, и путь за ним кровавый
Меж их рядами виден стал!
Везде, налево и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадают;
Не видят блеск ее враги
И беззащитно умирают!
Как юный лев, разгорячась,
В средину их врубился князь;
Кругом свистят и реют пули;
Но что ж? Его хранит пророк!
Шелом удары не согнули,
И худо метится стрелок.
За ним, погибель рассыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрез минуту шумный бой
Рассыпался в долине той...

Далеко от сраженья, меж кустов,
Питомец смелый трамских та-
бунов,[59]

Расседланный, хладея постепенно,
Лежал издохший конь; и перед
ним,
Участием исполненный живым,
Стоял черкес, соратника лишен-
ный;
Крестом сжав руки и кидая
взгляд
Завистливый туда, на поле боя,
Он проклинать судьбу свою был
рад,
Его печаль – была печаль героя!
И весь в поту, усталостью то-
мим,
К нему в испуге подскакал Селим
(Он лук не напрягал еще, и стрелы
Все до одной в колчане были це-
лы).

«Беда! – сказал он, – князя не ви-
дать!
Куда он скрылся?» – «Если хочешь
знать,
Взгляни туда, где бранный дым
краснее,
Где гуще пыль и смерти крик
сильнее,
Где кровью облит мертвый и жи-
вой,

Где в бегстве нет надежды никакой:

Он там! – смотри: летит, как с неба пламя;

Его шишак и конь – вот наше знамя!

Он там! – как дух, разит и невредим,

И всё бежит иль падает пред ним!»

Так отвечал Селиму сын природы

–

А лесть была чужда степен свободы!..

Кто этот русский? С саблею в руке,

В фуражке белой? Страха он не знает!

Он между всех отличен вдалеке,
И казаков примером ободряет;

Он ищет Измаила – и нашел,
И вынул пистолет свой, и навел,
И выстрелил! – напрасно! – обманулся

Его свинец! – но выстрел роковой
Услышал князь, и мигом обернулся,
И задрожал: «Ты вновь передо

мною!

Свидетель бог: не я тому виной!..»

—

Воскликнул он, и шашка зазвенела,
И, отделясь от трепетного тела,

Как зрелый плод от ветки молодой,
Скатилась голова; — и конь ретивый,

Встав на дыбы, заржал, мотая
гривой,

И скоро обезглавленный седок
Свалился на растоптанный песок.

Не долго это сердце увядало,
И мир ему! — в единый миг оно

Любить и ненавидеть перестало:
Не всем такое счастье суждено!

Всё жарче бой; главы валяются
Под взмахом княжеской руки;

Спасая дни свои, теснятся,
Бегут в расстройстве казаки!

Как злые духи, горцы мчатся
С победным воем им вослед,

И никому пощады нет!
Но что ж? Победа изменила!

Раздался вдруг неожиданный гром,
Всё в дыме скрылося густом;

И пред глазами Измаила
На землю с бешеных коней
Кровавой грудю костей
Свалился ряд его друзей.
Как град посыпалась картеча;
Пальбу услышав издалеча,
Направля синие штыки,
Спешат ширванские полки.[60]
Навстречу гибельному строю
Один, с отчаянной душою,
Хотел пуститься Измаил;
Но за повод коня схватил
Черкес, и в горы за собою,
Как ни противился седок,
Коня могучего увлек.
И ни малейшего движенья
Среди всеобщего смятенья
Не упустил молодой Селим;
Он бегство князя примечает!
Удар судьбы благословляет,
И быстро следует за ним.
Не стыд, – но горькая досада
Героя медленно грызет:
Жизнь побежденным не награда!
Он на друзей не кинул взгляда,
И, мнится, их не узнает.

Чем реже нас балует счастье,
Тем слаще предаваться нам

Предположеньям и мечтам.
Родится ль тайное пристрастье
К другому миру, хоть и там
Судьбы приметно самовластье,
Мы всё свободнее дарим
Ему надежды и желанья,
И украшаем, как хотим,
Свои воздушные созданья!
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущают,
Мы забываем свет, и вдаль
Душа и мысли улетают,
И ловят сны, в которых нет
Следов и теней прежних лет.
Но ум, сомненьем охлажденный
И спорить с роком приученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страдания желает;
И если иногда мечтает,
То он мечтает победить!
И, зная собственную силу,
Пока не сбросит прах в могилу,
Он не оставит гордых дум...
Такой непобедимый ум
Природой дан был Измаилу!

Он ранен, кровь его течет;
А он не чувствует, не слышит;
В опасный путь его несет

Ретивый конь, храпит и пышет!
Один Селим не отстаёт.
За гриву ухватясь руками,
Едва сидит он на седле;
Боязни бледность на челе;
Он очи, полные слезами,
Порой кидает на того,
Кто всё на свете для него,
Кому надежду жизни милой
Готов он в жертву принести,
И чье последнее «прости»
Его бы с жизнью разлучило!
Будь перед миром он злодей,
Что для любви слова людей?
Что ей небес определенье?
Нет! Охладить любовь гоненье
Еще ни разу не могло;
Она сама свое добро и зло!

Умолк докучный крик погони;
Дымясь и в пене скачут кони
Между провалом и горой,
Кремнистой, тесною тропой;
Они дорогу знают сами
И презирают седока,
И бесполезная рука
Уж не владеет поводками.
Направо темные кусты
Висят, за шапки задевая,

И, с неприступной высоты
На новых путников взирая,
Чернеет серна молодая;
Налево – пропасть; по краям
Ряд красных камней, здесь и там
Всегда обрушиться готовый.
Никем не ведомый поток
Внизу, свиреп и одинок,
Как тигр Америки суровой,
Бежит гремучею волной;
То блещет бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Как две семьи – враждебный ге-
ний,
Два гребня разделяет он.
Вдали на синий небосклон
Нагих, бесплодных гор ступени
Ведут желание и взгляд
Сквозь облака, которых тени
По ним мелькают и спешат;
Сменяя в зависти друг друга,
Они бегут вперед, назад,
И мнится, что под солнцем юга
В них страсти южные кипят!

Уж полдень. Измаил слабеет;
Пылает солнце высоко.
Но есть надежда! Дым синее,
Родной аул недалеко...

Там, где, кустарником покрыты,
Встают красивые граниты
Каким-то пасмурным венцом,
Есть поворот и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом.
Оттуда кровы земляные,
Мечет, белеющий забор,
Аргуны воды голубые,
Как под ногами, встретит взор!
Достигнут поворот желанный;
Вот и венец горы туманной;
Вот слышен речки рев глухой;
И белый конь сильнее рванулся...
Но вдруг переднюю ногой
Он оступися, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упал всей тягостью своей.

И всадник, кровью истекая,
Лежал без чувства на земле;
В устах недвижность гробовая,
И бледность муки на челе;
Казалось, час его кончины
Ждал знак условный в небесах,
Чтобы слететь, и в миг единый
Из человека сделать – прах!
Ужель степная лишь могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет

Мысль о ничтожестве томила?
Нет! Нет! Ведь здесь еще Селим...
Склонясь в отчаянье над ним,
Как в бурю ива молодая
Над падшим гнется алтарем,
Снимал он панцирь и шолом;
Но сердце к сердцу прижимая,
Не слышит жизни ни в одном!
И если б страшное мгновенье
Все мысли не убило в нем,
Судиться стал бы он с творцом
И проклинал бы провиденье!..

Встает, глядит кругом Селим:
Всё неподвижно перед ним!
Зовёт: и тучка дождевая
Летит на зов его одна,
По ветру крылья простирая,
Как смерть, темна и холодна.
Вот наконец сырým покровом
Одела путников она,
И юноша в испуге новом!
Прижавшись к другу с быстротой:
«О, пощади его!.. Постой! –
Воскликнул он, – я вижу ясно,
Что ты пришла меня лишитъ
Того, кого люблю так страстно,
Кого слабей нельзя любить!

Ступай! Ищи других по свету...
Все жертвы бога твоего!..
Ужель меня несчастней нету?
И нет виновнее его?»

Меж тем, подобно дымной тени,
Хотя не понял он молений,
Угрюмый облак пролетел.
Когда ж Селим взглянуть посмел,
Он был далеко! Освеженный
Его прохладой мгновенной,
Очнулся бледный Измаил,
Вздохнул, потом глаза открыл.
Он слаб: другую ищет руку
Его дрожащая рука;
И, каждому внимая звуку,
Он пьет дыханье ветерка,
И всё, что близко, отдаленно,
Пред ним яснее постепенно...
Где ж друг последний? Где Селим?
Глядит! – и что же перед ним?
Глядит – уста оледенели,
И мысли зреньем овладели...
Не мог бы описать подобный миг
Ни ангельский, ни демонский
язык!

Селим... и кто теперь не отгада-
ет?

На нем мохнатой шапки больше
нет,
Раскрылась грудь; на шелковый
бешмет
Волна кудрей, чернея, ниспадает,
В печали женщин лучший их убор!
Молитва стихла на устах!.. А
взор...
О небо! Небо! Есть ли в куцах рая
Глаза, где слезы, робость и печаль
Оставить страшно, уничтожить
жаль?
Скажи мне, есть ли Зара молодая
Меж дев твоих? И плачет ли она,
И любит ли? Но понял я молча-
нье!
Не встретить мне подобное со-
зданье;
На небе неуместно подражанье,
А Зара на земле была одна...
Узнал, узнал он образ позабытый
Среди душевных бурь и бурь войны;
Поцеловал он нежные ланиты –
И краски жизни им возвращены.
Она чело на грудь ему склонила,
Смущают Зару ласки Измаила,
Но сердцу как ума не соблазнить?
И как любви стыда не победить?

Их речи – пламень! Вечная пусты-
ня
Восторгом и блаженством их
полна.
Любовь для неба и земли святы-
ня,
И только для людей порок она!
Во всей природе дышит сладо-
страсть;
И только люди покупают сча-
стье!

Прошло два года, всё кипит война;
Бесплодного Кавказа племена
Питаются разбоем и обманом;
И в знойный день, и под ночным
туманом
Отважность их для русского
страшна.
Казалось, двух братьев помирила
Слепая месть и к родине любовь;
Везде, где враг бежит и льется
кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селим
Теперь уже не следует за ним?
Куда лезгинка нежная сокрылась?
Какой удар ту грудь оледенил,
Где для любви такое сердце би-

лось,
Каким владеть он недостоин
был?
Измена ли причина их разлуки?
Жива ль она иль спит последним
сном?
Родные ль в гроб ее сложили руки?
Последнее «прости» с слезами му-
ки
Сказали ль ей на языке родном?
И если смерть щадит ее поныне –
Между каких людей, в какой пу-
стыне?
Кто б Измаила смел спросить о
том?

Однажды, в час, когда лучи зака-
та
По облакам кидали искры злата,
Задумчив на кургане Измаил
Сидел: еще ребенком он любил
Природы дикой пышные картины,
Разлив зари и льдистые вершины,
Блестящие на небе голубом;
Не изменилось только это в нем!
Четыре горца близ него стояли,
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнет в глубину мо-

рей

И в сердце, где тоска, – но нет
страстей?

О чем бы он ни думал, – запад
дальный

Не привлекал мечты его печаль-
ной;

Другие воспоминанья и другой,
Другой предмет владел его душой.

Но что за выстрел? – дым взвился
белея.

Верна рука, и верен глаз злодея!
С свинцом в груди, простертый на
земле,

С печатью смерти на крутом че-
ле,

Друзьями окружен, любимец бра-
ни

Лежал, навеки нем для их призва-
ний!

Последний луч зари еще играл
На пасмурных чертах и придавал

Его лицу румянец; и казалось,
Что в нем от жизни что-то

оставалось,

Что мысль, которой угнетен был
ум,

Последняя его тяжелых дум,
Когда душа отторгнулась от те-
ла,
Его лица оставить не успела!
Небесный суд да будет над тобой,
Жестокий брат, завистник веро-
ломный!
Ты сам наметил выстрел роко-
вой,
Ты не нашел в горах руки наем-
ной!

Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли
Кровавый труп; расстегнут их ру-
кою
Чекмень, пробитый пулей роко-
вою;
И грудь обмыть они уже хотят...
Но почему их омрачился взгляд?
Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно от-
вернулись?
Зачем? – какой-то локон золотой
(Конечно, талисман земли чу-
жой),
Под грубую одежду измятой,
И белый крест на ленте полоса-

той[61]

Блистали на груди у мертвеца!..

«И кто бы отгадал? – Джяур проклятый!

Нет, ты не стоил лучшего конца;

Нет, мусульманин верный Измаилу

Отступнику не выроет могилу!

Того, кто презирал людей и рок,

Кто смертью играл так свое-
нравно,

Лишь ты низвергнуть смел, свя-
той пророк!

Пусть, не оплакан, он сгниет бес-
славно,

Пусть кончит жизнь, как начал,
одинок».

Литвинка

Повесть

*Чей старый терем на горе крутой
Рисуется с зубчатою стеной?
Бессменный царь синеющих полей,
Кого хранит он твердостью сво-
ей?
Кто темным сводам поверять
привык
Молитвы шепот и веселья клик?
Его владельца назову я вам:
Под именем Арсения друзьям
И недругам своим он был знаком
И не мечтал об имени другом.
Его права оспаривать не смел
Еще никто; – он больше не хотел!
Не ведал он владыки и суда,
Не посещал соседей никогда;
Богатый в мире, славный на вой-
не,
Когда к нему являлися оне, –
Он убегал доверчивых бесед,
Презрением дышал его привет;
Он даже лаской гостя унижал,
Хотя, быть может, сам того не
знал;
Не потому ль, что слишком рано*

он

Повелевать толпе был приучен?

На ложе наслажденья и в бою
Провел Арсений молодость свою.
Когда звучал удар его меча
И красная являлась епанча,
Бежал татарин, и бежал литвин;
И часто стоил войска он один!
Вся в ранах грудь отважного была;
И посреди морщин его чела,
Приличнейший наряд для всяких лет,
Краснел рубец, литовской сабли след!

И возвратясь домой с полей войны,
Он не прижал к устам уста жены,
Он не привез парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберег
Ни жемчугов, ни золотых серег.
И возвратясь в забытый старый дом,
Он не спросил о сыне молодом;
О подвигах своих в чужой стране

Он не хотел рассказывать жене;
И в час свиданья радости слеза
Хоть озарила нежные глаза,
Но прежде чем упасть она могла

—
Страдания слезою уж была.
Он изменил ей! – Что святой об-
ряд
Тому, кто ищет лишь земных на-
град?
Как путники небесны, облака,
Свободно сердце, и любовь легка...

Два дня прошло, – и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье разделить решила с
ней

В монастыре, далеко от людей
(И потому не ближе к небесам).
Их жизнь – одна молитва будет
там!

Но женщины обманутой душа,
Для света умертвясь и им дыша,
Могла ль забыть того, кто
столько лет

Один был для нее и жизнь и свет?
Он изменил! Увы! Но потому
Ужель ей должно изменить ему?
Печаль несчастной жертвы и за-

кон,
Всё презирал для новой страсти
он,
Для пленницы, литвинки молодой,
Для гордой девы из земли чужой.
В угодность ей, за пару сладких
слов
Из хитрых уст, Арсений был го-
тов
На жертву принести жену, детей,
Отчизну, душу, всё, – в угодность
ей!

Светило дня, краснея сквозь ту-
ман,
Садится горделиво за курган,
И, отделив ряды дождливых туч,
Вдоль по земле скользит про-
щальный луч,
Так сладостно, так тихо и свет-
ло,
Как будто мира мрачное чело
Его любви достойно! Наконец
Оставил он долину и венец
Горы высокой, терем озарил
И пламень свой негреющий разлил
По стеклам расписным светлицы
той,

Где так недавно с радостью жи-
вой,
Облокотясь на столик, у окна,
Ждала супруга верная жена;
Где с детскою досадой сын ее
Чуть поднимал отцовское копье;

—
Теперь... где сын и мать? – На ме-
сте их
Сидит литвинка, дочь степеней чу-
жих.

Безмолвная подруга лучших дней,
Расстроенная лютня перед ней;
И, по струне оборванной скользя,
Блестит зари последняя струя.
Устала Клара от душевных бурь...
И очи голубые, как лазурь,
Она сидит, на запад устремив;
Но не зари пленял ее разлив:
Там родина! Певец и воин там
Не раз к ее склонялися ногам!
Там вольны девы! – Там никто бы
ей
Не смел сказать: хочу любви тво-
ей!..

Она должна с покорностью
немой
Любить того, кто грозною вой-

ной
Опустошил поля ее отцов;
Она должна приветы нежных
слов
Затверживать и ненависть, тос-
ку
Учить любви святому языку;
Младую грудь к волненью при-
нуждать,
И страстью небывалой объяс-
нять
Летучий вздох и влажный пла-
мень глаз;
Она должна... но мщенью будет
час!

Вечерний пир готов; рабы шумят.
В покоях пышных блещет свет
лампад;
В серебряном ковше кипит вино;
К его парам привыкнувший давно,
Арсений пьет янтарную струю,
Чтоб этим совесть потопить
свою!
И пленница, его встречая взор,
Читает в нем к веселью приговор,
И ложная улыбка, громкий смех,
Кроме ее, обманывают всех.
И веря той улыбке, восхищен

Арсений; и литвинку обнял он;
И кудри золотых ее волос,
Нежнее шелка и душистей роз,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый лик, отмеченный вой-
ной;

Лукаво посмотрев, принявши вид
Невольной грусти, Клара гово-
рит:

«Ты любишь ли меня?» – «Какой
вопрос? –

Воскликнул он. – Кто ж больше
перенес

И для тебя так много погубил,
Как я? – и твой Арсений не любил?
И, – человек, – я б мог обнять те-
бя,

Не трепеща душою, не любя?

О, шутками меня не искушай!

Мой ад среди людских забот –
мой рай

У ног твоих! – и если я не тут,

И если рук моих твои не жмут,

Дворец и плаха для меня равны,

Досадой дни мои отравлены!

Я непорочен у груди твоей:

Суров и дик между других людей!

Тебе в колена голову склонив,

Я, как дитя, беспечен и счастлив,
И теплое дыханье уст твоих
Приятней мне курений дорогих!
Ты рождена, чтобы повелевать:
Моя любовь то может доказать.
Пусть я твой раб – но лишь не раб
судьбы!

Достойны ли тебя ее рабы?
Поверь, когда б меня не создал
бог,
Он ниспослать бы в мир тебя не
мог».

«О, если б точно ты любил меня!

–

Сказала Клара, голову склоня, –
Я не жила бы в тереме твоём.
Ты говоришь: он мой! – А что мне
в нём?

Богатством дивным, гордой вы-
сотой

Очам он мил, – но сердцу он чу-
жой.

Здесь в роще воды чистые текут –
Но речку ту не Вилией зовут;
И ветер, здесь колеблющий траву,
Мне не приносит песни про Лит-
ву!

Нет! Русский, я не верую любви!

Без милой воли, что дары твои?»
И отвернулась Клара, и укор
Изобразил презренья хладный
взор.

Недвижим был Арсений близ нее,
И, кроме воли, отдал бы он всё,
Чтоб получить один, один лишь
взгляд

Из тех, которых всё блажен-
ство – яд.

Но что за гость является ноч-
ной?

Стучит в ворота сильною рукой,
И сторож, быстро пробудясь от
сна,

Кричит: «Кто там?» – «Впусти-
те! Ночь темна!

В долине буря свищет и ревет,
Как дикий зверь, и тмит небес-
ный свод;

Впустите обогреться хоть на
час,

А завтра, завтра мы оставим вас,
Но никогда в молениях своих
Гостеприимный кров степеней чу-
жих

Мы не забудем!» Страж не отве-
чал;

Но ключ в замке упрямом завизжал,
Об доски тяжкий загремел за-
твор,
Расхлопнулись ворота – и на двор
Два странника въезжают. Фона-
рем
Озарены, идут в господский дом.
Широкий плащ на каждом, и по-
рой
Звонит и блещет что-то под по-
лой.

Арсений приглашает их за стол,
И с ними речь приветную завел;
Но странники, хоть им владецу
рад,
Не много пьют и меньше гово-
рят.
Один из них еще во цвете лет,
Другой, согбенный жизнью, худ и
сед,
И по речам заметно, что привык
Употреблять не русский он язык.
И младший гость по виду был
смелей:
Он не сводил пронзительных очей
С литвинки молодой, и взор его
Для многих бы не значил ничего...

Но, видно, ей когда-то был знаком
Тот дикий взор с возвышенным
челом!

Иль что-нибудь он ей о прошлых
днях

Напоминал! Как знать? – не жен-
ский страх

Ее заставил вздрогнуть и вздох-
нуть,

И голову поспешно отвернуть,

И белою рукой закрыть глаза,

Чтоб изменить не смела ей сле-
за!..

«Ты побледнела, Клара?» – «Я
больна!»

И в комнату свою спешит она.

Окно открывши, села перед ним,

Чтоб освежиться воздухом ноч-
ным.

Туман в широком поле, огонек

Блестит вдали, забыт и одинок;

И ветер, нарушитель тишины,

Шумит, скользя во мраке вдоль
стены;

То лай собак, то колокола звон

Его дыханьем в поле разнесен.

И Клара внемлет. – О как много
дум

Вмещал в себе беспечный, резвый
ум!

О! Если б кто-нибудь увидать мог
Хоть половину всех ее тревог,
Он на себя, не смея измерять,
Всю тягость их решился бы при-
нять,

Чтобы чело, где радость и любовь
Сменялись прежде, прояснилось
вновь,

Чтоб заиграл румянец на щеках,
Как радуга в вечерних облаках...
И что могло так деву взволно-
вать?

Не пришлецы ль? – Но где и как
узнать?

Чем для души страдания сильнее,
Тем вечный след их глубже тонет
в ней,

Покуда всё, что небом ей дано,
Не превратят в страдание одно.

Раздвинул тучи месяц золотой,
Как херувим духов враждебных
рой,

Как упованья сладостный привет
От сердца гонит память про-
шлых бед.

Свидетель равнодушный тайн и

дел,
Которых день узнать бы не хо-
тел,
А тьма укрыть, он странствует
один,
Небесной степи бледный власте-
лин.

Обрисовав литвинки юный лик,
В окно светлицы луч его проник,
И, придавая чудный блеск стеклу,
Беспечно разыгрался на полу,
И озарил персидский он ковер,
Высоких стен единственный убор.
Но что за звук раздался за сте-
ной?

Протяжный стон, исторгнутый
тоской,
Подобный звуку песни... если б он
Неведомым певцом был повто-
рен...
Но вот опять! Так точно... кто ж
поет?

Ты, пленница, узнала! Верно тот,
Чей взор туманный, с пасмурным
челом,
Тебя смутил, тебе давно знаком!
Несбыточным мечтаньям преда-
на,

К окну склонившись, думает она:
В одной Литве так сладко лишь
поют!

Туда, туда меня они зовут,
И им отозвался в груди моей
Такой же звук, залог счастливых
дней!

Минувшее дышало в песни той,
Как вольность – вольной, как
она – простой;
И всё, чем сердцу родина мила,
В родимой песни пленница нашла.
И в этом наслажденье был упрек;
И всё, что женской гордости
лишь мог
Внушить позор, явилось перед ней,
Хладней презренья, мщенья
страшней.
Она схватила лютню, и струна
Звенит, звенит... и вдруг пробуж-
дена
Восторгом и надеждою, в ответ
Запела дева!.. Этой песни нет
Нигде. – Она мгновенна лишь бы-
ла,
И в чьей груди родилась – умерла.
И понял, кто внимал! – Не мудре-
но:

Понятье о небесном нам дано,
Но слишком для земли нас создал
бог,
Чтоб кто-нибудь ее запомнить
мог.

Взошла заря, и отделился лес
Стеной зубчатой на краю небес.
Но отчего же сторож у ворот
Молчит и в доску медную не
бьет?

Что терем не обходит он кру-
гом?

Ужель он спит? – Он спит – но
вечным сном!

Тяжелый кинут на землю затвор;
И близ него старик: закрытый
взор,

Уста и руки сжаты навсегда,
И вся в крови седая борода.

Сбежалась куча боязливых слуг;
С бездействием отчаянья вокруг
Убитого, при первом свете дня,
Они стояли, головы склоня;
И каждый состраданием пылал,
Но что начать, никто из них не
знал.

И где ночной убийца? Чья рука
Не дрогнула над сердцем стари-

ка?
Кто растворил высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустил на двор? Чей пояс голу-
бой
В песке затоптан маленькой но-
гой?
Где странники? К воротам виден
след...
Понятно всё... их нет! – и Клары
нет!

И долго неожиданную весть
Никто не смел Арсению принесть.
Но наконец решились: он внимал,
Хотел вскочить, и неподвижен
стал,
Как мраморный кумир, как бы
мертвец,
С открытым взором встретив-
ший конец!
И этот взор, не зря, смотрел впе-
ред,
Блестя огнем, был холоден как
лед,
Рука, сомкнувшись, кверху подня-
лась,
И речь от синих губ оторвалась:
На клятву походила речь его,

Но в ней никто не понял ничего;
Она была на языке родном –
Но глухо пронеслась, как дальний
гром!..

Бежали дни, Арсений стал опять,
Как прежде, видеть, слышать, по-
нимать,
Но сердце, пораженное тоской,
Уж было мертво, – хоть в груди
живой.

Умел изгнать он из него любовь; –
Но что прошло, небывшим сде-
лать вновь

Кто под луной умеет? Кто меч-
там

Назначит круг заветный, как сло-
вам?

И от души какая может власть
Отсечь ее мучительную часть?

Бежали дни, ничем уж не был он
Отныне опечален, удивлен;

Над ним висеть, чернеть гроза
могла,

Не изменив обычный цвет чела;
Но если он, не зная отвести,

Удар судьбы умел перенести,
Но если показать он не желал,

Что мог страдать, как некогда

страдал,
То язва, им презренная, потом
Всё становилась глубже, – день со
днем! –
Он Клару не умел бы пережить,
Когда бы только смерть... но из-
менить? –
И прежде презирал уж он людей:
Отныне из безумца – стал злодей.
И чем же мог он сделаться дру-
гим,
С его умом и сердцем огневым?
Есть сумерки души, несчастья
след,
Когда ни мрака в ней, ни света
нет.
Она сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна ей и смерть
страшна;
И небо обвинить нельзя ни в чем,
И как назло всё весело кругом!
В прекрасном мире – жертва тай-
ных мук,
В созвучии вселенной – ложный
звук,
Она встречает блеск природы
всей,
Как встретил бы улыбку палачей

Приговоренный к казни! – И назад
Она кидает беспокойный взгляд,
Но след волны потерян в бездне
вод,
И лист отпавший вновь не зацве-
тет!
Есть демон, сокрушитель благ
земных,
Он радость нам дарит на крат-
кий миг,
Чтобы удар судьбы сразил скорей.
Враг истины, враг неба и людей,
Наш слабый дух ожесточает он,
Пока страданья не умчат, как
сон,
Всё, что мы в жизни ценим толь-
ко раз,
Всё, что ему еще завидно в нас!..
Против Литвы пошел великий
князь.
Его дружины, мстью воспалась,
Грозят полям и рощам той стра-
ны,
Где загорится пламенник войны.
Желая защищать свои права,
Дрожит за вольность гордая
Литва,
И клевы хищных птиц, и зуб вол-

ков

Скользят уж по костям ее сынов.

И в русский стан, осенним, серым
днем,

Явился раз, один, без слуг, пеш-
ком,

Боец, известный храбростью сво-
ей, –

И сделался предметом всех речей.
Давно не поднимал он щит и
шлем,

Заржавленный покоем! – И зачем
Явился он? Не честь страны род-
ной

Он защищать хотел своей рукой;
И между многих вражеских сер-
дец

Одно лишь поразить хотел боец.

Вдоль по реке с бегущою волной
Разносит ветер бранный шум и
вой!

В широком поле цвет своих дру-
жин

Свели сегодня русский и литвин.
Чертой багряной серый небосклон
От голубых полей уж отделен,
Темнеют облака на небесах,

*И вихрь несет в глаза песок и
прах:*

*Всё бой кипит; и гнется русский
строй,*

*И, окружен отчаянной толпой,
Хотел бежать... но чей знакомый
глас*

*Все души чудной силою потряс?
Явился воин: красный плащ на
нем,*

*Он без щита, он уронил шолом;
Вооружен секирою стальной,
Предстал – и враг валится, и дру-
гой,*

*С запекшеюся кровью на устах,
Упал с ним рядом. Обнял тайный
страх*

*Сынов Литвы: ослушные кони
Браздам не верят! Тщетно бы они
Хотели вновь победу удержатъ:
Их гонят, бьют, они должны бе-
жать!*

*Но даже в бегстве, обратясь на-
зад,
Они ударов тяжелых сыплют град.*

*Арсений был чудесный тот боец,
Он кровию решился наконец
Огонь, в груди проснувшийся, за-*

лить.

Он ненавидит мир, чтоб не любить

Одно созданье! Кучи мертвецов
Кругом него простерты без щитов,

И радостью блистает этот взор,
Которым месть владеет с давних пор.

Арсений шел, опередив своих,
Как метеор меж облаков ночных;
Когда ж заметил он, что был один

Среди жестоких, вражеских дружин,

То было поздно! – «Вижу, час настал!» –

Подумал он, и меч его искал
Своей последней жертвы. – «Это он!» –

За ним воскликнул кто-то. – Поражен,

Арсений обернулся, – и хотел
Проклятье произнести, но не умел.

Как ангел брани, в легком шишаке,

Стояла Клара, с саблею в руке;

И юноши теснились за ней,
И словом, и движением очей
Распоряжая пылкою толпой,
Она была, казалось, их судьбой.
И встретивши Арсения, она
Не вздрогнула, не сделалась блед-
на,

И тверд был голос девы молодой,
Когда, взмахнувши белою рукой,
Она сказала: «Воины! Вперед!
Надежды нет, покуда не падет
Надменный этот русский! Перед
ним

Они бегут – но мы не побежим.
Кто первый мне его покажет
кровь,
Тому моя рука, моя любовь!»

Арсений отвернул надменный
взор,
Когда он услышал свой приговор.
«И ты против меня!» – восклик-
нул он;
Но эта речь была скорее стон,
Как будто сердца лучшая струна
В тот самый миг была оборвана.
С презреньем меч свой бросил он
потом,
И обернулся медленно плащом,

Чтобы из них никто сказать не
смел,
Что в час конца Арсений поблед-
нел.

И три копыя пронзили эту грудь,
Которой так хотелось отдох-
нуть,

Где столько лет с добром боро-
лось зло,

И наконец оно превозмогло.

Как царь дубровы, гордо он упал,
Не вздрогнул, не взглянул, не за-
кричал.

Хотя б молитву или злой упрек
Он произнес! Но нет! Он был да-
лек

От этих чувств: он век счастли-
вый свой

Опередил неверящей душой;

Он кончил жизнь с досадой на че-
ле,

Жалея, мысля об одной земле, –
Свой ад и рай он здесь умел сыс-
кать.

Других не знал, и не хотел он
знать!..

И опустел его высокий дом,
И странников не угощают в нем;

И двор зарос зеленою травой,
И пыль покрыла серой пеленой
Святые образа, дубовый стол
И пестрые ковры! И гладкий пол
Не скрипнет уж под легкою ногой
Красавицы лукавой и молодой.
Ни острый меч в серебряных нож-
нах,
Ни шлем стальной не блещут на
стенах;
Они забыты в поле роковом,
Где он погиб! – В покое лишь од-
ном
Всё, всё как прежде: лютня у окна,
И вокруг нее обвитая струна;
И две одежды женские лежат
На мягком ложе, будто бы назад
Тому лишь день, как дева стран
чужих
Сюда небрежно положила их.
И, раздувая полог парчевой,
Скользит по ним прохладный
ветр ночной,
Когда сквозь тонкий занавес окна
Глядит луна – нескромная луна!
Есть монастырь, и там в неделю
раз
За упокой молящих слышен глас,

И с честью пред набожной тол-
пой

Арсений поминается порой.

И блещет в церкви длинный ряд
гробов,

Украшенный гербом его отцов;

Но никогда меж них не будет
тот,

С которым славный кончился их
род.

Ни свежий дерн, ни пышный мав-
зольей

Не тяготит сырых его костей;

Никто об нем не плакал... лишь
одна,

Монахиня!.. Бог знает, кто она?

Бог знает, что пришло на мысли
ей

Жалеть о том, кто не жалел об
ней!..

Увы! Он не любил, он не жалел,

Он даже быть любимым не хо-
тел,

И для нее одной был он жесток:

Но разве лучше поступил с ним
рок?

И как не плакать вечно ей о том,

Кто так обманут был, с таким

умом,
Кто на земле с ней разлучен судь-
бой,
И к счастью не воскреснет в жиз-
ни той?..
В печальном только сердце мо-
жет страсть
Иметь неограниченную власть:
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает: молода
И зелена – и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит!
И часто отдыхающий прошлец
Грустит об ней, и мыслит: нако-
нец
Порывам бурь и зною предана,
Увянет преждевременно она!..
Но что ж! – усилъя вихря и до-
ждей
Не могут обнажить ее корней,
И пыльный лист, встречая жар
дневной,
Трепещет всё на ветке молодой!..

Аул Бастунджи

Посвященье

Тебе, Кавказ, – суровый царь земли

–
*Я снова посвящаю стих небреж-
ный:*

*Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
От ранних лет кипит в моей кро-
ви*

*Твой жар и бурь твоих порыв мя-
тежный;*

*На севере в стране тебе чужой
Я сердцем твой, – всегда и всюду
твой!..*

*Твоих вершин зубчатые хребты
Меня носили в царстве урагана,
И принимал меня, лелея, ты
В объятия из синего тумана.
И я глядел в восторге с высоты,
И подо мной, как остов великана,
В степи обросший мохом и тра-
вой,*

Лежали горы грудой вековой.

*Над детской головой моей венцом
Свивались облака твои седые;*

Когда по ним гремя катался
гром,
И пробудясь от сна, как часовые,
Пещеры окликались кругом,
Я понимал их звуки роковые,
Я в край надзвездный пылкою ду-
шой
Летал на колеснице громовой!..

Моей души не понял мир. Ему
Души не надо. Мрак ее глубокой,
Как вечности таинственную
тьму,
Ничье живое не проникнет око.
И в ней-то, недоступные уму,
Живут воспоминанья о далекой
Святой земле... ни свет, ни шум
земной
Их не убьет... я твой! Я всюду
твой!..

Глава первая

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, го-
рами
Закрит от бурь и вольностью бо-
гат.
Его уж нет. Кудрявыми кустами
Покрито поле: дикий виноград

Цепляясь вьется длинными хвостами
Вокруг камней, покрытых сединой,
С вершин соседних сброшенных грозой!..

Ни бранный шум, ни песня молодой
Черкешенки уж там не слышны боле;
И в знойный, летний день табун степной
Без стражи ходит там, один, по воле;
И без оглядки с пикой за спиной
Донской казак въезжает в это поле;
И безопасно в небесах орел,
Чертя круги, глядит на тихий дол.

И там, когда вечерняя заря
Бледнеющим румянцем одевает
Вершины гор, – пустынная змея
Из-под камней резвяся выползает;
На ней рябая блещет чешуя
Серебряным отливом, как блистает

Разбитый меч, оставленный бой-
цом

В густой траве на поле роковом.

Сгорел аул – и слух об нем исчез.
Его сыны рассыпаны в чужбине...
Лишь пред огнем, в туманный
день, черкес

Порой об нем рассказывает ныне
При малых детях. – И чужих
небес

Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: «Ска-
жи,

Не знаешь ли аула Бастунджи?»

В ауле том без ближних и друзей
Когда-то жили два родные брата,
И в Пятигорье не было грозней
И не было отважней Акбулата.
Меньшой был слаб и нежен с
юных дней,
Как цвет весенний под лучом за-
ката!

Чуждался битв и крови он и зла,
Но искра в нем таилась... и жда-
ла...

Отец их был убит в чужом краю.
А мать Селим убил своим рожде-

нъем,
И, хоть невинный, начал жизнь
свою,
Как многие кончают, – преступ-
леньем!
Он душу не обрадовал ничью,
Он никому не мог быть утеше-
нъем;
Когда он в первый раз открыл гла-
за,
Его улыбку встретила гроза!..
Он рос один... по воле, без забот,
Как птичка, меж землей и небеса-
ми!
Блуждая с детства средь родных
высот,
Привык он тучи видеть под нога-
ми,
А над собой один безбрежный
свод;
Порой в степи застигнутый меч-
тами,
Один сидел до поздней ночи он,
И вокруг него летал чудесный сон.
И земляки – зачем? То знает бог –
Чуждались их беседы; особенно
Паслись их кони... и за их порог

Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селим не мог,
Свой тонкий стан, высокий и кра-
сивый,
В бешимет шелко́вый праздничный
одев,
Привлечь одной улыбкой гордых
дев.

Сбиралась ли ватага удальцов
Отбить табун, иль бранною заба-
вой
Потешиться... оставя бедный
кров,
Им вслед, с усмешкой горькой и
лукавой,
Смотрели братья, сумрачны, без
слов,
Как смотрит облак иногда дву-
главый,
Засев меж скал, на светлый бег
луны,
Один, исполнен грозной тишины.

Дивились все взаимной их любви,
И не любил никто их... оттого
ли,
Что никому они дела свои
Не поверяли, и надменной воли

Склонить пред чуждой волей не
могли?

Не знаю, – тайна их угрюмой доли
Темнее строк, начертанных ру-
кой

Прохожего на плите гробовой...

Была их сакля меньше всех других,
И с плоской кровли мох висел зе-
леный.

Рядком блистали на стенах про-
стых

Аркан, седло с насечкой вороне-
ной,

Два башлыка, две шашки боевых,
Да два ружья, которых ствол гра-
ненный,

Едва прикрытый шерстяным чех-
лом,

Был закопчен в дыму пороховом.

Однажды... Акбулата ждал Се-
лим

С охоты. Было поздно. На долину
Туман ложился, как прозрачный
дым;

И сквозь него, прорезав половину
Косматых скал, как буркою, гу-
стым

Одетых мраком, дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозревал задумчивый Бешту.

Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем, горы снего-
вые;

Машук, склоняся лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в помещения чужие.
С мечети слез мулла; аул дре-
мал...

Лишь в крайней сакле огонек бли-
стал.

И ждет Селим – сидит он час и
два,

Гуляя в поле, горный ветер пла-
чет,

И под окном колышется трава.
Но чу! Далекий топот... кто-то
скачет...

Примчался; фыркнул конь, за-
ржал... Сперва

Спрыгнул один, потом другой...
что это значит?

То не сайгак, не волк, не зверь лес-
ной!

Он прискакал с добычею иной.
И в саклю молча входит Акбулат,
Самодовольно взорами сверкая.
Селим к нему: «Ты загулялся,
брат!
Я чай, с тобой не дичь одна лесная».
И любопытно он взглянул назад,
И видит он: черкешенка младая
Стоит в дверях, мила, как херувим;
И побледнел невольно мой Селим.
И в нем, как будто пробудясь от сна,
Зашевелилось сладостное что-то.
«Люби ее! Она моя жена! –
Сказал тогда Селиму брат. – Охотой
Родной аул покинула она.
Наш бедный дом храним ее заботой
Отныне будет. Зара! Вот моя
Отчизна, всё богатство, вся семья!..»
И Зара улыбнулась, и уста

Хотели вымолвить слова приве-
та,
Но замерли. – Вдоль по челу меч-
та
Промчалась тенью. По словам по-
эта,
Казалось, вся она была слита,
Как гурии, из сумрака и света; [62]
Белей и чище ранних облаков
Являлась грудь, поднявшая по-
кров;

Черны глаза у серны молодой,
Но у нее глаза чернее были;
Сквозь тень ресниц, исполнены ду-
шой,
Они блаженством сердцу говори-
ли!
Высокий стан искусною рукой
Был стройно перетянут без уси-
лий;
Сквозь черный шелк витого куша-
ка
Блистало серебро исподтишка.

Змеились косы на плечах младых,
Оплетены тесемкой золотою;
И мрамор плеч, белея из-под них,
Был разрисован жилкой голубою.

Она была прекрасна в этот миг,
Прекрасна вольной дикой просто-
тою,
Как южный плод румяный, золо-
той,
Обрызганный душистою росой.

Селим смотрел. Высоко билось в
нем
Встревоженное сердце чем-то но-
вым.
Как сладко, страстно пламен-
ным челом
Прилег бы он к грудям ее перло-
вым!
Он вздрогнул, вышел... сумрачен
лицом,
Кинжал рукою стиснув. – На шел-
ковом
Ковре лениво Акбулат лежал,
Курил и думал... О! Когда б он
знал!..

Промчался день, другой... и много
дней;
Они живут, как прежде, нелюди-
мо.
Но раз... шумела буря. Всё черней
Утесы становились. С воем мимо,

Подобно стае скачущих зверей,
Толпою резвых жадных псов гонимой,
Неслися друг за другом облака,
Косматые, как перья шишака.

Очами Акбулат их провожал
Задумчиво с порога сакли бедной.
Вдруг шорох: он глядит... пред
ним стоял
Селим, без шапки, пасмурный и
бледный;
На поясе звеня висел кинжал,
Рука блуждала по оправе медной;
Слова кипели смутно на устах,
Как бьется пена в тесных берегах.

И юноше с участием живым
Он молвил: «Что с тобой? – не понимаю!
Скажи!» – «Я гибну! – отвечал Селим,
Сверкая мутным взором, – я страдаю!..
Одною думой день и ночь томим!
Я гибну!.. Ты ревнив, ты вспыльчив: знаю!
Безумца не захочешь ты спасти...
Так, я виновен... но, прости!.. Про-

сти!..»

«Скажи, тебя обидел кто-нибудь?

—

Обиду злобы кровью смыть могу
я!

Иль конь пропал? – Забудь об нем,
забудь,

В горах коня красивее найду я!..

Иль от любви твоя пылает
грудь?

И чуждой девы хочешь поцелуя?..

Ее увезть легко во тьме ночной,

Она твоя!.. Но молви: что с то-
бой?»

«Легко спросить... но тяжело рас-
сказать

И чувствовать!.. Молился я про-
року,

Чтоб ангелам велел он ниспо-
слать

Хоть каплю влаги пламенному
оку!..

Ты видишь: есть ли слезы?.. О! Не
трать

Молитв напрасных... к яркому во-
стоку

И западу взывал я... но в моей

Душе всё шевелится грусть, как змей!..

«Я проклял небо – оседлал коня;
Пустился в степь. Без цели мы блуждали,
Не различал ни ночи я, ни дня...
Но вслед за мной мечты мои скакали!
Я гибну, брат!.. Пойми, спаси меня!
Твоя душа не крепче бранной стали;
Когда я был ребенком, ты любил Ребенка... помнишь это? Иль забыл?..

«Послушай!.. Бурно молодость во мне
Кипит, как жаркий ключ в скалах Машука!
Но ты, – в твоей суровой седине
Видна усталость жизни, лень и скука.
Пускай летать ты можешь на коне,
Звенящую стрелу бросать из лука,
Догнать оленя и врага сразить...

Но... так, как я, не можешь ты любить!..

«Не можешь ты безмолвно целый час

Смотреть на взор живой, но безответный,

И утопать в сиянье милых глаз,
Тая в груди, как месь, огонь заветный!

Обнявши Зару, я видал не раз,
Как ты томился скукою приметной...

Я б отдал жизнь за поцелуй такой,

И... если б мог, не пожалел другой!..»

Как облака, висящие над ним,
Стал мрачен лик суровый Акбулата;

Дрожь пробежала по усам седым,
Взор покраснел, как зарево заката.

«Что произнести решился ты, Селим!» –

Воскликнул он. Селим не слушал брата.

Как бедный раб, он пал к его но-

гам,
И волю дал страданью и моль-
бам.

«Ты видишь: я погиб!.. Спасенья
нет...

Отчаянье, любовь... везде! Повсю-
ду!..

О! Ради прежней дружбы... преж-
них лет...

Отдай мне Зару!.. Уступи!.. Я буду
Твоим рабом... послушай: сжалъ-
ся!.. Нет,

Нет!.. Ты меня, как ветхую посу-
ду,

С презреньем гордым кинешь за
порог...

Но, видишь: вот кинжал! – а там:
есть бог!..

«Когда б хотел, я б мог давно, по-
верь,

Упиться счастьем, презреть всё
святое!

Но я подумал: нет! Как лютый
зверь,

Он растерзает сердце молодое! –
И вот пришло раскаянье теперь,

Пришло – но поздно! Я ошибся

вдвое,
Я, как глупец, остался на земле,
Один, один... без дружбы и любви!..

«Что медлить: я готов – не размышляй!
Один удар – и мы спокойны оба.
Увы! Минута с ней – небесный рай!
Жизнь без нее – скучней, страшнее гроба!

Я здесь, у ног твоих... решишь или знай:
Любовь хитрей, чем ревность или злоба;
Я вырву Зару из твоих когтей;
Она моя – и быть должна моей!»

Умолк. Бледней снегов был нежный лик,
В очах дрожали слезы испуганья;
Меж губ слова слились в невнятный крик,
Мучительный, ужасный... сожаленье
Угрюмый брат почувствовал на миг:

«Пройдет, – сказал он, – время за-

блужденья!

Есть много звезд: одна другой
светлей;

Красавиц много без жены моей!..

«Что дал мне бог, того не уступлю;

А что сказал я, то исполню свято.

Пророк зрит мысль и слышит
речь мою!

Меня не тронут ни мольбы, ни
злато!..

Прощай... но если! Если...» – «Я
люблю,

Люблю ее! – сказал Селим, объ-
ятый

Тоской и злобой, – я просил, скор-
бел...

Ты не хотел!.. Так помни ж: не хо-
тел!»

Его уста скривил холодный смех;

Он продолжал: «Всё кончено от-
ныне!

Нет для меня ни дружбы, ни
утех!..

Благодарю тебя!.. Ты, как об сыне,
Об юности моей пекся: сказать не

грех...

По воле нежил ты цветок в пустыне,

По воле оборвал его листья...

Я буду помнить – помни только ты!..»

Он отвернулся и исчез, как тень.

Стоял недвижим Акбулат смущенный,

Мрачней, чем громом опаленный пенъ.

Шумела буря. Ветром наклоненный,

Скрипел полуразрушенный плетень;

Да иногда, грозою заглушенный,

Из бедной сакли раздавался вдруг

Беспечной, нежной, вольной песни звук!..

Так, иногда, одна в степи чужой

Залетная певица, птичка юга,

Поет на ветке дикой и сухой,

Когда вокруг шумит, бушует вьюга.

И путник внемлет с тайною тоской,

И думает: то верно голос друга!

Его душа, живущая в раю,
Сошла печаль приветствовать
мою!..

Селим седлает верного коня,
Гребенкой медной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещет; крепко обвивая
Седло с конем, сцепились два рем-
ня.

Стремёна ровны; плетка шелко-
ва́я
На арчаге мотается.[63] Храпит,
Косится конь... пора, садись, джи-
гит.

Горяч и статен конь твой воро-
ной!
Как красный уголь, его сверкает
око!
Нога стройна, косматый хвост
трубой;
И лоснится хребет его высокой,
Как черный камень, сглаженный
волной!
Как саранча, легко в степи широ-
кой
Порхает он под легким седоком,
И голос твой давно ему знаком!..

И молча на коня вскочил Селим;
Нагайкою махнул, привстал
немного

На стремях... затрепетал под
ним

И захрапел товарищ быстроно-
гой!

Скачок, другой... ноздрями пар,
как дым...

И полетел знакомою дорогой,
Как пыльный лист, оторванный
грозой,

Летит крутясь по степи голу-
бой!..

Размашисто скакал он; и кремни,
Как брызги рассыпаясь, трещали
Под звонкими копытами. Они
Сырую землю мерно поражали;
И долго вслед ущелия одни
Друг другу этот звук передавали,
Пока вдали, мгновенный, как Си-
мун,[64]

Не скрылся всадник и его скакун...

Как дух изгнанья, быстро он исчез
За пеленой волнистого тумана!..
У табуна сторожевой черкес,
Дивясь, долго вслед ему с кургана

Смотрел и думал: «Много есть чудес!..

Велик Аллах!.. Ужасна власть шайтана!

Кто скажет мне, что этого коня Хозяин мрачный – сын земли, как я?»

Глава вторая

Меж виноградных лоз нагорный ключ

От мирного аула недалеко
Бежал по камням, светел и гремуч.

Небес восточных голубое око
Гляделось в нем; и плавал жаркий луч

В его волне студеной и глубокой;
И мелкий дождь серебряных цветов

В него с прибрежных сыпался дерев.

Вот мирный час, когда на водопой
Бежит к потоку серн пугливых стая,

Шумя по листьям и траве густой.

Вот час, когда черкешенка мла-

дая
Идет купаться тайною тропой.
Нагую ножку в воду погружая,
Она дрожит, смеется... и вокруг
Кидает взгляд, где дышит
страсть и юг!

Не бойся, Зара! – всюду тишина;
Присядь на камень, сбрось покров
узорный!

Вода в ручье прозрачна, холодна;
Смирит волнение груди непокор-
ной

И освежит твой смуглый стан
она.

Но, чу!.. Постой!.. Чей это шаг
проворный

Не в добрый час раздался меж ку-
стов?..

Святой пророк! – скорей, где твой
покров?..

Но сильно чья-то жаркая рука
Хватает руку Зары. Страстен,
молод

Огонь руки сей!.. Сакля далека...
Что делать? – В грудь ее смер-
тельный холод

Проник, как пуля меткого стрел-

ка,
И сердце громко билось в ней, как
молот!
«Селим, ты здесь? Злой дух тебя
принес!
Зачем пришел ты?» – «Я?.. Какой
вопрос!»

«Селим!.. О!.. Я погибла!..» – «Мо-
жет быть;
Так что ж!» – «Ужель! Ни капли
сожаленья!
Чего ты хочешь?» – «Я хочу лю-
бить!
Хочу! – ты видишь: краткие муче-
нья
Меня уж изменили... скучно
жить,
Как зверю, одному... часам терпе-
нья
Настал последний срок! – я снова
здесь.
Я твой: навек, душой и телом:
весь!

«Я знал, что ваш пророк – не мой
пророк,
Что люди мне – чужие, а не бра-
тья;

И странствовал в пустыне, оди-
нок
И сумрачен, как див, дитя прокля-
тья!
Без страху я давно б в могилу
слег;
Но холодны сырой земли объ-
тья...
Ах! Я мечтал хоть миг один за-
снуть,
Мою главу склонив к тебе на
грудь!..
«Беги со мной!.. Оставь свой бед-
ный дом.
Я молод, свеж; твой муж – ста-
рик суровый!
Решись, спеши: мне тайный путь
знаком;
Мое ружье верней стрелы громо-
вой;
Кинжал мой блещет гибельным
лучом;
Моя рука быстрее, чем взгляд и
слово;
И у меня жилище есть в горах,
Где отыскать нас может лишь
Аллах!

*«Мой дом изрыт в расселинах ска-
лы:*

*В нем до меня два барса дружно
жили,*

*Узнав пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянув, бросились, завы-
ли...*

*Я их убил – и в тот же день орлы
Кровавые их кости растащили;
И кожи их у входа, по бокам,
Висят, как тени, в страх другим
зверям.*

*«Там ложе есть из моха и цветов,
Там есть родник, меж камней ис-
сеченный;*

*Его питает влага облаков,
И брызжет он журча струею
пленной.*

*Беги со мной!.. Никто твоих сле-
дов*

*Не различит в степи, мой друг
бесценный!*

*И только месяц с солнцем золо-
тым*

*Узнают, как и кто тобой лю-
бим!..»*

Обнявши стан ее полунагой,

Едва дыша, склонившись к ней
устами,

Он ждал ответа с страхом и
тоской:

Она молчала – шаткими ветвя-
ми

Шумел над ними ветер полевой,
И тени листьев темными ряда-
ми

Бродили по челу ее; она,
Как мраморный кумир, была
бледна.

«Решись же, Зара: ждать я не мо-
гу!..

Ты побледнела?.. Что такое?..
Слезы?

Но разве здесь ты предана врагу?
Иль речь любви похожа на угро-
зы?

Иль ты меня не любишь? Нет! Я
лгу...

Твои уста нежней иранской розы:
Они не могут это произнести!..
Пусть нет в тебе любви... но...
жалость есть!

«О, как я был бы счастлив, как бо-
гат

Под звездами Аллы, один с тобою!..

Скажи: тебя не любит Акбулат?
Он зол, ревнив, он пасмурен душою,

И речь его хладнее, чем булат?..
Он для тебя постыл... беги со мною...

Но ты качаешь молча головой...
Не он тобой любим!.. Но кто ж другой?

«Скорей: откуда? Где он? Назови –
Я вытвержу зловещее название...
Я обниму как брата – и в крови
Запечатлею братское лобзание.
Кто ж он, счастливый царь твоей любви?

Пускай придет дразнить мое страданье,
При мне тебя и нежить и ласкать...

Я рад смотреть, клянусь... и рад молчать!..»

И он склонил мятежную главу,
И он закрыл лицо свое руками,
И видно было ей, как на траву
Упали две слезы двумя звездами.

Без смысла и без звука, наяву,
Как бы во сне, он шевелил устами
И наконец припал к земле сырой,
Как та земля, и хладный и немой.

Ей стало жаль; она сказала вдруг:
«Не плачь!.. Ужасен вид твоей печали!

Отец мой был великий воин: юг
И север и восток об нем слыхали.
Он был свирепый враг, но верный
друг,
И низкой лжи уста его не знали...
Я дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну – но не изменю!..

«Оставь меня! Я счастлива с другим!» –

«Неправда!» – «Я люблю его!» –
«Конечно!!!

Он мой злодей, мой враг!!» – «Селим! Селим!

«Кто ж виноват?» – «Он прав?» –
«Ужели вечно

Не примиритесь вы?» – «Мириться?
С ним?

Да кто же я, чтоб злобой скоро-
течной

Дразнить людей и небо!» – «Ты

жесток!» –

«Как быть? Таковую душу дал мне рок!

«Прощай! Уж поздно! Бог рассудит нас!

Но если я с тобой увижусь снова,
То это будет – знай – в последний раз!..»

Он тихо встал, и более ни слова,
И тихо удалился. День угас;
Лишь бледный луч из-за Бешту
крутого

Едва светил прощальною струей
На бледный лик черкешенки мла-
дой!

Селим не возвращался. Акбулат
Спокоен. Он не видит, что порою
Его жены доселе ясный взгляд
Туманится невольною слезою.

Вот, раз, с охоты ехал он назад:
Аул дремал, в тени таясь от
зною;

С мечети божей лишь мулла се-
дой

Ему смеясь кивает головой

И говорит: «Куда спешишь, мой
сын!

Не лучше ли гулять в широком
поле?

Черкес прямой – всегда, везде
один,

И служит только родине да воле!

Черкес земле и небу господин,
И чуждый враг ему не страшен
боле;

Но, если б он послушался меня,
Жену бы кинул – а купил коня!»

«Молись себе пророку, злой мулла,
И не мешайся так в дела чужие.
Твой верен глаз – моя верней стре-
ла:

За весь табун твой не отдам же-
ны я!»

И тот в ответ: «Я не желаю зла,
Но вспомнишь ты слова мои про-
стые!»

Смутился Акбулат – потупил
взор,

И скачет он скорей к себе на двор.

С дрожащим сердцем в саклю вхо-
дит он,

Глядит: на ложе смятом и раз-
рытом

Кинжал знакомый блещет без но-

ЖОН.

Любимый конь не ржет, не бьет
копытом,
Нейдет навстречу Зара: мертвый
сон
Повсюду. Лишь на очаге забытом
Сверкает пламень. – Он не взвидел
дня:
Нет ни жены! Ни лучшего коня!!!..

Без сил, без дум, недвижим, как
мертвец,
Пронзенный сзади пулею несме-
лой,
С открытым взором встретив-
ший конец,
Присел он на порог – и что кипело
В его груди, то знает лишь тво-
рец!

Часы бежали. Небо потемнело;
С росой на землю пала тишина;
Из туч косматых прынула луна.

Бледней луны сидел он недвижим.
Вдруг слышен топот: всё ясней,
яснее,
Вот мчится в поле конь. Как лег-
кий дым,
Волною грива хлещет вдоль по

шее;
И вьется что-то белое над ним,
Как покрывало... Конь летит
быстрее...
Знакомый конь!.. Вот близко, при-
скакал...
Но вдруг затрясся, захрипел – и
пал.

Издохший конь недвижимо ле-
жит,
На нем колеблясь блещет покрыва-
ло;
Черкесской пулей тонкий холст
пробит:
Кровь запеклась на нем струею
алой!
К коню в смущенье Акбулат бе-
жит;
Лицо надеждой снова заблестало:
«Спасибо, друг, не позабыл меня!»
И гладит он издохшего коня.

И покрывала белого коня
Нетерпеливой поднял он рукою;
Склонился – месяц светит: о Тво-
ре,
Чей бледный труп он видит пред
собою?

Глубоко в грудь, как скорпион, сви-
нец
Впился, насытясь кровью моло-
дою;
Ремень, обвивший нежный стан
кругом,
К седлу надежным прикреплен уз-
лом.

Как ранний снег бела и холодна,
Бесчувственно рука ее лежала,
Обрызганная кровью... и луна
По гладкому челу, скользя, игра-
ла.

С бесцветных уст, как слабый
призрак сна,
Последняя улыбка исчезала;
И, опустясь, ресницы бахромой
Бездушный взор таили под собой.

Узнал ли ты, несчастный Акбу-
лат,
Свою жену, подругу жизни ста-
рой?
Чей сладкий голос, чей веселый
взгляд
Был одарен неведомою чарой,
Пленял тебя лишь день тому на-
зад?..

Всё понял он – стоит над мерт-
вой Зарой;
Терзает грудь и рвет одежды он,
Зовет ее – но крепок мертвых сон!

Да упадет проклятие людей
На жизнь Селима. Пусть в степи
палящей
От глаз его сокроется ручей.
Пускай булат руке его дрожащей
Изменит в битве; и в кругу друзей
Тоска туманит взор его блестя-
щий;
Пускай один, бродя во тьме ноч-
ной,
Он чей-то шаг всё слышит за со-
бой.

Да упадет проклятие Аллы
На голову убийцы молодого;
Пускай умрет не в битве – от
стрелы
Неведомой разбойника ночного,
И полумертвый на хребте скалы
Три ночи и три дня лежит без
крова;
Пусть зной палит и бьет его гро-
за
И хищный коршун выключет глаза!

Когда придет, покинув выси гор,
Его душа к обещанному раю,
Пускай пророк свой отворотит
взор

И грозно молвит: «Я тебя <не>
знаю!»

Тогда, поняв язвительный укор,
Воскликнет он: «Прости мне!
Умоляю!..»

И снова скажет грешнику пророк:
«Ты был жесток – и я с тобой же-
сток!»

И в ту же ночь за час перед зарей
С мечети грянул вещей звук наба-
та.

Народ сбегался: как маяк ноч-
ной,

Пылала ярко сакля Акбулата.
Вокруг нее огонь вился змеей,
Кидая к небу с треском искры зла-
та;

И чей-то смех мучительный и
злой

Сквозь дым и пламя вылетал по-
рой.

И ниц упал испуганный народ.
«Молитесь, дети! Это смех шай-

тана!» –

Сказал мулла таинственно – и
вот

Какой-то темный стих из алко-
рана

Запел он громко. Но огонь ревет

И мечется сильнее урагана

И, не внимая жалобным моль-
бам,

Расходится по крышам и стенам.

И зарево на дальних высотах

Трепещущим румянцем отрази-
лось;

И серна гор, лежавшая в кустах,
Послышав крик, вздрогнула, про-
будилась.

Ее невольно обнял тайный страх:
Стряхнув с себя росу, она пусти-
лась,

И, спавшие под сению скалы,
Взвилися с криком дикие орлы.

Сгорел аул – и слух об нем исчез;

Его сыны рассыпаны в чужбине.

Лишь иногда в туманный день
черкес

Об нем, вздохнув, рассказывает
ныне

При малых детях. И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: «Ска-
жи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?..»

Хаджи Абрек

Велик, богат аул Джемат, [65]
Он никому не платит дани;
Его стена – ручной булат;
Его мечеть – на поле брани.
Его свободные сыны
В огнях войны закалены;
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.

По небу знойный день катится,
От скал горячих пар струится;
Орел, недвижим на крылах,
Едва чернеет в облаках;
Ущелья в сон погружены:
В ауле нет лишь тишины.
Аул встревоженный пустеет,
И под горой, где ветер веет,
Где из утеса бьет поток,

Стоит внимательный кружок.
Об чем ведет переговоры
Совет джематских удальцов?
Хотят ли вновь пуститься в горы
На ловлю чуждых табунов?
Не ждут ли русского отряда,
До крови лакомых гостей?
Нет, – только жалость и досада
Видна во взорах узденей.
Покрыт одеждами чужими,
Сидит на камне между ними
Лезгинец дряхлый и седой;
И льется речь его потоком,
И вокруг себя блестящим оком
Печально водит он порой.
Рассказу старого лезгина
Внимали все. Он говорил:
«Три нежных дочери, три сына
Мне бог на старость подарил;
Но бури злые разразились,
И ветви древа обвалились,
И я стою теперь один,
Как голый пенёк среди долин.
Увы, я стар! Мои седины
Белее снега той вершины.
Но и под снегом иногда
Бежит кипучая вода!..
Сюда, наездники Джемата!

Откройте удаль мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто возвратит мне дочь мою?
В плену сестры ее увяли,
В бою неровном братья пали;
В чужбине двое, а меньшей
Пронзен штыком передо мной.
Он улыбался, умирая!
Он верно зрел, как дева рая
К нему слетела пред концом,
Махая радужным венцом!..
И вот пошел я жить в пустыню
С последней дочерью своей.
Ее хранил я, как святыню;
Всё, что имел я, было в ней:
Я взял с собою лишь ее,
Да неизменное ружье.
В пещере с ней я поселился,
Родимой хижины лишен;
К беде я скоро приучился,
Давно был к воле приучен.
Но час ударил неизбежный,
И улетел птенец мой нежный!..
Однажды ночь была глухая,
Я спал... Безмолвно надо мной
Зеленой веткою махая,
Сидел мой ангел молодой.
Вдруг просыпаюсь: слышу, шепот,

–
И слабый крик, – и конский топот...
Бегу, и вижу – под горой
Несется всадник с быстротой,
Схватив ее в свои объятия.
Я с ним послал свои проклятья.
О, для чего, второй гонец,
Настичь не мог их мой свинец!
С кровавым мщеньем, вот – здесь
скрытым,
Без сил отмстить за свой позор,
Влачусь я по горам с тех пор,
Как змей, раздавленный копытом.
И нет покоя для меня
С того мучительного дня...
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удаль мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто привезет мне дочь мою?»

«Я!» – молвил витязь черноокий,
Схватившись за кинжал широкий,
И в изумлении немом
Толпа раздвинулась кругом.
«Я знаю князя! Я решился!..
Две ночи здесь ты жди меня:

Хаджи бесстрашный не садился
Ни разу даром на коня.
Но если я не буду к сроку,
Тогда обет мой позабудь,
И об душе моей пророку
Ты помолись, пускаясь в путь».

Взошла заря. Из-за туманов,
На небосклоне голубом,
Главы гранитных великанов
Встают, увенчанные льдом.
В ущелье облако проснулось,
Как парус розовый, надулось,
И понеслось по вышине.
Всё дышит утром. За оврагом,
По косогору, едет шагом
Черкес на борзom скакуне.
Еще ленивое светило
Росы холмов не осушило.
Со скал высоких, над путем,
Склонился дикий виноградник;
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник:
Небрежно бросив поводя,
Красивой плеткой он махает,
И песню дедов иногда,
Склонясь на гриву, запекает.
И дальний отзыв за горой

Уныло вторит песни той.

Есть поворот – и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом,
Там, где красивые граниты
Рубчатым сходятся венцом.
Оттуда он, как под ногами,
Смиранный различит аул,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гул;
И на краю крутого ската
Отметит саклю Бей-Булата,
И, как орел, с вершины гор
Вперит на крышу светлый взор.
В тени прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидит.
Пред нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядит.
Кого ты ждешь, звезда востока,
С заботой нежною такой?
Не друг ли будет издалека?
Не брат ли с битвы роковой?
От зноя утомясь дневного,
Твоя головка уж готова
На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колена,
И неги сладостная власть
Плечо исторгнула из плена;

Отяготел твой ясный взор,
Покрывшись влагою жемчужной;
В твоих щеках, как метеор,
Играет пламя крови южной;
Уста волшебные твои
Зовут лобзание любви.
Немым встревожена желаньем,
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабым трепетаньем
Хотят покровы оттолкнуть.
О, где ты, сердца друг бесценный!..
Но вот – и топот отдаленный,
И пыль знакомая взвилась,
И дева шепчет: «Это князь!»

Легко надежда утешает,
Легко обманывает глаз:
Уж близко путник подъезжает...
Увы, она его не знает,
И видит только в первый раз!
То странник, в поле запоздалый,
Гостеприимный ищет кров;
Дымится конь его усталый,
И он спрыгнуть уже готов...
Спрыгни же, всадник!.. Что же он
Как будто крова испугался?
Он смотрит! Краткий, грустный
стон

*От губ сомкнутых оторвался,
Как лист от ветви молодой,
Измятый летнею грозой!*

*«Что медлишь, путник, у порога?
Слезай с походного коня.
Случайный гость – подарок бога.
Кумыс и мед есть у меня.
Ты, вижу, беден; я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поедешь в путь,
В молитве нас не забудь!»*

Хаджи Абрек

*Аллах спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И от отца тебе поклон
За то привез с собою он.*

Леила

*Как! Мой отец? Меня поныне
В разлуке долгой не забыл?
Где он живет?*

Хаджи Абрек

*Где прежде жил:
То в чуждой сакле, то в пустыне.*

Леила

*Скажи: он весел, он счастлив?
Скорей ответствуй мне...*

Хаджи Абрек

*Он жив.
Хотя порой дождям и стуже
Открыта голова его...
Но ты?*

Леила

Я счастлива...

Хаджи Абрек (тихо)

Тем хуже!

Леила

А? Что ты молвил?..

Хаджи Абрек

Ничего!

*Сидит пришелец за столом.
Чихирь с серебряным пшеном
Пред ним, не тронуты доселе,
Стоят! Он странен, в самом де-
ле!*

Как на челе его крутом
Блуждают, движутся морщины!
Рукою лет или кручины
Проведены они по нем?

Развеселить его желая,
Леила бубен свой берет;
В него перстами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза как звезды блещут,
И груди полные трепещут;
Восторгом детским, но живым
Душа невинная объята:
Она кружится перед ним,
Как мотылек в лучах заката.
И вдруг звенящий бубен свой
Подъемлет белыми руками;
Вертит его над головой,
И тихо черными очами
Поводит, – и, без слов, уста
Хотят сказать улыбкой милой –
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе – всё мечта!»

Хаджи Абрек

Довольно! Перестань, Леила;
На миг веселость позабудь:
Скажи, ужель когда-нибудь

*О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвечай.*

Леила

*Нет! Что мне хладная могила?
Я на земле нашла свой рай.*

Хаджи Абрек

*Еще вопрос: ты не грустила
О дальней родине своей,
О светлом небе Дагестана?*

Леила

*К чему? Мне лучше, веселей
Среди нагорного тумана.
Везде прекрасен божий свет.
Отечества для сердца нет!
Оно насилья не боится,
Как птичка вырвется, умчится.
Поверь мне, – счастье только
там,
Где любят нас, где верят нам!*

Хаджи Абрек

*Любовь!.. Но знаешь ли, какое
Блаженство на земле второе
Тому, кто всё похоронил,
Чему он верил, что любил!*

Блаженство то верней любви,
И только хочет слез да крови.
В нем утешенье для людей,
Когда умрет другое счастье;
В нем преступлений сладостра-
стье,
В нем ад и рай души моей.
Оно при нас всегда, бессменно;
То мучит, то ласкает нас...
Нет, за единый мигенья час,
Клянусь, я не взял бы вселенной!

Леила

Ты бледен?

Хаджи Абрек

Выслушай. Давно
Тому назад имел я брата;
И он, – так было суждено, –
Погиб от пули Бей-Булата.
Погиб без славы, не в бою,
Как зверь лесной, – врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Он завещал мне, умирая.
И я убийцу отыскал:
И занесен был мой кинжал,
Но я подумал: «Это ль мигенья?
Что смерть! Ужель одно мгнове-

ные

Заплатит мне за столько лет
Печали, грусти, мук?.. О, нет!
Он что-нибудь да в мире любит:
Найду любви его предмет,
И мой удар его погубит!»
Свершилось наконец. Пора!
Твой час пробил еще вчера.
Смотри, уж блещет луч заката!..
Пора! Я слышу голос брата.
Когда сегодня в первый раз
Я увидел твой образ нежный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа, как адом, вся зажглась.
Но это чувство улетело...
Валлах! Исполню клятву смело!

Как зимний снег в горах, бледна,
Пред ним повергнулась она
На ослабевшие колени;
Мольбы, рыдания, слезы, пени
Перед жестоким излились.
«Ох, ты ужасен с этим взглядом!
Нет, не смотри так! Отвернись!
По мне текут холодным ядом
Слова твои... О, боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Ответствуй! Ничего не значут

Невинных слезы пред тобой?
О, сжался!.. Говори – как плачут
В твоей родимой стороне?
Погибнуть рано, рано мне!..
Оставь мне жизнь! Оставь мне
младость!
Ты знал ли, что такое радость?
Бывал ли ты во цвете лет
Любим, как я?.. О, верно нет!»

Хаджи в молчанье роковом
Стоял с нахмуренным челом.
«В твоих глазах ни сожаленья,
Ни слез, жестокий, не видать!..
Ах!.. Боже!.. Ай!.. Дай подождать!..
Хоть час один... одно мгнове-
нье!!..»

Блеснула шашка. Раз, – и два!
И покатила голова...
И окровавленной рукою
С земли он приподнял ее.
И острой шашки лезвеё
Обтер волнистою косою.
Потом, бездушное чело
Одевши буркою косматой,
Он вышел и прыгнул в седло.
Послушный конь его, объятый

Внезапно страхом неземным,
Храпит и пенится под ним:
Щетиной грива, – ржет и пышет,
Грызет стальные удила,
Ни слов, ни повода не слышит,
И мчится в горы как стрела.

Заря бледнеет; поздно, поздно,
Сырая ночь недалека!
С вершин Кавказа тихо, грозно
Ползут, как змеи, облака:
Игру бессвязную заводят,
В провалы душные заходят,
Задев колючие кусты,
Бросают жемчуг на листья.
Ручей катится, – мутный, серый;
В нем пена бьет из-под травы;
И блещет сквозь туман пещеры,
Как очи мертвой головы.
Скорее, путник одинокой!
Закройся буркою широкой,
Ремянный повод натяни,
Ремянной плеткою махни.
Тебе во след еще не мчится
Ни горный дух, ни дикий зверь,
Но, если можешь ты молиться,
То не мешало бы – теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливым оком
Зачем глядишь перед собой?
То камень, сглаженный пото-
ком!..
То змей блистает чешуей!..
Твоею гривой в поле брани
Стирал я кровь с могучей длани;
В степи глухой, в недобрый час,
Уже не раз меня ты спас.
Мы отдохнем в краю родном;
Твою уздечку еще боле
Обвешу русским серебром;
И будешь ты в зеленом поле.
Давно ль, давно ль ты изменился,
Скажи, товарищ дорогой?
Что рано пеною покрылся?
Что тяжело дышишь подо мной?
Вот месяц выйдет из тумана,
Верхи дерев осеребрит,
И нам откроется поляна,
Где наш аул во мраке спит;
Заблещут, издали мелькая,
Огни джематских пастухов,
И различим мы, подъезжая,
Глухое ржанье табунов;
И кони вокруг тебя столбятся...
Но стоит мне лишь приподнять-
ся,

Они в испуге захрапят,
И все шарахнутся назад:
Они почуют издалека,
Что мы с тобою дети рока!..»

Долины ночь еще объемлет,
Аул Джемат спокойно дремлет;
Один старик лишь в нем не спит.
Один, как памятник могильный,
Недвижим, близ дороги пыльной,
На сером камне он сидит.
Его глаза на путь далекой
Устремлены с тоской глубокой.

«Кто этот всадник? Бережливо
Съезжает он с горы крутой;
Его товарищ долгогривый
Поник усталой головой.
В руке, под буркою дорожной,
Он что-то держит осторожно
И бережет, как свет очей».
И думает старик согбенный:
«Подарок, верно, драгоценный
От милой дочери моей!»

Уж всадник близок: под горою
Коня он вдруг остановил;
Потом дрожащею рукою

Он бурку темную открыл;
Открыл, – и дар его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видит, – боже пра-
вый!
Своей Леилы голову!..
И он, в безумном восхищенье,
К своим устам ее прижал!
Как будто ей передавал
Свое последнее мученье.
Всю жизнь свою в единый стон,
В одно лобзанье вылил он.
Довольно люди <i>печали
В нем сердце бедное терзали!
Как нить, истлевшая давно,
Разорвалось вдруг оно,
И неподвижные морщины
Покрылись бледностью кончины.
Душа так быстро отлетела,
Что мысль, который до конца
Он жил, черты его лица
Совсем оставить не успела.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился:
Взглянул на шашку, на коня, –
И быстро в горы удалился.

Промчался год. В глухой теснине
Два трупа смрадные, в пыли,
Блуждая путники нашли,
И схоронили на вершине.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятие на их челе.
Обнявшись крепко, на земле
Они лежали костенея,
Два друга с виду – два злодея!
Быть может, то одна мечта,
Но бедным странникам казалось,
Что их лицо порой менялось,
Что всё грозили их уста.
Одежда их была богата,
Башлык их шапки покрывал:
В одном узнали Бей-Булата,
Никто другого не узнал.

Боярин Орша

Глава I

*Then burst her heart in one long shriek,
And to the earth she fell like stone
Or statue from its base o'erthrown.
Byron.[66]*

*Во время оно жил да был
В Москве боярин Михаил,
Прозваньем Орша. – Важный сан
Дал Орше Грозный Иоанн;
Он дал ему с руки своей
Кольцо, наследие царей;
Он дал ему в веселый миг
Соболью шубу с плеч своих;
В день воскресения Христа
Поцеловал его в уста
И обещался в тот же день
Дать тридцать царских деревень
С тем, чтобы Орша до конца
Не отлучался от дворца.*

*Но Орша нравом был угрюм:
Он не любил придворный шум,
При виде трепетных льстецов
Щипал концы седых усов,*

И раз, опричным огорчен,
Так Иоанну молвил он:
«Надежда-царь! Пусты меня
На родину – я день от дня
Всё старе – даже не могу
Обиду выместить врагу:
Есть много слуг в дворце твоём.
Пусты меня! – мой стары дом
На берегу Днепра крутом
Близ рубежа Литвы чужой
Оброс могильною травой;
Пробудь я здесь еще хоть год,
Он догниет – и упадет;
Дай поклониться мне Днепру...
Там я родился – там умру!»

И он узрел свой стары дом.
Покои темные кругом
Уставил златом и серебром;
Икону в ризе дорогой
В алмазах, в жемчуге, с резьбой
Повесил в каждом он углу,
И запестрелись на полу
Узоры шелковых ковров.
Но лучше царских всех даров
Был божий дар – младая дочь;
Об ней он думал день и ночь.
В его глазах она росла

Свежа, невинна, весела,
Цветок грядущего святой,
Былого памятник живой!
Так средь развалин иногда
Растет береза: молода, [67]
Мила над плитами гробов
Игрою шепчущих листов,
И та холодная стена
Ее красой оживлена!..

.....

Туманно в поле и темно,
Одно лишь светится окно
В боярском доме – как звезда
Сквозь тучи смотрит иногда.
Тяжелый звякнул уж затвор,
Угрюм и пуст широкий двор.
Вот, испытав замки дверей,
С гремячей связкою ключей
К калитке сторож подошел
И взоры на небо возвел:
«А завтра быть грозе большой! –
Сказал крестьясь старик седой, –
Смотри-ка, молния вдали
Так и доходит до земли,
И белый месяц, как монах,
Завернут в черных облаках;
И воеет ветер, будто зверь.

Дай кучу злата мне теперь,
С конюшни лучшего коня
Сейчас седлайте для меня,
Нет, не отъеду от крыльца
Ни для родимого отца!»
Так рассуждая сам с собой,
Крехтя, старик пошел домой.
Лишь вдалеке едва гремят
Его ключи – вокруг палат
Все снова тихо и темно,
Одно лишь светится окно.

Всё в доме спит – не спит один
Его угрюмый властелин
В покое пышном и большом
На ложе бархатном своем.
Полусгоревшая свеча
Пред ним, сверкая и треща,
Порой на каждый льет предмет
Какой-то странный полусвет.
Висят над ложем образа;
Их ризы блещут, их глаза
Вдруг оживляются, глядят –
Но с чем сравнить подобный
взгляд?
Он непонятней и страшней
Всех мертвых и живых очей!
Томит боярина тоска;

Уж поздно. Под окном река
Шумит – и с бурей заодно
Гремучий дождь стучит в окно.
Чернеет тень во всех углах –
И – странно – Оршу обнял страх!
Бывал он в битвах, хоть и стар,
Против поляков и татар,
Слышал он грозный царский глас,
Встречал и взор, в недобрый час:
Ни разу дух его крутой
Не ослабел перед бедой;
Но тут, – он свистнул, и взошел
Любимый раб его, Сокол.

И молвил Орша: «Скучно мне,
Всё думы черные одне.
Садись поближе на скамью,
И речью грусть рассей мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежние златые дни,
И я, припомнив старину,
Под говор слов твоих засну».

И на скамью присел Сокол
И речь такую он завел:

«Жил-был за тридевять земель
В тридцатом княжестве отсель

Великий и премудрый царь.
Ни в наше времечко, ни встарь
Никто не видывал пышной
Его палат, – и много дней
В веселье жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.

«Тот царь был слаб и хил и стар,
А дочь непрочный ведь товар!
Ее, как лучший свой алмаз,
Он скрыл от молодецких глаз;
И на его царевну дочь
Смотрел лишь день да темна
ночь,
И целовать красотку мог
Лишь перелетный ветерок.

«И царь тот раза три на дню
Ходил смотреть на дочь свою;
Но вздумал вдруг он в темну ночь
Взглянуть, как спит младая дочь.
Свой ключ серебряный он взял,
Сапожки шелковые снял,
И вот приходит в башню ту,
Где скрыл царевну-красоту!..

«Вошел – в светлице тишина;
Дочь сладко спит, но не одна;

Припав на грудь ее головой,
С ней царский конюх молодой.
И прогневился царь тогда,
И повелел он без суда
Их вместе в бочку засмолить
И в сине море укатить...»

И быстро на устах раба,
Как будто тайная борьба
В то время совершалась в нем,
Улыбка вспыхнула – потом
Он очи на небо возвел,
Вздыхнул и смолк. «Ступай, Со-
кол! –
Махнув дрожащею рукой,
Сказал боярин, – в час иной
Расскажешь сказку до конца
Про оскорбленного отца!»

И по морщинам старика,
Как тени облака, слегка
Промчались тени черных дум,
Встревоженный и быстрый ум
Вблизи предвидел много бед.
Он жил: он знал людей и свет,
Он злом не мог быть удивлен;
Добру ж давно не верил он,
Не верил, только потому,

Что верил некогда всему!

*И вспыхнул в нем остаток сил,
Он с ложа мягкого вскочил,
Соболью шубу на плеча
Накинул он – в руке свеча,
И вот дрожа идет скорей
К светлице дочери своей.
Ступени лестницы крутой
Под тяжкою его стопой
Скряпят – и свечка раза два
Из рук не выпала едва.*

*Он видит: няня в уголке
Сидит на старом сундуке
И спит глубоко, и порой
Во сне качает головой;
На ней, предчувствием объят,
На миг он удержал свой взгляд
И мимо – но, послыша стук,
Старуха пробудилась вдруг,
Перекрестилась, и потом
Опять заснула крепким сном,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.*

*Стоит боярин у дверей
Светлицы дочери своей,*

И чутким ухом он приник
К замку – и думает старик:
«Нет! Непорочна дочь моя,
А ты, Сокол, ты раб, змея,
За дерзкий, хитрый свой намек
Получишь гибельный урок!»
Но вдруг... о горе, о позор!
Он слышит тихий разговор!..

1-й голос

О! погоди, Арсений мой!
Вчера ты был совсем другой.
День без меня – и миг со мной?..

2-й голос

Не плачь... утешься! – близок час
–
И будет мир ничто для нас.
В чужой, но близкой стороне
Мы будем счастливы одне,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
С тех пор, ты помнишь, как чер-
нец
Меня привез и твой отец
Вручил ему свой кошелек,
С тех пор задумчив, одинок,
Тоской по вольности томим,

Но нежным голосом твоим
И блеском ангельских очей
Прикован у тюрьмы моей,
Придумал я свой край родной
Навек оставить, но с тобой!..
И скоро я в лесах чужих
Нашел товарищей лихих,
Бесстрашных, твердых, как бу-
лат.

Людской закон для них не свят,
Война – их рай, а мир – их ад.
Я отдал душу им в заклад,
Но ты моя – и я богат!..

И голоса замолкли вдруг.
И слышит Орша тихий звук,
Звук поцелуя... и другой...
Он вспыхнул, дверь толкнул рукой
И исступленный и немой
Предстал пред бледною четой...

.....

Боярин сделал шаг назад,
На дочь он кинул злобный взгляд,
Глаза их встретились – и вмиг
Мучительный, ужасный крик
Раздался, пролетел – и стих.
И тот, кто крик сей услышал,

Подумал, верно, иль сказал,
Что дважды из груди одной
Не вылетает звук такой.
И тяжело на цветной ковер,
Как труп бездушный с давних пор,
Упало что-то. – И на зов
Боярина толпа рабов,
Во всем послушная орда,
Шумя сбегалася тогда,
И без усилий, без борьбы
Схватили юношу рабы.

Нем и недвижим он стоял,
Покуда крепко обвивал
Все члены, как змея, канат;
В них проникал могильный хлад,
И сердце громко билось в нем
Тоской, отчаяньем, стыдом.

Когда ж безумца увели
И шум шагов умолк вдали,
И с ним остался лишь Сокол,
Боярин к двери подошел;
В последний раз в нее взглянул,
Не вздрогнул, даже не вздохнул
И трижды ключ перевернул
В ее заржавленном замке...
Но... ключ дрожал в его руке!

Потом он отворил окно:
Всё было на небе темно,
А под окном меж диких скал
Днепр беспокойный бушевал.
И в волны ключ от двери той
Он бросил сильною рукой,
И тихо ключ тот роковой
Был принят хладною рекой.

Тогда, решив свою судьбу,
Боярин верному рабу
На волны молча указал,
И тот поклоном отвечал...
И через час уж в доме том
Всё спало снова крепким сном,
И только не спал в нем один
Его угрюмый властелин.

Глава II

*The rest thou dost already know,
And all my sins, and half my woe,
But talk no more of penitence...*
Byron.[68]

Народ кипит в монастыре;
У врат святых и на дворе
Рабы боярские стоят.
Их копья медные горят,

Их шапки длинные кругом
Опушены густым бобром;
За кушаком блестят у них
Ножны кинжалов дорогих.
Меж них стремянный молодой,
За гриву правую рукой
Держа боярского коня,
Стоит; по временам звеня
Стремена бьются о бока;
Истерт ногами седока
В пыли малиновый чепрак;
Весь в мыле серый аргамак,
Мотаёт гривую густой,
Бьёт землю жилистой ногой,
Грызет с досады удила,
И пена легкая, бела,
Чиста, как первый снег в полях,
С железа падает на прах.

Но вот обедня отошла;
Гудят, режут колокола;
Вот слышно пенье – из дверей
Мелькает длинный ряд свечей;
Вослед игумену-отцу
Монахи сходят по крыльцу
И прямо в трапезу идут:
Там грозный суд, последний суд
Произнесет отец святой

Над бедной грешной головой!

*Безмолвна трапеза была.
К стене налево два стола
И пышных кресел полукруг,
Изделье иноческих рук,
Блистали тканью парчевой;
В большие окна свет дневной,
Врываясь белой полосой,
Дробясь в искры по стеклу,
Играл на каменном полу.
Резьбою мелкою стена
Была искусно убрана,
И на двери в кружках золотых
Блистали образа святых.
Тяжелый, низкий потолок
Расписывал как знал, как мог
Усердный инок... жалкий труд!
Отнявший множество минут
У бога, дум святых и дел:
Искусства горестный удел!..*

*На мягких креслах пред столом
Сидел в бездействии немом
Боярин Орша. Иногда
Усы седые, борода,
С изгибным встретившись лучом,
Вдруг отливали серебром,*

И часто кудри старика
От дуновенья ветерка
Приподнимались слегка.
Движеньем пасмурных очей
Нередко он искал дверей,
И в нетерпении порой
Он по столу стучал рукой.

В конце противном залы той
Один, в цепях, к нему спиной,
Покрыт одеждою раба,
Стоял Арсений у столба.
Но в молодом лице его
Вы не нашли б ни одного
Из чувств, которых смутный рой
Кружится, вьется над душой
В час расставания с землей.
Хотел ли он перед врагом
Предстать с бесчувственным че-
лом,
С холодной важностью лица,
И мстить хоть этим до конца?
Иль он невольно в этот миг
Глубокой мыслию постиг,
Что он в цепи существ давно
Едва ль не лишнее звено?..
Задумчив, он смотрел в окно
На голубые небеса;

Его манила их краса;
И кудри легких облаков,
Небес серебряный покров,
Неслись свободно, быстро там,
Кидая тени по холмам;
И он увидел: у окна,
Заботой резвою полна,
Летала ласточка – то вниз,
То вверх под каменный карниз
Кидалась с дивной быстротой
И в щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрелой,
Тонула в пламенных лучах...
И он вздохнул о прежних днях,
Когда он жил, страстям чуждой,
С природой жизнью одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но этот блеск был – не слеза;
Он улыбнулся, но жесток
В его улыбке был упрек!

И вдруг раздался звук шагов,
Невнятный говор голосов,
Скрып отворяемых дверей...
Они! – вошли! – толпа людей
В высоких, черных клобуках
С свечами длинными в руках.
Согбенный тягостью вериг,

Пред ними шел слепой старик,
Отец игумен. – Сорок лет
Уж он не знал, что божий свет;
Но ум его был юн, богат,
Как сорок лет тому назад.
Он шел, склонясь на посох свой,
И крест держал перед собой;
И крест осыпан был кругом
Алмазами и жемчугом.
И трость игумена была
Слоновой кости, так бела,
Что лишь с седой его бородой
Могла равняться белизной.

Перекрестясь, он важно сел
И пленника подвести велел,
И одного из чернецов
Позвал по имени: – суров
И холоден был вид лица
Того святого чернеца.
Потом игумен, наклонясь,
Сказал боярину, смеясь,
Два слова на ухо. В ответ
На сей вопрос или совет
Кивнул боярин головой...
И вот слепец махнул рукой!
И понял данный знак монах,
Укор готовый на устах

Словами книжными убрал
И так преступнику вещал:
«Безумный, бранный сын земли!
Злой дух и страсти привели
Тебя медовою тропой
К границе жизни сей земной.
Грешил ты много, но из всех
Грехов страшной последний грех.
Простить не может суд земной,
Но в небе есть судья иной:
Он милосерд – ему теперь
При нас дела свои поверь!»

Арсений

Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел! – благодарю.
Не понимаю, что была
У вас за мысль? – мои дела
И без меня ты должен знать,
А душу можно ль рассказать?
И если б мог я эту грудь
Перед тобою развернуть,
Ты верно не прочел бы в ней,
Что я бессовестный злодей!
Пусть монастырский ваш закон
Рукою бога утвержден,
Но в этом сердце есть другой,
Ему не менее святой:

Он оправдал меня – один
Он сердца полный властелин!
Когда б сквозь бедный мой наряд
Не проникал до сердца яд,
Тогда я был бы виноват.
Но всех равно влечет судьба:
И под одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человек, как и другой.
И ты, и ты, слепой старик,
Когда б ее небесный лик
Тебе явился хоть во сне,
Ты позавидовал бы мне;
И в исступленье, может быть,
Решился б также согрешить,
И клятвы б грозные забыл,
И перенести бы счастлив был
За слово, ласку или взор
Мое мученье, мой позор!..

Орша

Не поминай теперь об ней;
Напрасно!.. У груди моей,
Хоть ныне поздно вижу я,
Согрелась, выросла змея!..
Но ты заплатишь мне теперь
За хлеб и соль мою, поверь.
За сердце ж дочери моей

*Я заплачу тебе, злодей,
Тебе, найденыйш без креста,
Презренный раб и сирота!..*

Арсений

*Ты прав... не знаю, где рожден!
Кто мой отец, и жив ли он?
Не знаю... люди говорят,
Что я тобой ребенком взят,
И был я отдан с ранних пор
Под строгий иноков надзор,
И вырос в тесных я стенах
Душой дитя – судьбой монах!
Никто не смел мне здесь сказать
Священных слов: отец и мать!
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен?
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ – могил!
Но нынче сам я не хочу
Предать их имя палачу
И всё, что славно было б в нем,
Облить и кровью и стыдом:
Умру, как жил, твоим рабом!..*

Нет, не грозил, отец святой;
Чего бояться нам с тобой?
Обоих нас могила ждет...
Не всё ль равно, что день, что
год?
Никто уж нам не господин;
Ты в рай, я в ад – но путь один!
С тех пор, как длится жизнь моя,
Два раза был свободен я:
Последний ныне. – В первый раз,
Когда я жил еще у вас,
Среди молитв и пыльных книг
Пришло мне в мысли хоть на миг
Взглянуть на пышные поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы!
И в час ночной, в ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
При блеске молний роковых
Я убежал из стен святых;
Боязнь с одеждой кинул прочь,
Благословил и хлад и ночь,
Забыл печали бытия
И бурю братом назвал я.
Восторгом бешеным объят,

*С ней унесись я был бы рад,
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил!
О старец, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?..*

Игумен

*На что нам знать твои мечты?
Не для того пред нами ты!
В другом ты ныне обвинен,
И хочет истины закон.
Открой же нам друзей своих,
Убийц, разбойников ночных,
Которых страшные дела
Смывает кровь и кроет мгла,
С которыми, забывши честь,
Ты мнил несчастную увезть.*

Арсений

*Мне их назвать? – Отец святой,
Вот что умрет во мне, со мной.
О нет, их тайну – не мою
Я неизменно сохраню,
Пока земля в урочный час,
Как двух друзей, не примет нас.
Пытай железом и огнем,*

*Я не признаюся ни в чем;
И если хоть минутный крик
Изменит мне... тогда, старик,
Я вырву слабый мой язык!..*

Монах

*Страшишься упорствовать, глупец!
К чему? Уж близок твой конец,
Скорее тайну нам предай.
За гробом есть и ад и рай,
И вечность в том или в другом!..*

Арсений

*Послушай, я забылся сном
Вчера в темнице. Слышу вдруг
Я приближающийся звук,
Знакомый, милый разговор,
И будто вижу ясный взор...
И, пробудясь во тьме, скорей
Ищу тех звуков, тех очей...
Увы! Они в груди моей!
Они на сердце, как печать,
Чтоб я не смел их забывать,
И жгут его, и вновь живут...
Они мой рай, они мой ад!
Для вспоминания об них
Жизнь – ничего, а вечность – миг!*

Игумен

Богохулителю, удержишься!
Пади на землю, плачь, молись,
Прими святую в грудь боязнь...
Мечтанья злые – божья казнь!
Молись ему...

Арсений

Напрасный труд!
Не говори, что божий суд
Определяет мне конец:
Всё люди, люди, мой отец!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжит их бытия,
И дни грядущие мои
Им не присвоить – и в крови,
Неправой казнью пролитой,
В крови безумца молодой,
Им разогреть не суждено
Сердца, увядшие давно;
И гроб без камня и креста,
Как жизнь их ни была свята,
Не будет слабым их ногам
Ступенью новой к небесам;
И тень несчастного, поверь,
Не отперет им рая дверь!..
Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине,

Но с жизнью жаль расстаться
мне!
Я молод, молод – знал ли ты,
Что значит молодость, мечты?
Или не знал? Или забыл,
Как ненавидел и любил?
Как сердце билось живеи
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж, и где порой
В глубокой трещине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?..
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл... ты слеп, ты сед,
И от желаний ты отвык...
Что за нужда? Ты жил, старик;
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил – я также мог бы жить!..

Но тут игумен с места встал,
Речь нечестивую прервал,
И негодую все вокруг
На гордый вид и гордый дух,
Столь непреклонный пред судь-
бой,
Шептались грозно меж собой,

*И слово пытка там и там
Вмиг пробежало по устам;
Но узник был невозмутим,
Бесчувственно внимал он им.
Так бурей брошен на песок
Худой, увязнувший челнок, [69]
Лишенный весел и гребцов,
Недвижим ждет напор валов.*

.....

.....

.....

*...Светает. В поле тишина.
Густой туман, как пелена
С посеребренной каймой,
Клубится над Днепром рекой.
И сквозь него высокий бор,
Рассыпанный по скату гор,
Безмолвно смотрится в реке,
Едва чернея вдалеке.
И из-за тех густых лесов
Выходят стаи облаков,
А из-за них, огнем горя,
Выходит красная заря.
Блестят кресты монастыря;
По длинным башням и стенам
И по расписанным вратам
Прекрасный, чистый и живой,*

Как счастье жизни молодой,
Играет луч ее златой.

Унылый звон колоколов
Созвал уж в храм святых отцов;
Уж дым кадил между столбов
Вился струей, и хор звучал...
Вдруг в церковь служка прибежал,
Отцу игумену шепнул
Он что-то скоро – тот вздрогнул
И молвил: «Где же казначей?
Поди спроси его скорей,
Не затерял ли он ключей!»
И казначей из алтаря
Пришел дрожа и говоря,
Что все ключи еще при нем,
Что не виновен он ни в чем!
Засуетились чернецы,
Забегали во все концы,
И свод нередко повторял
Слова: бежал! Кто? Как бежал?
И в монастырскую тюрьму
Пошли один по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой!..

Пришли, глядят: распилена
Решетка узкого окна,

*Во рву притоптанный песок
Хранил следы различных ног;
Забывший на песке лежал
Стальной, зазубренный кинжал,
И польский шелковый кушак
Изорван, скручен кое-как,
К ветвям березы под окном
Привязан крепким был узлом.*

*Пошли прилежно по следам:
Они вели к Днепру – и там
Могли заметить на мели
Рубец отчалившей ладьи.
Вблизи на прутьях тростника
Лоскут того же кушака
Висел, в воде одним концом,
Колелем ранним ветерком.*

*«Бежал! – Но кто ж ему помог?
Конечно люди, а не бог!..
И где же он нашел друзей?
Знать, точно он большой зло-
дей!»
Так, собираясь, меж собой
Твердили иноки порой.*

Глава III

'Tis he! 'tis he! I know him now;

*I know him by his pallid brow...
Byron.[70]*

*Зима! Из глубины снегов
Встают чернея пни дерёв,
Как призраки, склонясь челом
Над замерзающим Днепром.
Глядится тусклый день в стекло
Прозрачных льдин – и занесло
Овраги снегом. На заре
Лишь заяц крадется к норе
И, прыгая назад, вперед,
Свой след запутанный кладет;
Да иногда, во тьме ночной,
Раздастся псов протяжный вой,
Когда голодный и худой
Обходит волк вокруг гумна.
И если в поле тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрип, и щелканье зубов;
И каждый вечер меж кустов
Сто ярких глаз, как свечи в ряд,
Во мраке прыгают, блестя...*

*Но, вьюги зимней не страшась,
Однажды в ранний утра час
Боярин Орша дал приказ*

Собраться челяди своей,
Точить ножи, седлать коней;
И разнеслась везде молва,
Что беспокойная Литва
С толпою дерзких воевод
На землю русскую идет.
От войска русские гонцы
Во все помчались концы,
Зовут бояр и их людей
На славный пир – на пир мечей!

Садится Орша на коня,
Дал знак рукой, гремя, звеня,
Средь вопля женщин и детей
Все повскакали на коней,
И каждый с знаменьем креста
За ним проехал в ворота;
Лишь он, безмолвный, не кре-
стьясь,
Как бусурман, татарский князь,
К своим приближась воротам,
Возвел глаза – не к небесам;
Возвел он их на терем тот,
Где прежде жил он без забот,
Где нынче ветер лишь живет,
И где, качая изредка
Дверь без ключа и без замка,
Как мать качает колыбель,

Поет гульливая метель!..

.....

.....

.....

Умчался дале шумный бой,
Оставляя след багровый свой...
Между поверженных коней,
Обломков копий и мечей
В то время всадник разъезжал;
Чего-то, мнилось, он искал,
То низко голову склоня
До гривы черного коня,
То вдруг привстав на стремях...
Кто ж он? Не русский! И не лях –
Хоть платье польское на нем
Пестрело ярко серебром,
Хоть сабля польская звеня
Стучала по ребрам коня!
Чела крутого смуглый цвет,
Глаза, в которых мрак и свет
В борьбе сменялися не раз,
Почти могли б уверить вас,
Что в нем кипела кровь татар...
Он был не молод – и не стар.
Но, рассмотрев его черты,
Не чуждые той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блеск печальный свой

Мысль неизменная дала,
Где всё, что есть добра и зла
В душе, прикованной к земле,
Отражено, как на стекле,
Вздохнувши, всякий бы сказал,
Что жил он меньше, чем стра-
дал.

Среди долины был курган.
Корнистый дуб, как великан,
Его пятою попирал
И горделиво расстилал
Над ним по прихоти своей
Шатер чернеющих ветвей.
Тут бой ужасный закипел,
Тут и затих. Громада тел,
Обезображенных мечом,
Пестрела на кургане том,
И снег, окрашенный в крови,
Кой-где протаял до земли;
Кора на дубе вековом
Была изрублена кругом,
И кровь на ней видна была,
Как будто бы она текла
Из глубины сих новых ран...
И всадник въехал на курган,
Потом с коня он соскочил
И так в раздумье говорил:

«Вот место – мертвый иль живой,
Он здесь... вот дуб – к нему спиной
Прижавшись, бешеный старик
Рубился – видел я хоть миг,
Как, окружен со всех сторон,
С пятью рабами бился он,
И дорого тебе, Литва,
Досталась эта голова!..
Здесь, сквозь толпу, издалека
Я видел, как его рука
Три раза с саблей поднялась
И опустилась – каждый раз,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьем бежала кровь...
Четвертый взмах я долго ждал!
Но с поля он не побежал,
Не мог бежать, хотя б желал!..»
И вдруг он внемлет слабый стон,
Подходит, смотрит: «это он!»
Главу, омытую в крови,
Боярин приподнял с земли
И слабым голосом сказал:
«И я узнал тебя! Узнал!
Ни время, ни чужой наряд
Не изменят зловещий взгляд,
И это бледное чело,
Где преступление и зло

Печать оставили свою.
Арсений! – Так, я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою
И в ней шипящую змею!
Я узнаю и голос твой
Меж звуков стороны чуждой,
Которыми ты, может быть,
Его желаешь изменить.
Твой умысел постиг я весь,
Я знаю, для чего ты здесь.
Но, верный родине моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты б желал, изменник-лях,
Прочесть в них близкой смерти
страх,
И сожаленье и печаль...
Но знай, что жизни мне не жаль,
А жаль лишь то, что час мой
бил,
Покуда я не отомстил;
Что не могу поднять меча,
Что на руках моих, с плеча
Омытых кровью до локтей
Злодеев родины моей,
Ни капли крови нет твоей!..»

– «Старик! О прежнем позабудь...

Взгляни сюда, на эту грудь,
Она не в ранах, как твоя,
Но в ней живет тоска-змея!
Ты отомщен вполне, давно,
А кем и как – не всё ль равно?
Но лучше мне скажи, молю,
Где отыщу я дочь твою?
От рук врагов земли твоей,
Их поцелуев и мечей,
Хоть сам теперь меж ними я,
Ее спасти я поклялся!»

– «Скачи скорей в мой старый
дом,
Там дочь моя; ни ночь, ни днем
Не ест, не спит, всё ждет да
ждет,
Покуда милый не придет!
Спеши... уж близок мой конец,
Теперь обиженный отец
Для вас лишь страшен как мерт-
вец!»
Он дальше говорить хотел,
Но вдруг язык оцепенел;
Он сделать знак хотел рукой,
Но пальцы сжались меж собой.
Тень смерти мрачной полосой
Промчалась на его челе;

Он обернул лицо к земле,
Вдруг протянулся, захрипел,
И дух от тела отлетел!

К нему Арсений подошел,
И руки сжатые развел,
И поднял голову с земли;
Две яркие слезы текли
Из побелевших мутных глаз,
Собой лишь светлы, как алмаз.
Спокойны были все черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.

И долго юноша над ним
Стоял, раскаяньем томим,
Невольню мысля о былом,
Прощая – не прощен ни в чем!
И на груди его потом
Он тихо распахнул кафтан:
Старинных и последних ран
На ней кровавые следы
Вились, чернели, как бразды.
Он руку к сердцу приложил,
И трепет замиравших жил
Ему неясно возвестил,
Что в буйном сердце мертвеца

Кипели страсти до конца,
Что блеск печальный этих глаз
Гораздо прежде их погас!..

Уж время шло к закату дня,
И сел Арсений на коня,
Стальные шпоры он в бока
Ему вонзил – и в два прыжка
От места битвы роковой
Он был далеко. – Пеленой
Широкою за ним луга
Тянулись: яркие снега
При свете косвенных лучей
Сверкали тысячью огней.
Пред ним стеной знакомый лес
Чернеет на краю небес;
Под сень деревьев въезжает он:
Всё тихо, всюду мертвый сон,
Лишь иногда с седого пня,
Послыша близкий храп коня,
Тяжелый ворон, царь степной,
Слетит и сядет на другой,
Свой кровожадный чистя клёв
О сучья жесткие дерёв;
Лишь отдаленный вой волков,
Бегущих жадною толпой
На место битвы роковой,
Терялся в тишине степей...

Сыпучий иней вокруг ветвей
Берез и сосен, над путем
Прозрачным свившихся шатром,
Висел косматой бахромой;
И часто, шапкой иль рукой
Когда за них он задевал,
Прах серебристый осыпал
Его лицо... и быстро он
Скакал, в раздумье погружен.
Измучил непривычный бег
Его коня – в глубокий снег
Он вязнет часто... труден путь!
Как печь, его дымится грудь,
От нетерпенья седока
В крови и пене все бока.
Но близко, близко... вот и дом
На берегу Днепра крутом
Пред ним встает из-за горы;
Заборы, избы и дворы
Приветливо между собой
Теснятся пестрою толпой,
Лишь дом боярский между них,
Как призрак, сумрачен и тих!..

Он въехал на широкий двор.
Всё пусто... будто глад иль мор
Недавно пировали в нем.
Он слез с коня, идет пешком...

Толпа играющих детей,
Испуганных огнем очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И бледностью его лица,
Его встречает у крыльца
И с криком убегает прочь...
Он входит в дом – в покоях ночь,
Закреты ставни, пол скрипит,
Пустая утварь дребезжит
На старых полках; лишь порой
Широкой, белой полосой,
Рисуясь на печи большой,
Проходит в трещину ставней
Холодный свет дневных лучей!

И лестницу Арсений зрит
Сквозь сумрак; он бежит, летит
Наверх по шатким ступеням.
Вот свет блеснул его очам,
Пред ним замерзшее окно:
Оно давно растворено,
Сугробом собрался большим
Снег, не растаявший под ним.
Увы! Знакомые места!
Налево дверь – но заперта.
Как кровью, ржавчиной покрыт,
Большой замок на ней висит,
И, вынув нож из кушака,

Он всунул в скважину замка,
И, затрещав, распался тот...
И, тихо дверь толкнув вперед,
Он входит робкою стопой
В светлицу девы молодой.

Он руку с трепетом простер,
Он ищет взором милый взор,
И слабый шепчет он привет:
На взгляд и речь ответа нет!
Однако смято ложе сна,
Как будто бы на нем она
Тому назад лишь день, лишь час
Главу покоила не раз,
Младенческий вкушая сон.
Но, приближаясь, видит он
На тонких белых кружевах
Чернеющий слоями прах,
И ткани паутин седых
Вкруг занавесок парчевых.

Тогда в окно светлицы той
Упал заката луч златой,
Играя, на ковер цветной;
Арсений голову склонил...
Но вдруг затрясся, отскочил,
И вскрикнул, будто на змею
Поставил он пяту свою...

Увы! Теперь он был бы рад,
Когда б быстрее, чем мысль иль
взгляд,
В него проник смертельный яд!..

Громаду белую костей
И желтый череп без очей
С улыбкой вечной и немой –
Вот что узрел он пред собой.
Густая, длинная коса,
Плеч беломраморных краса,
Рассыпавшись, к сухим костям
Кой-где прилипнула... и там,
Где сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно без пищи уж бродил
Кровавый червь – жилец могил!

.....

«Так вот всё то, что я любил!
Холодный и бездушный прах,
Горевший на моих устах,
Теперь без чувства, без любви
Сожмут объятия земли.
Душа прекрасная ее,
Приняв другое бытие,
Теперь парит в стране святой,
И как укор передо мной

Ее минутной жизни след!
Она погибла в цвете лет
Средь тайных мук, иль без тревог,
Когда и как, то знает бог.
Он был отец – но был мой враг:
Тому свидетель этот прах,
Лишенный сени гробовой,
На свете признанный лишь мной!

«Да, я преступник, я злодей –
Но казнь равна ль вине моей?
Ни на земле, ни в свете том
Нам не сойтись одним путем...
Разлуки первый грозный час
Стал веком, вечностью для нас;
О, если б рай передо мной
Открыт был властью неземной,
Клянусь, я прежде, чем вступил,
У врат священных бы спросил,
Найду ли там среди святых
Погибший рай надежд моих.
Творец! Отдай ты мне назад
Ее улыбку, нежный взгляд,
Отдай мне свежие уста
И голос сладкий, как мечта,
Один лишь слабый звук отдай...
Что без нее земля и рай?
Одни лишь звучные слова,

Блестящий храм – без божества!

*«Теперь осталось мне одно:
Иду! – куда? Не всё ль равно,
Та иль другая сторона?
Здесь прах ее, но не она!
Иду отсюда навсегда
Без дум, без цели и труда,
Один с тоской во тьме ночной,
И вьюга след завевает мой!»*

Сашка

Нравственная поэма

Глава I

*Наш век смешон и жалок, – всё пи-
ши
Ему про казни, цепи да изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да стра-
данья.
Такие вещи очень хороши
Тому, кто мало спит, кто ду-
мать любит,
Кто дни свои в воспоминаньях гу-
бит.
Впадал я прежде в эту слабость
сам,*

И видел от нее лишь вред глазам;
Но нынче я не тот уж, как быва-
ло, –
Пою, смеюсь. – Герой мой добрый
малый.

Он был мой друг. С ним я не знал
хлопот,
С ним чувствами и деньгами де-
лился;
Он брал на месяц, отдавал чрез
год,
Но я за то нимало не сердился
И поступал не лучше в свой черед;
Печален ли, бывало, тотчас ска-
жет,
Когда же весел, счастлив – глаз не
кажет.
Не раз от скуки он свои мечты
Мне поверял и говорил мне ты;
Хвалил во мне, что прочие хвали-
ли,
И был мой вечный визави в кадри-
ли.

Он был мой друг. Уж нет таких
друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый
Саша!

Пусть спит оно в земле чужих по-
лей,
Не тронута никем, как дружба
наша,
В немом кладбище памяти моей.
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная
дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза сомкнулись вечным
сном;
И то, что ты сказал перед кончи-
ной,
Из слушавших не понял ни еди-
ный.

И было ль то привет стране род-
ной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга –
Как разгадать? Что может в час
такой
Наполнить сердце, жившее так
много
И так недолго с смутною трево-
гой?
Один лишь друг умел тебя по-

нять

И ныне может, должен расска-
зать

Твои мечты, дела и приключения

—

Глупцам в забаву, мудрым в по-
ученье.

Будь терпелив, читатель милый
мой!

Кто б ни был ты: внук Евы иль
Адама,

Разумник ли, шалун ли молодой, —
Картина будет; это — только ра-
ма!

От правил, утвержденных стари-
ной,

Не отступлю, — я уважаю строго
Всех стариков, а их теперь так
много...

Не правда ль, кто не стар в осьм-
надцать лет,

Тот, верно, не видал людей и свет,
О наслажденьях знает лишь по
слухам

И предан был учителям да му-
кам.

Герой наш был москвич, и потому

Я враг Неве и невскому туману.
Там (я весь мир в свидетели возьму)[71]
Веселье вредно русскому карману,
Заняття вредны русскому уму.
Там жизнь грязна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.
Москва – не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить
Москву.
Там я впервые в дни надежд и счастья
Был болен от любви и любово-
стра-
стья.

Москва, Москва!.. Люблю тебя как
сын,
Как русский, – сильно, пламенно и
нежно!
Люблю священный блеск твоих се-
дин
И этот Кремль зубчатый, безмя-
тежный.
Напрасно думал чуждый власте-
лин
С тобой, столетним русским ве-
ликаном,

Померяться главою и – обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно пора-
жал

Тебя пришлец; ты вздрогнул – он
упал!

Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей
славы.

Ты жив!.. Ты жив, и каждый ка-
мень твой –

Заветное преданье поколений.

Бывало, я у башни угловой

Сижу в тени, и солнца луч осен-
ний

Играет с мохом в трещине сырой,

И из гнезда, прикрытого карни-
зом,

Касатки вылетают, верхом, ни-
зом

Кружатся, вьются, чуждые лю-
дей.

И я, так полный волею страстей,

Завидовал их жизни безызвест-
ной,

Как упование вольной, поднебес-
ной.

Я не философ – боже сохрани! –

И не мечтатель. За полетом
пташки

Я не гонюсь, хотя в былые дни
Не вовсе чужд был глупой сей за-
машки.

Ну, муза, – ну, скорее, – разверни
Запачканный листок свой подо-
рожный!..

Не завирайся, – тут зоил безбож-
ный...[72]

Куда теперь нам ехать из Крем-
ля?

Ворот ведь много, велика земля!
Куда? – «На Пресню погоняй, из-
возчик!» –

«Старуха, прочь!.. Сворачивай,
разносчик!»

Луна катится в зимних облаках,
Как щит варяжский или сыр гол-
ландской.

Сравненье дерзко, но люблю я
страх

Все дерзости, по вольности дво-
рянской.

Спокойствия рачитель на часах
У будки пробудился, восклицая:
«Кто едет?» – «Муза!» – «Что за
черт! Какая?»

Ответа нет. Но вот уже пруды...
Белеет мост, по сторонам сады
Под инеем пушистым спят уны-
лы;
Луна сребрит железные перилы.
Гуляка праздный, пьяный моло-
дец,
С осанкой важной, в фризовой ши-
нели,
Держась за них, бредет – и вот ко-
нец
Перилам. – «Всё направо!» – За-
скрипели
Полозья по сугробам, как резец
По мрамору... Лачуги, цепью длин-
ной
Мелькая мимо, кланяются чин-
но...
Вдали мелькнул знакомый ого-
нек...
«Держи к воротам... Стой, – су-
гроб глубокий!..
Пойдем по снегу, муза, только
тише
И платье подними как можно вы-
ше».

Калитка – скрип... Двор темен.

По доскам
Идти неловко... Вот, насилу, сени
И лестница; но снегом по местам
Занесена. Дрожащие ступени
Грозят мгновенно изменить но-
гам.

Взошли. Толкнули дверь – и свет
огарка
Ударил в очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждает путь го-
стям
И вопрошает: «Что угодно вам?»
И, услышав ответ красноречивый,
Захлопнув дверь, бранится
неучтиво...

Но, несмотря на это, мы взой-
дем:

Вы знаете, для музы и поэта,
Как для хромого беса, каждый
дом[73]

Имеет вход особый; ни секрета,
Ни запрещенья нет для нас ни в
чем...

У столика, в одном углу светли-
цы,
Сидели две... девицы – не девицы...
Красавицы... названье тут как
раз!..

Чем выгодней, узнать прошу я вас
От наших дам, в деревне и столи-
це,
Красавицею быть или девицей?

Красавицы сидели за столом,
Раскладывая карты, и гадали
О будущем. И ум их видел в нем
Надежды (то, что мы и все вида-
ли).

Свеча горела трепетным огнем,
И часто, вспыхнув, луч ее мгно-
венный
Вдруг обливал и потолок и стены.
В углу переднем фольга образов
Тогда меняла тысячу цветов,
И верба, наклоненная над ними,
Блистая вдруг листьями золоти-
ми.

Одна из них (красавиц) не вполне
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы таких видали лишь во сне,
И то заснув – о небесах мечтая!
Слегка головку приклонив к стене
И устремив на столик взор при-
лежный,
Она сидела несколько небрежно.
В ответ на речь подруги иногда

Из уст ее пустое «нет» иль «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили внима-
нья.

Она была затейливо мила,
Как польская затейливая панна;
Но вместе с этим гордый вид че-
ла
Казался ей приличен. Как Сусанна,
[74]

Она б на суд неправедный пошла
С лицом холодным и спокойным
взором;
Такая смесь не может быть уко-
ром.
В том вы должны поверить мне в
кредит,
Тем боле, что отец ее был жид,
А мать (как помню) полька из-
под Праги...
И лжи тут нет, как в том, что
мы – варяги.

Когда Суворов Прагу осаждал,
Ее отец служил у нас шпионом,
И раз, как он украдкою гулял
В мундире польском вдоль по ба-
стионам,

Неловкий выстрел в лоб ему попал.

И многие вздохнув сказали: «Жалкой,

Несчастный жид, – он умер не под палкой!»

Его жена пять месяцев спустя
Произвела на божий свет дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по воле одного корнета.

Под рубищем простым она росла
В невежестве, как травка полевая
Проходим не замечена, – ни зла,
Ни гордой добродетели не зная.
Но час настал, – пора любви пришла.

Какой-то смертный ей сказал два слова:

Она в объятья божества земного
Упала; но увы, прошло дней
шесть,

Уж полубог успел ей надоесть;
И с этих пор, чтоб избежать
ошибки,

Она дарила всем свои улыбки...

Мечты любви умчались, как туман.

Свобода стала ей всего дороже.
Обманом сердце платит за обман

(Я так слышал, и вы слышали тоже).

В ее лице характер южных стран
Изображался резко. Не наемный
Огонь горел в очах; без цели, томно,

Покрыты светлой влагой, иногда
Они блуждали, как порой звезда
По небесам блуждает, – и, конечно,

Был это знак тоски немой, сердечной.

Безвестная печаль сменялась
вдруг

Какою-то веселостью недужной...
(Дай бог, чтоб всех томил такой недуг!)

Волной вставала грудь, и пламень южный

В ланитах рделся, белый полукруг
Зубов жемчужных быстро открывался;

Головка поднималась, развивался
Душистый локон, и на лик молодой

Катился лоснясь черною струей;
И ножка, разрезваясь, не зная плен-
на,
Бесстыдно обнажалась до колена.

Когда шалунья навзничь на кро-
вать,
Шутя, смеясь, роскошно упадала,
Не спорю, мудрено ее понять, –
Она сама себя не понимала, –
Ей было трудно сердцу прика-
зать,
Как баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь с неведомою силой
Явиться и приветливой душой
Его согреть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаем,
Всё это мы со временем узнаем.

Теперь к ее подруге перейдем,
Чтоб выполнить начатую кар-
тину.
Они недавно жили тут вдвоем,
Но души их сливались во едину,
И мысли их встречались во всем.
О, если б знали, сколько в этом
званье
Сердец отличных, добрых! Но вни-
манье

Увлечено блистаньем модных дам.

Вздыхая, мы бежим по их следам...

Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть их... в кредит из модной лавки!

Она была свежа, бела, кругла,
Как снежный шарик; щеки, грудь и шея,

Когда она смеялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснея,

Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидела юбка; но плутовка
Поднять умела грудь, открыть плечо,

Ласкать умела буйно, горячо
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

Она звалась Варюшею. Но я
Желал бы ей другое дать названье:

Скажу ль, при этом имени, друзья,

В груди моей шипит воспомина-

нье,[75]

Как под ногой прижатая змея;
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит, – молчу или браню весь дом,
И рад прибить за слово чубуком.
Итак, для избежанья зла, мы нашу
Варюшу здесь перекрестим в Парашу.

Увы, минувших лет безумный сон
Со смехом повторить не смеет лира!
Живой водой печали окроплен,
Как труп давно застывшего вампира,
Грозя перстом, поднялся молча он,
И мысль к нему прикована... Уже-ли
В моей груди изгладить не успели
Столь много лет и столько мук иных –
Волшебный стан и пару глаз больших?
(Хоть, признаюсь вам, разбирая

строго,
Получше их видал я после много.)

Да, много лет и много горьких
мук

С тех пор отяготело надо мною;
Но первого восторга чудный звук
В груди не умирает, – и порою,
Сквозь облако забот, когда недуг
Мой слабый ум томит неугомон-

но,
Ее глаза мне светят благосклон-

но.
Так в час ночной, когда гроза шу-

мит
И бродят облака, – звезда горит
В дали эфирной, не боясь их зло-

сти,
И шлет свои лучи на землю в го-

сти.
Пред нагоревшей сальною свечой
Красавицы раздумавшись сидели,
И заставлял их вздрагивать по-

рой
Унылый свист играющей метели.
И как и вам, читатель милый
мой,

Им стало скучно... Вот, на место

знака

Условного, залаяла собака,
И у калитки брякнуло кольцо.
Вот чей-то голос... Идут на
крыльцо...

Параша потянулась и зевнула
Так, что едва не бухнулась со сту-
ла,

А Тирза быстро выбежала вон,
Открылась дверь. В плаще, заки-
дан снегом,
Явился гость... Насмешливый по-
клон

Отвесил и, как будто долгим бе-
гом

Или волнением был он утомлен,
Упал на стул... Заботливой рукою
Сняла Параша плащ, потом дру-
гою

Стряхнула иней с шелковых куд-
рей

Пришельца. Видно, нравился он
ей...

Всё нравится, что молодо, краси-
во,

И в чем мы видим прибыль особ-
ливо.

Он ловок был, со вкусом был одет,
Изящно был причесан и так дале.
На пальцах перстни изливали
свет,
И галстук надушен был, как на
бале.
Ему едва ли было двадцать лет,
Но бледностью казались покры-
ты
Его чело и нежные ланиты, –
Не знаю, мук ли то последних
след,
Но мне давно знаком был этот
цвет, –
И на устах его, опасней жала
Змеи, насмешка вечная блужда-
ла.

Заметно было в нем, что с ран-
них дней
В кругу хорошем, то есть в мод-
ном свете,
Он обжился, что часть своих но-
чей
Он убивал бесплодно на паркете
И что другую тратил не умней...
В глазах его открытых, но пе-
чальных,
Нашли бы вы без наблюдений

дальных
Презренье, гордость; хоть он не
был горд,
Как глупый турок иль богатый
лорд,
Но всё-таки себя в числе двуногих
Он почитал умнее очень многих.

Борьба рождает гордость. Вое-
вать
С людскими предрассудками
труднее,
Чем тигров и медведей пора-
жать,
Иль со штыком на вражьей бата-
рее
За белый крестик жизнью риско-
вать...
Клянусь, иметь великий надо ге-
ний,
Чтоб разом сбросить цепь
предубеждений,
Как сбросил бы я платье, если б
вдруг
Из севера всевышний сделал юг.
Но ныне нас противное пугает:
Неаполь мерзнет, а Нева не тает.
Да кто же этот гость?.. Pardon,

сейчас!..

Рассеянность... Monsieur, рекомендую:

Герой мой, друг мой – Сашка!..

Жаль для вас,

Что случай свел в минуту вас такую,

И в этом месте... Верьте, я не раз

Ему твердил, что эти посещения

О нем дадут весьма дурное мнение.

Я говорил, – он слушал, он был весь

Вниманье... Глядь, а вечером уж здесь!..

И я нашел, что мне его исправить

Труднее в прозе, чем в стихах прославить.

Герой мой Сашка тихо развязал
Свой галстук... «Сашка» – старое
название!

Но «Сашка» тот печати не видал,

И недозревший он угас в изгнание.

[76]

Мой Сашка меж друзей своих не
знал

Другого имя, – дурно ль, хорошо
ли,

Разуверять друзей не в нашей воле.

Он галстук снял, рассеянно перстом

Провел по лбу, поморщился, потом

Спросил: «Где Тирза?» – «Дома». – «Что ж не видно

Ее?» – «Уснула». – «Как ей спать не стыдно!»

И он поспешно входит в тот покой,

Где часто с Тирзой пламенные ночи

Он проводил... Всё полно тишиной
И сумраком волшебным; прямо в

очи

Недвижно смотрит месяц золотой

И на стекле в узоры ледяные
Кидает искры, блески огневые,

И голубым сиянием стена

Игриво и светло озарена.

И он (не месяц, но мой Сашка)
слышит,

В углу на ложе кто-то слабо дышит.

Он руку протянул, – его рука
Попала в стену; протянул другую,

–
Ощупал тихо кончик башмачка.
Схватил потом и ножку, но ка-
кую?!..

Так миньютюрна, так нежна,
мягка

Казалась эта ножка, что неволь-
но

Подумал он, не сделал ли ей боль-
но.

Меж тем рука всё далее ползет,
Вот круглая коленочка... и вот,
Вот – для чего смеетесь вы зара-
не? –

Вот очутилась на двойном курга-
не...

Блаженная минута!... Закипел
Мой Александр, склонившись к де-
ве спящей.

Он поцелуй на грудь запечатлел
И стан ее обвил рукой дрожащей.
В самозабвенье пылком он не
смел

Дохнуть... Он думал: «Тирза доро-
гая!

И жизнь и чувствами играя,

Как ты, я чужд общественных
связей, –
Как ты, один с свободой моей,
Не знаю в людях ни врага, ни дру-
га, –
Живу, чтоб жить как ты, моя по-
друга!

«Судьба вчера свела случайно нас,
Случайно завтра разведет навеч-
но, –
Не всё ль равно, что год, что день,
что час,
Лишь только б я провел его бес-
печно?..»
И не сводил он ярких черных глаз
С своей жидовки и не знал, каза-
лось,
Что резвое созданье притворя-
лось.
Меж тем почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Как надлежало... (Страх и удивле-
нье
Для женщин в важных случаях
спасенье.)

И, прежде потеряв глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?» – «Я,

твой Саша!»—
«Неужто?.. Видишь, баловник ка-
кой!

Ступай, давно там ждет тебя
Параша!..

Нет, надо разбудить меня... По-
стой,

Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это был скорее поцелуй.

Да, мерзкий критик, что ты ни
толкуй,

А есть уста, которые украдкой
Кусать умеют сладко, очень
сладко!..

Когда бы Тирзу видел Соломон,
То верно б свой престол украсил
ею, —

У ног ее и царство, и закон,
И славу позабыл бы... Но не смею
Вас уверять, затем, что не рож-
ден

Владыкой, и не знаю, в низкой до-
ле,

Как люди ценят вещи на престо-
ле;

Но знаю только то, что Сашка
мой

За целый мир не отдал бы порой,
Ее улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной
сказки.

«Откуда ты?» – «Не спрашивай,
мой друг!

Я был на бале!» – «Бал! А что та-
кое?» –

«Невежда! Это – говор, шум и
стук,

Толпа глупцов, веселье городское,
–

Наружный блеск, обманчивый
недуг;

Кружатся девы; чванятся наря-
дом,

Притворствуют и голосом и
взглядом.

Кто ловит душу, кто пять тысяч
душ...

Все так невинны, но я им не муж.

И как ни уважаю добродетель,
А здесь мне лучше, в том луна
свидетель».

Каким-то новым чувством сму-
щена,

Его слова еврейка поглощала.

Сначала показалась ей смешна
Жизнь городских красавиц, но...
сначала.

Потом пришло ей в мысль, что и
она

Могла б кружиться ловко пред
толпою,

Терзать мужчин надменной кра-
сотою,

В высокие смотреться зеркала

И уязвлять, но не желая зла,

Соперниц гордой жалостью, и в
свете

Блестать, и ездить четверней в
кажете.

Она прижалась к юноше. Листок
Так жметя к ветке, бурю ожи-
дая.

Стучало сердце в ней, как моло-
ток,

Уста полураскрытые, пылая,
Шептали что-то. С головы до ног

Она горела. Груды молодые

Как персики являлись наливные

Из-под сорочки... Сашкина рука

По ним бродила медленно, слег-
ка...

Но... есть во мне к стыдливости

вниманье –

И целый час я пропущу в молчанье.

Всё было тихо в доме. Облака
Нескромный месяц, дымкою оде-
ли,

И только раздавались изредка
Сверчка ночного жалобные тре-
ли;

И мышь в тени родного уголка
Скреблась в обои старые прилеж-
но.

Моя чета, раскинувшись небреж-
но,

Покоилась, не думая о том,
Что небеса грозили близким
днем,

Что ночь... Вы на веку своем едва
ли

Таких ночей десяток насчитали...

Но Тирза вдруг молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь все
шутки!

Какая мысль мне странная при-
шла:

Что если б ты, откинув предрас-
судки

(Она его тут крепко обняла),
Что если б ты, мой милый, мой
бесценный,
Хотел меня утешить совершен-
но,
То завтра, или даже в день иной
Меня в театр повез бы ты с со-
бой.
Известно мне, всё для тебя воз-
можно,
А отказать в безделице безбож-
но».

«Пожалуй!» – отвечал ей Саша.
Он
Из слов ее расслушал половину, –
Его клонил к подушке сладкий
сон,
Как птица клонит слабую тро-
стину.
Блажен, кто может спать! Я был
рожден
С бессонницей. В теченье долгой
ночи
Бывало беспокойно бродят очи,
И жжет подушка влажное чело.
Душа грустит о том, что уж
прошло,
Блуждая в мире вымысла без пи-

щи,
Как лазарони или русский нищий...

И жадный червь ее грызет, грызет, –

Я думаю, тот самый, что когда-то

Терзал Саула;[77] но порой и тот
Имел отраду: арфы звук крылатый,

Как ангела таинственный полет,
В нем воскрешал и слезы и надежды;

И опускались пламенные вежды,
С гармонией сливалась мечта,
И злобный дух бежал, как от креста.

Но этих звуков нет уж в поднебесной, –

Они исчезли с арфою чудесной...

И всё исчезнет. Верить я готов,
Что наш безлучный мир – лишь прах могильный

Другого, – горсть земли, в борьбе веков

Случайно уцелевшая и сильно
Заброшенная в вечный круг миров.
Светилы ей двоюродные братья,

Хоть носят шлейфы огненного
платья,
И по сродству имеют в добрый
час
Влиянье благотворное на нас...
А дай сойтись, так заварится ка-
ша, –
В кулачки, и... прощай планета
наша.

И пусть они блестят до той по-
ры,
Как ангелов вечерние лампы.
Придет конец воздушной их игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Любил я с колокольни иль с горы,
Когда земля молчит и небо чи-
сто,
Теряться взором в их цепи огни-
стой, –
И мнится, что меж ними и зем-
лей
Есть путь, давно измеренный ду-
шой, –
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вместе все лучи их
света.

Итак, герой наш спит, приятный

сон,
Покойна ночь, а вы, читатель милый,
Пожалуйте, – иначе принужден
Я буду удержатъ вас силой...
Роман, вперед!.. Не идет? – Ну,
так он
Пойдет назад. Герой наш спит по-
куда,
Хочу я рассказать, кто он, откуда,
Кто мать его была, и кто отец,
Как он на свет родился, наконец,
Как он попал в позорную обитель,
Кто был его лакей и кто учитель.

Его отец – симбирский дворянин,
Иван Ильич Н., муж дородный,
Богатого отца любимый сын.
Был сам богат; имел он ум природный
И, что ума полезней, важный чин;
С четырнадцати лет служил и с
миром
Уволен был в отставку бригадиром;
А бригадир блаженных тех времен
Был человек, и следственно умен.

Иван Ильич наш слыл по крайней
мере
Любезником в своей симбирской
сфере.

Он был врагом писателей и книг,
В делах судебных почерпнул по-
знанья.

Спал очень долго, ел за четверых;
Ни на кого не обращал вниманья
И не носил приличия вериг.

Однако же пред знатью гордели-
вой

Умел он гнуться скромно и учти-
во.

Но в этот век учтивости закон
Для исполненья требовал поклон;
А кланяться закону иль вельмо-
же

Считалось тогда одно и то же.

Он старших уважал, зато и сам
Почтительность вознаграждал
улыбкой

И, ревностный хотя угодник дам,
Женился, по словам его, ошибкой.

В чем он ошибся, не могу я вам
Открыть, а знаю только (не со-
вратъ бы),

Что был он грустен на другой
день свадьбы
И что печаль его была одна
Из тех, какими жизнь мужей пол-
на.

По мне они большие эгоисты, –
Всё жен винят, как будто сами
чисты.

Благодари меня, о женский пол!
Я – Демосфен твой:[78] за твою
свободу

Я рад шуметь; я непомерно зол
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть им дал?.. Восстань-
те, – час пришел!

Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда все девы! Прочь терпе-
нье!

Конец всему есть! Беззаботно, яв-
но

Идите вслед за Марьей Николав-
ной!

Понять меня, я знаю, вам легко,
Ведь в ваших жилах – кровь, не
молоко,

И вы краснеть умеете уж кста-
ти

От взоров и намеков нашей бра-

тыи.[79]

Иван Ильич стереж жену свою
По старому обычаю. Без лести
Сказать, он вел себя, как я люблю,
По правилам тогдашней старой
чести.

Проказница ж жена (не утаю)
Читать любила жалкие романы
Или смотреть на светлый шар
Дианы,

В беседке темной сидя до утра.
А месяц и романы до добра
Не доведут, – от них мечты ро-
дятся...

А искушенью только бы добратъ-
ся!

Она была прелакомый кусок
И многих дум и взоров стала це-
лью.

Как быть: пчела садится на цве-
ток,

А не на камень; чувствам и весе-
лью

Казенных не назначено дорог.
На брачном ложе Марья Николав-
на

Была, как надо, ласкова, исправна.

Но, говорят (хоть, может быть,
и лгут),
Что долг супруги – только лиш-
ний труд.
Мужья у жен подобных (не в обиду
Будь сказано), как вывеска для ви-
ду.

Иван Ильич имел в Симбирске
дом
На самой на горе, против собора.
При мне давно никто уж не жил в
нем,
И он дряхлел, заброшен без надзо-
ра,
Как инвалид, с георгьевским кре-
стом.
Но некогда, с кудрявыми главами,
Вдоль стен колонны высились ря-
дами.
Прозрачною решеткой окружен,
Как клетка, между них висел бал-
кон,
И над дверьми стеклянными в по-
рядке
Виднелися гардин прозрачных
складки.

Внутри всё было пышно; на сто-

лах
Пестрели разноцветные клеенки,
И люстры отражались в зерка-
лах,
Как звезды в луже; моськи и бо-
лонки
Встречали шумно каждого в две-
рях,
Одна другой несноснее, а дале
Зеленый попугай, порхая в зале,
Кричал бесстыдно: «Кто при-
шел?.. Дурак!»

А гость с улыбкой думал: «как не
так!»

И, ласково хозяйкой принимаем,
Через пять минут мирился с попу-
гаем.

Из окон был прекрасный вид кру-
гом:

Налево, то есть к западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потом
Меж ними церковь с круглыми
главами,

И кое-где в тени – отрада днем –
Уютный сад, обсаженный ряби-
ной,

С беседкою, цветами и малиной,
Как детская игрушка, если вам

Угодно, или как меж знатных
дам
Румяная крестьянка – дочь приро-
ды,
Испуганная блеском гордой моды.

Под глинистой утесистой горой,
Униженной лачужками, направо,
Катилась широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, как табун, тесни-
лись,
И флюгера на длинных мачтах
бились,
Жужжа на ветре, и скрипел ка-
нат
Натянутый; и серой мглой объ-
ят,
Виднелся дальний берег, и белели
Вкруг острова края песчаной ме-
ли.

Нестройный говор грубых голосов
Между судов перебежал порою;
Смех, песни, брань, протяжный
крик пловцов –
Всё в гул один сливалось над во-
дою.

И Марья Николавна, хоть суров
Казался ветер, и день был на закате,
Накинув шаль или капот на вате,
С французской книжкой, часто,
сев к окну,
Следила взором сизую волну,
Прибрежных струй приливы и отливы,
Их мерный бег, их золотые гривы.

Два года жил Иван Ильич с женой,
И всё не тесны были ей корсеты.
Ее ль сложенье было в том виной,
Или его немолодые леты?..
Не мне в делах семейных быть судьей!
Иван Ильич иметь желал бы сына
Законного: хоть правом дворянина
Он пользовался часто, но детей,
Вне брака прижитых, злодей,
Раскидывал по свету, где случится,
Страшась с своей деревней породниться.

Какая сладость в мысли: я отец!
И в той же мысли сколько муки
тайной –

Оставить в мире след и наконец
Исчезнуть! Быть злодеем, и слу-
чайно, –

Злодеем потому, что жизнь – ве-
нец

Терновый, тяжкий, – так по край-
ней мере

Должны мы рассуждать по на-
шей вере...

К чему, куда ведет нас жизнь, о
том

Не с нашим бедным толковать
умом;

Но исключая два-три дня да дет-
ство,

Она, бесспорно, скверное наслед-
ство.

Бывало, этой думой удручен,
Я прежде много плакал, и слеза-
ми

Я жег бумагу. Детский глупый сон
Прошел давно, как туча над сте-
пями;

Но пылкий дух мой не был осве-
жен,

В нем родились бури, как в пусты-
не,
Но скоро улеглись они, и ныне
Осталось сердцу, вместо слез,
бурь тех,
Один лишь отзыв – звучный, горь-
кий смех...
Там, где весной белел поток игри-
вый,
Лежат кремни – и блещут, но не
живы!

Прилично б было мне молчать о
том,
Но я привык идти против прили-
чий
И, говоря всеобщим языком,
Не жду похвал. – Поэт породы
птичей,
Любовник роз, над розовым ку-
стом
Урчит и свищет меж листов ду-
шистых.
Об чем? Какая цель тех звуков чи-
стых? –
Прошу хоть раз спросить у соло-
вья.
Он вам ответит песнью... Так и я
Пишу что́ мыслю, мыслю что́

придется,
И потому мой стих так плавно
льется.

Прошло два года. Третий год
Обрадовал супругов безнадежных:
Желанный сын, любви взаимной
плод,
Предмет забот мучительных и
нежных,
У них родился. В доме весь народ
Был восхищен, и три дня были
пьяны
Все на подбор, от кучера до няни.
А между тем печально у ворот
Всю ночь собаки выли напролет,
И, что страшнее этого, ребенок
Весь в волосах был, точно медве-
жонок.

Старухи говорили: это знак,
Который много счастья обеща-
ет.
И про меня сказали точно так,
А правда ль это вышло? – небо
знает!
К тому же полуночный вой собак
И страшный шум на чердаке вы-
соком –

Приметы злые; но не быв пророком,
Я только покачаю головой.
Гамлет сказал: «Есть тайны под луной
И для премудрых», [80] – как же мне, поэту,
Не верить можно тайнам и Гамлету?..

Младенец рос милее с каждым днем:
Живые глазки, белые ручонки
И русый волос, вьющийся кольцом, –
Пленяли всех знакомых; уж пеленки
Рубашечкой сменилися на нем;
И, первые проказы начиная,
Уж он дразнил собак и попугая...
Года неслись, а Саша рос, и в пять
Добро и зло он начал понимать;
Но, верно, по врожденному влечению,
Имел большую склонность к разрушенью.

Он рос... Отец его бранил и сек –
Затем, что сам был с детства

часто сечен,
А слава богу вышел человек:
Не стыд семьи, ни туп, ни изуве-
чен.

Понятья были низки в старый
век...

Но Саша с гордой был рожден ду-
шою
И желчного сложенья, – пред судь-
бою,
Перед бичом язвительной молвы
Он не склонял и после головы.
Умел он помнить, кто его обидел,
И потому отца возненавидел.

Великий грех!.. Но чем теплее
кровь,
Тем раньше зреют в сердце беспо-
койном
Все чувства – злоба, гордость и
любовь,
Как дерева под небом юга зной-
ным.

Шалун мой хмурил маленькую
бровь,
Встречаясь с нежным папенькой;
от взгляда
Он вздрагивал, как будто б капля
яда

Лилась по жилам. Это, может
быть,
Смешно, – что ж делать! – он не
мог любить,
Как любят все гостинные собачки
За лакомства, побои и подачки.

Он был дитя, когда в тесовый
гроб
Его родную с пеньем уложили.
Он помнил, что над нею черный
поп

Читал большую книгу, что кади-
ли,

И прочее... и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в
молчанье.

И что когда последнее лобзанье
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кри-
чать,

И что отец, немного с ним поспо-
ря,

Велел его посесть... (конечно, с го-
ря).

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,

Он жадному сомнению сердце пре-
дал

И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир
воздушный,

И в нем терялся мыслию послуш-
ной.

Таков средь океана островок:
Пусть хоть прекрасен, свеж, но
одинок;

Ладьи к нему с гостями не при-
станут,

Цветы на нем от зноя все увя-
нут...

Он был рожден под гибельной
звездой,

С желаньями безбрежными, как
вечность.

Они так часто спорили с душой
И отравили лучших дней беспеч-
ность.

Они летали над его главой,
Как царская корона; но без власти
Венец казался бременем, и стра-
сти,

Впервые пробудясь, живым огнем
Прожгли алтарь свой, не найдя
кругом

Достойной жертвы, – и в пустыне
света
На дружный зов не встретил он
ответа.

О, если б мог он, как бесплотный
дух,
В вечерний час сливаться с обла-
ками,
Склонять к волнам кипучим жад-
ный слух
И долго упиваться их речами,
И обнимать их перси, как супруг!
В глуши степей дышать со всей
природой
Одним дыханьем, жить ее свобо-
дой!
О, если б мог он, в молнию одет,
Одним ударом весь разрушить
свет!..
(Но к счастью для вас, читатель
милый,
Он не был одарен подобной силой.)
Я не берусь вполне, как психолог,
Характер Саши выставить нару-
жу
И вскрыть его, как с трюфлями
пирог.

Скорей судьей молчаньем я принужу
жу
К решению... Пусть суд их будет
строг!
Пусть журналист всеведущий
хлопочет,
Зачем тот плачет, а другой хохочет!..
Пусть скажет он, что бесом
одержим
Был Саша, – я и тут согласен с
ним,
Хотя, божусь, приятель мой, по-
веса,
Взбесил бы иногда любого беса.

Его учитель чистый был француз,
Marquis de Tess.[81] Педант полу-
забавный,
Имел он длинный нос и тонкий
вкус
И потому брал деньги преисправ-
но.
Покорный раб губернских дам и
муз,
Он сочинял сонеты, хоть порою
По часу бился с рифмою одною;
Но каламбуров полный лексикон,
Как талисман, носил в карманах

Он,
И, быв уверен в дамской благода-
ти,
Не размышлял, что кстати, что
не кстати.

Его отец богатый был маркиз,
Но жертвой стал народного вол-
нения:

На фонаре однажды он повис,
Как было в моде, вместо украше-
нья.

Приятель наш, парижский Адо-
нис, [83]

Оставив прах родителя судьбине,
Не поклонился гордой гильотине:

Он молча проклял вольность и
народ,

И натошак отправился в поход,
И наконец, едва живой от муки,
Пришел в Россию поощрять нау-
ки.

И Саша мой любил его рассказ
Про сборища народные, про шум-
ный

Напор страстей и про последний
час

Венчанного страдальца... Над

безумной
Парижскою толпою много раз
Носилося его воображенье:
Там слышал он святых голов па-
денье,
Меж тем как нищих буйный мил-
лион
Кричал, смеясь: «Да здравствует
закон!»
И в недостатке хлеба или злата,
Просил одной лишь крови у Мара-
та.

Там видел он высокий эшафот;
Прелестная на звучные ступени
Всходила женщина... Следы за-
бот,
Следы живых, но тайных угрызе-
ний
Виднелись на лице ее. Народ
Рукоплескал... Вот кудри золотые
Посыпались на плечи молодые;
Вот голова, носившая венец,
Склонилась на плаху... О, творец!
Одумайтесь! Еще момент, зло-
деи!..
И голова оторвана от шеи...

И кровь с тех пор рекою потекла,

И загремела жадная секира...
И ты, поэт, высокого чела
Не уберег! [84] Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Всё, всё, что ты считал своей ду-
шою –
Слова, мечты с надеждой и тос-
кою...
Напрасно!.. Ты прошел кровавый
путь,
Не отомстив, и творческую грудь
Ни стих язвительный, ни смех хо-
лодный
Не посетил – и ты погиб бесплод-
но...
И Франция упала за тобой
К ногам убийц бездушных и ни-
чтожных.
Никто не смел возвысить голос
свой;
Из мрака мыслей гибельных и
ложных
Никто не вышел с твердою ду-
шой, –
Меж тем как втайне взор Напо-
леона
Уж зрел ступени будущего тро-
на...

Я в этом тоне мог бы продол-
жать,
Но истина – не в моде, а писать
О том, что было двести раз в га-
зетах,
Смешно, тем боле об таких пред-
метах.

К тому же я совсем не моралист,
–
Ни блага в зле, ни зла в добре не
вижу,
Я палачу не дам похвальный лист,
Но клеветой героя не унижу, –
Ни плеск восторга, ни насмешки
свист
Не созданы для мертвых. Царь
иль воин,
Хоть он отличья иногда достоин,
Но верно нам за тяжкий мавзо-
лей
Не благодарен в комнатке своей,
И, длинным одам внемя понево-
ле,
Зевая вспоминает о престоле.

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнести свой труп в пустыню и
высокий

Курган над ним насыпать, и –
любви
Символ ненарушимый – одинокий
Поставить крест: быть может,
издали,
Когда туман протянется в доли-
не,
Иль свод небес взбунтуется, к вер-
шине
Гостеприимной нищий пешеход,
Его заметив, медленно придет,
И, отряхнувши посох, безнадеж-
ней
Вздохнет о жизни будущей и
прежней –
И проклянет, склонясь на крест
святой,
Людей и небо, время и природу, –
И проклянет грозы бессильный
вой
И пылких мыслей тщетную сво-
боду...
Но нет, к чему мне слушать плач
людской?
На что мне черный крест, курган,
гробница?
Пусть отдадут меня стихиям!
Птица

И зверь, огонь и ветер, и земля
Разделят прах мой, и душа моя
С душой вселенной, как эфир с
эфиром,
Сольется и развеется над ми-
ром!..

Пускай от сердца, полного тоской
И желчью тайных тщетных со-
жалений,
Подобно чаше, ядом налитой,
Следов не остается... Без волне-
ний
Я выпил яд по капле, ни одной
Не уронил; но люди не видали
В лице моем ни страха, ни печа-
ли,
И говорили хладно: он привык.
И с той поры я облил свой язык
Тем самым ядом, и по праву ме-
сти
Стал унижать толпу под видом
лести...

Но кончим этот скучный эпизод
И обратимся к нашему герою.
До этих пор он не имел забот
Житейских и невинною душою
Искал страстей, как пищи. Длин-

ный год
Провел он средь тетрадей, книг,
историй,
Грамматик, географий и теорий
Всех философий мира. Пять си-
стем
Имел маркиз, а на вопрос: зачем?
Он отвечал вам гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire»[85] –
так мне угодно!

Но Саша не внимал его словам, –
Рассеянно в тетради над строка-
ми
Его рука чертила здесь и там
Какой-то женский профиль, и оча-
ми,
Горящими подобно двум звездам,
Он долго на него взирал и нежно
Вздыхал и хоронил его прилежно
Между листов, как тайный ми-
лый клад,
Залог надежд и будущих наград,
Как прячут иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булав-
ку...

Но кто ж она? Что пользы ей
вскружить

Неопытную голову, впервые
Сердечный мир дыханьем возму-
тить
И взволновать надежды огневые?
К чему?.. Он слишком молод,
чтоб любить
Со всем искусством древнего Фо-
блаза.[86]
Его любовь, как снег вершин Кав-
каза,
Чиста, – тепла, как небо южных
стран...
Ему ль платить, обманом за об-
ман?..
Но кто ж она? – Не модная вер-
тушка,
А просто дочь буфетчика,
Маврушка...
И Саша был четырнадцати лет.
Он привыкал (скажу вам под сек-
ретом,
Хоть важности большой во всем
том нет)
Толкаться меж служанок. Часто
летом,
Когда луна бросала томный свет
На тихий сад, на свод густых ака-
ций,

И с шепотом толпа домашних
граций
В аллее кралась, – легкою стопой
Он догонял их; и, шутя, порой,
Его невинность (вы поймете са-
ми)
Они дразнили дерзкими перста-
ми.

Но между них он отличал одну:
В ней было всё, что увлекает ду-
шу,
Волнует мысли и мешает сну.
Но я, друзья, покой ваш не нарушу
И на портрет накину пелену.
Ее любил мой Саша той любовью,
Которая по жилам с юной кровью
Течет огнем, клокочет и кипит.
Боролись в нем желание и стыд;
Он долго думал, как в любви от-
крыться, –
Но надобно ж на что-нибудь ре-
шиться.

И мудрено ль? Четырнадцать
лет
Я сам страдал от каждой жен-
ской рожки
И простодушно уверял весь свет,

Что друг на дружку все они похо-
жи.

Волнующихся персей нежный
цвет

И алых уст горячее дыханье
Во мне рождали чудные желанья;
Я трепетал, когда моя рука
Атласных плеч касалась слегка,
Но лишь в мечтах я видел без по-
крова

Всё, что для вас, конечно, уж не
ново...

Он потерял и сон и аппетит,
Молчал весь день и бредил в ночь,
бывало,
По коридору бродит и грустит,
И ждет, чтоб платье мимо про-
жужжало,
Чтоб ясный взор мелькнул... Суро-
вый вид

Приняв, он иногда улыбкой хлад-
ной

Отвечивал на взор ее отрад-
ный...

Любовь же неизбежна, как судьба,
А с сердцем страх невыгодна
борьба!

Итак, мой Саша кончил с ним во-

зиться

И положил с Маврушей объяс-
ниться.

Случилось это летом, в знойный
день.

По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. От труб высоких
тень

Ложилася на крышах полосами,
И пар с камней струился. Сон и
лень

Вполне Симбирском овладели; да-
же

Катилась Волга медленней и гла-
же.

В саду, в беседке темной и сырой,
Лежал полураздетый наш герой
И размышлял о тайне съединенья
Двух душ, – предмет, достойный
размышленья.

Вдруг слышит он направо, за ку-
стом

Сирени, шорох платья и дыханье
Волнующейся груди, и потом
Чуть внятный звук, похожий на
лобзанье.

Как Саше быть? Забилося сердце в

нем,
Запрыгало... Без дальних опасений
Он сквозь кусты пустился легче
тени.

Трещат и гнутся ветви под рукой.
И вдруг пред ним, с Маврушкой
молодой

Обнявшись в тени цветущей виш-
ни,

Иван Ильич... (Прости ему все-
вышний!)

Увы! Покоясь на траве густой,
Проказник старый обнимал бес-
стыдно

Упругий стан под юбкою простой
И не жалел ни ножки миловид-
ной,

Ни круглых персей, дышащих вес-
ной!

И долго, долго бился, но напрасно!
Огня и сил лишен уж был
несчастный.

Он встал, вздохнул (нельзя же не
вздохнуть),

Поправил брюхо и пустился в
путь,

Оставив тут обманутую деву,
Как Ариадну, преданную гневу.[87]

*И есть за что, не спорю... Между
тем*

*Что делал Саша? С неподвижным
взглядом,*

*Как белый мрамор холоден и нем,
Как Аббадона грозный, [88] новым
адам*

*Испуганный, но помнящий эдем,
С поникшею стоял он головою,
И на челе, наморщенном тоскою,
Качались тени трепетных вет-
вей...*

*Но вдруг удар проснувшихся стра-
стей*

*Перевернул неопытную душу,
И он упал, как с неба, на Маврушу.*

*Упал! (прости невинность!). Как
змея,*

*Маврушу крепко обнял он руками,
То холодея, то как жар горя,*

*Неустово впился в нее устами
И – обезумел... Небо и земля*

*Слились в туман. Мавруша про-
стонала*

*И улыбнулась; как волна, встава-
ла*

*И упала грудь, и томный взор,
Как над рекой безлучный метеор,*

Блуждал вокруг без цели, без пред-
мета,
Боясь всего: людей, дерев и света...
Теперь, друзья, скажите напрямик,
Кого винить?.. По мне, всего пре-
красней
Сложить весь грех на черта, – он
привык
К напраслине; к тому же безопас-
ней
Рога и когти, чем иной язык...
Итак, заметим мы, что дух
незримый,
Но гордый, мрачный, злой, не от-
разимый
Ни ладаном, ни бранью, ни кре-
стом,
Играл судьбою Саши, как мячом,
И, следуя пустейшему капризу,
Кидал его то вкось, то вверх, то
книзу.

Два месяца прошло. Во тьме ноч-
ной,
На цыпочках по лестнице ступая,
В чепце, платок накинув шерстя-
ной,

Являлась к Саше дева молодая;
Задув лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кроватки,

Она искала жарких там объятий.
Потом, на мягкий пух привлеченная,

Под одеяло пряталась она;
Тяжелый вздох из груди вырывался,

И в жарких поцелуях он сливался.

Казалось, рок забыл о них. Но раз
(Не помню я, в который день недели), –

Уж пролетел давно свиданья час,
А Саша всё один был на постели.

Он сел к окну в раздумье. Тихо гас
На бледном своде месяц серебристый,

И неподвижно бахромой волнистой

Вокруг его висели облака.

Дремало всё, лишь в окнах изредка
Являлась свечка, силуэт рубчатый

Старухи, из картин Рембрандта
взятый,

Мелькая, рисовался на стекле
И исчезал. На площади пустынной,
Как чудный путь к неведомой земле,
Лежала тень от колокольни длинной,
И даль сливалась в синеватой мгле.
Задумчив Саша... Вдруг скрипнули двери,
И вы б сказали – поступь райской пери
Послышалась. Невольно наш герой
Вздрогнул. Пред ним, озарена луной,
Стояла дева, опустивши очи,
Бледнее той луны – царицы ночи...
И он узнал Маврушу. Но – творец!
—
Как изменилось нежное созданье!
Казалось, тело изваял резец,
А бог вдохнул не душу, но страданье.
Она стоит, вздыхает, наконец
Подходит и холодными руками
Хватает руку Саши, и устами

Прижалась к ней, и слезы потекли
Всё больше, больше, и, казалось,
жгли
Ее лицо... Но кто не зрел картины
Раскаянья преступной Магдали-
ны?

И кто бы смел изобразить в сло-
вах,
Что дышит жизнью в красках
Гвидо-Рени?[89]
Гляжу на дивный холст: душа в
очах,
И мысль одна в душе, – и на коле-
ни
Готов упасть, и непонятный
страх,
Как струны лютни, потрясает
жилы;
И слышишь близость чудной тай-
ной силы,
Которой в мире верует лишь
тот,
Кто как в гробу в душе своей жи-
вет,
Кто терпит все упреки, все печа-
ли,
Чтоб гением глупцы его назвали.

И долго молча плакала она.
Рассыпавшись на кругленькие плечи,
Ее власы бежали, как волна.
Лишь иногда отрывистые речи,
Отзыв того, чем грудь была полна,
Блуждали на губах ее; но звуки
Яснее были слов... И голос муки
Мой Саша понял, как язык родной;
К себе на грудь привлек ее рукой
И не щадил ни нежностей, ни ласки,
Чтоб поскорей добраться до развязки.

Он говорил: «К чему печаль твоя?
Ты молода, любима, – где ж страданье?
В твоих глазах – мой мир, вся жизнь моя,
И рай земной в одном твоём лобзанье...
Быть может, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нет! И кто же смеет
Тебя обидеть? Мой отец дряхлеет,
Француз давно не годен никуда...

Ну, полно! Слезы прочь, и ляг сюда!»

Мавруша, крепко Сашу обнимая,
Так отвечала, медленно вздыхая:

«Послушайте, я здесь в последний раз.

Пренебрегла опасность, наказание,

Стыд, совесть – всё, чтоб только видеть вас,

Поцеловать вам руки на прощанье

И выманить слезу из ваших глаз.

Не отвергайте бедную, – довольно
Уж я терплю, – но что же?.. Сердце вольно...

Иван Ильич проведal от людей
Завистливых... Всё Ванька ваш,
злодей, –

Через него я гибну... Всё готово!
Молю!.. О, киньте мне хоть
взгляд, хоть слово!

«Для вашего отца впервые я
Забыла стыд, – где у рабы защита?

Грозил он ссылкой, бог ему судья!
Прошла неделя, – бедная забыта...

А всё любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Он разбранил... Но что же перед
вами?

Раба? Игрушка!.. Точно: день, два,
три

Мила, а там? – пожалуй, хоть
умри!..»

Тут начались слезы, восклицанья,
Но Саша их оставил без вниманья.

«Ах, барин, барин! Вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердеч-
ной!..

Прощай, – тебя мне больше не ви-
дать,

Зато уж помнить буду вечно, веч-
но...

Виновны оба, мне ж должно стра-
дать.

Но, так и быть, целуй меня в
грудь, в очи, –

Целуй, где хочешь, для последней
ночи!..

Чем свет меня в кибитке увезут
На дальний хутор, где Маврушу
ждут

Страданья и мужик с косматой
бородою...

А ты? – вздохнешь и слюбишься с
другою!»

Она заплакала. Так или нет
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смею; двух,
трех лет
Достаточно губительная сила,
Чтобы святейших слов загла-
дить след.

А тот, кто рассказал мне по-
весть эту, –
Его уж нет... Но что за нужда
свету?

Не веры я ищу, – я не пророк,
Хоть и стремлюсь душою на Во-
сток,
Где свиньи и вино так ныне редки
И где, как пишут, жили наши
предки!

Она замолкла, но не Саша: он
Кипел против отца негодованием:
«Злодей! Тиран!» – и тысячу имен,
Таких же милых, с истинным вни-
маньем,
Он расточал ему. Но счастья сон,
Как ни бранись, умчался невоз-
вратно...

Уже готов был юноша разврат-
ный

В последний раз на ложе пуховом
Вкусить восторг, в забытии
немом

Уж и она, пылая в расслабленье,
Раскинулась, как вдруг – о, прови-
денье! –

Удар ногою с треском растворил
Стеклянной двери обе половины,
И ночника луч бледный озарил
Живой скелет вошедшего мужчи-
ны.

Казалось, в страхе с ложа он вско-
чил, –

Растрепан, босиком, в одной ру-
башке, –

Вошел и строго обратился к Саш-
ке:

«Eh bien, monsieur, que vois-je?» –

«Ah, c'est vous!»

«Pourquoi ce bruit? Que faites-vous!

Donc?» – «Je f<...>!»[90]

И, молвив так (пускай простит
мне муза),

Одним тузом он выгнал вон
француза.

И вслед за ним, как лань кавказ-
ских гор,
Из комнаты пустилася бедняж-
ка,
Не распротясь, но кинув нежный
взор,
Закрыв лицо руками... Долго Саш-
ка
Не мог унять волнение сердца.
«Вздор, –
Шептал он, – вздор: любовь не
жизнь!» Но утро,
Подернув тучки блеском перла-
мутра,
Уж начало заглядывать в окно,
Как милый гость, ожидаемый
давно,
А на дворе, унылый и докучный,
Раздался колокольчик однозвуч-
ный.

К окну с волнением Сашка подбе-
жал:
Разгонных тройка у крыльца
большого.
Вот сел ямщик и возжжи подо-
брал;
Вот чей-то голос: «Что же, всё
готово?»

– «Готово». – Вот садится... Он узнал:

Она!.. В чепце, платком окутав шею,

С обычной улыбкою своею,

Ему кивнула тихо головой

И спряталась в кибитку. Бич лихой

Взвился. «Пошел!»... Колесы застучали...

И в миг... Но что нам до чужой печали?

Давно ль?... Но детство Саши протекло.

Я рассказал, что знать вам было нужно...

Он стал с отцом браниться: не могло

И быть иначе, – нежностью наружной

Обманывать он почитал за зло,

За низость, – но правдивой мести знаки

Он не щадил (хотя б дошло до драки).

И потому родитель, рассчитав,

Что укрощать не стоит этот нрав,

Сынка, рыдая, как мы все умеем,
Послал в Москву с французом и
лакеем.

И там проказник был препоручен
Старухе-тетке самых строгих
правил.

Свет утверждал, что резвый Ку-
пидон

Ее краснеть ни разу не заставил.
Она была одна из тех княжен,
Которые, страшась святого бра-
ка,

Не смеют дать решительного
знака

И потому в сомненье ждут да
ждут,

Покуда их на вист не позовут,
Потом остаток жизни, как уме-
ют, –

За картами клеветуют и желте-
ют.

Но иногда какой-нибудь лакей,
Усердный, честный, верный, остро-
рожный,

Имея вход к владычице своей
Во всякий час, с покорностью воз-
можной,

В уютной спальне заменяет ей
Служанку, то есть греет одеяло,
Подушки, руки, ноги... Разве мало
Под мраком ночи делается дел,
Которых знать и черт бы не хо-
тел,
И если бы хоть раз он был свиде-
тель,
Как сладко спит седая доброде-
тель.

Шалун был отдан в модный пан-
сион,
Где много приобрел прекрасных
правил.
Сначала пристрастился к книгам
он,
Но скоро их с презрением оставил.
Он увидел, что дружба, как по-
клон, –
Двусмысленная вещь; что добрый
малый –
Товарищ скучный, тягостный и
вялый;
Чуть умный – и забавен и сносеи,
Чем тысяча услужливых друзей,
И потому (считая только явных)
Он нажил в месяц сто врагов за-
бавных.

И снимок их, как памятник свя-
той,
На двух листах, раскрашенный
отлично,
Носил всегда он в книжке запис-
ной,
Обернутой атласом, как прилич-
но,
С стальным замком и розовой
каймой.
Любил он заговоры злобы тайной
Расстроить словом, будто бы
случайно;
Любил врагов внезапно удивлять,
На крик и брань – насмешкой от-
вечать,
Иль, притворясь рассеянным
невеждой,
Ласкать их долго тщетною на-
деждой.

Из пансиона скоро вышел он,
Наскуча всё твердить азы да бу-
ки,
И наконец в студенты посвящен,
Вступил надменно в светлый
храм науки.
Святое место! Помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,

Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый
ром;
Их гордый вид пред гордыми вла-
стями,
Их сюртуки, висящие клочками.
Бывало, только восемь бьет ча-
сов,
По мостовой валит народ ученый.
Кто ночь провел с лампадой средь
трудов,
Кто в грязной луже, Вакхом упо-
енный;
Но все равно задумчивы, без слов
Текут... Пришли, шумят... Про-
фессор длинный
Напрасно входит, кланяется чин-
но, –
Он книгу взял, раскрыл, прочел...
шумят;
Уходит, – втрое хуже. Сущий ад!..
По сердцу Сашке жизнь была та-
кая,
И этот ад считал он лучше рая.
Пропустим года два... Я не хочу
В один прием свою закончить по-

весть.

Читатель знает, что я с ним шу-
чу,

И потому моя спокойна совесть,
Хоть, признаюсь, много пропущу
Событий важных, новых и чудес-
ных.

Но час придет, когда, в пределах
тесных

Не заключен и не спеша вперед,
Чтоб сократить унылый эпизод,
Я снова обращаю вниманье ваше
На те года, потраченные Сашей...

Теперь героев разбудить пора,
Пора привести в порядок их одеж-
ды.

Вы вспомните, как сладостно
вчера

В объятьях неги и живой надеж-
ды

Уснула Тирза? Резвый бег пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась позд-
но...

Растрепанные волосы назад
Рукой откинув и на свой наряд
Взглянув с улыбкой сонною, снача-
ла

Она довольно долго позевала.

На ней измято было всё, и грудь
Хранила знаки пламенных лобза-
ний.

Она спешит лицо водой сплеснуть
И кудри без особенных стараний
На голове гребенкою заткнуть;
Потом сорочку скинула, небреж-
но

Водюю обмывает стан свой неж-
ный...

Опять свежа, как персик моло-
дой.

И на плеча капот накинув свой,
Пленительна бесстыдной наго-
тою,

Она подходит к нашему герою,

Садится в изголовье и потом
На сонного студеной влагой пле-
щет.

Он поднялся, кидает взор кругом
И видит, что пора: светелка бле-
щет,

Озарена роскошным зимним
днем;

Замерзших окон стекла серебрят-
ся;

*В лучах пылинки светлые вер-
тятся;
Упругий снег на улице хрустит,
Под тяжестью полозьев и копыт,
И в городе (что мне всегда досад-
но)
Колокола трезвонят беспощад-
но...*

*Прелестный день! Как пышен бо-
жий свет!
Как небеса лазурны!.. Торопливо
Вскочил мой Саша. Вот уж он
одет,
Атласный галстук повязал лени-
во,
С кудрей ночных восторгов сгла-
дил след;
Лишь синеватый венчик под гла-
зами
Изобличал его... Но (между нами,
Сказать тихонько) это не порок.
У наших дам найти я то же б
мог,
Хоть между тем ручаюсь голо-
вою,
Что их невинней нету под луною.
Из комнаты выходит наш герой,*

И, пробираясь длинным коридо-
ром,
Он видит Катерину пред собой,
Приветствует ее холодным взо-
ром,
И мимо. Вот он в комнате дру-
гой:

Вот стул с дрожащей ножкою и
рядом
Кровать; на ней, закрыта, кверху
задом
Храпит Параша, отвернув лицо.
Он плащ надел и вышел на крыль-
цо,
И вслед за ним несутся восклица-
нья,
Чтобы не смел забыть он обеща-
нья:

Чтоб приготовил модный он на-
ряд
Для бедной, милой Тирзы, и так
дале.
Сказать ли, этой выдумке был
рад
Проказник мой: в театре, в пест-
рой зале
Заметят ли невинный маскарад?
Зачем еврейку не утешить тайно,

Зачем толпу не наказать случай-
но

Презрением гордым всех ее при-
чуд?

И что молва? – Глупцов крикли-
вый суд,

Коварный шепот злой старухи,
или

Два-три намека в польском иль в
кадрили!

Уж Саша дома. К тетке входит
он,

Небрежно у нее целует руку.

«Чем кончился вчерашний ваш бо-
стон?

Я б не решился на такую скуку,

Хотя бы мне давали миллион.

Как ваши зубы?.. А Фиделька где
же?

Она являться стала что-то ре-
же.

Ей надоел наш модный круг, – увы,

Какая жалость!.. Знаете ли вы,

На этих днях мы ждем к себе ко-
мету,

Которая несет погибель свету?..

«И поделом, ведь новый магазин

Открылся на Кузнецком, – не
угодно ль
Вам посмотреть?.. Там есть
мамзель Aline,
Monsieur Dupré, Durand, француз
природный,
Теперь купец, а бывший дворянин;
Там есть мадам Armand; там
есть субретка
Fanchoux – плутовка, смуглая ко-
кетка!
Вся молодежь вокруг ее вертит-
ся.

Мне ж всё равно, ей-богу, что слу-
чится!
И по одной значительной причине
Я только зритель в этом магази-
не.

«Причина эта вот – мой кошелек:
Он пуст, как голова француза, –
малость
Истратил я; но это мне урок –
Ценить дешевле ветреную ша-
лость!»
И, притворясь печальным сколько
мог,
Шалун склонился к тетке, два-
три раза

Вздохнул, чтоб удалась его проказа.

Тихонько ларчик отперев, она
Заботливо дорылася до дна
И вынула три беленьких бумажки.

И... вы легко поймете радость
Сашки.

Когда же он пришел в свой кабинет,
То у дверей с неподвижностью примерной,
В чалме пунцовой, щегольски одет,
Стоял арап, его служитель верный.[92]

Покрыт, как лаком, был чугунный цвет
Его лица, и ряд зубов перловых,
И блеск очей открытых, но суровых,
Когда смеялся он иль говорил,
Невольный страх на душу наводил;
И в голосе его, иным казалось,
Надменностью безумной отзывалось.

Союз довольно странный заклю-
чен

Меж им и Сашей был. Их разгово-
ры

Казались таинственны, как сон;
Вдвоем, бывало, ночью, точно во-
ры,

Уйдут и пропадают. Одарен
Соображеньем бойким, наш прия-
тель

Восточных слов был страшный
обожатель,

И потому «Зафиром» наречен

Его арап. За ним повсюду он,

Как мрачный призрак, следовал, и
что же? –

Все восхищались этой скверной
рожей!

Зафиру Сашка что-то прошеп-
тал.

Зафир кивнул курчавой головою,
Блеснул, как рысь, очами, денег

взял

Из белой ручки черною рукою;

Он долго у дверей еще стоял

И говорил всё время, по несча-
стью,

На языке чужом, и тайной стра-

стью
Одушевлен казался. Между тем,
Облокотясь на стол, задумчив,
нем,
Герой печальный моего рассказа
Глядел на африканца в оба глаза.

И наконец он подал знак рукой,
И тот исчез быстрее китайской
тени.

Проворный, хитрый, с смелой ду-
шой,
Он жил у Саши как служебный ге-
ний,

Домашний дух (по-русски домо-
вой);

Как Мефистофель, быстрый и по-
слушный,

Он исполнял безмолвно, равно-
душно,

Добро и зло. Ему была закон
Лишь воля господина. Ведал он,
Что кроме Саши, в целом божьем
мире

Никто, никто не думал о Зафире.

Однако были дни давным-давно,
Когда и он на берегу Гвинеи
Имел родной шалаш, жену, пшено

И ожерелье красное на шее,
И мало ли?.. О, там он был звено
В цепи семей счастливых!.. Там
пустыня
Осталась неприступна, как свя-
тыня.
И пальмы там растут до обла-
ков,
И пена вод белее жемчугов.
Там жгут лобзанья, и пронзают
очи,
И перси дев черней роскошной но-
чи.

Но родина и вольность, будто сон,
В тумане дальнем скрылись
невозвратно...
В цепях железных пробудился он.
Для дикаря всё стало непонятно –
Блестящих городов и шум и звон.
Так облачко, оторвано грозой,
Бродя одно под твердью голубою,
Куда пристать не знает; для него
Всё чуждо – солнце, мир и шум
его;
Ему обидно общее веселье, –
Оно, нахмурясь, прячется в уще-
лье.

О, я люблю густые облака,
Когда они толпятся над горою,
Как на хребте стального шишака
Колеблемые перья! Пред грозой,
В одеждах золотых, издалика
Они текут безмолвным карава-
ном,
И наконец одетые туманом,
Обнявшись, свившись, будто куча
змей,
Беспечно дремлют на скале своей.
Настанет день, – их ветер вновь
уносит:
Куда, зачем, откуда? – кто их
спросит?

И после них на свете нет следа,
Как от любви поэта безнадеж-
ной,
Как от мечты, которой никогда
Он не открыл вниманью дружбы
нежной.
И ты, чья жизнь, как беглая звез-
да,
Промчалася неслышно между на-
ми,
Ты мук своих не выразишь слова-
ми:
Ты не хотел насмешки выпить яд,

С улыбкою притворной, как Со-
крат;
И, не разгадан глупою толпою,
Ты умер, чуждый жизни... Мир с
тобою!

И мир твоим костям! Они сгни-
ют,
Покрытые одеждою военной...
И сумрачен и тесен твой приют,
И ты забыт, как часовой бессмен-
ный.

Но что же делать? – Жди, авось
придут,

Быть может, кто-нибудь из
прежних братий.

Как знать? – земля до молодых
объятий

Охотница... Ответствуй мне, пе-
вец,

Куда умчался ты?.. Какой венец
На голове твоей? И всё ль, как
прежде,

Ты любишь нас и веруешь надеж-
де?

И вы, вы все, которым столько
раз

Я подносил приятельскую чашу, –

Какая буря в даль умчала вас?
Какая цель убила юность вашу?
Я здесь один. Святой огонь погас
На алтаре моем. Желанье славы,
Как призрак, разлетелось. Вы пра-
вы:

Я не рожден для дружбы и пиров...
Я в мыслях вечный странник, сын
дубров,
Ущелий и свободы, и, не зная
Гнезда, живу, как птичка кочевая.

Я для добра был прежде гибнуть
рад,

Но за добро платили мне презре-
нием;

Я пробежал пороков длинный ряд
И пресыщен был горьким насла-
ждением...

Тогда я хладно посмотрел назад:
Как с свежего рисунка, сгладил
краску

С картины прошлых дней, вздох-
нул и маску

Надел, и буйным смехом заглу-
шил

Слова глупцов, и дерзко их казнил,
И, грубо пробуждая их беспеч-
ность,

Насмешливо указывал на вечность.

О, вечность, вечность! Что найдем мы там
За неземной границей мира? –
Смутный,
Безбрежный океан, где нет векам
Названья и числа; где бесприютны
Блуждают звезды вслед другим
звездам.
Заброшен в их немые хороводы,
Что станет делать гордый царь
природы,
Который верно создан всех умней,
Чтоб пожирать растенья и зверей,
Хоть между тем (пожалуй,
клясться стану)
Ужасно сам похож на обезьяну.

О, суета! И вот ваш полубог –
Ваш человек: искусством завладевший
Землей и морем, всем, чем только мог,
Не в силах он прожить три дня не
евши.

Но полно! Злобный бес меня за-
влек

В такие толки. Век наш – век без-
божный;

Пожалуй, кто-нибудь, шпион ни-
чтожный,

Мои слова прославит, и тогда

Нельзя креститься будет без
стыда;

И поневоле станешь лицемерить,

Смеясь над тем, чему желал бы
верить.

Блажен, кто верит счастьем и
любви,

Блажен, кто верит небу и проро-
кам, –

Он долголетен будет на земли

И для сынов останется уроком.

Блажен, кто думы гордые свои

Умел смирить пред гордою тол-
пою,

И кто грехов тяжелою ценою

Не покупал пурпурных уст и глаз,

Живых, как жизнь, и светлых, как
алмаз!

Блажен, кто не склонял чела
младого,

Как бедный раб, пред идолом дру-

2020!

Блажен, кто вырос в сумраке лесов,
Как тополь дик и свеж, в тени зеленой
Играющих и шепчущих листов,
Под кровом скал, откуда ключ студень
По дну из камней радужных цветов
Струей гремячей прыгает сверкая,
И где над ним береза вековая
Стоит, как призрак поздней порой,
Когда едва кой-где сучок гнилой
Трещит вдали, и мрак между ветвями
Отсюду смотрит черными очами!

Блажен, кто посреди нагих степей
Меж дикими воспитан табунами;
Кто приучен был на хребте коней,
Косматых, легких, вольных, как
над нами

Златые облака, от ранних дней
Носиться; кто, главой припав на
гриву,
Летал, подобно сумрачному диву,
Через пустыню, чувствовал, счита-
л,
Как мерно конь о землю ударял
Копытом звучным, и вперед зем-
лею
Упругой был кидаем с быстро-
тою.

Блажен!.. Его душа всегда полна
Поэзией природы, звуков чистых;
Он не успеет вычерпать до дна
Сосуд надежд; в его кудрях волни-
стых
Не выглянет до время седина;
Он, в двадцать лет желающий че-
го-то,
Не будет вечной одержим зевот-
той,
И в тридцать лет не кинет край
родной
С больною грудью и больной ду-
шой,
И не решится от одной лишь ску-
ки
Писать стихи, марать в чернилах

руки, –

Или, трудясь, как глупая овца,
В рядах дворянства, с рабским
униженьем,
Прикрыв мундиром сердце подле-
ца, –

Искать чинов, мирясь с людским
презреньем,

И поклоняться немцам до кон-
ца...

И чем же немец лучше славяни-
на?

Не тем ли, что, куда его судьбина
Ни кинет, он везде себе найдет
Отчизну и картофель?.. Вот на-
род:

И без таланта правит и за деньги
служит,

Всех давит он, а бьют его – не ту-
жит!

Вот племя: всякий черт у них ба-
рон!

И уж профессор – каждый их са-
пожник!

И смело вкривь и вкось глаголет
он,

Как Пифия, воссев на свой тре-

ножник! [93]

Кричит, шумит... Но что ж? – Он
не рожден

Под нашим небом; наша степь
святая

В его глазах бездушных – степь
простая,

Без памятников славных, без сле-
дов,

Где б мог прочесть он повесть
тех веков,

Которые, с их грозными делами,
Унесены забвения волнами...

Кто недоволен выходкой моей,
Тот пусть идет в журнальную
контору,

С листком в руках, с оравой дру-
зей,

И, веруя их опытному взору,
Печатает анафему, злодей!..

Я кончил... Так! Дописана страни-
ца.

Лампада гаснет... Есть всему гра-
ница –

Наполеонам, бурям и войнам,
Тем более терпенью и... стихам,
Которые давно уж не звучали
И вдруг с пера бог знает как упа-

ли!..

Глава II

Я не хочу, как многие из нас,
Испытывать читателей терпе-
нье,
И потому примусь за свой рассказ
Без предисловий. – Сладкое смяте-
нье
В душе моей, как будто в первый
раз
Ловлю прыгунью рифму и, потея,
В досаде призываю Асмодея.
Как будто снова бог переселил
Меня в те дни, когда я точно
жил, –
Когда не знал я, что на слово
младость
Есть рифма: гадость, кроме риф-
мы радость!
Давно когда-то, за Москвой-рекой,
На Пятницкой, у самого канала,
Заросшего негодною травой,
Был дом угольный; жизнь тогда
играла
Меж стен высоких... Он теперь
пустой.
Внизу живет с беззубой половиной

Безмолвный дворник... Пылью, паутиной

Обвешаны, как инеем, кругом
Карнизы стен, расписанных огнем
И временем, и окна краской белой
Замазаны повсюду кистью смелой.

В гостиной есть диван и круглый стол

На витых ножках, вражеской рукою

Исчерченный; но час их не пришел,

—

Они гниют незримо, лишь порою
Скользит по ним играющий Эол
Или еще крыло жилищ развалин —
Летучей мыши. Жалок и печален
Исчезнувших пришельцев гордый след.

Вот сабель их рубцы, а их уж нет:
Один в бою упал на штык кровавый,

Другой в слезах без гроба и без славы.

Ужель никто из них не добежал
До рубежа отчизны драгоценной?
Нет, прах Кремля к подошвам их

пристал,
И русский бог отмстил за храм
священный...
Сердитый Кремль в огне их прини-
мал
И проводил, пылая, светоч гроз-
ный...
Он озарил им путь в степи мороз-
ной –
И степь их поглотила, и о том,
Кто нам грозил и пленом и сты-
дом,
Кто над землей промчался, как
комета,
Стал говорить с насмешкой го-
лос света.

И старый дом, куда привел я вас,
Его паденья был свидетель хлад-
ный.
На изразцах кой-где встречается
глаз
Черты карандаша, стихи и жадно
В них ищет мысли – и бесплодный
час
Проходит... Кто писал? С какою
целью?
Грустил ли он иль предан был ве-
селью?

Как надписи надгробные, оне
Рисуются узором по стене –
Следы давно погибших чувств и
мнений,
Эпиграфы неведомых творений.

И образы языческих богов –
Без рук, без ног, с отбитыми носами –

Лежат в углах низвергнуты с
столбов,

Раскрашенных под мрамор. Над
дверями

Висят портреты дедовских веков
В померкших рамах и глядят су-
рово;

И мнится, обвинительное слово
Из мертвых уст их излетит –
увы!

О, если б этот дом знавали вы
Тому назад лет двадцать пять и
боле!

О, если б время было в нашей во-
ле!..

Бывало, только утренней зарей
Осветятся церквей главы золотые,
И сквозь туман заблещут над го-
рой

Дворец царей и стены вековые,
Отражены зеркальною волной;
Бывало, только прачка молодая
С бельем господским из ворот, зе-
вая,
Выходит, и сквозь утренний мо-
роз
Раздастся первый стук колес, –
А графский дом уж полон суетою
И пестрых слуг заботливой тол-
пою.

И каждый день идет в нем пир го-
рой.
Смеются гости, и бренчат ста-
каны.
В стекле граненом, дар земли чу-
жой,
Клокочет и шипит аи румяный,
И от крыльца карет недвижимый
строй
Далеко тянется, и в зале длинной,
В толпе мужчин, услужливой и
чинной,
Красавицы, столицы лучший
цвет,
Мелькают... Вот учтивый мену-
эт
Рисуется вам; шепот удивленья,

Улыбки, взгляды, вздохи, изъяснения...

О, как тогда был пышен этот дом!
Вдоль стен висели пестрые шпалеры,
Везде фарфор китайский с серебром,
У зеркала .....

Монго[94]

Садится солнце за горой,
Туман дымится над болотом.
И вот дорогой столбовой
Летят, склонившись над лукой,
Два всадника лихим полетом.
Один – высок и худощав,
Кобылу серую собрав,
То горячит нетерпеливо,
То сдержит вдруг одной рукой.
Мал и широк в плечах другой.
Храпя мотаает длинной гривой
Под ним саврасый скакунок,
Степей башкирских сын счастливый.
Устали всадники. До ног

От головы покрыты прахом.
Коней приезженных размахом
Они любят порой
И речь ведут между собой.
– Монго, послушай – тут направо!
Осталось только три версты.
– Постой! Уж эти мне мосты!
Дрожат и смотрят так лукаво.
– Вперед, Маёшка![95] Только нас
Измучит это приключение,
Ведь завтра в шесть часов ученье!
– Нет, в семь! Я сам читал приказ!

Но прежде нужно вам, читатель,
Героев показать портрет:
Монго – повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был –
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немый целый день,
Носил фуражку набекрень;

Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То верно в креслах замечали
Его внимательный лорнет.
Одна из дев ему сначала
Дней девять сряду отвечала,
В десятый день он был забыт, –
С толпою смешан волокит.
Все жесты, вздохи, объясненья
Не помогли ничего...
И зародился пламень мщенья
В душе озлобленной его.

Маёшка был таких же правил:
Он лень в закон себе поставил,
Домой с дежурства уезжал,
Хотя и дома был без дела;
Порою рассуждал он смело,
Но чаще он не рассуждал.
Разгульной жизни отпечаток
Иные замечали в нем;
Печалей будущих задаток
Хранил он в сердце молодом;
Его покоя не смущало, –

Что не касалось до него;
Насмешек гибельное жало
Броню железную встречало
Над самолюбием его.
Слова он весил осторожно
И опрометчив был в делах;
Порою: трезвый – врал безбожно,
И молчалив был – на пирах.
Характер вовсе бесполезный
И для друзей и для врагов...
Увы! Читатель мой любезный,
Что делать мне – он был таков!

Теперь он следует за другом
На подвиг славный, роковой,
Терзаем пьяницы недугом, –
Изгагой мучим огневой.
Приюты неги и прохлады,
Вдоль по дороге в Петергоф,
Мелькают в ряд из-за ограды
Разнообразные фасады
И кровли мирные домов,
В тени таинственных садов.
Там есть трактир... и он от века
Зовется Красным Кабачком,
И там – для блага человека
Построен сумасшедших дом,
И там приют себе смиренный

Танцорка юная нашла.[96]
Краса и честь балетной сцены,
На содержании была:
N. N., помещик из Казани,
Богатый волжский старожил,
Без волокитства, без признаний
Ее невинности лишил.
– Мой друг! Ему я говорил:
Ты не в свои садишься сани,
Танцоркой вздумал управлять!
Ну где тебе <...>

Но обратимся поскорее
Мы к нашим буйным молодцам.
Они стоят в пустой аллее,
Коней привязывают там,
И вот, тропинкой потаенной,
Они к калитке отдаленной
Спешат, подобно двум ворам.
На землю сумрак ниспадает,
Сквозь ветви брезжит лунный
свет
И переливами играет
На гладкой меди эполет.
Вперед отправился Маёшка;
В кустах прополз он, как черкес,
И осторожно, точно кошка,
Через забор он перелез.

За ним Монго наш долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-как.
Ну, лихо! Сделан первый шаг!
Теперь душа моя в покое, –
Судьба окончит остальное!

Облокотившись у окна,
Меж тем танцорка молодая
Сидела дома и одна.
Ей было скучно, и зевая
Так тихо думала она:
«Чудна судьба! О том ни слова, –
На матушке моей чепец
Фасона самого дурного,
И мой отец – простой кузнец!..
А я – на шелковом диване
Ем мармелад, пью шоколад;
На сцене – знаю уж заране, –
Мне будет хлопать третий ряд.
Теперь со мной плохие шутки:
Меня сударыней зовут,
И за меня три раза в сутки
Каналью повара дерут.
Мой Pierre не слишком интересен,
Ревнив, упрям, что ни толкуй,
Не любит смеху он, ни песен,
Зато богат и глуп, <...>

Теперь не то, что было в школе:
Ем за троих, порой и боле,
И за обедом пью люнель.
А в школе... Боже! Вот мученье!
Днем – танцы, выправка, ученье,
А ночью – жесткая постель.
Встаешь, бывало, утром рано,
Бренчит уж в зале фортепьяно,
Поют все врозь, трещит в ушах;
А тут сама, поднявши ногу,
Стоишь, как аист, на часах.
Флёри хлопочет, бьет тревогу...
[97]

Но вот одиннадцатый час,
В кареты всех сажают нас.
Тут у подъезда офицеры,
Стоят все в ряд, порою в два...
Какие милые манеры
И всё отборные слова!
Иных улыбкой ободряешь,
Других бранишь и отгоняешь,
Зато – вернулись лишь домой –
Директор порет на убой:
Ни взгляд не думай кинуть лиш-
ний,
Ни слова ты сказать не смей...
А сам, прости ему всевышний,
Ведь уж какой прелюбодей!..»

Но тут в окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула.
Пред ней, как призрак роковой,
С нагайкой, освещен луной,
Готовый влезть почти в окошко,
Стоит Монго, за ним Маёшка.
«Что это значит, господа?
И кто вас звал прийти сюда?
Ворваться к девушке – бесчестно!..»
– Нам право это очень лестно!
«Я вас прошу: подите прочь!»
– Но где же проведем мы ночь?
Мы мчались, выбились из силы...
«Вы неучи!» – Вы очень милы!..
«Чего хотите вы теперь?
Ей-богу, я не понимаю!»
– Мы просим только чашку чаю!
«Панфишка! Отвори им дверь!»
Поклон отвесивши пренизко,
Монго ей бросил нежный взор,
Потом садится очень близко
И продолжает разговор.
Сначала колкие намеки,
Воспоминания, упреки,
Ну, словом, весь любовный вздор...
И нежный вздох прилично-томный

Порхнул из груди молодой...
Вот ножку нежную порой
Он жмет коленкою нескромной,
И говоря о том, о сем,
Копаясь, будто бы случайно
Под юбку лезет, жмет корсет,
И ловит то, что было тайной,
Увы, для нас в шестнадцать лет!

.....

Маёшка, друг великодушный,
Засел поодаль на диван,
Угрюм, безмолвен, как султан.
Чужое счастье нам скучно,
Как добродетельный роман.
Друзья! Ужасное мученье
Быть на пиру <...>
Иль адъютантом на сраженье
При генералишке пустом;
Быть на параде жалонёром,
Или на бале быть танцором,
Но хуже, хуже во сто раз
Встречать огонь прелестных
глаз
И думать: это не для нас!

Меж тем Монго горит и тает...
Вдруг самый пламенный пассаж

Зловещим стуком прерывает
На двор влетевший экипаж:
Девятиместная коляска
И в ней пятнадцать седоков...
Увы! Печальная развязка,
Неотразимый гнев богов!..
То был Н. Н. с своею свитой:
Степаном, Федором, Никитой,
Тарасом, Сидором, Петром,
Идут, гремят, орут, содом!
Все пьяны... прямо из трактира,
И на устах – <...>
Но нет, постой! Умолкни лира!
Тебе ль, поклоннице мундира,
Поганых фрачных воспевать?..
В истерике младая дева...
Как защититься ей от гнева,
Куда гостей своих девать?..
Под стол, в комод иль под кров-
вать?
В комодe места нет и платью,
Урыльник полон под кроватью...
Им остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть в окно...
Опасен подвиг дерзновенный,
И не сносить им головы!
Но вмиг проснулся дух военный –
Прыг, прыг!... и были таковы...

.....

.....

Уж ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершив побег обидный
Для самолюбья и любви,
Повесы на коней вскочили
И думы мрачные свои
Друг другу вздохом сообщили.
Дея печаль своих господ,
Их кони с рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ход,
Они <...> спотыкались,
И леность их преодолеть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда же в комнате дежурной
Они сошлись поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тут было шуток, смеху было!
И право, Пушкин наш не врет,
Сказав, что день беды пройдет,
А что пройдет, то будет мило...
[98]

Так повесть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами,

*А вы не можете ль, друзья,
Правоученье сделать сами?..*

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

*Ох ты гой еси, царь Иван Василье-
вич!
Про тебя нашу песню сложили
мы,
Про твоего любимого опричника,
Да про смелого купца, про Калаш-
никова:
Мы сложили ее на старинный
лад,
Мы певали ее под гусллярный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолица
Поднесла нам на блюде серебря-
ном
Полотенцо новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи,
И всё слушали – не наслушались.*

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом
венце,
Сидит грозный царь Иван Васи-
льевич.

Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу божию,
В удовольствии свое и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
– И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку
грудь –
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,

Словно ястреб взглянул с высоты
небес
На молодого голубя сизокрылого, –
Да не поднял глаз молодой боец,
Вот об землю царь стукнул пал-
кою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечни-
ком –
Да не вздрогнул и тут молодой
боец.
Вот промолвил царь слово гроз-
ное, –
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кири-
беевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная приску-
чила?
Когда всходит месяц – звезды ра-
дуются,
Что светлей им гулять по под-
нёбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,

Царской радостью гнушались;
А из роду ты ведь Скуратовых
И семьею ты вскормлен Малюти-
ной!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Василье-
вич!

Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную – не запотчевать!

А прогневал я тебя – воля цар-
ская;

Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатые,
И сама к сырой земле она клонит-
ся».

И сказал ему царь Иван Василье-
вич:

«Да об чем тебе молодцу кручи-
ниться?»

Не истерся ли твой парчевой каф-
тан?

Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистрати-

лась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал, худо кованый?
Или с ног тебя сбил на кулачном
бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдован-
ная
Ни в боярском роду, ни в купече-
ском;
Аргамак мой степной ходит весе-
ло;
Как стекло, горит сабля вострая,
А на праздничный день твоей ми-
лостью
Мы не хуже другого нарядимся.

«Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком подтянуся шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархат-
ную,
Черным соболем отороченную, –
У ворот стоят у тесовых

Красны девушки да молодушки,
И любятся, глядя, перешепты-
ваясь;
Лишь одна не глядит, не любит-
ся,
Полосатой фатой закрывается...

«На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой кра-
савицы:

Ходит плавно – будто лебедушка;
Смотрит сладко – как голубуш-
ка;

Молвит слово – соловей поет;

Горят щеки ее румяные,

Как заря на небе божием;

Косы русые, золотистые,

В ленты яркие заплетенные,

По плечам бегут, извиваются,

С грудью белою целуются.

Во семье родилась она купеческой,

Прозывается Алёной Дмитрев-
ной.

«Как увижу ее, я и сам не свой:

Опускаются руки сильные,

Помрачатся очи бойкие;

Скучно, грустно мне, православ-

ный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь те-
перь?
Перед кем покажу удальство
свое?
Перед кем я нарядом похваста-
юсь?
Отпусти меня в степи приволж-
ские,
На житье на вольное, на казац-
кое.
Уж сложу я там буйную головуш-
ку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаро-
вья
Коня доброго, саблю острую
И седельцо браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклю-
ет,
Мои кости сирые дождик вымо-
ет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется...»

И сказал смеясь Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! Я твоей бе-
де,
Твоему горю пособить постараю-
ся.
Вот возьми перстенок ты мой
яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной покла-
няйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёне Дмитриевне:
Как полюбишься – праздную сва-
дебку,
Не полюбишься – не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Василье-
вич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианско-
му...

Ай, ребята, пойте – только гусли
стройте!
Ай, ребята, пейте – дело разумеи-

те!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

За прилавкою сидит молодой ку-
пец,
Статный молодец Степан Пара-
монович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он замани-
вает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых
церквах;
За Кремлем горит заря туман-
ная,
Набегают тучки на небо, –
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружи-
ною;
Злого пса-ворчуна зубастого

На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумав-
шись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий
дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой
скатертью,
А свеча перед образом еле теп-
лится.

И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алёна Дмит-
ревна?
А что детки мои любезные –
Чай забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Пара-
монович!
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алёна
Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой по-

падъей,
Засветили свечу, сели ужинать, –
А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернула-
ся.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть по-
шли –
Плачем плачут, всё не унимают-
ся».

И смутился тогда думой креп-
кою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу
–
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстиляется,
Замечает след человеческий.

Вот он слышит в сенях дверью
хлопнули,
Потом слышит шаги торопли-
вые;
Обернулся, глядит – сила крест-
ная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,

Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безум-
ные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шатала-
ся?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа вся твоя изорвана?
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками всё боярскими?..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялися!..
Как запрю я тебя за железный за-
мок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету божьего ты не виде-
ла,
Мое имя честное не порочила...»

И услышав то, Алёна Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осино-
вый,
Горько-горько она восплакалась,

В ноги мужу повалилася.

*«Государь ты мой, красно сол-
нышко,
Иль убей меня или выслушай!
Твои речи – будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютая,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.*

*«От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинёшенька.
И слышалось мне, будто снег
хрустит;
Оглянулася – человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шепо-
том:
„Что пужаешься, красная краса-
вица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного.
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малюти-
ной...“*

Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная голо-
вушка.

И он стал меня целовать-лас-
кать,

И цалуя всё приговаривал:

„Отвечай мне, чего тебе надобно,

Моя милая, драгоценная!

Хочешь золота али жемчугу?

Хочешь ярких камней аль цвет-
ной парчи?

Как царицу я наряжу тебя,

Станут все тебе завидовать,

Лишь не дай мне умереть смер-
тью грешною:

Полюби меня, обними меня

Хоть единый раз на прощание!“

«И ласкал он меня, целовал меня;

На щеках моих и теперь горят,

Живым пламенем разливаются

Поцалуи его окаянные...

А смотрели в калитку соседушки,

Смеючись, на нас пальцем показы-
вали...

«Как из рук его я рванулася

И домой стремглав бежать бро-

силась,
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок – твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную –
И что скажут злые соседюшки?
И кому на глаза покажусь теперь?

«Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонюшке пропал без вести,
А меньшей мой брат – дитя малое,

Дитя малое, неразумное...»

*Говорила так Алёна Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалась.*

*Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклони-
лись,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш
брат,
Что с тобой случилось, приключи-
лось,
Что послал ты за нами во тем-
ную ночь,
Во темную ночь морозную?»*

*«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключи-
лась:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибее-
вич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецко-
му.
Уж как завтра будет кулачный*

бой

На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до послед-
них сил;

А побьет он меня – выходите вы
За святую правду-матушку.

Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежэй силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов
убирать,
К нему малые орлята слетают-
ся:

Ты наш старший брат, нам вто-
рой отец;
Делай сам, как знаешь, как веда-
ешь,
А уж мы тебя родного не выда-
дим».

Ай, ребята, пойте – только гусли

стройте!

Ай, ребята, пейте – дело разумеете!

*Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!*

Над Москвой великой, златоглавою,

Над стеной кремлевской белокаменной

Из-за дальних лесов, из-за синих гор,

*По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,*

Заря алая подымается;

*Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,*

*Как красавица, глядя в зеркальцо,
В небо чистое смотрит, улыбается.*

Уж зачем ты, алая заря, просыпалась?

На какой ты радости разыгралась?

Как сходились, собирались

Удалые бойцы московские

На Москву-реку, на кулачный бой,

Разгуляться для праздника, потешиться.

И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.

Оцепили место в 25 сажень,
Для охотничьего бою, одиночного.

И велел тогда царь Иван Васильевич

Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!

Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит,
А кто будет побит, тому бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершился в бок рукою правою,

Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич проклика-
ли –
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга потал-
кивают.

На просторе опричник похажива-
ет,
Над плохими бойцами подсмеива-
ет:
«Присмирели, небойсь, призадума-
лись!
Так и быть, обещаюсь, для празд-
ника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего ба-
тюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе сто-
роны –
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников,
Поклонился прежде царю грозно-
му,
После белому Кремлю да святым

церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.

Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду, племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду
служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истин-

ную:
По одном из нас будут панихиду
петь,
И не позже, как завтра в час полу-
денный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей сме-
шить
К тебе вышел я теперь, бусурман-
ский сын,
Вышел я на страшный бой, на по-
следний бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний
снег:
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал
мороз,
На раскрытых устах слово замер-
ло...

Вот молча оба расходятся,
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашни-

кова,
И ударил его посередь груди –
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева,
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал
слегка,
Закачался, упал за́мертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору

Под смолистый под корень под-
рубленная.

И, увидев то, царь Иван Василье-
вич

Прогневался гневом, топнул о
землю

И нахмурил брови черные;

Повелел он схватить удалова куп-
ца

И привести его пред лицо свое.

Как возгóворил православный
царь:

«Отвечай мне по правде, по сове-
сти,

Вольной волею или нехотя

Ты убил насмерть мово верного
служу,

Мово лучшего бойца Кирибееви-
ча?»

«Я скажу тебе, православный
царь:

Я убил его вольной волею,

А за что про что – не скажу тебе,

Скажу только богу единому.

Прикажи меня казнить – и на
плаху несть

Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову,
Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.

Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня

По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.

А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,

Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.

По высокому месту лобному, [99]
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостреным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алёне
Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не ска-

зывать.
Поклонитесь дому родительско-
му,
Поклонитесь всем нашим това-
рищам,
Помолитесь сами в церкви божи-
ей
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех до-
рог:
Промеж тульской, рязанской,
владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпа-
ли,
И кленовый крест тут постави-
ли.
И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек – перекре-
стится,

Пройдет молодец – приосанится,
Пройдет девица – пригорюнится,
А пройдут гусяры – споют песен-
ку.

Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали – красно и кон-
чайте,
Каждому правдою и честью воз-
дайте.
Тароватому боярину слава!
И красавице-боярыне слава!
И всему народу христианскому
слава!

Тамбовская казначейша

*Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.*

*Пускай слыву я старове́ром,
Мне всё равно – я даже рад:
Пишу Онегина размером;[100]
Пою, друзья, на старый лад.
Прошу послушать эту сказку!
Ее неожиданную развязку
Одобрите, быть может, вы
Склоненьем легким головы.
Обычай древний наблюдая,
Мы благодетельным вином
Стихи негладкие запьем,
И пробегут они, хро́мая,
За мирною своей семье́й
К реке забвенья на покой.*

*Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
[101]
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари и мостовые,
Там два трактира есть, один*

Московский, а другой Берлин.
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;

.....

Короче, славный городок.[102]

Но скука, скука, боже правый,
Гостит и там, как над Невой,
Поит вас пресною отравой,
Ласкает черствою рукой.
И там есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И там нет средства от глупцов
И музыкальных вечеров;
И там есть дамы – просто чудо!
Дианы строгие в чепцах,
С отказом вечным на устах.
При них нельзя подумать худо:
В глазах греховное прочтут,
И вас осудят, проклянут.

Вдруг оживился круг дворянский;
Губернских дев нельзя узнать;
Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать.
Уланы, ах! Такие хваты...
Полковник, верно, неженатый, –

*А уж бригадный генерал,
Конечно, даст блестящий бал.
У матушек сверкнули взоры;
Зато, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли в раздумье: сабли, шпоры
Беда для крашенных полов...
Так волновался весь Тамбов.*

*И вот однажды утром рано,
В час лучший девственного сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотит Аврора,[103]
И, тишины известный враг,
Еще безмолвствовал кабак,*

.....

.....

*Уланы справа по-шести
Вступили в город; музыканты,
Дремля на лошадях своих,
Играли марш из Двух слепых.
[104]*

*Услыша ласковое ржанье
Желанных вороных коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тут не запрыгало сильнее?*

Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура, Катерина,
Скорее туфли и платок!
Да где Иван? Какой мешок!
Два года ставни отворяют...»
Вот ставни настезь. Целый дом
Трет стекла тусклые сукном –
И любопытно пробегают
Глаза опухшие девиц
Ряды суровых, пыльных лиц.

«Ах, посмотри сюда, кухня,
Вот этот!» – «Где? Майор?» – «О,
нет!
Как он хорош, а конь – картина,
Да жаль, он, кажется, корнет...
Как ловко, смело избочился...
Поверишь ли, он мне приснился...
Я после не могла уснуть...»
И тут девическая грудь
Косынку тихо поднимает –
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взор живой.
Но полк прошел. За ним мелька-
ет
Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых.
Против гостиницы Московской,

Притона буйных усачей,
Жил некто господин Бобковской,
Губернский старый казначей.
Давно был дом его построен;
Хотя невзрачен, но спокоен;
Меж двух облупленных колонн
Держался кое-как балкон.
На кровле треснувшие доски
Зеленым мохом поросли;
Зато пред окнами цвели,
Четыре стриженных березки
Взамен гардин и пышных стор,
Невинной роскоши убор.

Хозяин был старик угрюмый
С огромной лысой головой.
От юных лет с казенной суммой
Он жил, как с собственной казенной.
В пучинах сумрачных расчета
Блуждать была его охота,
И потому он был игрок
(Его единственный порок).
Любил налево и направо
Он в зимний вечер прометнуть,
Четвертый куш перечеркнуть,
Рутёркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить Цимлянского струей.

Он был врагом трудов полезных,
Трибун тамбовских удальцов,
Гроза всех матушек уездных
И воспитатель их сынков.
Его краплёные колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса.
Губернский врач, судья, исправник

—
Таков его всегдашний круг;
Последний был делец и друг,
И за столом такой забавник,
Что казначейша иногда
Сгорит, бывало, от стыда.

Я не поведал вам, читатель,
Что казначей мой был женат.
Благословил его создатель,
Послав ему в супруге клад.
Ее ценил он тысяч во сто,
Хотя держал довольно просто
И не выписывал чепцов
Ей из столичных городов.
Предав ей таинства науки,
Как бросить вздох иль томный
взор,
Чтоб легче влюбчивый понтёр
Не разглядел проворной штуки,

Меж тем догадливый старик
С глаз не спускал ее на миг.

И впрямь Авдотья Николавна
Была прелакомый кусок.
Идет, бывало, гордо, плавно –
Чуть тронет землю башмачок;
В Тамбове не запомнят люди
Такой высокой, полной груди:
Бела, как сахар, так нежна,
Что жилка каждая видна.
Казалось, для нежной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну что такое бирюза?
Что небо? Впрочем я отчасти
Поклонник голубых очей
И не гожусь в число судей.

А этот носик! Эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос сладкий, как мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто Р произносила;
Но этот маленький порок
Кто извинить бы в ней не мог?
Любил трепать ее ланиты,
Разнежась, старый казначей.
Как жаль, что не было детей[105]

У них! .....

.....

.....

Для большей ясности романа
Здесь объявить мне вам пора,
Что страстно влюблена в улана
Была одна ее сестра.

Она, как должно, тайну эту
Открыла Дуне по секрету.

Вам не случилось двух сестер
Замужних слышать разговор?
О чем тут, боже справедливый,
Не судят милые уста!

О, русских нравов простота!
Я, право, человек нелживый –
А из-за ширмов раза два
Такие слышал я слова...

Итак тамбовская красотка
Ценить умела уж усы

.....

.....

Что ж? Знание ее сгубило!
Один улан, повеса милый
(Я вместе часто с ним бывал),
В трактире номер занимал
Окно в окно с ее уборной.
Он был мужчина в тридцать

лет;
Штабротмистр, строен, как кор-
нет;
Взор пылкий, ус довольно черный:
Короче, идеал девиц,
Одно из славных русских лиц.

Он всё отцовское именье
Еще корнетом прокутил;
С тех пор дарами провиденья,
Как птица божия, он жил.
Он, спать ложась, привык не ве-
дать,[106]

Чем будет завтра пообедать.
Шатаясь по Руси кругом,
То на курьерских, то верхом,
То полупьяным ремонтёром,
То волокитой отпускным,
Привык он к случаям таким,
Что я бы сам почел их вздором,
Когда бы все его слова
Хоть тень имели хвастовства.

Страстьми земными не смуща-
ем,
Он не терялся никогда.[107]

.....

.....

Бывало, в деле, под картечью

Всех рассмешит надутой речью,
Гримасой, фарсой площадной,
Иль неподдельной остротой.
Шутя, однажды после спора,
Всадил он другу пулю в лоб;
Шутя и сам он лег бы в гроб,

.....

Порой, незлобен как дитя,
Был добр и честен, но шутя.

Он не был тем, что волокитой
У нас привыкли называть;
Он не ходил тропой избитой,
Свой путь умея пролагать;
Не делал страстных изъяснений,
Не становился на колени;
А несмотря на то, друзья,
Счастливей был, чем вы и я.

.....

.....

.....

Таков-то был штабротмистр Га-
рин:

По крайней мере мой портрет
Был схож тому назад пять лет.

Спешил о редкостях Тамбова
Он у трактирщика узнать.
Узнал немало он смешного –

Интриг секретных шесть иль
пять;

Узнал, невесты как богаты,
Где свахи водятся иль сваты;

Но занял более всего

Мысль беспокойную его

Рассказ о молодой соседке.

– Бедняжка! – думает улан:

Такой безжизненный болван

Имеет право в этой клетке

Тебя стеречь – и я, злодей,

Не тронусь участью твоей?

К окну поспешно он садится,

Надев персидский архалук;

В устах его едва дымится

Узорный бисерный чубук.

На кудри мягкие надета

Ермолка вишневого цвета

С каймой и кистью золотой,

Дар молдаванки молодой.

Сидит и смотрит он прилежно...

Вот, промелькнувши как во мгле,

Обрисовался на стекле

Головки милой профиль нежный;

Вот будто стукнуло окно...

Вот отворяется оно.

Еще безмолвен город сонный;

На окнах блещет утра свет;
Еще по улице мощеной
Не раздаётся стук карет...
Что ж казначейшу молодую
Так рано подняло? Какую
Назвать причину поверней?
Уж не бессонница ль у ней?
На ручку опершись головкой,
Она вздыхает, а в руке
Чуллок; но дело не в чулке –
Заняться этим нам неловко...
И если правду уж сказать –
Ну кстати ль было б ей вязать!

Сначала взор ее прелестный
Бродил по синим небесам,
Потом склонился к поднебесной
И вдруг... какой позор и срам!
Напротив, у окна трактира,
Сидит мужчина без мундира.
Скорей, штабротмистр! Ваш сер-
тук!

И поделом... окошко стук...
И скрылось милое виденье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На вас навеяла б смущенье;
Но я отдам улану честь –
Он молвил: «Что ж? Начало

есть».

Два дня окно не отворялось.
Он терпелив. На третий день
На стеклах снова показалась
Ее пленительная тень;
Тихонько рама закричала.
Она с чулком к окну подседа.
Но опытный заметил взгляд
Ее заботливый наряд.
Своей удачею довольный,
Он встал и вышел со двора –
И не вернулся до утра.
Потом, хоть было очень больно,
Собрав запас душевных сил,
Три дня к окну не подходил.

Но эта маленькая ссора
Имела участь нежных ссор:
Меж них завелся очень скоро
Немой, но внятней разговор.
Язык любви, язык чудесный,
Одной лишь юности известный,
Кому, кто раз хоть был любим,
Не стал ты языком родным?
В минуту страстного волненья
Кому хоть раз ты не помог
Близ милых уст, у милых ног?
Кого под игом принужденья,

*В толпе завистливой и злой,
Не спас ты, чудный и живой?*

*Скажу короче: в две недели
Наш Гарин твердо мог узнать,
Когда она встает с постели,
Пьет с мужем чай, идет гулять.
Отправится ль она к обедне –
Он в церкви верно не последний;
К сырой колонне прислонясь,
Стоит всё время не крестясь.
Лучом краснеющей лампы
Его лицо озарено:
Как мрачно, холодно оно!
А испытующие взгляды
То вдруг померкнут, то блещут
Проникнуть в грудь ее хотят.*

*Давно разрешено сомненье,
Что любопытен нежный пол.
Улан большое впечатленье
На казначейшу произвел
Своею странностью. Конечно,
Не надо было б мысли грешной
Дорогу в сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!*

.....

.....

.....

Жизнь без любви такая сквер-
ность;
А что, скажите, за предмет
Для страсти муж, который сед?
Но время шло. «Пора к развязке!»

—
Так говорил любовник мой.
«Вздыхают молча только в сказ-
ке,
А я не сказочный герой».
Раз входит, кланяясь пренизко,
Лакей. — «Что это?» — «Вот-с за-
писка;
Вам барин кланяться велел-с;
Сам не приехал — много дел-с;
Да приказал вас звать к обеду,
А вечерком потанцевать.
Он сам изволил так сказать».
— «Ступай, скажи, что я приеду». —
И в три часа, надев колет,
Летит штабротмистр на обед.

Амфитрион был предводитель
[108] —
И в день рождения жены,
Порядка ревностный блюсти-
тель,
Созвал губернские чины

И целый полк. Хотя бригадный
Заставил ждать себя изрядно
И после целый день зевал,
Но праздник в том не потерял.
Он был устроен очень мило;
В огромных вазах по столам
Стояли яблоки для дам;
А для мужчин в буфете было
Еще с утра принесено
В больших трех ящиках вино.

Вперед под ручку с генеральшей
Пошел хозяин. Вот за стол
Уселся от мужчин подалше
Прекрасный, но стыдливый пол –
И дружно загредел с балкона,
Средь утешительного звона
Тарелок, ложек и ножей,
Весь хор уланских трубачей:
Обычай древний, но прекрасный;
Он возбуждает аппетит,
Порою кстати заглушит
Меж двух соседей говор страст-
ный –
Но в наше время решено,
Что всё старинное смешно.

Родов, обычаев боярских
Теперь и следу не ищи,

И только на пирах гусарских
Гремят, как прежде, трубачи.
О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я,
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леска
Бросает луч исподтишка!

С Авдотьей Николавной рядом
Сидел штабротмистр удалой –
Впился в нее упрямым взглядом,
Крутя усы одной рукой.
Он видел, как в ней сердце билось...
И вдруг – не знаю, как случилось –
Ноги ее иль башмачка
Коснулся шпорой он слегка.
Тут начались извиненья,
И завязался разговор;
Два комплимента, нежный взор –
И уж дошло до изъясненья...
Да, да – как честный офицер!
Но казначейша – не пример.

Она, в ответ на нежный шепот,

Немой восторг спеша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкий опыт
Ему решила предложить –
Таков обычай деревенский!
Помучить – способ самый жен-
ский.

Но уж давно известна нам
Любовь друзей и дружба дам!
Какое адское мученье
Сидеть весь вечер tête-à-tête[109]
С красавицей в осьмнадцать лет

.....

.....

.....

Вобщем я мог в году последнем
В девицах наших городских
Заметить страсть к воздушным
бредням

И мистицизму. Бойтесь их!
Такая мудрая супруга,
В часы любовного досуга,
Вам вдруг захочет доказать,
Что 2 и 3 совсем не пять;
Иль, вместо пламенных лобза-
ний,

Магнетизировать начнет –
И счастлив муж, коли заснет!..
Плоды подобных замечаний

Конечно б мог не ведать мир,
Но польза, польза – мой кумир.

Я бал описывать не стану,
Хоть это был блестящий бал.
Весь вечер моему улану
Амур прилежно помогал.[110]
Увы .....

Не веруют амуру ныне;
Забыв любви волшебный царь;
Давно остыл его алтарь!
Но за столичным просвещеньем
Провинциалы не спешат;

.....
.....
.....
.....

И сердце Дуни покорилось;
Его сковал могучий взор...
Ей дома целу ночь всё снилось
Бряцанье сабли или шпор.
Поутру, встав часу в девятом,
Садится в шлафоре измятом
Она за вечную канву –
Всё тот же сон и наяву.
По службе занят муж ревнивый,
Она одна – разгул мечтам!
Вдруг дверью стукнули. «Кто

там?

Андрюшка! Ах, тюлень лени-
вый!..»

Вот чей-то шаг – и перед ней
Явился... только не Андрей.

Вы отгадаете, конечно,
Кто этот гость нежданный был.
Немного, может быть, поспешно
Любовник смелый поступил;
Но впрочем взявши в рассмотре-
нье

Его минувшее терпенье
И рассудив, легко поймешь,
Зачем рискует молодежь.
Кивнув легонько головою,
Он к Дуне молча подошел
И на лицо ее навел
Взор, отуманенный тоскою;
Потом стал длинный ус кру-
тить,
Вздыхнул, и начал говорить:

«Я вижу, вы меня не ждали –
Прочесть легко из ваших глаз;
Ах, вы еще не испытали,
Что в страсти значит день, что
час!

Среди сердечного волнения

Нет сил, нет власти, нет терпе-
нья!

Я здесь – на всё решился я...

Тебе я предан... ты моя!

Ни мелочные толки света,

Ничто, ничто не страшно мне;

Презренье светской болтовне –

Иль я умру от пистолета...

О, не пугайся, не дрожи;

Ведь я любим – скажи, скажи!..»

И взор его притворно-скромный,

Склоняясь к ней, то угасал,

То, разгораясь страстью томной,

Огнем сверкающим пылал.

Бледна, в смущенье оставалась

Она пред ним... Ему казалось,

Что чрез минуту для него

Любви наступит торжество...

Как вдруг внезапный и невольный

Стыд овладел ее душой –

И, вспыхнув вся, она рукой

Толкнула прочь его: «Довольно,

Молчите – слышать не хочу!

Оставьте ль? Я закричу!..»

Он смотрит: это не притвор-
ство,

Не штуки – как ни говори –

А просто женское упорство,
Капризы – черт их побери!
И вот – о, верх всех унижений!
Штабротмистр преклонил коле-
ни
И молит жалобно; как вдруг
Дверь настезь – и в дверях супруг.
Красотка: «ах!» Они взглянули
Друг другу сумрачно в глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гарин вышел. Дома пули
И пистолеты снарядил,
Присел – и трубку закурил.

И через час ему приносит
Записку грязную лакей.
Что это? Чудо! Нынче просит
К себе на вистик казначей,
Он именинник – будут гости...
От удивления и злости
Чуть не задохся наш герой.
Уж не обман ли тут какой?
Весь день проводит он в волненье.
Настал и вечер наконец,
Глядит в окно: каков хитрец –
Дом полон, что за освещенье!
А всё засунуть – или нет? –
В карман на случай пистолет.

Он входит в дом. Его встречает
Она сама, потупя взор.
Вздых полновесный прерывает
Едва начатый разговор.
О сцене утренней ни слова.
Они друг другу чужды снова.
Он о погоде говорит;
Она «да-с, нет-с» и замолчит.
Измучен тайною досадой,
Идет он дальше в кабинет...
Но здесь спешить нам нужды
нет,
Притом спешить нигде не надо.
Итак позвольте отдохнуть,
А там dokonчим как-нибудь.

Я жить спешил в былые годы,
Искал волнений и тревог,
Законы мудрые природы
Я безрассудно пренебрег.
Что ж вышло? Право смех и жа-
лость!
Сковала душу мне усталость,
А сожаленье день и ночь
Твердит о прошлом. Чем помочь!
Назад не возвратят усилья.
Так в клетке молодой орел,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не подымет крылья –

Кровавой пищи не клюет,
Сидит, молчит и смерти ждет.

Ужель исчез ты, возраст милый,
Когда всё сердцу говорит,
И бьется сердце с дивной силой,
И мысль восторгами кипит?
Не всё ж томиться бесполезно
Орлу за клеткою железной:
Он свой воздушный прежний путь
Еще найдет когда-нибудь,
Туда, где снегом и туманом
Одеты темные скалы,
Где гнезда вьют одни орлы,
Где тучи бродят караваном!
Там можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь!

Но есть всему конец на свете,
И даже выпреним мечтам.
Ну, к делу. Гарин в кабинете.
О чудеса! Хозяин сам
Его встречает с восхищеньем,
Сажает, потчует вареньем,
Несет шампанского стакан.
«Иуда!» – мыслит мой улан.
Толпа гостей теснилась шумно
Вокруг зеленого стола;
Игра уж дельная была,

И банк притом благоразумный.
Его держал сам казначей
Для облегчения друзей.

И так как господин Бобковский
Великим делом занят сам,
То здесь блестящий круг тамбов-
ский
Позвольте мне представить вам.
Во-первых, господин советник,
Блюститель нравов, мирный
сплетник, [111]

.....

.....

А вот уездный предводитель,
Весь спрятан в галстук, фрак до
пят,
Дискант, усы и мутный взгляд.
А вот, спокойствия рачитель,
Сидит и сам исправник – но
Об нем уж я сказал давно.

Вот, в полуфрачке, раздушенный,
Времен новейших Митрофан,
Нетесанный, недоученый,
А уж безнравственный болван.
Доверье полное имея
К игре и знанью казначея,
Он понтирует, как велят, –

И этой чести очень рад.
Еще тут были... но довольно,
Читатель милый, будет с вас.
И так несвязный мой рассказ,
Перу покорствуя неволью
И своенравию чернил,
Бог знает чем я испестрил.

Пошла игра. Один, бледнея,
Рвал карты, вскрикивал; другой,
Поверить проигрыш не смея,
Сидел с поникшей головой.
Иные, при удачной талье,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкочет
Был нем и мрачен. Хладный пот
По гладкой лысине струился.
Он всё проигрывал дотла.
В ушах его дана, взяла
Так и звучали. Он взбесился –
И проиграл свой старьй дом,
И всё, что в нем или при нем.

Он проиграл коляску, дрожки,
Трех лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче – всё, всё дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидел он бледный и безмолвный.

Уж было полночь. Треща,
Одна погасла уж свеча.
Свет утра синевато-бледный
Вдоль по туманным небесам
Скользил. Уж многим игрокам
Сон прогулять казалось вредно,
Как вдруг, очнувшись, казначей
Вниманья просит у гостей.

И просит важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но с тем, чтоб отыграть именье,
Иль «проиграть уж и жену».
О страх! О ужас! О злодейство!
И как доньине казначейство
Еще терпеть его могло!
Всех будто варом обожгло.
Улан один прехладнокровно
К нему подходит. «Очень рад, –
Он говорит, – пускай шумят,
Мы дело кончим полюбовно,
Но только чур не плутовать –
Иначе вам не сдобровать!»

Теперь кружок понтёров празд-
ных
Вообразить прошу я вас,
Цвета их лиц разнообразных,
Блистанье их очков и глаз,

Потом усастого героя,
Который понтирует стоя;
Против него меж двух свечей
Огромный лоб, седых кудрей
Покрытый редкими клочками,
Улыбкой вытянутый рот
И две руки с колодой – вот
И вся картина перед вами,
Когда прибавим вдалеке
Жену на креслах в уголке.

Что в ней тогда происходило –
Я не берусь вам объяснить;
Ее лицо изобразило
Так много мук, что, может
быть,
Когда бы вы их разгадали,
Вы поневоле б зарыдали.
Но пусть участия слеза
Не туманит вам глаза:
Смешно участие в человеке,
Который жил и знает свет.
Рассказы вымышленных бед
В чувствительном прошедшем
веке
Немало проливали слёз...
Кто ж в этом выиграл – вопрос?
Недолго битва продолжалась;

Улан отчаянно играл;
Над стариком судьба смеялась –
И жребий выпал... час настал...
Тогда Авдотья Николавна,
Встав с кресел, медленно и плавно
К столу в молчанье подошла –
Но только цвет ее чела
Был страшно бледен. Обомлела
Толпа. Все ждут чего-нибудь –
Упреков, жалоб, слез... Ничуть!
Она на мужа посмотрела
И бросила ему в лицо
Свое венчальное кольцо –

И в обморок. Ее в охапку
Схватив, – с добычей дорогой,
Забыв расчеты, саблю, шапку,
Улан отправился домой.
Поутру вестью забавной
Смущен был город благонравный.
Неделю целую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Об этом все распространились.
Старик защитников нашел.
Улана проклял милый пол –
За что, мы, право, не дознались.
Не зависть ли? Но нет, нет, нет!
Ух! Я не выношу клевет.

И вот конец печальной были
Иль сказки – выразусь прямой.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали действия? Страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все просят крови – даже дамы.
А я, как робкий ученик,
Остановился в лучший миг;
Простым нервическим припад-
ком
Неловко сцену заключил,
Соперников не помирил
И не поспорил их порядком...
Что ж делать! Вот вам мой рас-
сказ,
Друзья; покамест будет с вас.

Беглец

(Горская легенда)

*Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у сопостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку – и бежит!*

*И скрылся день; клубясь, туманы
Одели темные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..*

*Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнает;*

Подкрался он, никем не зримый...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой.

И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой, как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе, мучимый недугом,
Один, – он, молча, – умирал...
«Велик Аллах, от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!»
«Что нового?» – спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне,
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами

По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут – враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! Твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»
И умирающий в ответ:
«Ступай – достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословленья
Здесь у меня для труса нет!..»

Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.

И, саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело;
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: я любим;
Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти – и слышит,
И слышит песню старины...

И стал Гарун бледней луны:

*Месяц плывет
Тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароят.
Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.*

*Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь...*

Но вот от бури наклоненный
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы
Восходят к небу за него;
Старуха-мать ждет сына с бит-
вы,
Но ждет его не одного!..

«Мать – отвори! Я странник бед-
ный,
Я твой Гарун, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!»

– «Один?»

– «Один!»

– «А где отец и братья?» –

– «Пали!»

Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли».

– «Ты отомстил?»

– «Не отомстил...»

Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...»

«Молчи, молчи! Гяур лукавый,

Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,
И всё кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал рыча домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в темну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится стуча,
Но внемя громкий стих Корана,

*Бежит опять, под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.*

Демон

Восточная повесть

Часть I

*Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!*

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья –
И зло наскучило ему.

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алма-
за,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, – и горный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,

Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы

—
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины, [112]
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;

И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой, [113]
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

Всегда безмолвно на долины

Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем –
Звучит зурна,[114] и льются вины
–

Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж скрытан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют – и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, – глядит –
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,

*Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость живой.*

*Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.*

*В последний раз она плясала.
Увы! Заутра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья*

Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,
То, прежних братьий вспоминая,
Он отвернулся б – и вздохнул...

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук –
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..
И долго сладостной картиной
Он любовался – и мечты
О прежнем счастье цепью длин-
ной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забывать? – забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!..

.....

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый.
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи,[115] – кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.

Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман...
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почитет в божье
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на бит-
ву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал:
Он в мыслях, под ночью тьмою,
Уста невесты целовал.
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше – выстрел! – что та-
кое?..
Привстав на звонких стременах,
[116]

Надвинув на брови папах, [117]
Отважный князь не молвил сло-
ва;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк – и, как орел,
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчались в глубине долины –
Недолго продолжался бой:
Бежали робкие грузины!

Затихло всё; теснясь толпой,
На трупы всадников порой
Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;
Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги, над скалою
На память водрузится крест;

И плющ, разросшийся весной,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Не раз усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет...

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется, будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчали-
вый!
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха молодого,
Невеста, взор твой ожидал:
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! Но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого!..

На беззаботную семью,
Как гром, слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! Не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:

Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон, и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творе-
нья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!

«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья –
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.

В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они!

«Лишь только ночь своим покровом

Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным
словом

Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травую,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, –
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

Слова умолкли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она вскочив глядит вокруг...

Невыразимое смятенье
В ее груди; печаль, испуг,
Восторга пыл – ничто в сравне-
нье.
Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробежал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, всё еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни
свет!..

Часть II

«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы,
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Немало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..
О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;
Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня Спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,

Как под узорною парчой,
Всё беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но – куда?..

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был – и порой,
Когда ложилась ночь в ущельи,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени дерев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц,
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной

И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущелье,
Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины,
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,[118]
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно

Восторгам чистым. Перед ней
Весь мир одет угрюмой тенью;
И всё ей в нем предлог мученью –
И утра луч и мрак ночей.

Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумье упадет
И плачет; и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух,
Прикованный в пещере, стонет!»

[119]

И, чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумье одиноком
И смотрит в даль прилежным
оком,
И целый день, вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,

Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться –
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжет, ей душно, страш-
но,
И вся, вскочив, дрожит она;
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объяты жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...

.....

.....

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив, у стены высокой
Он бродит: от его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет;

Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингура[120] стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!
И, чудо! Из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден ка-
мень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой

Пришла желанная пора,
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит – перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом;
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полноч-
ной?

Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?» Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностью взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.

*«Она моя! – сказал он грозно, –
Оставь ее, она моя!
Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!»
И Ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.
.....*

X

Тамара

*О! Кто ты? Речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..*

Демон

Ты прекрасна!

Тамара

Но молви, кто ты? Отвечай...

Демон

Я тот, которому внимала

Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, – я у ног твоих!
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои.
О! Выслушай – из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! Только выслушай, молю, –
Я раб твой, – я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел –
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертные и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить, как ты, мне стало

больно,
И страшно – розно жить с тобой.
В бескровном сердце луч неждан-
ный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася, как змей.
Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества!

Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! Я не могу
Молиться... гибельной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова – огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!

Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я всё былое бросил в прах:

Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней стра-
стью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлён,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало.
О! Если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Всё знать, всё чувствовать, всё
видеть,
Стараться всё возненавидеть
И всё на свете презирать!..

Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно...
Они текли в венцах из золота;
Но что же? Презжнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы! Я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался – но куда? Зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,

Бог весть откуда и куда!
И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Всё благородное бесславил
И всё прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,
Обманут близким огоньком;
И в бездну падая с конем,
Напрасно звал – и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Недолго нравились мне!
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятеж-
ной
Сердечный ропот заглушить,
Спастись от думы неизбежной
И незабвенное забыть!

Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть – ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень
—
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

[Тамара

Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать!..

Демон

Мы одне.

Тамара

А бог!

Демон

*На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!*

Тамара

А наказанье, муки ада?

Демон

*Так что ж? Ты будешь там со
мною!]*

Тамара

*Кто б ни был ты, мой друг слу-
чайный, –
Покой навеки погубя,
Невольню я с отрадой тайной,*

Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...
О! Пощади! Какая слава?
На что душа тебе моя?
Ужели небу я дороже
Всех, не замеченных тобой?
Они, увы! Прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! Дай мне клятву роковую...
Скажи, – ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!
Невольно страх в душе ласка-
ешь...
Но ты всё понял, ты всё знаешь –
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет.
Ужель ни клятв, ни обещаний
Ненарушимых больше нет?..

Демон

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,

Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братьий мне подвласт-
ных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взгля-
дом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страда-
ньем,
Клянусь любовью моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня –

И мир в неведенье спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! Верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только
жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, –
Но дни бегут и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,

Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
Нет! Не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге
Ревнивой грубости работой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далеко
От божества и от людей.
О нет, прекрасное созданье,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познанья
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной

Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе, всё, всё земное –
Люби меня!..

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал,
Увы! Злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик

Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страда-
нье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье –
Прощанье с жизнью молодой.

В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугуною доской,
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло всё; издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,

Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча, скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

.....

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто б, о небо! Не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! Смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)

Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженья,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни преж-
ней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье

Отлив румяный сохраня,
Сияют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встретит;
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сёл,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,

И кости злого человека
Вновь успокоились там;
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..
Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...
Напрасно! Мертвым не приснится
ся
Ни грусть, ни радость прошлых
дней.

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих.
И сладкой речью упованья
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издалека уж звуки рая
К ним доносились – как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
Он был могущ, как вихорь шум-
ный,
Блистал, как молнии струя,

*И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»*

*К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, боже! – кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным
взглядом,
Как полон был смертельным
ядом
Вражды, не знающей конца, –
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.*

«Исчезни, мрачный дух сомненья!

*–
Посланник неба отвечал: –
Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал –
И благо божие решение!
Дни испытания прошли;
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! Давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,*

Которых жизнь – одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недостигаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила –
И рай открылся для любви!»

И Ангел строгими очами
На искуителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви!..

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолв-

ный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут звеня издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодой,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботная дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою.
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы,
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея

Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг сохнет в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забывший в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Всё дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят нахмурившись вокруг.
И там метель дозором ходит,

Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Мцыри[121]

Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю.

1-я Книга царств.

*Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;*

Но не курится уж под ним
Кадильниц, благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.

Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных
плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой – и о том,
Как удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! – она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.

Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился – даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал,
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел вздыхая на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом,
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом

Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал,
И с каждым днем приметно вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать;
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,

Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

«Старик! Я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас –
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах,
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов – «отец» и
«мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен.
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ – могил!

Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы, теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

«Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться
мне.

Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живею
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пуускай теперь прекрасный свет

Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, – я также мог бы жить!

«Ты хочешь знать, что видел я
На воле? – Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежеею толпой,
Как братья, в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятыя каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года –
Им не сойтися никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег –

Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних
стран!

В дали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

«И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и, как сон,
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? Он как живой
В своей одежде боевой

Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток,
Он шумен был, но не глубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они, перед дождем,
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

«Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил – и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы

На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

«Бежал я долго – где, куда,
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только. Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;

Недвижим, молча, я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И гладкий чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

«Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудью камней.
То вдруг стихал он, то сильнее
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листья;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,

Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

«Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерёв
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голо-
сам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы – им уж нет следа;

Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно,
опять.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

«Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз – за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.

Вдруг голос – легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж ку-
стов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд,
И жадно вслушиваться стал.
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

«Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной
Дышал от уст её и щек.

И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, – когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла хоть тише, – но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилася опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, – мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

«Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон

Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть –
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объявля жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе, – и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной

Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

«Напрасно в бешенстве, порой,
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой...
Но верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил – клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

«Ты помнишь детские года;
Слезы не знал я никогда;

Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный
лес,
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость –
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, – и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов

Не из последних удальцов.

«Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как
стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

«Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле

Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я – и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно – и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к ли-
цу,
Как в битве следует бойцу!..

«Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит,
И смерть навеки заживит.

О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

«Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав,
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,

Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал – это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине –
И тут всё ясно стало мне...
О! Я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца – будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

«Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь

Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжиг
В тюрьме воспитанный цветок...

«И, как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу;
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал

Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью золотой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

«И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы,
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатую стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подожвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...

До них мне было далеко!
Хотел я встать – передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать – язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред!
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки – и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть,
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилась к волне,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,

*И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.*

*Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.*

*«Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.*

*«Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.*

*«О милый мой! Не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»*

*И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой*

С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

«Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

«Прощай, отец... дай руку мне;
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожест свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? – пускай в
раю,
В святом, заоблачном краю

Мой дух найдет себе приют...
Увы! – за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

«Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать –
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне при-
шлет,
Пришлет с прохладным ветер-
ком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо
мною,

*Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот,
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!»*

Сказка для детей

*Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упа-
док;
Поэты в том виновны не совсем
(Хотя у многих стих не вовсе гла-
док);
И публика не права между тем.
Кто виноват, кто прав – уж я не
знаю,
А сам стихов давно я не читаю –
Не потому, чтоб не любил сти-
хов,
А так: смешно ж терять для
звучных строф
Златое время... в нашем веке зре-
лом,
Известно вам, все заняты мы де-
лом.
Стихов я не читаю – но люблю*

Марать шутя бумаги лист лету-
чий;
Свой стих за хвост отважно я
ловлю;
Я без ума от тройственных созву-
чий
И влажных рифм – как например
на ю.
Вот почему пишу я эту сказку.
Ее волшебно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтоб кой-каких допросов избе-
жать;
Зато конец не будет без морали,
Чтобы ее хоть дети прочитали.
Герой известен, и не нов предмет;
Тем лучше: устарело всё, что но-
во!
Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный,
детский бред.
Бог знает где заветная тетрад-
ка?
Касается ль душистая перчатка
Ее листов – и слышно: *c'est joli?*..
[122]
Иль мышь над ней старается в

пыли?..

Но этот черт совсем иного сорта

—

Аристократ и не похож на черта.

Перенестись теперь прошу сейчас
За мною в спальню: розовые шторы

Опущены, с трудом лишь может
глаз

Следить ковра восточные узоры.
Приятный трепет вдруг объем-
лет вас,

И, девственным дыханьем напо-
енный,

Огнем в лицо вам пышет воздух
сонный;

Вот ручка, вот плечо, и возле них

На кисее подушек кружевных

Рисуется молодой, но строгий про-
филь...

И на него взирает Мефистофель.

То был ли сам великий Сатана

Иль мелкий бес из самых нечинов-
ных,

Которых дружба людям так
нужна

Для тайных дел, семейных и лю-

бовных?

Не знаю! Если б им была дана
Земная форма, по рогам и пла-
тью

Я мог бы сволочь различить со
знатью;

Но дух – известно, что такое дух!
Жизнь, сила, чувство, зренье, го-
лос, слух –

И мысль – без тела – часто в ви-
дах разных;

(Бесов вообще рисуют безобраз-
ных).

Но я не так всегда воображал
Врага святых и чистых побужде-
ний.

Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ; меж иных виде-
ний,

Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебной-сладкой красо-
тою,

Что было страшно... и душа тос-
кою

Сжималася – и этот дикий бред
Преследовал мой разум много
лет.

Но я, расставшись с прочими меч-

тами,
И от него отделился – стихами!

Оружие отличное: врагам
Кидаете в лицо вы эпиграммой...
Вам насолить захочется ль дру-
зьям?

Пустите в них поэмой или дра-
мой!

Но полно, к делу. Я сказал уж вам,
Что в спальне той таился хит-
рый демон.

Невинным сном был тронут не
совсем он.

Не мудрено: кипела в нем не
кровь,

И понимал иначе он любовь;
И речь его коварных искушений
Была полна: ведь он недаром ге-
ний!

«Не знаешь ты, кто я – но уж дав-
но

Читаю я в душе твоей; незримо,
Неслышно говорю с тобою, – но
Слова мои, как тень, проходят
мимо

Ребяческого сердца, – и оно
Дивится им спокойно и в молча-

ные, –
Пускай! Зачем тебе мое названье?
Ты с ужасом отвергнула б мою
Безумную любовь, – но я люблю
По-своему... терпеть и ждать могу я,
Не надо мне ни ласк, ни поцелуя.

«Когда ты спишь, о ангел мой
земной,
И шибко бьется девственной кровью
Младая грудь под грезой ночной,
Знай, это я, склонившись к изголовью,
Любуюся – и говорю с тобой;
И в тишине, наставник твой случайный,
Чудесные рассказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связан,
И вечностью и знанием наказан...

«Тому назад еще немного лет
Я пролетал над сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвет,
Румяный запад с новою денницей

На севере сливались, как привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные зву-
ки,
Как грешных снов нескромные
слова,
Неясно раздавались – и Нева,
Меж кораблей сверкая на просто-
ре,
Журча, с волной их уносила в мо-
ре.

«Задумчиво столбы дворцов
немых
По берегам теснились, как тени,
И в пене вод гранитных крылец их
Купались широкие ступени;
Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые,
[123]
И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот на гордый прах зем-
ли,
Как будто мир достоин их любви,
Как будто им земля небес доро-
же...
И я тогда... я улыбнулся тоже.
«И я кругом глубокий кинул

взгляд
И увидал с невольною отрадой
Преступный сон под сению палат,
Корыстный труд пред тощею
лампадой,
И страшных тайн везде печаль-
ный ряд;
Я стал ловить блуждающие зву-
ки,
Веселый смех и крик последней
муки:
То ликовал иль мучился порок!
В молитвах я подслушивал упрек,
В бреду любви – бесстыдное жела-
нье;
Везде – обман, безумство иль
страданье!

«Но близ Невы один старинный
дом
Казался полн священной тиши-
ною.
Всё важностью наследственной в
нем
И роскошью дышало вековою;
Украшен был он княжеским гер-
бом;
Из мрамора волнистого колонны
Кругом теснились чинно, и балко-

ны
Чугунные воздушною семьей
Меж них гордились дивною резь-
бой;
И окон ряд, всегда прозрачно-тем-
ных,
Манил пугая взор очей нескром-
ных.

«Пора была, боярская пора!
Теснилась знать в роскошные по-
кои –
Былая знать минувшего двора,
Забывтых дел померкшие герои!
Музыкой тут гремели вечера,
В Неве дробился блеск высоких
окон,
Напудренный мелькал и вился ло-
кон;
И часто ножка с красным каблуч-
ком
Давала знак условный под сто-
лом;
И старики в звездах и бриллиан-
тах
Судили резко о тогдашних фран-
тах.

«Тот век прошел, и люди те про-

шли.

Сменили их другие; род старинный

Перевелся; в готической пыли
Портреты гордых бар, краса гостиной,

Забывшие, тускнели; поросли
Дворы травой, и блеск сменив бы-
вальный,

Сырая мгла и сумрак длинной за-
лой

Спокойно завладели... Тихий дом
Казался пуст; но жил хозяин в
нем,

Старик худой и с виду величавый,
Озлобленный на новый век и нра-
вы.

«Он ростом был двенадцати
вершков,

С домашними был строг неумо-
лимо;

Всегда молчал; ходил до двух ча-
сов,

Обедал, спал... да иногда, томи-
мый

Бессонницей, собранье острых
слов

Перебирал или читал Вольтера.

Как быть? Сильна к преданьям в людях вера!..

Имел он дочь четырнадцати лет;
Но с ней видался редко; за обед
Она являлась в фартучке, с мадамой;

Сидела чинно и держалась прямо.

«Всегда одна, запугана отцом
И англичанки строгостью
небрежной,

Она росла, как ландыш за стеклом

Или скорей как бледный цвет под-
снежный.

Она была стройна, но с каждым
днем

С ее лица сбегали жизни краски,
Задумчивей большие стали глазки;

Покинув книжку скучную, она
Охотнее садилась у окна,

И вдалеке мечты ее блуждали,
Пока ее играть не посылали.

«Тогда она сходила в длинный зал,
Но бегать в нем ей как-то страшно
было

И как-то странно детский шаг

звучал
Между колонн; разрытою моги-
лой
Над юной жизнью воздух там ды-
шал.
И в зеркалах являлись предметы
Длиннее и бесцветнее, одеты
Какой-то мертвой дымкою; и
вдруг
Неясный шорох слышался вокруг:
То загремит, то снова тише, ти-
ше...
(То были тени предков – или мы-
ши!)

«И что ж? – она привыкла толково-
вать
По-своему развалин говор стран-
ный,
И стала мысль горячая летать
Над бледною головкой и туман-
ный,
Воздушный рой видений навевать.
Я с ней не разлучался. Детский ле-
пет
Подслушивать, невинной груди
трепет
Следить, ее дыханием с немой,
Мучительной и жадною тоской,

Как жизнью, упиваться... это было

Смешно! – но мне так ново и так мило!

«Влюбился я. И точно хороша
Была не в шутку маленькая Нина.
Нет, никогда свинец карандаша
Рафаэля, иль кисти Перуджина
[124]

Не начертали, пламенем дыша,
Подобный профиль. Все ее движенья

Особого казались выраженья
Исполнены. Но с самых детских
дней

Ее глаза не изменяли ей,
Тая равно надежду, радость, горе;
И было темно в них, как в синем
море.

«Я понял, что душа ее была
Из тех, которым рано всё понятно.

Для мук и счастья, для добра и
зла

В них пищи много; – только невозвратно

Они идут, куда их повела

Случайность, без раскаянья, упретков

И жалобы. Им в жизни нет уроков;

Их чувствам повторяться не дано...

Такие души я любил давно

Отыскивать по свету на свободе:
Я сам ведь был немножко в этом роде!

«Ее смущали странные мечты.

Порой она среди пустого зала

Сиянье, роскошь, музыку, цветы,

Толпу гостей и шум воображала;

Кипела кровь от душной тесноты;

На платьице чудесные узоры

Виднелись ей, – и вот гремели шпоры,

К ней кавалер незримый подходил

И в мнимый вальс с собою уносил;

И вот она кружилась в вихре бала

И утомясь на кресла упала...

«И тут она, склонив лукавый взор

И выставив едва приметно ножку,

Двусмысленный и темный разго-

вор

С ним завести старалась поне-
множку;

Сначала был он весел и остёр,
А иногда и чересчур небрежен;
Но под конец зато как мил и
нежен!

Что делать ей? – притвор-
но-строгий взгляд

Его, как гром, отталкивал назад,
А сердце билось в ней так шибко,
шибко,

И по устам змеилась улыбка.

«Пред зеркалом, бывало, целый
час

То волосы пригладит, то краси-
вый

Цветок пришпилит к ним; движе-
нью глаз,

Головке наклоненной вид ленивый

Придав, стоит... и учится; не раз
Хотелось мне совет ей дать лука-
вый;

Но ум ее и сметливый и здравый
Отгадывал всё мигом сам собой;
Так годы шли безмолвной чере-
дой;

И вот настал тот возраст, о ко-

тором
Так полны ваши книги всяким
вздором.

«То был великий день: семна-
дцать лет!
Всё, что досель таилось за ре-
шеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик-отец послал за старой
теткой,
И съехались родные на совет.
Их затруднял удачный выбор ба-
ла.
Что? Будет двор иль нет? – Иных
пугала
Застенчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замечал другой,
Что это вид ей даст оригиналь-
ный;
Потом наряд осматривали баль-
ный.

«Но вот настал и вечер роковой.
Она с утра была, как в лихорадке;
Поплакала немножко, золотой
Браслет сломала, в суетах пер-
чатки
Разорвала... со страхом и тоской

Она в карету села и дорогой
Была полна мучительной трево-
гой;

И выходя споткнулась на крыль-
це.

И с бледностью печальной на ли-
це

Вступила в залу... Странный ше-
пот встретил

Ее явление: свет ее заметил.

«Кипел, сиял уж в полном блеске
бал.

Тут было всё, что называют све-
том...

Не я ему название это дал,
Хоть смысл глубокий есть в на-
звание этом.

Своих друзей я тут бы не узнал;
Улыбки, лица лгали так искусно,
Что даже мне чуть-чуть не ста-
ло грустно.

Прислушаться хотел я, – но едва
Ловил мой слух летучие слова,
Отрывки безыменных чувств и
мнений –

Эпиграфы неведомых творений!..»

.....

Приложение

Ранние редакции «Демона»

Демон, 1829

1

<Демон>

<1829 год>

*Я буду петь, пока поется,
Пока волненья позабыл,
Пока высоким сердце бьется,
Пока я жизнь не пережил,
В душе горят, хотя безвестней,
Лучи небесного огня,
Но нежных и веселых песней,
Мой друг, не требуй от меня...
Я умер. Светлых вдохновений
Забыта мною сторона
Давно. Как скучен день осенний,
Так жизнь моя была скучна;
Так впечатлений неприятных
Душа всегда была полна;
Поныне о годах развратных
Не престаёт скорбеть она.*

*Я буду петь, пока поется,
Пока, друзья, в груди моей*

Еще высоким сердце бьется
И жалость не погибла в ней.
Но той веселости прекрасной
Не требуй от меня напрасно,
И юных гордых дней, поэт,
Ты не вернешь: их нет как нет;
Как солнце осени суровой,
Так пасмурна и жизнь моя;
Среди людей скучаю я:
Мне впечатление не ново...
И вот печальные мечты,
Плоды душевной пустоты!..

Печальный демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним,
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него;
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,
Как дня боится мрак могилы.
И много, много... и всего
Представить не имел он силы...

Демон узнает, что ангел любит одну смертную, демон узнает и обольщает ее, так что она покидает ангела, но скоро умира-

ет и делается духом ада. Демон обольстил ее, рассказывая, что бог несправедлив и проч. свою ист<орию>).

*Любовь забыл он навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Над ним владычествуют ныне...
В нем пусто, пусто: как в пусты-
не.
Смертельный след напечатлен
На том, к чему он прикоснется,
И говорят, что даже он
Своим злодеяниям не смеется,
Что груды гибнущих людей
Не веселят его очей...
Зачем же демон отверженья
Роняет посреди мученья
Свинцовы слезы иногда,
И им забыты на мгновенье
Коварство, зависть и вражда?..*

* * *

Демон влюбляется в смертную (монахиню), и она его наконец любит, но демон видит ее ангела-хранителя и от зависти и ненависти решается погубить ее. Она умирает, душа ее улетает в ад, и демон, встречая ангела, который плачет с высот неба, упрекает его язви-

тельной улыбкой.

Угрюмо жизнь его текла,
Как жизнь развалин. Бесконечность
Его тревожить не могла,
Он хладнокровно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды,
Он жег печатью роковой
Того, к кому он прикасался,
Но часто демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Таков осеннею порой
Среди долины опустелой
Один чернеет пень горелый.
Сражен стрелою громовой,
Он прямо висится главой
И презирает бурь порывы,
Пустыни сторож молчаливый.
Боясь лучей, бежал он тьму,
Душой измученною болен.
Ничем не мог он быть доволен:
Всё горько сделалось ему,
И всё на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не принимая.

В полночь, между высоких скал,
Однажды над волнами моря
Один, без радости, без горя
Беглец эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины.
И зрит, чернеет над горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж низких келий тишина,
Садится поздняя луна,
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вот тихий и прекрасный звук,
Подобный звуку лютни, внем-
лет...
И чей-то голос... Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело... он хочет прочь тотчас.
Его крыло не шевелится,
И странно – из потухших глаз
Слеза свинцовая катится...
Как много значил этот звук:
Мечты забытых упоений,
Века страдания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем, и вновь
Погибший ведает любовь.

М<онахиня>

*О чем ты близ меня вздыхаешь,
Чего ты хочешь получить?
Я поклялась давно, ты знаешь,
Земные страсти позабыть.
Кто ты? Мольба моя напрасна.
Чего ты хочешь?..*

Д<емон>

Ты прекрасна.

М<онахиня>

Кто ты?

Д<емон>

*Я демон. Не страшись...
Святыни здешней не нарушу...
И о спасенье не молись,
Не искусить пришел я душу;
Сгорая жаждою любви,
Несу к ногам твоим моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои.*

Демон, 1830

II

Демон

<Начало 1830 года>

*Печальный Демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним.
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него;
Когда заботы и тревога
Чуждались ума его,
Как дня боится мрак могилы...
И много, много... и всего
Представить не имел он силы.*

*В изгнанье жизнь его текла,
Как жизнь развалин. Бесконеч-
ность
Его тревожить не могла.
<Он равнодушно видел вечность,>
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему он прикасался;
И часто Демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Боясь лучей, бежал он тьму.
Душой измученною болен,*

Ничем не мог он быть доволен.
Всё горько сделалось ему,
И, всё на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.

В полночь, между холодных скал,
Однажды над волнами моря
Один, без радости, без горя,
Беглец Эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины,
И зрит: белеют под горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж бедных келий тишина.
Садится поздняя луна;
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
<Вдруг> тихий и прекрасный звук,
<Подобн>ый звуку лютни, внем-
лет,
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело... Он хочет прочь тотчас –
Его крыло не шевелится.
И – чудо! – из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.

Как много значит этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем, но вновь
Ужель узнает он любовь?
Тому не быть: так, если мчится
Сын ливня в поле мутный ключ,
И солнца полумертвый луч
На нем случайно отразится,
Он лишь мгновенно озарит,
А мутных вод не просветит.

Влетает в келью дух смущенный.
Украдкою, как некий вор,
Минует образ позлащенный,
Со страхом отвращает взор,
Он зрит божественные книги,
Лампаду, четки и вериги.
Но где же звуки? Где же та,
К которой сильная мечта
Его влечет?.. Облокотившись,
С испанской лютнею она
Сидела молча у окна,
И кудри черные, скатившись
На веки нежные очей,
Служили покрывалом ей.
Исполнена какой-то думой,

Младая волновалась грудь.
Вот поднялась. На свод угрюмый
Она задумала взглянуть.
Как звезды омраченной дали,
Глаза монахини сияли,
Как неба утра облака,
Ее лилейная рука
Была пленительна; и струны
Согласно вздрогнули под ней.

Угрюм, как ночи мрак безлунный,
Потупя взгляд своих очей,
Окованный ее игрою,
Стоял злой дух. Ему любить
Не должно сердца допустить.
Он связан клятвой роковою.
(И эту клятву молвил он,
Когда блистающий Сион
Оставил с гордым сатаною.)

.....

.....

Он искусить хотел – не мог,
Не находил в себе искусства;
Забывать – забвенья не дал бог,
Любить – недоставало чувства;
Хотя он для любви готов
Оставить полк своих духов
И без могущества, без силы

Скитаться посреди миров,
Как труп вампира, из могилы
Исторгшись, бродит меж людей
Страшилищем немых ночей...

Легок, как падающий снег
По ветру средь зимы холодной,
Мой Демон, волею свободный,
Летучий направляет бег –
Прочь-прочь от места, где впервые
Земные слезы уронил,
Нарушил клятвы роковые
И князя бездны раздражил,
Но прелесть звуков и виденья
Остались на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не загладит ничего.

Но кто ж она? Зачем сокрыта
В пустыне, меж высоких стен?
Иль это добровольный плен,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одежд
С ее душой была согласна?
Ее история ужасна,
Как вспоминанье без надежд.
Она отца и мать не знала,
И люльку детскую ее

Старушка чуждая качала...
Но это ль бедное житье,
Любовь ли сердце испугала,
Опасность ли – о том узнать
Никто не думал испытать.

.....

Как часто дева у окошка
Взирала на берег морской.
Печаль ее хотя немножко
В то время делалась живой.
На море вихри бушевали,
И волны синие вставали;
В расселинах стены крутой
Протяжный раздавался вой;
А дева – взор ясней лазури –
При шуме капель дождевых
Согласовала с воем бури
Игру печальных струн своих.
Но с той минуты, как нечистый
К ней приходил в ночи тенистой,
Она молиться уж нейдет
И не играет, не поет,
Ей колокола звон противен,
В ней кроется холодный яд,
Ни моря шум, ни ветер, ни ливень
Мечты, как было, не ролят.
И бедный Демон удалился

От силы адской с этих пор,
Он на хребет далеких гор
В ледяный грот переселился,
Где под снегами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивные творенья.
Ее причудливой игры
Он наблюдает измененья.
Составя светлые шары,
Он их по ветру посылает,
Велит им путнику блеснуть
И над болотом освещает
Заглохший, неезжанный путь.
Когда метель гудет и свищет,
Он охраняет прошлеца,
Сдувает снег с его лица
И для него защиту ищет...
И часто прежней пустоты
Он слышит муки. Красоты
Волшебной стан пред ним лета-
ет;
И пламя новое мечты
Его крылами обнимает.
Изгнанник помнит свет небес,
Огни потерянного рая;
Тоской неистойвой сгорая,
Он зажигает темный лес,
Любуясь на пожар трескучий.

Скалы на корне вековом
Срывая, как нежданный гром,
Свергает вниз рукой могучей –
И гул подьёмлетя кругом.
Но уж не то его тревожит,
Что прежде; тот железный сон
Прошел – любить он может – мо-
жет –
И в самом деле любит он.
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи поглядеть
И невозвратно улететь...

Едва блестящее светило
На небо юное вошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Как Демон видел пред собой
Стену обители святой,
Где полразрушенная келья
Так много милого хранит.
Полетом он туда спешит.
Но нет в душе его веселья.
Какой-то непонятный страх
В ледяных светится глазах.
Вот дверь простая перед ними.
Томяся муками живыми,
Он долго медлил; он не мог

*Переступить через порог,
Как будто бы он там погубит,
Что на минуту отдал рок...*

.....

*Теперь лишь видно, что он лю-
бит!*

*Теперь лишь признаки любви:
Волнение надежд несмелых
И пламень неземной крови
Видны в чертах окаменелых!..*

*Он в келье. Но зачем же он
Не привлечет ее вниманья?
Зачем не пьет ее дыханья?
Не вздох любви – могильный стон,
Как эхо, из груди разбитой
Протяжно вышел наконец.
И сердце, кровию облитое,
Отяжелело, как свинец.
Его рука остановилась
На воздухе. Сведенный перст
Оледенел. Хоть взор отверзт:
В нем ничего не отразилось,
Кроме презренья – но к чему?
Что показалось ему?*

*Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом*

Вблизи монахини прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом,
Они счастливы, святы оба!
И – мщенье, ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою стопой.
Он вышел. Сколько чувств различ-
ных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснятся! Сколько дум
Меняет беспокойный ум!..
Красавице погибнуть надо.
Ее не пощадит он вновь,
Погибнет – прежняя любовь
Не будет для нее оградой!..

Как жалко! Он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забуть толпу недобрых дел,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, может быть,
Внушил бы Демон сожаленье,
И благодатное прощенье
Ему б случилось получить.
Но поздно! Сын безгрешный рая
Вдруг разбудил мятежный ум.
Кипит он, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая

И яд преступных, черных дум.
И вот, облекшись в образ том-
ный,
Обманчивый он принял вид,
Он юноша печальный, скромный,
Какой-то тенью взор облит.
Его опущенные крылья
Объяты участью бессилья.
На голове венец златой
Померкнул и покрылся мглой.

Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня молодая;
Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя.
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночною мглой,
Час тайных встреч и наслажде-
ний
И незаметных преступлений.
Он к ней прокрадется туда,
Среди обители уснувшей;
И там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей!
Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит.
И дрожь и страх ее объемлет,

Она, как смерть бледнея, внемлет.

Она

Земные страсти позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь.
К чему ж теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О! – кто ты? – речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?..

Дух

Ты прекрасна!

Она

Кто ты?

Дух

Я демон, не страшись:
Святыни здешней не нарушу.
И о спасенье не молись,
Не искусить пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои!
Не расставлял я людям сети
С толпою грозной злых духов:

Брожу один среди миров
Несметное число столетий.
Не выжимай из груди стон,
Не отгоняй меня укором:
Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Оставлен всеми, бесприютный...
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья.
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!..

В часы суровой непогоды
В осенний день, когда меж скал,
Пенясь, крутясь, шумели воды,
Восточный ветер бушевал,
И тучи серыми рядами
Перебегали небесами;
Зловещий колокола звон,
Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами.

К чему манит отшельниц он?..
Не на молитву поспешали
В обширный и высокий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В середине церкви мех звучал,
И катафалк блестел прекрасный,
На нем богатый гроб стоял,
В гробу мертвец лежал безглас-
ный;
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют мертвые черты.
Уста закрытые бесцветны.
И в сердце томной страсти яд
Ее глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Они владели над душой,
Неугомонной, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.

За час до горестной кончины
Духовника на миг единый
Младая дева призвала:
Желанья, добрые дела

И запрещенные деянья
Открыть с слезами покаянья.
Пришел исповедник. Но вдруг
Его безумный хохот встретил.
Он на лице ее заметил
Борение последних мук,
Припадку судорог ужасных.
Он разобрал в речах неясных:
«Ты!.. Демон!.. О!.. Коварный друг!..
Своими сладкими речами...
Ты... бедную... заморозил...
Ты был любим и не любил,
Ты б мог спастись, а погубил...
Проклятье сверху, мрак под на-
ми!»

Но кто безжалостный злодей,
Тогда не понял старец честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людям неизвестной.

С тех пор промчалось много лет.
Пустела тихая обитель,
И время, общий разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен. И храм священный
Добычей бури и дождей
Соделался. Между дверей
Вздыхая ходит ветер не пленный.
Внутри на ликах расписных,

На утвари позолоченной
И средь расселин стен седых
Большой паук, пустынный новый,
Кладет нитей своих основы.
Сбегаючи со скал крутых,
Ища приют от непогоды,
Случалось, лань, дитя свободы,
Входила в кельи; – и – порой
Стола нескромное паденье
Среди развалины глухой
Вдруг приводило в удивленье
Ее – но нынче ничему
Нельзя встревожить тишину.
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно;
Что живо, то бессмертно стало;
Но время вживе удержало
Воспоминание одно...
И море пенится и злится,
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит;
Он вдался в море одиноко;
На нем чернеет крест высокой;
Всегда скалой отражены,
Струи белятся пеной вольной,
Волна теснится у волны,
И слышен ропот своевольный,

*И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.*

*Над тем крестом, над той ска-
лою*

Однажды утренней порою

С глубокой думою стоял

Дитя Эдема, ангел мирный;

И слезы молча утирал

Своей одеждою сапфирной.

И кудри мягкие, как лен,

С главы венчанной упали,

И крылья легкие, как сон,

За белыми плечьми сияли;

Стан тонкий свеж и прям: таков

Зеленый кипарис садов.

.....

.....

*Вот тихо над крестом склонил-
ся.*

Казалось, будто он молился

За душу девы молодой.

Увы! Напрасные моленья,

Ее страстям уж нет прощенья...

Тогда над синей глубиной

Дух гордости и отверженья

Летел с вершины диких гор,

*Как будто прелести творенья
Непозволительный укор.
Как свод безлучный в день осен-
ний,
Был мрачен искуситель гений.
Он близ могилы промелькнул
И, тусклый, мертвый взор кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...*

(Конец)

Демон: Поэма, 1831

III

Демон

Поэма

1831 год

*Прими мой дар, моя мадона!
С тех пор как мне явилась ты,
Моя любовь мне оборона
От порицаний клеветы.*

*Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего:
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того!*

*Скажу ли? – предан самовластью
Страстей печальных и судьбе,*

*Я счастьем не обязан счастью,
Но всем обязан я – тебе.*

*Как демон, хладный и суровый,
Я в мире веселился злом,
Обманы были мне не новы,
И яд был на сердце моем;*

*Теперь, как мрачный этот Гений,
Я близ тебя опять воскрес
Для непорочных наслаждений,
И для надежд, и для небес.*

* * *

Cain.

Who are you?

Lucifer.

Master of spirits.

Cain.

*And being so, canst thou
Leave them, and walk with dust?*

Lucifer.

*I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you.*

L. Byron. Cain.[125]

*Печальный демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,*

И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним;
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него,
Когда заботы и тревога
Чуждались ума его,
Как дня боится мрак могилы;
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы.

Уныло жизнь его текла
В пустыне Мира. Бесконечность
Жилище для него была.
Он равнодушно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему ни прикасался!..
И часто демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Страшась лучей, бежал он тьму;
Душой измученною болен,
Ничем не мог он быть доволен,
Всё горько сделалось ему;
И, всё на свете презирая,
Он жил, не веря ничему

И ничего не признавая.

.....

*Однажды, вечером, меж скал
И над седой равниной моря,
Без дум, без радости, без горя,
Беглец Эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины,
И зрит: белеет под горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж бедных келий тишина;
Встает багровая луна;
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вдруг тихий и прекрасный звук,
Подобный звуку лютни, внемлет,
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает: хлад объемлет
Чело. Он хочет прочь тотчас:
Его крыло не шевелится;
И – чудо! – из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден ка-
мень
Слезую жаркою, как пламень,*

Нечеловеческой слезой.

*Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем опять.
Но что ж? Ему не воскресать
Для нежных чувств. Так, если
мчится
По небу летнему порой
Отрывок тучи громовой,
И луч случайно отразится
На сумрачных краях, она
Тот блеск мгновенный презирает
И путь неверный продолжает
Хладна, как прежде, и темна.*

*Проникнул в келью дух смущен-
ный.
Со страхом отвращает взор,
Минуя образ позлащенный,
Как будто видя в нем укор.
Он зрит божественные книги,
Лампаду, четки и вериги;
Но где же звуки? Где же та,
К которой сильная мечта
Его влечет? Она сидела*

На ложе, с лютнею в руках,
И песню гор играя пела.
И, мнилось, всё в ее чертах
Земной беспечностью дышало;
И кольца русые кудрей
Сбегали, будто покрывало,
На веки нежные очей.
Исполнена какой-то думой,
Младая волновалась грудь...
Вот поднялась; на свод угрюмый
Она задумала взглянуть:
Как звезды омраченной дáли,
Глаза монахини сияли;
Ее лилейная рука,
Бела, как утром облака,
На черном платье отделялась,
И струны отвечали ей
Что дальше, то сильней, сильней.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та песня сложена!
Меж тем, как путник любопыт-
ный,
В окно, участием полна,
На деву, жертву грусти скрывает,
Смотрела ясная луна!..

Окован сладостной игрою

Стоял злой дух. Ему любить
Не должно сердца допустить:
Он связан клятвой роковою;
(И эту клятву молвил он,
Когда блистающий Сион
Оставил с гордым сатаною).
Он искушать хотел, – не мог,
Не находил в себе искусства;
Забывать? – забвенья не дал бог;
Любить? – недоставало чувства!
Что делать? – новые мечты
И чуждые поныне муки!
Так, демон, слыша эти звуки,
Чудесно изменился ты.
Ты плакал горькими слезами,
Глядя на милый свой предмет,
О том, что цепь лежит меж ва-
ми,
Что пламя в мертвом сердце
нет;
Когда ты знал, что не принудит
Его минута полюбить,
Что даже скоро, может быть,
Она твоею жертвой будет.

И удалиться он спешил
От этой кельи, где впервые
Нарушил клятвы неземные

*И князя бездны раздражил;
Но прелесть звуков и виденья
Осталась на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не изгладит ничего.*

.....
*Спустя сто лет пергамент пыльный
Между развалин отыскал
Какой-то странник. Он узнал,
Что это памятник могильный;
И с любопытством прочитал
Он монастырские преданья
О жизни девы молодой,
И им поверил, и порой
Жалел об ней в часы мечтанья.
Он перевел на свой язык
Рассказ таинственный, но свету
Не передам я повесть эту:
Ценить он чувства не привык!*

.....
*Печальный демон удалился
От силы адской с этих пор.
Он на хребет далеких гор
В ледяный грот переселился,
Где под снегами хрустали*

Корой огнистою легли –
Природы дивные творенья!
Ее причудливой игры
Он наблюдает измененья.
Составя светлые шары,
Он их по ветру посылает,
Велит им путнику блеснуть
И над болотом освещает
Опасный и заглохший путь.
Когда метель гудет и свищет,
Он охраняет прошлеца;
Сдувает снег с его лица
И для него защиту ищет.
И часто, подымая прах
В борьбе с летучим ураганом,
Одетый молнией и туманом,
Он дико мчится в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятеж-
ной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное – забыть!
Но всё не то его тревожит,
Что прежде. Тот железный сон
Прошел. Любить он может, мо-
жет,
И в самом деле любит он;
И хочет в путь опять пускаться,

Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи посмотреть
И невозвратно улететь!

.....

.....

Едва блестящее светило
На небо юное вошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Как демон видел пред собой
Стену обители святой,
И башни белые, и келью,
И под решетчатым окном
Цветущий садик. И кругом
Обходит демон; но веселью
Он недоступен. Тайный страх
В ледяных светится глазах.
Вот дверь простая перед ними.
Томяся муками живыми,
Он долго медлил, он не мог
Переступить через порог,
Как будто бы он там погубит
Всё, что еще не отнял рок.
О! Как приметно, что он любит!
Всё тихо – вдруг услышал он
Давно знакомой лютни звон;
Слова певицы вдохновенной

*Лились, как светлые струи;
Но не понравились они
Тому, кто с думой дерзновенной
Искал надежды и любви.*

Песнь монахини

*Как парус над бездной морской,
Как под вечер золотая звезда,
Явился мне ангел святой –
Не забуду его никогда.*

*К другой он летел иль ко мне,
Я напрасно б старалась узнать.
Быть может, то было во сне...
О! Зачем должен сон исчезать?*

*Тебя лишь любила, творец,
Я поныне с младенческих дней,
Но видит душа наконец,
Что другое готовилось ей.*

*Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста, как мой ангел, она,
Мысль об нем неразлучна с то-
бой!*

*Он отблеск величий твоих,
Ты украсил чело его сам.
Явился он мне лишь на миг, –
Но за вечность тот миг не от-*

дам!

Умолкла. Ветер моря хладный
Последний звук унес с собой.
Непобедимою судьбой
Гонимый, демон безотрадный
Проникнул в келью. Что же он
Не привлечет ее вниманье?
Зачем не пьет ее дыханье?
Не вздох любви – могильный стон,
Как эхо, из груди разбитой
Протяжно вышел наконец;
И сердце, яростью облито,
Отяжелело, как свинец,
Его рука остановилась
На воздухе. Сведенный перст
Оледенел. Хоть взор отверзт,
В нем ничего не отразилось,
Кроме презренья. Но к кому?
Что показалось ему?

Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом
Вблизи монахини прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
Они счастливы, святы оба!

И – зависть, мщенье и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою ногой;
Он вышел – сколько чувств раз-
личных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснится! Сколько дум
Меняет беспокойный ум!
Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.
Погибнет: прежняя любовь
Не будет для нее оградой!

Как жалко! Он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забуть толпу преступных дел,
Позволить сердцу оживиться!
Творцу природы, может быть,
Внушил бы демон сожаленье
И благодатное прощенье
Ему б случилось получить.
Но поздно! Сын безгрешный рая
Вдруг разбудил мятежный ум:
Кипит он, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И яд коварных, черных дум.
Но впрочем, он перемениться
Не мог бы: это был лишь сон.

И рано ль, поздно ль, пробудиться
Навеки должен был бы он.
Успело зло укорениться
В его душе с давнишних дней:
Добро не ужилось бы в ней;
Его присвоить, им гордиться
Не мог бы демон никогда;
Оно в нем было бы чужое,
И стал бы он несчастней вдвое.
Взгляните на волну, когда
В ней отражается звезда;
Как рассыпаются чудесно
Вокруг серебристые струи!
Но что же? Блеск тот – блеск
небесный,
Не завладеют им они.
Их луч звезды той не согреет;
Он гаснет – и волна темнеет!
Злой дух недолго размышлял:
Он не впервые отомщал!
Он образ смертный принимает,
Венец чело его ласкает,
И очи черные горят,
И этот самый пламень – яд!

Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня молодая,

Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя;
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночью мглой,
Час тайных встреч и наслажде-
ний
И незаметных преступлений.
Он к ней прокрадется туда,
Под сень обители уснувшей,
И там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей!

.....
Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит;
И чудный страх ее объемлет.
Она, как смерть бледнея, внем-
лет.

Она

Страстей волненья позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь!
К чему ж теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? – речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Незнакомец

Ты прекрасна!

Она

Кто ты?

Незнакомец

*Я демон! – не страшись:
Святыни здешней не нарушу!
И о спасенье не молись –
Не искушать пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои!
Не расставлял я людям сети
С толпою грозной злых духов;
Брожу один среди миров
Несметное число столетий!
Не выжимай из груди стон,
Не отгоняй меня укором:
Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Как степи ветер бесприютный!
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья:*

*Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!*

Она

*На что мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты виноват...*

Незнакомец

Против тебя ли?

Она

Нас могут слышать...

Незнакомец

Мы одни!

Она

А бог?

Незнакомец

*На нас не кинет взгляда!
Он небом занят, не землей.*

Она

А наказанье, муки ада?

Незнакомец

Так что ж? – ты будешь там со мной!

*Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая;
Мне рай – везде, где я с тобой!*

*Так говорил он; и рукою
Он трепетную руку жал
И поцелуями порою
Плечо девицы покрывал.
Она противиться не смела,
Слабела, таяла, горела
От неизвестного огня,
Как белый снег от взоров дня!*

.....

*В часы суровой непогоды,
В осенний день, когда меж скал,
Пенясь, крутясь, шумели воды,
Восточный ветер бушевал,
И темносерыми рядами
Несли тучи небесами,
Зловещий колокола звон,*

Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами.
К чему зовет отшельниц он?
Не на молитву поспешали
В обширный и высокий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В середине церкви гроб стоял,
В гробу мертвец, лежал безглас-
ный,
И ряд монахинь окружал
Тот гроб с недвижностью бес-
страстной.
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют бледные черты;
Уста закрытые бесцветны,
И в сердце пылкой страсти яд
Сии глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Владели бурною душой,
Неизъяснимой, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.

За час до горестной кончины,

Когда сырая ночи мгла
На усыпленные долины
Прозрачной дымкою легла,
Духовника на миг единый
Младая дева призвала,
Чтоб жизни грешные деянья
Открыть с слезами покаянья.
И он приходит к ней; но вдруг
Его безумный хохот встретил.
Старик в лице ее заметил
Борение последних мук.
На предстоящих не взирая,
Шептала дева молодая:
«О, демон! О, коварный друг!
Своими сладкими речами
Ты бедную заморозил...
Ты был любим, а не любил...
Ты мог спастись, а погубил,
Проклятье сверху, мрак под на-
ми!»
Но кто безжалостный злодей,
Тогда не понял старец честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людям неизвестной.

С тех пор промчалось много лет,
Пустела древняя обитель,
И время, общий разрушитель,

Смывало постепенно след
Высоких стен; и храм священный
Стал жертва бури и дождей.
Из двери в дверь во мгле ночей
Блуждает ветер освобожденный.
Внутри, на ликах расписных
И на окладах золотых,
Большой паук, пустынный новый,
Кладет сетей своих основы.
Не раз, сбегав со скал крутых,
Сайгак иль серна, дочь свободы,
Приют от зимней непогоды
Искали в кельях. И порой
Забывтой утвари паденье
Среди развалины глухой
Их приводило в удивленье!
Но в наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно,
Что живо, то бессмертно стало;
Но время вживе удержало
Воспоминание одно!

И море пенится и злится,
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит:

Он вдался в море одиноко,
На нем чернеет крест высокой.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью белоснежной,
Теснится у волны волна,
И слышен ропот их мятежный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.

Над тем крестом, над той ска-
лою,
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный;
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкие, как лен,
С главы венчанной упали,
И крылья легкие, как сон,
За белыми плечьми сияли.
И был небесный свод над ним
Украшен радугой цветистой,
И воды с пеной серебристой
С каким-то трепетом живым
К скалам теснились вековым.
Всё было тихо. Взор унылый
На небо поднял ангел милый,
И с непонятною тоской

*За душу грешницы молодой
Творцу молился он. И, мнилось,
Природа вместе с ним молилась.*

*Тогда над синей глубиной
Дух гордости и отверженья
Без цели мчался с быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья
Не изъявлял суровый лик:
Он побеждать себя привык!
Не для других его мученья!
Он близ могилы промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул!..*

Конец

Первоначальные наброски к III редакции «Демона»

*Когда последнее мгновенье
Мой взор навеки омрачит,
И в мир, где казнь или спасенье,
Душа поэта улетит,
Быть может, приговор досадной
Прикажет возвратиться ей
Туда, где в жизни безотрадной
Она томилась столь<ко> дней;
Тогда я буду всё с тобою*

И берегись мне изменить <...>

*Незримый ангел пел мне раз
Про мир иной; с того мгновенья
Спокойствие бежит от глаз.
Усну ли – сна желанный час
Тревожат чудные виденья.
Как запах милого цветка
Весть подает об нем порою,
Так знаю я, когда тоска
Покинет грудь мою слегка,
Что ангел счастья со мною.
Я одного его люблю,
Зато любовью бесконечной;
Услышит песню он мою,
В каком бы ни был он краю, –
Нежней меня его любить
Не станет женщина другая;
Но должен мне творец простить;
Любовь к нему не может быть
Преступна, как любовь земная.*

Демон, 1831

IV

<Демон>

<1831 год>

*По голубому небу пролетал
Однажды Демон. С злобою немой*

Он в беспредельность грустный
взор кидал,
И вспоминанья перед ним толпой
Теснились. Это небо, где творец
Внимал его хвалам и наконец
Проклятьям, эти звезды... всё
кругом
Прекрасно в блеске вечно-моло-
дом;

Как было в тот святой, великий
час,
Когда от мрака отделился свет,
И, ангел радостный, он в первый
раз
Взглянул на будущность. И сколь-
ко лет,
И сколько тысяч лет с тех пор
прошло!
И он уже не тот. Его чело
Померкло... он один, один... один...
Враг счастья и порока властелин.

Изгнанник, для чего тоскуешь ты
О том, что невозвратно? – но
пускай!
Не воскресив душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой

рай!
Напрасно обращен преступный
взор
На небеса: их свет – тебе укор.
Будь горд. Старайся мстить, жи-
ви, губя.
Но что ж? – и зло не радует те-
бя?

И часто, очень часто людям он
Завидовал. У них надежда есть
На искупленье, на могильный сон.
Все их несчастья легче перенести
Одной палящей капли адских мук.
И вечность (это слово, этот звук,
Который значит всё) им не
страшна.
Нет! Вечность для рабов не созда-
на!

Так мыслил Демон. Медленно
крылом,
Спускаясь на землю, рассекал
Он воздух. Всё цвело в краю зем-
ном.
Весенний день краснея догорал.
Растения и волны, ветерком
Колеблемы, негреющим лучом

Казались зажжены. Туман сырой
Ревниво подымался над землей.

И только крест пустынный, на-
конец,
Стоящий на горе, едва в дали
Блестел. И гаснет! Звездный свой
венец
Надела ночь. В молчании текли
Светила неба в этот мирный час,
Но в их молчанье есть понятный
глас,
О будущем пророчествует он.
Вот встала и луна. Повсюду сон.

Свети! Свети, прекрасная луна!
Природа любит шар твой золо-
той,
В его сиянье нежится она,
Одетая полупрозрачной мглой.
Но человека любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой. Как не гру-
стить,
Когда на нас ты льешь свой блед-
ный свет, –
Ты – памятник всего, чего уж
нет!

Я хотел писать эту поэму в стихах: но нет. –
В прозе лучше.

Демон, 1833–1834

V

Демон

<1833–1834 годы>

*Печальный Демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним;
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него,
Когда заботы и тревога
Чуждались ума его,
Как дня боится мрак могилы,
И много, много... и всего
Представить не имел он силы.*

*Уныло жизнь его текла
В пустыне мира – и на вечность
Он пригляделся – но была
Мучительна его беспечность.
Путем, назначенным судьбой,
Он равнодушно подвигался;
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему ни прикасался.*

Смеясь над злом и над добром,
Стыдясь надежд, стыдясь боязни,
Он с гордым встретил бы челом
Прощенья глас, как слово казни;
Он жил забыт и одинок,
Грозой оторванный листок,
Угрюм и волен, избегая
И свет небес, и ада тьму,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.

Как черный саван, на земле
Лежала ночь... вились туманы
По гребням гор; на их челе,
Сторожевые великаны,
Гнездились стаи облаков,
И вечно ропщущее море
Гуляло мирно на просторе,
Сверкая пеною валов.

Между прибрежных диких скал
Беглец Эдема пролетал.
Он взор, исполненный презренья,
Вперил на грешный мир земной
И зрит в тумане отдаленья
Верхи обители святой.
У стен ее, прохлады полны,
Однообразно шепчут волны.

Кругом ее густых деревьев
Сплелись кудрявые вершины,
И кое-где из их середины,
Стремясь достать до облаков,
Встает, белея, остов длинный
Зубчатой башни, и над ней,
Символ спасения забвенный,
Чернеет ржавый крест, нагбен-
ный
Усильем бури и дождей.
Меж бедных келий храм огром-
ный.
Едва сквозь длинное окно
Глядит лампады луч нескром-
ный.
Внутри всё спит давным-давно.
Всё вокруг таинственно и темно.

Вот одинока и красна
Встает двурогая луна,
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вдруг тихий и прекрасный звук,
Подобно звуку лютни, внемлет;
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело. Он хочет прочь тотчас:
Его крыло не шевелится,

*И – чудо! – из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.
Поньне возле кельи той
Насквозь прожженный виден ка-
мень
Слезую жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.*

*Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений
О настоящем и былом –
Всё разом отразилось в нем.*

*Проникнул в келью дух смущен-
ный,
Минуя образ позлащенный,
Как будто видя в нем укор,
Со страхом отвращает взор;
В углу из мрамора мадона,
Лампада медная над ней,
На голове ее корона
Из роз душистых и лилей.
У стенки девственное ложе,
Луна, смеясь, в окно глядит,
А у окна... всесильный боже!
Что с ним? – он млеет! Он дро-*

жит!

По струнам лютни ударяя,
Пред ним, озарена луной,
В одежде черной власяной
Была монахиня младая;
Она сидела перед ним
Объята жаром вдохновенья,
Мила, как первый херувим,
Как первые звезды творенья.
В больших глазах ее порой
Невнятно говорило что-то
Невыразимую тоской,
Неизъяснимую заботой.
Полураскрытые уста
Живые изливали звуки;
В них было всё: моленья, муки,
Слова надежд, слова разлуки
И детских мыслей простота.
И грудь высоко воздымалась.
И обнаженная рука,
Белей, чем утром облака,
К струнам, как ветер, прикасала-
лась.
Клянусь святыней гробовой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока!

Гаремов брызжущий фонтан
Ни разу летнею порою
Своей алмазною росой
Не омывал подобный стан...
Ни разу гордый сын порока
Не осквернял руки такой...
Клянусь святыней гробовой,
Лучом заката и востока.

Дух отвержения и зла
Стоял недвижим у порога;
Не смел он приподнять чела,
Страшася в ней увидеть бога!
Увы, в душе его была
Давно забытая тревога!
Он искушать хотел – не мог,
Не находил в себе искусства;
Забывать? – забвенья не дал бог;
Любить? – недоставало чувства.
И удалиться он спешил
От этой кельи, где впервые
Нарушил клятвы роковые,
Земной святыне уступил.
Но прелесть звуков и виденья
Остались на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не изгладит ничего!

Скажу ль? Сначала думал он,

Хотел во что бы то ни стало
Исторгнуть из груди, как жало,
Мгновенный светлый этот сон.
И, победив свое презренье,
Он замешался меж людей,
Чтоб ядом пагубных речей
Убить в них веру в провиденье...
Но до него, как и при нем,
Уж веры не было ни в ком;
И полон скуки непонятной,
Он скоро кинул мир развратный
И на хребет пустынных гор
Переселился с этих пор.
Там над жемчужным водопадом
Себе пещеру отыскал,
В природу вник глубоким взгля-
дом,
Душою жизнь ее объял.
Как часто на вершине льдистой
Один меж небом и землей
Под кровом радуги огнистой
Сидел он мрачный и немой,
И белогривые метели,
Как львы, у ног его ревели.
Как часто, подымая прах
В борьбе с летучим ураганом,
Одетый молнией и туманом,
Он дико мчался в облаках,

Чтобы в толпе стихий мятеж-
ной
Сердечный ропот заглушить,
Спасись от думы неизбежной
И незабвенное – забыть!
Но уж не то его тревожит,
Что прежде, тот железный сон
Прошел. Любить он может – мо-
жет,
И в самом деле любит он!
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи поглядеть
И невозвратно улететь.

Востока ясное светило
На небо юное вошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило.
Вот милый берег! Вот она,
Обетованная страна...
Вот испещренная цветами
Густой лимонной рощи сень,
Вот пред святыми воротами
Часовня... южный теплый день
Играет яркими лучами
По белым башням и стенам.
Безмолвны мраморные плиты,

От стен ведущие во храм.
Плющом душистым перевиты,
Вокруг него ряды крестов,
Немые сторожи гробов,
Как стадо летом пред грозой,
Пестрея жмутся меж собою...

Страшась надеждам волю дать,
К знакомой келье он подходит,
Кругом нее задумчив бродит.
Жива ль она? Одна ль, как знать?
К дверям прильнул он жадным
ухом.

Ни струн, ни песен не слышать!
Невольно он смутился духом,
Невольно, как в пещеру змей,
Закралось в ум его сомненье,
И вещей луч грядущих дней
Сверкнул в его воображеньи!
Он в келью светлую проник...
Взошел, взглянул... ужасный крик,
Как бури свист порой ночью,
Раздался в воздухе пустом,
И ярость адскою волною,
Как лава, разлилась по нем.
Простите, краткие надежды
Любви, блаженства и добра;
Открыл дремавшие он вежды:

И то сказать – давно пора!

*Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом
Перед монахиней прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенял ее крылом.*

*Они счастливы, святы оба!
Довольно – ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою стопой.
Он вышел – сколько чувств раз-
личных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснятся – сколько дум
Меняет недовольный ум!
Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.
Погибнет: прежняя любовь
Не будет для нее оградой!*

*Свершилось! Он опять таков,
Каким явился меж рабов
Великому царю вселенной
В часы той битвы незабвенной,
Где на преступное чело
Проклятье вечное легло.*

Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня молодая,
Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя.
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночною мглой,
Час тайных встреч и наслажде-
ний
И незаметных преступлений,
Он к ней прокрадется туда,
Под сень обители уснувшей,
И там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей...
Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит,
И чудный страх ее объемлет.
Она, как смерть бледнея, внем-
лет.

Монахиня

Забуть волнение страстей
Я поклялась давно, ты знаешь;
К чему ж теперь меня смущаешь
Мольбою странною своей?
О, кто ты? – речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Незнакомец

Ты прекрасна!

Монахиня

Кто ты?

Незнакомец

*Я демон! – не страшись:
Святыни здешней не нарушу;
И о спасенье не молись.
Не искушать пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои.
Не отгоняй меня укором,
Не выжимай из груди стон:
Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Как степи ветер бесприютный.
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья:
Я любил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной*

*Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!*

Монахиня

*К чему мне знать твои печали?
Зачем ты жалуешься мне!
Ты виноват...*

Незнакомец

Против тебя ли?

Монахиня

Нас могут слышать.

Незнакомец

Мы одни.

Монахиня

А бог?

Незнакомец

*На нас не кинет взгляда,
Он занят небом, не землей.*

Монахиня

А наказанье, муки ада?

Незнакомец

Так что ж? Ты будешь там со
мною.
Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая;
Оставь сомнения свои;
И что такое жизнь святая
Перед минутою любви?
Моя бессменная подруга,
Ты будешь разделять со мной
Века бессмертного досуга
И власть над бедною землей,
Где носит всё печать презренья,
Где меж людей, с давнишних лет,
Ни настоящего мученья,
Ни счастья без обмана нет.
Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на меня роптать
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.

Монахиня

Оставь меня, о дух лукавый,
Оставь... не верю я врагу.
Творец... увы, я не могу
Молиться... тайною отравой
Мой ум слабеющий объят...
Но слушай, ты меня погубишь,

Твои слова огонь и яд,
Скажи, зачем меня ты любишь...

Незнакомец

Зачем, красавица? – увы,
Не знаю... Полон жизнью новой,
С своей преступной головы
Я гордо снял венец терновый.
Я всё бывшее бросил в прах;
Мой рай, мой ад в твоих очах;
Я проклял прежнюю беспечность;
С тобою розно мир и вечность
Пустые звучные слова,
Прекрасный храм – без божества.
Люблю тебя нездешней стра-
стью,
Как полюбить не можешь ты,
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты;
Люблю блаженством и страда-
нием,
Надеждою, воспоминаньем,
Всей роскошью души моей...
О, не страшись... но пожалей!..
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Прислужниц чудных и волшебных
Тебе, красавица, я дам;

И для тебя с звезды восточной
Сниму венец я золотой,
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью
И яркий перстень из агата
Надену на руку твою.
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я.
Чертоги светлые построю
Из бирюзы и янтаря...
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака
И дам тебе всё, всё земное,
Люби меня!..

И он слегка
Прижался страстными устами
К ее пылающим устам;
Тоской, угрозами, слезами
Он отвечал ее мольбам.
Она противиться не смела,
Слабела, таяла, горела
От неизвестного огня,
Как белый воск от взоров дня.
В то время сторож полуночный
Один, вокруг стены крутой,

Когда ударил час урочный,
Бродил с чугуною доской.
Но возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугуной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Невнятный крик и слабый стон...
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика.
«То не отшельницы моленье!»
Подумал он, и до замка
Уже коснулся... тихо снова!
Ни слов, ни шума не слышать...
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать...
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча, скорыми шагами
Свой прежний продолжает путь.

За час до солнечного восхода,
Еще высокий берег спал,
Вдруг зашумела непогода,
И океан забушевал;
И вместе с бурей и громами,

Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами
Зловещий колокола звон.
Не для молитвы призывали
Святых монахинь в тихий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В середине церкви гроб стоял,
Досками черными обитый,
И в том гробу мертвец лежал,
Холодным саваном увитый.
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют бледные черты;
Уста закрытые бесцветны,
И в сердце пылкой страсти яд
Сии глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Владели пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.
И нет тебя, молодая дева!..
Как злак потопленных полей,
Добыча ревности и гнева,
Ты вдруг увяла в цвете дней!..

Напрасно будет солнце юга
Играть приветно над тобой,
Напрасно будет дождь и вьюга
Реветь над плитой гробовой.
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнет;
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает.

С тех пор промчалось много лет,
Пустела древняя обитель,
И время, вечный разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен; и храм священный,
Добыча бури и дождей,
Стал молчалив, как мавзолей,
Умерших памятник надменный.
Из двери в дверь во мгле ночей
Блуждает ветер освобожденный.
Внутри, на ликах расписных
И на окладах золотых,
Большой паук, отшельник новый,
Кладет сетей своих основы.
Не раз, сбегав со скал крутых,
Сайгак иль серна, дочь свободы,
Приют от зимней непогоды
Искала в кельях. И порой
Забывтой утвари паденье
Среди развалины глухой

Их приводило в изумленье.
Но в наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно,
Что живо, то бессмертно стало,
Но время вживе удержало
Воспоминание одно.

И море пенится и злится,
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит.
Он вдался в море одиноко,
Над ним чернеет крест высокой.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью белоснежной,
Теснится у волны волна,
И слышен ропот их мятежный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.

Над тем крестом, над той ска-
лою,
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный,
И слезы молча утирал

Своей одеждою сапфирной,
И кудри мягкие, как лен,
С главы венчанной упали,
И крылья легкие, как сон,
За белыми плечьми сияли.
И был небесный свод над ним
Украшен радугой цветистой,
И волны с пеною серебристой
С каким-то трепетом живым
К скалам теснились вековым.
Всё было тихо. Взор унылый
На небо поднял ангел милый,
И с непонятною тоской
За душу грешницы молодой
Творцу молился он, и, мнилось,
Природа вместе с ним молилась.

Тогда над синей глубиной
Дух отверженья и порока
Без цели мчался с быстротой
Новорожденного потока.
Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел
Всё, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнул

*И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул.*

Два отрывка, вычеркнутые Лермонтовым из V редакции «Демона»

После стиха «Сверкая пеною валов»:

*О море, море! Как прекрасны
В блестящий день и в день
ненастный
Его и рев и тишина!
Покрыта белыми кудрями,
Как серебром и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слуг окружена;
И как царица молодая
Течет одна между рабов,
Их скромных просьб, их нежных
слов
Не слушая, не понимая.
Как я люблю с давнишних пор
Следить их буйные движенья
И толковать их разговор,
Живой и полный выраженья.
Люблю упорный этот бой
С суровым небом и землей.
Люблю беспечность их свободы,
Цепей не знавшей никогда,*

*Их бесконечные походы
Бог весть откуда и куда.
И в час заката молчаливый
Их раззолоченные гривы,
И бесполезный этот шум,
И эту жизнь без дел и дум,
Без гроба и без колыбели,
Без мук, без счастья, без цели.*

После стиха «Всё разом отразилось в нём»:

*К чему? – одной минутой рая
Не оживет душа пустая!..
Бессильно светлый луч зари
На темной туче не гори:
Тебе ведь с ней не подружиться
Ей ждать нельзя, она умчится,
Она громовую стрелой
Затмит покров твой золотой!*

Отрывок из копии Р. В. Зотова (Промежуточной между V и ереванской редакцией)

*После стихов «Вослед за веком век бежал, //
Как за минутою минута, // Однообразной чередой»:*

*Над утомленную землей
Обломки старых поколений*

Сменялись новою толпой
Живых заботливых творений;
Но тщетны были для детей
Отцов и праотцов уроки –
У переменчивых людей
Не изменилися пороки:
Всё так же громкие слова,
Храня старинные права,
Умы безумцев волновали;
Всё те же мелкие печали
Ничтожных жителей земных
Смешным казались подражаньем
Иным, возвышенным страда-
ньям,
Не предназначенным для них.

**Отрывки из ереванского списка[126]
Первая половина 1838 г.
Посвящение**

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небреж-
ный,
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере – в стране тебе чужой –
Я сердцем твой, всегда и всюду

твой

Еще ребенком робкими шагами.
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников Аллы.
Там ветер машет вольными кры-
лами,
Там ночевать слетаются орлы,
Я в гости к ним летал мечтой по-
слушной
И сердцем был – товарищ их воз-
душный

*С тех пор прошло тяжелых мно-
го лет,
И вновь меня меж скал своих ты
встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и све-
тел.
Он пролил в грудь мою забвенья
бед,
И дружно я на дружний зов отве-
тил;
И ныне здесь, в полуночном краю,
Все о тебе мечтаю и пою.[127]*

Часть первая

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой:
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, светлый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним;
Когда сквозь вечные туманы
Он стройным хором возводил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил;
Счастливый первенец творенья
Не знал ни страха, ни сомненья,
И не грозил душе его
Веков бесплодных ряд унылый,
И много, много, и всего
Припомнить не имел он силы! –
С тех пор, отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта;
Во след за веком век бежал,
Как за минутою минута
Однообразной чередой;

Над утомленною землей

Обломки старых поколений
Сменялись новою толпой
Живых заботливых творений;
Но тщетны были для детей
Отцов и праотцов уроки –
У переменчивых людей
Не изменилися пороки:
Всё так же громкие слова,
Храня старинные права,
Умы безумцев волновали;
Всё те же мелкие печали
Ничтожных жителей земных
Смешным казались подражаньем
Иным, возвышенным страда-
ньям,
Не предназначенным для них.

.....

И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной –
В ладони мерно ударяя
Запели все – одной рукой
Кружа его над головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла мир земной.
Ее узорною повязкой
Играет ветер; как волна,

Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста бледнеют и дрожат,
И жадной страсти полон взгляд –
Как страсть, палящий и глубо-
кой.

Клянусь полночною звездой,
Лучем Заката и Востока,
Властитель Персии златой
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей алмазною росой
Не омывал подобный стан;
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор, как мир лишен был рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем Юга не цвела!..

И Демон видел... на мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук...
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..

В уме холодном и печальном.
Воскресли мертвые мечты
О прежних днях, о рае дальном

*Он подойти хотел – не мог.
Забыть? – забыться не дал бог!*

*Тогда исполненный досады
На этот миг живой отрады,
Быть может, посланный твор-
цом –
Как бы страшася искушенья –
Дух отрицанья и сомненья
Закрыл глаза свои крылом.*

Что пользы? Рано или поздно.
Она моя! – сказал он грозно

.....

Вместо монолога Демона «На воздушном
Океане...» следует другой текст:

Взгляни на свод небес широкий:
Там беззаботно, как всегда,
Блуждают в синеве высокой
Светил свободные стада;
О скалы хладные цепляясь,
Всё так же бродят облака, –

На них роскошно колебаясь,
То развиваясь, то свиваясь,
Как будто перья шишака, –
И, пляской заняты воздушной,
На землю смотрят равнодушно:
На них, красавица, взгляни,
Будь равнодушна, как они

Часть вторая

*«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы? –
Уже не первые они.
Не буду я ничьей женою;
Скажи моим ты женихам –
Супруг мой взят сырой землею,
Другому сердца не отдам.*

С тех пор – ты помнишь – труп
кровавый.
К нам верный конь его примчал,
С тех пор какой-то дух лукавый
Мой ум волшебною отравой
Незримой цепью оковал

*В тиши ночной меня тревожит
Толпа печальных, странных снов:
Молиться днем душа не может,*

Мысль далека от звука слов;
Огонь по жилам пробегает;
Я сохну, вяну день от дня.
Отец! Душа моя страдает;
Отец мой! Пощади меня! –

Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою –
Там защитит меня Спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осень,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня».
И в монастырь уединенный
Ее родные увезли;
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчей,
Все беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч
В часы божественного пенья
Знакомая, среди моленья
Ей часто слышалася речь.
Под кровом сумрачного храма
Знакомый образ иногда

Скользил без звука и следа
[В тумане легком фимиама:]
Он так смотрел, он так манил,
Он, мнилось, так несчастлив был.

.....

Утомлена борьбой ужасной
Склонится ли на ложе сна –
Подушка жжет; ей душно,
страшно,
И вся, вскочив, дрожит она.

Тогда рукою беспокойной.
Вдоль по струнам чонгуры строй-
ной
Нетерпеливо пробежит.
И звучной песнею старинной
Молчанье келии пустынной
Как бы волшебством оживит.
И перед ней былие годы,
Лета ребяческой свободы
Толпою ласковой встают,
И улыбаются, зовут...
И вновь кругом мелькают тени,
И замолчав, сидит она,
Как бы одно их тех видений
И неподвижна и бледна..

.....

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел:
Привычке сладостной послушный
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить – и была минута
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокий.
Задумчив у стены высокой
Он бродит, от его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: в ее окно
Лампады луч, краснея, блещет;
Кого-то ждет она давно.
И вот, средь общего молчанья
Чонгуры стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно, друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена.
Не Ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел, –
Сюда украдкою слетел

И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученья?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться;
Его крыло не шевелится,
И чудо! Из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле башни той
Насквозь прожженный виден ка-
мень
Слезую, жаркою как пламень,
Нечеловеческой слезой.

И входит он – любить готовый
С душой, открытой для добра;
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.

Но кратко было заблужденье!
Глядит, Тамара перед ним
Мила, как первый херувим,
Как первая звезда творенья...
Но горе! Юная княжна
В светлице тихой не одна:
Посланник рая – Ангел нежный
В одежде длинной, белоснежной,
Стоит с блистающим челом

Перед грузинкою прекрасной

*И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.*

*И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета,
Раздался тягостный укор.*

.....

*Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.*

*Стучало сердце в ней, как молот;
По слабым членам смерти холод
Промчался гибельной струей,
И стон последнего страданья
За звуком первого лобзанья
В груди раздался молодой...*

*В то время сторож полуночный
Один вокруг стены крутой,
Когда ударил час урочный
Бродил с чугуною доской.
И под окошком девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугуной,*

Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось – слышал он,
Двух уст согласное лобзанье,
Чуть внятный крик, и слабый
стон,
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика;
Но пронеслось еще мгновенье
И смолкло все; издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб навожденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь...

Как Пери спящая, мила
Она в гробу своем лежала;
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...

Но кто б, взглянувши, не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы? –
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет, смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

И все, где пылкой жизни сила
Так внятно чувствам говорила,
Теперь один ничтожный прах:
Улыбка страстная застыла,
Едва мелькнувши, на устах;
Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той.
Что в ней? – насмешка ль над
судьбой?
Непобедимое ль сомненье?
Иль к жизни хладное презренье?
Иль с небом гордая вражда?
– Как знать? – Для света навсегда
Утрачено ее значенье!
Оно невольно манит взор,
Как древней надписи узор,
Где может быть под буквой

странной
Таится повесть прежних лет,
Символ премудрости туманной –
Глубоких дум забытый след.
И долго бедной жертвы тленья
Не трогал Ангел разрушенья:

И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор – чуждый выраже-
нья,
Лишенный чувства и ума,
Таинственный, как смерть сама.

Спи непробудно, ангел милый; –
Да воцарится тишина
Над девственной твоей могилой!
И мир душе твоей унылой
Где б ни носилась она.
Земля недолго обладала
Твоей небесной красотой;
Но больше многих ты страдала,
Любила более иной.
Твой жребий было исключенье

Твоя душа была из тех,
Которых жизнь одно мгновенье
Невыносимого мученья,

*Недосягаемых утех.
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их –
Они не созданы для мира
И мир был создан не для них.*

Далее, начиная со слов «Уж собрались в последний путь», текст полностью совпадает с VI редакцией (см. стр. 519–522, до «Посвящения»).

Демон, 1838

VI

Демон

1838 года

сентября 8 дня

Часть I-я

*Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим;
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним;
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил*

Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни страха, ни сомненья,
И не грозил душе его
Веков бесплодных ряд унылый;
И много, много – и всего
Припомнить не имел он силы!

С тех пор отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта.
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья –
И зло наскучило ему!

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял;
И, глубоко внизу чернея,

Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял;
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел – и хищный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы

–
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели;

Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегающие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом;
Ущелья, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений;
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи;
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил:
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил;
Трудов и слез он много стоил
Рабам, послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени;
В скале нарублены ступени,
Они от башни угловой
Ведут к реке; по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой,[128]
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом:
Но пир большой сегодня в нем,
Звучит зурна,[129] и льются
вины!
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг.
Средь игр и песен их досуг
Проходит; дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг.

И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной;

В ладони мерно ударяя,
Запели все, – одной рукой
Кружа его над головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла мир земной;
Ее узорною повязкой
Играет ветер; как волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста бледнеют и дрожат,
И жадной страсти полон взгляд,
Как страсть, палящий и глубо-
кой!

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока!
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей алмазною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор, как мир лишен был рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела!..

В последний раз она плясала.
Увы! Заутра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто грустное сомненье
Темнило светлые черты;
Но были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны чудной простоты,
Что если б враг небес и рая
В то время на нее взглянул,
То, прежних братьий вспоминая,
Он отвернулся б и вздохнул.

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук;
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!
И долго сладостной картиной
Он любовался; и мечты
О прошлом счастье цепью длин-
ной,

Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой думой стал знаком,
В нем чувство вдруг заговорило
Родным, понятным языком.
То был ли признак возрожденья?..
Он подойти хотел – не мог!
Забуть? – Забвенья не дал бог –
Да он и не взял бы забвенья!

На брачный пир к закату дня,
Измучив доброго коня,
Спешил жених нетерпеливый;
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван;
Ремнем затянут стройный стан,
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами

Его чухи,[130] – кругом она
Вся галуном обведена.
Цветными вышито шелками
Его седло, узда с кистями.
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти золотой;
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный:
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман;
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почит в боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на бит-
ву,
Куда бы путник не спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил,
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала;

Но презрел молодой жених
Обычай прадедов своих;
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмушал;
Он, в мыслях, под ночную тьмою
Уста невесты целовал!
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше – выстрел! Что такое?
Привстав на звонких стременах,
Надвинув на брови папах, [131]
Отважный князь не молвил сло-
ва;
В руке сверкнул турецкий ствол.
Нагайка щелк! И, как орел,
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчался в тишине долины!
Недолго продолжался бой,
Бежали робкие грузины.

И стихло всё. Теснясь толпой,
Верблюды с ужасом смотрели
На трупы всадников: порой
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван,
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица.
Не ждет их мирная гробница

Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт.
Не придут сестры с матерями,
Покрыты белыми чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги над скалою
На память водрузится крест,
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Порой усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет.

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется, будто к брани,
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая,
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливый:
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.

Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун надежный господина
Из боя вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный?
Кто бледный всадник у ворот?
Недолго жениха молодого,
Невеста, взор твой ожидал.
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал;
Увы! Но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого.

На беззаботную семью,
Как гром, слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:

«Не плачь, дитя! Не плачь напрасно!

*Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет;
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет.
Он далеко; он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой.*

*«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неувимых
Волокнистые стада;*

Час разлуки, час свиданья –
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они.

«Лишь только ночь своим покровом
Долины ваши осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит,
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травую,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей,
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью,
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет,
К тебе я стану прилетать!
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы

Сны золотые навевать...»

Слова умолкли. В отдаленье
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг;
Невыразимое смятенье
В ее груди: печаль, испуг,
Восторга пыл – ничто в сравне-
нье!
Все чувства в ней кипели вдруг,
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробежал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, всё еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил,
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.

*То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный –
Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!*

Часть II-я

*«Отец, отец! Оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу, – видишь эти слезы, –
Уже не первые они!
Не буду я ничьей женою,
Скажи моим ты женихам;
Супруг мой взят сырой землею,
Другому сердца не отдам.
С тех пор как труп его кровавый
Мы схоронили под горой,
Меня тревожит дух лукавый
Неотразимую мечтой.
В тиши ночной меня тревожит
Толпа печальных, странных снов;
Молиться днем душа не может:
Мысль далеко от звука слов!
Огонь по жилам пробегает,
Я сохну, вяну день от дня.
Отец! Душа моя страдает,
Отец мой, пощади меня!
Отдай в священную обитель*

Дочь безрассудную свою,
Там защитит меня Спаситель.
Пред ним тоску мою пролью;
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня».

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Всё беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы божественного пенья,
Знакомая среди моленья
Ей часто слышалася речь;
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама:
Он так смотрел! Он так манил!
Он, мнилось, так несчастлив
был!

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой:
Чинар и тополей рядами
Он окружен был, и порой,
Когда ложилась ночь в ущелье,
Сквозь них мерцала в окнах кельи
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени деревьев миндальных,
Где ряд стоит крестов печаль-
ных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц,
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной
И, под нависшею скалой
Сливаясь дружески в ущелье,
Катились дале меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,

Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались;
А в час заката одевались
Они румяной пеленой.
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

Но Демон огненным дыханьем
Тамары душу запятнал,
И божий мир своим блистаньем
Восторга в ней не пробуждал.
Страсть безотчетная как тенью
Жизнь осенила перед ней;
И стало всё предлог мученью,
И утра луч и мрак ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумье упадет
И плачет, и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье,

Сквозь шум далекого ручья
И трель живую соловья.
Бывало, разбросав на плечи
Волну кудрей своих, она
Стоит без мысли, холодна, –
И странные лепечут речи
Ее дрожащие уста;
И грудь желание волнует,
И чудный призрак всё рисует
Пред нею в сумраке мечта.
Утомлена борьбой всегдашней
Склонится ли на ложе сна –
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она.

.....

.....

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел;
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел;
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой

Он бродит. От его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно
Озарено лампадой блещет:
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингуры[132] стройное бряцанье
И звуки песни раздались.
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом:
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена.
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкой слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз.
Он хочет в страхе удалиться –
Его крыло не шевелится!
И чудо! Из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден ка-
мень
Слезой жаркою, как пламень,

Нечеловеческой селезой.

*И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра;
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.*

*Неясный трепет ожидания,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит – перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор.*

*«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полноч-
ной?»*

*Твоих поклонников здесь нет.
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне*

Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?» Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся,
Зарделся ревностью взгляд,
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«Она моя, – сказал он грозно, –
Оставь ее, она моя;
Отныне жить нельзя нам розно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!..»
И ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.

.....

Тамара

О! Кто ты? Речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?

Демон

Ты прекрасна.

Тамара

Но молви! Кто ж ты? Отвечай...

Демон

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветет,
Я тот, кого никто не любит
И всё живущее клянет;
Ничто пространство мне и годы,
Я бич рабов моих земных,
Я враг небес, я зло природы, –
И, видишь, я у ног твоих.
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои;
О, выслушай, из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! Только выслушай, молю;
Я раб твой, я тебя люблю!

Когда я в первый раз увидел
Твой чудный, твой волшебный
взор,
Я тайно вдруг возненавидел
Мою свободу, как позор.
Своею властью недовольный,
Я позавидовал невольно
Неполным радостям людей;
В бескровном сердце луч неждан-
ный
Опять затеплился живеи,
И грусть на дне старинной раны
Вдруг шевельнулась, как змей.
Что без тебя теперь мне веч-
ность,
Моих владений бесконечность?
Пустые, звучные слова;
Обширный храм – без божества!

Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу!
Творец – увы! Я не могу
Молиться; тайною отравой
Мой ум слабеющий объят.
Послушай, ты меня погубишь!
Твои слова – огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь?

Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я всё бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней стра-
стью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты!
В душе моей с начала мира
Твой образ был напечатлён;
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно, тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало –
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало!
О! Если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века, без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать
Ни за добро вознагражденья!
Жить для себя, сучать собой,
И этой долгою борьбой

Без торжества, без примиренья;
Всегда жалеть – и не желать;
Всё знать, всё чувствовать, всё
видеть;
Стараться всё возненавидеть –
И всё на свете презирать!

Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство,
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно:
Они текли в венцах из золота!
Но что же? Прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы, я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался – но куда? Зачем?
Не знаю – прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем:
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья

Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
Как часто на вершине льдистой,
Один меж небом и землей,
Под кровом радуги огнистой
Сидел я мрачный и немой,
И белогривые метели,
Как львы, у ног моих ревели;
Как часто, подымая прах,
В борьбе с могучим ураганом,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятеж-
ной
Сердечный ропот заглушить,
Спастись от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лише-
ний,
Трудов и бед толпы людской,
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной

Моих непризнанных мучений?
Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут –
Надежда есть, – ждет правый
суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень,
–
Мечтаний прежних и страстей
Несокрушимый мавзолей!

Тамара

Зачем мне знать твои печали?
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать!..

Демон

Мы одни.

Тамара

А бог?

Демон

*На нас не кинет взгляда;
Он занят небом – не землей!*

Тамара

А наказанье – муки ада?

Демон

*Так что ж? Ты будешь там со
мною.
Мы, дети вольные эфира,
Тебя возьмем в свои края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга вечная моя.
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты;
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только
жить,*

Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.

Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, –
Но дни бегут и стынет кровь.
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
И пусть другие б утешались
Ничтожным жребием своим:
Их думы неба не касались,
Мир лучший недоступен им.
Но ты, прекрасное созданье,
Не в жертву им обречена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина.
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе;
Пучину гордого познанья
Взамен открою я тебе.
О! Верь мне! Я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,

И вечность дам тебе за миг:
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик!
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой.
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою.
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря.
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное –
Люби меня!

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам,
И лести сладкими речами

Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи;
Он жег ее; во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! Злой дух торжествовал...
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно кровь ее проник;
Мучительный, но слабый крик
Ночное возмущил молчанье.
В нем было всё: любовь, страда-
нье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье –
Прощанье с жизнью молодой!..

В то время сторож полуночный
Один вокруг стены крутой,
Когда ударил час урочный,
Бродил с чугуною доской;
И под окошком девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугуною,
Смутясь душой, остановил;
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Чуть внятный крик и слабый

стон.

И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика;
Но пронеслось еще мгновенье,
И смолкло всё. Издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча, скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

.....

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала.
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы –
Но кто б взглянувши не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя иль денницы?

Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали –
Нет, смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!
И всё, где пылкой жизни сила
Так внятно чувствам говорила,
Теперь один ничтожный прах;
Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши на устах;
Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той:
Что в ней? Насмешка ль над судь-
бой,
Непобедимое ль сомненье?
Иль к жизни хладное презренье?
Иль с небом гордая вражда?
Как знать? Для света навсегда
Утрачено ее значенье!
Она невольно манит взор,
Как древней надписи узор,
Где, может быть, под буквой
странной
Таится повесть прежних лет,
Символ премудрости туманной,
Глубоких дум забытый след.
И долго бедной жертвы тленья

Не трогал ангел разрушенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама!

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд:
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею...

Уж собрались в печальный путь
Друзья, соседи и родные.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня –
И поезд двинулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.

Один из праотцев Гудала,

Грабитель путников и сёл,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там.
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам,
Как будто ближе к небесам
Теплей последнее жилище!

Едва на жесткую постель
Тамару с пеньем опустили,
Вдруг тучи гору обложили,
И разыгралась метель;
И громче хищного шакала
Она завывала в небесах
И белым прахом заметала
Недавно вверенный ей прах.
И только за скалой соседней
Утих моленья звук последний,
Последний шум людских шагов,

Сквозь дымку серых облаков
Спустился ангел легкокрылый
И над покинутой могилой
Приник с усердною мольбой
За душу грешницы молодой.
И в то же время царь порока
Туда примчался с быстротой
В снегах рожденного потока.
Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел
Всё, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолв-
ный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.

Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет,
И голосов нестройный гул
Теряется; и караваны
Идут гремя издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река;
И жизнью вечно молодой,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы;
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы:
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет,
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца;
То вдруг совется в три кольца,

То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забывтый в поле грозных сеч,
Ненужный падшему герою...
Всё дико. Нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала...
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!
И там, где кости их истлели,
На рубеже зубчатых льдов,
Гуляют ныне лишь метели
Да стаи вольных облаков;
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Посвящение

Я кончил – и в груди невольное со-
мнение!
Займет ли вновь тебя давно зна-
комый звук,
Стихов неведомых задумчивое пе-
нье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный
друг?

Пробудится ль в тебе о прошлом
сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную
тетрадь,
Ты только мертвого, пустого
одобренья
Наложешь на нее холодную пе-
чать;

И не узнаешь здесь простого выра-
женья
Тоски, мой бедный ум томившей
столько лет;
И примешь за игру иль сон вообра-
женья
Больной души тяжелый бред...

Примечания

Поэмы М. Ю. Лермонтова

В литературном наследии Лермонтова поэмам принадлежит особое место. За двенадцать лет творческой жизни он написал полностью или частично (если считать незавершенные замыслы) около тридцати поэм, – интенсивность, кажется, беспрецедентная в истории русской литературы. Он сумел продолжить и утвердить художественные открытия Пушкина и во многом предопределил дальнейшие судьбы этого жанра в русской поэзии. Поэмы Лермонтова явились высшей точкой развития русской романтической поэмы после пушкинского периода.

Уже первая дошедшая до нас рукописная тетрадь Лермонтова, датированная 1827 годом, содержит переписанные его рукой «Бахчисарайский фонтан» Пушкина и «Шильонского узника» Байрона в переводе Жуковского. Это существенно. Допансионское литературное воспитание мальчика Лермонтова

проходит под знаком русской «байронической поэмы» в ее наиболее высоких образцах, – и устойчивый интерес к ней сохраняется у него при всех последующих литературных увлечениях и в мало благоприятствующей литературной среде: ни С. Е. Раич, ни А. Ф. Мерзляков, его первые учителя в пансионе, ни эстетики «Московского вестника», которых Лермонтов внимательно читал, не сочувствовали русскому байронизму. Выбирая ориентиром «южные поэмы» Пушкина, декабристскую поэму Рылеева и Бестужева-Марлинского, «Чернеца» И. И. Козлова, юноша Лермонтов уже тем самым определял свою литературную позицию.

Лермонтов начинает с прямого подражания «Кавказскому пленнику» – едва ли не самой популярной из пушкинских «южных поэм», ближайшим образом связанной с элегическим творчеством Пушкина и с русской элегической традицией в целом. Именно эта поэма утвердила в истории жанра тип разочарованного героя, обремененного тяжким душевным опытом, охладевшего к любви и жизненным радостям. Вместе с тем элегиче-

ский герой «Кавказского пленника» был повернут к читателю своей общественной ипостасью: в «изгнаннике добровольном», не приемлющем современного ему русского общественного быта, безошибочно узнавались черты молодого человека, захваченного преддекабристскими веяниями. Поэтому ключевые формулы-характеристики из «Кавказского пленника» столь часты у Лермонтова, когда речь заходит о бунтарях против существующего порядка вещей, – вплоть до Демона.

Элегическая традиция, которой ранний Лермонтов отдал некоторую дань, ставила особый акцент на изображении внутреннего мира героя. В разной мере она сказалась на построении характеров лермонтовского «кавказского пленника», «корсара» («Корсар»), Вадима («Последний сын вольности») и даже Измаил-Бея. Едва ли не высшим достижением раннего Лермонтова в области «элегической поэмы» была поэма «Джюлио» (1830), с ее психологизированным пейзажем, лирическими отступлениями, ослабленным внешним сюжетом; эта поэма вобрала в себя ряд мотивов лирики 1829–1830-х гг. и по многим своим

особенностям, вплоть до стиха (пятистопный ямб с парной мужской рифмовкой), оказалась близка к «отрывкам» – философским медитациям Лермонтова, относящимся к тому же времени. Некоторые фрагменты ее почти без изменений вошли в одно из центральных стихотворений ранней лермонтовской лирики – «1831-го июня 11 дня».

Элегия, таким образом, обогащала ранние лермонтовские поэмы, – но не она определяла их господствующий тон. Уже в ранних поэмах Лермонтов ищет обостренных ситуаций и экстраординарных характеров, ориентируясь на поэтику и проблематику восточных поэм Байрона. Уже в подражательном «Кавказском пленнике» он принципиально видоизменяет конфликт пушкинской поэмы: его не удовлетворяет та самая прозаизированная концовка, которая, согласно пушкинскому замыслу, наилучшим образом раскрывала характер «разочарованного» героя. Лермонтов вводит осложняющий и «романтизирующий» мотив: убийство пленника отцом черкешенки, на которого ложится вина за самоубийство дочери и тяжесть последующего раска-

нения. Самый мотив был заимствован им из «Абидосской невесты» Байрона. Все это вполне соответствовало той общей тенденции к повышению лирической экспрессивности, которая характеризовала русскую «байроническую поэму» 1830-х гг.

Центральное место в развитых образцах такой поэмы принадлежало «герою-преступнику», изгоя, находящемуся в состоянии войны с обществом и нарушающему все его этические законы. Он – жертва общества и мститель ему, и потому вина его осмысляется как трагическая вина. Преступление, тяготеющее над ним, выходит за рамки обычного злодейства: это инцест (как в «Преступнике», 1829), убийство кровных близких (в том же «Преступнике», в «Двух братьях», в «Ауле Бастунджи» и др.), – но столь же беспредельны его любовь и страдание. Романтическая концепция любви создает свою шкалу этических ценностей, в которой любовь эквивалентна жизни, а измена – смерти, – и потому герои романтических поэм Лермонтова предстают современному читателю как буквально испепеляемые страстью: с крушением любви на-

ступают обычно конец их физического существования. Две эти темы у Лермонтова нередко соседствуют; – причем не только в лирических циклах 1830–1831 гг., но и в более позднее время: достаточно вспомнить «Дары Терекка», «Тамару» или «Любовь мертвеца», где любовь оказывается силой, преодолевающей самую смерть. Любовь байронического героя единична и неповторима; ей неведомы ни эволюция, ни психологические перипетии; она – единственный возможный выход из полного и абсолютного одиночества героя-изгоя, причем выход иллюзорный, приводящий к трагедии.

Предельное обобщение подобного героя и конфликта мы находим в «астральных» поэмах Лермонтова, – в «Ангеле смерти», «Азраиле», в ранних редакциях «Демона», где и вина и одиночество героя принимают вселенские, космические масштабы.

В отличие от элегического героя байронический герой не столько размышляет и анализирует, сколько чувствует и действует; образ его раскрывается в драматических сюжетных перипетиях. Эмоционально-лирическая

стихия пронизывает лермонтовские поэмы. Напряженное развитие поэтической мысли, стремительность действия, которому предшествует краткая экспозиция, «вершинность» композиции – сосредоточенность действия вокруг нескольких драматических ситуаций, сюжетные эллипсисы, создающие общую атмосферу тайны, обилие развернутых монологов-исповедей и, с другой стороны, диалогов, состоящих из кратких, быстрых, отрывочных реплик, – все это характерные черты романтической поэмы Лермонтова, сохраняющиеся на протяжении 1829–1836 гг. и даже позднее. Вместе с тем эпический элемент из поэм Лермонтова не исчезает, более того, с течением времени он увеличивает свой удельный вес. В этом структурное отличие поэм Лермонтова от исходных байроновских образцов, – отличие, свойственное и пушкинским байроническим поэмам.

Это эпическое начало по-разному сказывается в различных тематических группах лермонтовских поэм. Такие группы можно наметить уже в ранних поэмах. Одна из них – «кавказские поэмы» – «Каллы́», «Измаил-Бей»,

«Аул Бастунджи», «Хаджи-Абрек». Другая связана с русским (редко – западноевропейским) средневековьем: «Олег», «Последний сын вольности», «Исповедь», «Литвинка», «Боярин Орша». Различия между ними отнюдь не только тематические; они охватывают и проблематику, и поэтику. «Кавказские поэмы» – вариант романтической ориентальной поэмы. В них повествовательный элемент особенно силен; в рассказ свободно входят экзотические пейзажные описания, быт, этнография, фольклор. Здесь обрисовывается специфический национальный характер, – характер «естественный», не связанный законами европейской цивилизации и потому свободный в проявлениях своих чувств. С другой стороны, Лермонтов стремится мотивировать его традициями и обычаями, среди которых не последнее место занимает обычай кровной мести; изгой, мститель получает таким образом некую социально-бытовую среду. Исторические поэмы – несколько иного характера. Их можно было бы (за единичными исключениями) назвать «северными» поэмами. Для них характерен эмоционально-символи-

ческий «северный» пейзаж, подготовленный оссианической поэзией, сюжетная однолинейность, «вершинность», отсутствие лирических отступлений. Они в большей степени, нежели «кавказские поэмы», зависят от байронических образцов, – на это, между прочим, указывает и их стих: почти все они написаны типичным для байронической поэмы четырехстопным ямбом со сплошными мужскими рифмами.

Их центральный герой отнюдь не «естественный человек», напротив: это характер сумрачный и сдержанный, раздираемый скрытыми страстями, как Арсений в «Литвинке» или боярин Орша. Черты национально-культурной специфичности в этом герое не столь подчеркнуты, как в «кавказских» героях, – но некий абрис их все же прочерчивается: это тип «сурового славянина», тип «северный», а не «южный». В декабристской литературе, постоянно обращавшейся к истории Древней Руси как очагу народной свободы, он мог становиться представителем национального характера, – так происходит и у Лермонтова в «Последнем сыне вольности», поэме,

возникающей на фоне лермонтовских стихов о древнерусской вольности («Новгород» и др.); как поэма, так и стихи явно отмечены воздействием декабристской гражданской поэзии. Ей принадлежит и сам герой – Вадим Новгородский, легендарный тираноборец, имя которого стало в литературе почти нарицательным.

В пределах обеих этих групп совершается эволюция тем, характеров и самого метода. В «Измаил-Бее» Лермонтов ставит в центре повествования сложный характер «европеизированного горца»; самый фон рассказа перестает быть только фоном: в лирических отступлениях возникают психологический экскурс, бытовая сцена, а иной раз социально-философское рассуждение. Все это разрушает типовую структуру лирической поэмы, где все элементы жестко подчинены выявлению драматической судьбы героя. Еще более интенсивно эволюционирует группа «исторических поэм». В ней нарастают черты национальной и культурно-исторической определенности характеров.

Говоря о лермонтовской эволюции, мы

должны иметь в виду одну ее особенность, которая касается прежде всего поэм. Из поэмы в поэму у Лермонтова переходят типы, ситуации и даже фрагменты текста. Это явление иногда называют «самоповторениями», но это не самоповторения, а движение замысла: Лермонтов как бы пользуется ранее написанным как черновым материалом. Так, ранняя «Исповедь» содержит зерно поэмы «Мцыри», стихи из «Джюлио» переходят в «Литвинку», целые куски из «Литвинки» и самое имя героя (Арсений) – в «Боярина Оршу», фрагменты из «Орши» – в «Мцыри». Из всех этих поэм сам Лермонтов печатает только «Мцыри», который как бы завершает эволюцию ряда тем раннего творчества поэта. Переходным же этапом от «раннего» к «зрелому» Лермонтову оказывается «Боярин Орша».

На примере «Орши» ясно видно, как видоизменяется у Лермонтова «байроническая поэма». И характеры, и самые ситуации сохраняют здесь генетическую связь с поэмами Байрона; так, заключительная сцена боя находит прямое соответствие в «Гяуре». Но характерное для поэм Байрона единодержавие

героя в «Орше» уже поколеблено. В поэме два героя, равных друг другу не только по силе характера, но и по силе страдания, а следовательно, по концепции Лермонтова, этически равноценных. Они носители двух противоположных «правд», – но если для Арсения (как типично байронического героя) на первом месте – «правда» индивидуального чувства, то Оршей движет «правда» закона, традиции, обычая, – этический кодекс русского боярина XVI в. Эти ценности соизмеримы; они могут корректировать друг друга. Такое открытие меняло не только концепцию лирической поэмы с непременным героем-индивидуалистом, но и всю ее структуру: герой-протагонист и герой-антагонист, делящие между собою авторское внимание, должны были быть объективированы. Так возникает «Песня про царя Ивана Васильевича...», по своей проблематике прямо связанная с «Боярином Оршей». Русский фольклор явился в ней средством объективирования героев, и в древнерусском «невольнике чести» – Калашникове, защищающем общие для человека его времени понятия о чести, «законе господнем», семейных

устоях, мы лишь с трудом узнаем черты его прообраза – боярина Орши, равно как в Кирибеевиче – черты Арсения, исповедующего культ индивидуальной храбрости, удали и страсти. Герой-антагонист выдвинулся здесь на передний план; ему отдано авторское сочувствие.

Это был существеннейший момент в поэтической эволюции Лермонтова, который мы могли бы определить как кризис романтического индивидуализма, – отнюдь не сводимый, конечно, к его «разоблачению». Личность предстает Лермонтову в последний период его творчества в совокупности своих социальных и исторических связей и в соотношении с другими личностями; все вместе дает некую социальную меру поведения героя. Эта общая концепция сказывается во всем зрелом творчестве Лермонтова – в переоценке проблемы «поэт и толпа» в «Не верь себе» и «Журналисте, читателе и писателе», и в оценке современного поколения в «Думе», получая законченное воплощение в «Герое нашего времени». Она прямо отражается и в поздних редакциях «Демона».

Замысел «Демона» возник у Лермонтова еще в 1829 г., в период поэтического ученичества, – и уже тогда определился основной конфликт поэмы, сохранившийся в общем виде до последней редакции: падший ангел, несущий на себе бремя вселенского проклятия, влюбляется в смертную, ища перерождения в любви. Но его избранница, монахиня, любит ангела, – и чувство любви и надежда на возрождение уступают в Демоне ненависти и желанию мстить. Он обольщает и губит монахиню и торжествует над соперником. На протяжении 1829–1831 гг. Лермонтов создает или намечает четыре редакции поэмы и пробует одновременно варьировать близкую тему в «Азраиле» и «Ангеле смерти». Затем в работе наступает перерыв; в 1833–1834 гг. Лермонтов вновь возвращается к этому замыслу, создавая пятую редакцию, и вновь оставляет его уже до 1838 г. Проблематика поэмы, очевидно, не складывалась в единое целое; любовный эпизод приходил в резкое противоречие с глобальным конфликтом и с мистериальным характером разработки темы.

Углубленной разработке Лермонтов под-

верг несколько мест поэмы. Одно из них – описание зарождающейся любви и последующий переход от страсти к ненависти. Второе – «соблазняющий» монолог, в котором все более проступали ноты отрицания существующего миропорядка. Чрезвычайно интересно, что этот монолог, вложенный в уста соблазнителя, приобрел автономный характер и вместе с другими монологами Демона определил общий эмоциональный строй и богоборческий пафос поэмы. В инвективах, адресованных порочному миру, голос героя начал сливаться с голосом автора. Тем самым конфликт поэмы возводился на новый уровень и в общефилософском, и в психологическом плане: «падение» Тамары окончательно теряло бытовые черты. Так воспринимали «Демона» уже первые его читатели: М. П. Соломирская, известная петербургская красавица, признавалась Лермонтову, что клятвы Демона производят на нее неотразимое впечатление и что она «могла бы полюбить такое могучее, властное и гордое существо».

Наконец – едва ли не самое важное – Лермонтов углубляет образ героини, который все

более материализуется от редакции к редакции и меняется в своей основной концепции: вначале inferнальная грешница, которой Демон сумел внушить экстатическую страсть, она в V редакции получает более разработанную биографию, в которой зарождение любви к искусителю становится особой темой. В первой «кавказской» редакции образ ее уже сложился в главных чертах; в окончательной редакции фигура Тамары становится носителем той философско-этической проблематики, которая делает ее эквивалентной Демону. Теперь мотив любви ее к ангелу остается как реликт, и в самом «грехопадении» Тамары открывается высший смысл. Она наделена той полнотой переживаний, которая исчезла в современном мире: способностью к самоотверженной любви и к искупительному жертвенному страданию, которые ставят личность почти на грань святости (именно эта концепция образа закрепляется монологом ангела, введенным впервые в окончательную редакцию). Демон ранних редакций, отомстив возлюбленной, был наказан безысходным и потому усугубленным одиночеством; Демон по-

следней редакции не только наказан, но и побежден в самый момент своей мнимой победы, ибо возвысил свою жертву над собой самим. Этот последний этап эволюции замысла был связан с той общей переоценкой индивидуалистической идеи, которая охватывает творчество Лермонтова в конце 1830-х гг.

Уже в конце 1839 – начале 1840 г. Лермонтов, по-видимому, считал замысел «Демона» исчерпанным. В «Сказке для детей» он вспоминает о нем как об упоительном, но детском «бреде», мечте, преследовавшей его много лет, от которой он, наконец, «отделался – стихами». В том же 1839 г. пишется «Мцыри» – вторая поэма, подводящая итог раннему творчеству, но уже с совершенно новой проблематикой. Мцыри – антипод «байронического героя». Это «естественный человек», который будет занимать русскую литературу вплоть до Л. Толстого. Страсть, ревность, месть исключены из философской проблематики поэмы, и самый антагонизм героя и общества не принимает характера войны. Он глубже, потому что органичнее; он основан на внутреннем чувстве полуробенка, живущего ин-

стинктом и интуицией. Стимулом поведения «естественного человека» оказываются любовь к свободе и жажда деятельности, – и родина, куда бежит из монастыря Мцыри, есть для него идеальное воплощение этой свободы. Он погружается в природу как в родную стихию, не осмысляя, но переживая ее; полудетское наивное чувство любви пробуждается в нем при виде первой встреченной девушки и ассоциативно связывается с песнью рыбки, «голосом природы», который он также ощущает как реальность. Бой с барсом он ведет без оружия, как первобытный человек, как часть той природы, которая теперь его окружает. Каждый сюжетный мотив «Мцыри» символически расширен и насыщен глубинными смыслами; философский потенциал поэмы значительно выше, нежели это было в раннем творчестве. Так расширяется мотив «монастыря-тюрьмы»: монастырь и его обитатели никак не являются врагами Мцыри, – напротив; но самая форма их существования, их «закон» органически враждебен «закону сердца». Художественная логика «Мцыри» здесь как бы предвосхищает толстовскую

критику общества с позиций «естественного сознания», в то же время развивая и углубляя философский и социальный критицизм «Демона». Во всем, казалось бы, противоположные друг другу, Демон и Мцыри сближаются и в своем неприятии действительности, и в самой структуре характеров: Мцыри также могучий дух с нереализованными возможностями, чей героический порыв фатально нейтрализован действительностью. Эта идея закрепляется сюжетным мотивом бесцельного кругового движения: весь путь Мцыри, с его трудами и подвигами, совершался в окрестностях монастыря.

«Мцыри» и «Демон» были высшим достижением романтической поэмы Лермонтова, – не только по своей проблематике, но и по поэтическому языку. Исповедь Мцыри, монологи Демона были результатом длительной поэтической работы, – но внешне они предстают читателю как почти импровизация, как сплошной речевой поток, повышенно экспрессивный, иной раз «неточный» в словоупотреблении по сравнению с пушкинскими нормами, – но захватывающий и буквально

гипнотизирующий читателя. Это ощущение испытал Белинский. «Сейчас упился я Оршею, – писал он В. П. Боткину летом 1842 г. – Есть места убийственно хорошие, а тон целого – страшное, дикое наслаждение. Мочи нет, я пьян и неистов. Такие стихи опьяняют лучше всех вин» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1956, с. 111).

Творческий путь Лермонтова трагически оборвался в июле 1841 г., как раз в тот момент, когда он стоял на пороге новых открытий в области поэмы, – на это указывают нам сохранившиеся строфы его последней поэмы «Сказка для детей». Она продолжала иную линию его творчества, которая наметилась в середине 1830-х гг., когда возникают замыслы поэм на современную тему и с современным героем; – наиболее значительны из них были поэмы «Сашка» и «Тамбовская казначейша». Это поэмы лироэпического характера, во многом ориентированные на пушкинского «Онегина», с характерной иронической интонацией, расширявшей их стилевой диапазон и вводившей образ автора-повествователя. В «Сказке для детей» определилась общая лири-

ческая тональность, эпический характер повествования, острый интерес к психологии героини, – наконец, фантастический элемент, связанный с образом Мефистофеля, перенесенного в современный мир и отчасти наделенного чертами современного человека. К этой поэме Лермонтов подходил уже обогащенный художественным опытом «Героя нашего времени» и поздних лирических стихотворений, – но как должна была протекать эта новая фаза его творческой эволюции, мы лишены возможности судить.

При жизни Лермонтова были напечатаны только четыре его поэмы. В 1835 г. в «Библиотеке для чтения» был без разрешения автора опубликован «Хаджи Абрек». В 1838 г., в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» появилась «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», в том же году в «Современнике» – «Казначейша» с цензурными купюрами и изменениями. Наконец, в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» появляется «Мцыри». После смерти Лермонтова ряд поэм был опубликован А. А. Краевским в

«Отечественных записках» – «Сказка для детей» и «Боярин Орша» в 1842 г., «Измаил-Бей» в 1843 г. В 1846 г. в литературном сборнике «Вчера и сегодня» напечатан «Беглец», в 1851 г. в сборнике «Раут» в отрывках – «Моряк», появившийся полностью лишь в 1913 г. в «Русском библиофиле». В 1856 и 1857 гг. в Карлсруэ выходят два издания поэмы «Демон» (подробнее см. в примечаниях к «Демону», с. 561) и отдельным изданием поэма «Ангел смерти» (1857).

В 1859 г. в «Отечественных записках» появляются «Преступник» и один из вариантов начальных строф «Олега» («Ах, было время, время боев»). Здесь же в отрывках печатаются поэмы «Кавказский пленник», «Корсар», «Два брата».

В 1860 г. в собрании сочинений под редакцией С. С. Дудышкина[133] публикуются «Демон» и отрывки из юношеских поэм («Черкесы», «Джюлио», «Каллы́», «Литвинка», «Аул Бастунджи»). Полностью все эти поэмы появляются значительно позднее. Некоторые из них печатает П. А. Висковатов в «Русской мысли»: «Два брата» (1881), «Каллы́» (1882, с

искажениями; одновременно более исправный текст – в «Русской старине»), «Литвинка» (1882; и в «Русской старине»), «Аул Бастунджи» (1883 – в искаженной редакции; исправления к ней – в «Саратовском листке», 1884). В 1861 г. П. А. Ефремов публикует в «Библиографических записках» отрывки из «Сашки» (полностью поэма напечатана в 1882 г. в «Русской мысли»; подробнее см. в примечаниях к поэме, с. 552). Поэма «Монго» также впервые появляется в «Библиографических записках» за 1861 г., если не считать нескольких строчек из нее, приведенных в качестве примера А. Меринским (там же в 1859 г.) «Кавказский пленник», «Корсар», «Черкесы», «Джюлио», «Олег» полностью впервые опубликованы в собрании сочинений Лермонтова под редакцией П. А. Висковатова,[134] одновременно «Корсар» печатается в собрании сочинений под редакцией Введенского.[135]

В 1876 г. в «Саратовском справочном листке» напечатан «Азраил», в 1887 г. в «Русской старине» – «Исповедь». В 1910 г. были найдены и опубликованы поэмы «Последний сын вольности» и «Две невольницы» (в газете

«Русское слово» и одновременно в собрании сочинений под редакцией Д. И. Абрамовича). [136]

Большая часть поэм Лермонтова, таким образом, стала достоянием читателя только со второй половины XIX в., когда они представляли уже главным образом исторический интерес. Однако зрелые поэмы Лермонтова уже в 1840-е гг. воздействовали на читательское и литературное сознание; для революционно-демократической молодежи 1860-х гг. они имели значение большее, чем поэмы Пушкина. Они отразились в творчестве Тургенева, Некрасова; воздействие их прослеживается вплоть до нашего времени.

* * *

Автографы и авторизованные копии лермонтовских поэм сосредоточены в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР [137] («Кавказский пленник», «Корсар», «Олег», «Два брата», «Джюлио», «Последний сын вольности», «Каллы», «Азраил», «Ангел смерти», «Измаил-Бей», «Литвинка», «Аул Бастунджи», «Боярин Орша», «Мцыри», «Сказка для детей», «Демон» – редакции I–V), в Госу-

дарственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [138] («Черкесы», ранняя редакция «Боярина Орши», «Демон» – редакция VI), в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина («Преступник», «Две невольницы», «Ангел смерти»); в Государственном историческом музее в Москве («Беглец»), в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (список «придворной редакции» «Демона»); в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции (авторизованная копия «Исповеди»). Черновые наброски к «Тамбовской казначейше» имеются в тетради, хранящейся в Государственном историческом музее, черновые строфы «Сашки» – в «юнкерской тетради» по географии в ГПБ, лист автографа «Исповеди» в ИРЛИ. Автографы полного текста «Сашки», а также автографы «Моряка», «Хаджи Абрека», «Монго», «Песни про царя Ивана Васильевича...», «Тамбовской казначейши» утрачены.

Состояние и самый характер автографического фонда поэм Лермонтова ставит перед исследователями ряд сложных текстологиче-

ских вопросов. Так, специальную исследовательскую проблему представляет вопрос о дефинитивном тексте «Демона», «Сашки» и некоторых других поэм (см. подробнее в примечаниях к отдельным поэмам). Сложен вопрос и об их датировке; как правило, авторские даты при них отсутствуют, и хронология их устанавливается приблизительно, а иногда и условно по положению в тетради или на основании косвенных признаков (как в «Сказке для детей»).

* * *

Тексты в настоящем издании печатаются по общим правилам, принятым в изданиях академического типа. Текст, не принадлежащий Лермонтову (редакторские заглавия произведений, слова, пропущенные в автографе, части недописанных слов, восстанавливаемые по смыслу), заключен в угловые скобки. Единичные редакторские конъектуры оговорены в примечаниях.

Тексты поэм «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар», «Преступник», «Олег», «Два брата», «Две невольницы», «Джюлио», «Последний сын вольности», «Каллы́», «Азраил»,

«Ангел смерти», «Исповедь», «Моряк», «Измаил-Бей», «Литвинка», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Боярин Орша», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Тамбовская казначейша», «Беглец», «Мцыри» подготовлены и примечания к ним составлены Л. Н. Назаровой. Тексты поэм «Сашка», «Монго», «Демон» подготовлены и примечания к ним составлены Э. Э. Найдичем. Текст поэмы «Сказка для детей» подготовлен и примечания к нему составлены Т. П. Головановой. Автор статьи «Поэмы М. Ю. Лермонтова» В. Э. Вадуро. Редактор тома Т. П. Голованова.

Поэмы

Черкесы

Впервые опубликована в отрывках в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина (т. 2, с. 3–4), полностью – в 1891 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т. 3, с. 164–172).

Поэма написана летом 1828 г., о чем свидетельствует надпись, сделанная Лермонтовым на обложке рукописи: «В Чембаре за дубом». В Чембаре (уездный город Пензенской губернии, теперь г. Белинский) поэт мог бывать лишь в летние месяцы 1828 г., когда жил с бабушкой (Е. А. Арсеньевой) в ее имении Тарханы (ныне село Лермонтово), от которого до города считалось 12 верст. Позже, поступив в Московский университетский благородный пансион, Лермонтов уже не ездил в Тарханы, проводя лето под Москвой. По собственному признанию, он начал писать стихи в 1828 г., и «Черкесы» принадлежат к числу самых ранних его произведений, открывая ряд написанных друг за другом кавказских романтических поэм. В «Черкесах» отразились впечатле-

ния Лермонтова от поездок на Кавказ и рассказы о быте и нравах кавказских горцев, услышанные от родственников – Хастатовых и Шан-Гиреев.

Поэма свидетельствует о большой начитанности и исключительной литературной памяти юного автора. В тексте ее встречаются заимствования и переделки отдельных стихов из многих произведений. Не только из «Кавказского пленника» Пушкина, но и «Княгини Натальи Борисовны Долгорукой» И. И. Козлова, «Освобождения Москвы» и «Причудницы» И. И. Дмитриева, поэмы Парни «Иснель и Аслега» («Сон воинов») в переводе К. Н. Батюшкова, «Абидосской невесты» Байрона в переводе И. И. Козлова и др. На рисунке рукописной обложки к поэме «Черкесы» Лермонтов в виде эпиграфа приводит стихи Пушкина из «Кавказского пленника»:

*Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ, –
– Забудет брани вещей глас,
Оставит стрелы боевые...
...И к тем скалам, где крылись вы,
Подъедет путник без боязни,*

*И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы!..*

А. Пушкин.

Эпиграфом подчеркнуто то влияние, которое оказала на «Черкесов» поэма Пушкина. Но в литературе указывалось уже, что в полудетском произведении Лермонтова проявились также черты его самобытности и одаренности. Обращают на себя внимание отсутствие любовной интриги, характерной для романтической поэмы, изменение традиционной сюжетной ситуации: не европеец захвачен в плен горцами, а наоборот, черкес оказывается в русском плену.

Кавказский пленник

Впервые опубликована в отрывках в 1859 г. в «Отечественных записках» (т. 125, № 7, с. 5–11), полностью – в 1891 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т. 3, с. 133–151).

Поэма написана в 1828 г. В ней отразился живой и ранний интерес Лермонтова к быту и нравам кавказских горцев. Этому во многом способствовали детские впечатления поэта от

Кавказа и рассказы родственников о нем (см. примеч. к «Черкесам»). Значительную роль сыграли и литературные впечатления. Поэма создана под сильным воздействием одноименной поэмы Пушкина. Некоторые стихи Пушкина целиком вошли в поэму, другие – в несколько измененном виде; отдельные стихи поэмы Лермонтова близки к «Бахчисарайскому фонтану» и «Евгению Онегину» Пушкина, встречаются также стихи из «Андрея, князя Переяславского» А. А. Бестужева (Марлинского), «Обуховки» В. В. Капниста, «Чернеца» И. И. Козлова и др. Сюжетно «Кавказский пленник» близок к одноименному произведению Пушкина, но у Лермонтова увеличено количество персонажей, различны их характеры. Пленник лишен черт разочарованности и пресыщенности жизнью. Герой тоскует по родине и свободе, ищет поддержки друзей. У черкешенки – более решительный характер, нежели у пушкинской героини, она требует любви пленника. Лермонтов усилил также драматичность развязки: у него погибают и герой, и героиня. Следуя традиции романтической (в основном пушкинской) поэмы,

юный поэт ввел этнографический материал (в том числе вставную песню).

В качестве эпиграфа к поэме взяты (в переработанном виде) строки из стихотворения немецкого поэта Карла-Филиппа Конца (1762–1827) «Das Orakel der Weisheit» («Оракул мудрости», 1791).

Корсар

Впервые опубликована в отрывках в 1859 г. в «Отечественных записках» (т. 125, № 7, с. 11–14), полностью – в 1891 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т. 3, с. 152–163) и тогда же в собрании сочинений под редакцией Введенского (т. 2, с. 329–336).

«Корсар» написан в 1828 г. Поэма помещена в одной тетради с «Кавказским пленником». Она создавалась под воздействием «Братьев разбойников» Пушкина. Название поэмы восходит к одноименному произведению Байрона. Ряд стихов для «Корсара» взят Лермонтовым из «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, «Андрея, князя Переяславского» А. А. Бестужева (Марлинского), «Княгини Натальи Борисовны Долгорукой» И. И. Козлова, «Абидосской невесты»

Байрона в переводе И. И. Козлова и др.

В описании бури – семь строк из оды Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны» (1746).

Эпиграф – из романа Жана Лагарпа (1739–1803) «Héro et Leandre» («Геро и Леандр»), французский текст изменен применительно к содержанию поэмы.

Преступник

Впервые опубликована в 1859 г. в «Отечественных записках» (т. 125, № 7, с. 22–26).

Написана в 1829 г. В ней имеются сходные по содержанию мотивы и композиционная общность с поэмой «Братья разбойники» Пушкина.

Олег

Впервые один из отрывков («Ах, было время, время боев...») опубликован в 1859 г. в «Отечественных записках» (т. 125, № 7, с. 34), другой (ст. 15–22) – в «Русской мысли» (1881, № 12 с. 23), полностью – в 1889 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т. 1, с. 17–20).

Текст автографа представляет собою три варианта начала поэмы, которые создавались

в 1829 г. Возможно, что замысел поэмы возник у Лермонтова в связи с тем, что в 1829 г. ареной войны России против Турции стал Балканский полуостров (осенью русские войска начали приближаться к Константинополю). Героем поэмы сделан киевский князь Олег (ум. 912), который, согласно летописи, правил с 879 г. в Новгороде, а в 882 г. овладел Киевом. Укрепляя границы Киевской Руси, Олег покорил многие племена. В 907 г. он совершил победоносный поход на Царьград (Константинополь), после чего заключил выгодный для Руси письменный договор с греками (в 911 г.).

Трактовка образа Олега как мстителя (отрывок III) совпадает с изображением его в стихотворении Пушкина «Песнь о Вещем Олеге». Несомненно, знал Лермонтов и думу К. Ф. Рыльева «Олег Вещий».

Два брата

Отрывок из поэмы впервые опубликован в 1859 г. в «Отечественных записках» (т. 125, № 7, с. 35), полностью – в 1881 г. в «Русской мысли» (кн. 12, с. 30–32).

Написана в 1829 г.

В русской романтической поэзии Финляндия, так же как и Кавказ, нередко избиралась в качестве места действия. Следует отметить, что в 10–20-е гг. XIX в. шло интенсивное освоение Финляндии как в административном, так и в культурном отношении.

Поэма осталась незаконченной.

Две невольницы

Впервые опубликована в 1910 г. в газете «Русское слово» (21 марта, № 66) и одновременно в собрании сочинений под редакцией Абрамовича (т. 1, с. 186–188).

Датируется предположительно 1830 годом.

На замысле поэмы сказалось воздействие «Бахчисарайского фонтана» Пушкина. (По свидетельству Е. А. Сушковой, Лермонтов в 1830 г. цитировал эту поэму наизусть. – См.: *Е. А. Сушкова-Хвостова. Записки. Л., 1928, с. 122).*

Имена Заира, Гюльнара часто встречались Лермонтову в художественной литературе, посвященной Востоку (имя Заиры носит героиня одноименной трагедии Вольтера; Гюльнара – героиня поэмы Байрона «Корсар»).

Эпиграф – из «Отелло» Шекспира (акт 3,

сцена 3; слова Яго).

Джюлио

Отрывок из поэмы впервые опубликован в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина (т. 2, с. 91–92), полностью – в 1891 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т. 3, с. 184–199).

В автографе рукой Лермонтова написано: «Вступление (1830 года)», рядом запись: «(великим постом и после). Я слышал этот рассказ от одного путешественника». На следующем листе, после вступления, написано название поэмы: «Джюлио (повесть, 1830 год)». Предпоследний лист рукописи утерян, поэтому после стиха «Отдохшие под свежую росой» (с. 73) строка точек.

Некоторые стихи из «Джюлио» целиком или с небольшими изменениями перенесены в поэмы «Литвинка» и «Иамаил-Бей», а также в стихотворение «1831-го июня 11 дня» (см. наст. изд., т. 1, с.167).

Последний сын вольности

Впервые опубликована в 1910 г. в газете «Русское слово», (20 марта, № 65) и одновременно в собрании сочинений под редакцией

Абрамовича (т. 1, с. 225–253).

Датируется предположительно второй половиной 1830 – первой половиной 1831 года.

Поэма не могла быть написана ранее 1830 г. ввиду того, что в ней имеется стих («С руками, сжатыми крестом», с. 77), взятый из VII главы «Евгения Онегина», которая вышла в свет в марте 1830 г. С другой стороны, «Последний сын вольности» не мог быть создан позднее первой половины 1831 г., так как в той же тетради, вслед за текстом поэмы, расположена авторизованная копия стихотворения «Романс к И...», вошедшего с некоторыми разночтениями в драму «Странный человек», датированную самим Лермонтовым 17 июля 1831 г.

Герой поэмы Вадим Храбрый – полулегендарный предводитель движения новгородцев в 864 г. против князя Рюрика и его дружины, основавших в Новгороде. По летописи, Рюрик подавил это восстание: «...уби Рюрик Вадима храброго и иных многих изби новгородцев советников его» (Русская летопись по Никонову списку, изд. имп. Акад. наук, ч. 1. СПб., 1767, с. 16).

К образу Вадима неоднократно обращались многие русские писатели и драматурги второй половины XVIII – начала XIX в., давая ему различное толкование. Так, М. М. Херасков в стихотворной повести «Царь, или Спасенный Новгород» (1800) изобразил Вадима под именем Ратмира злобным и развращенным юношей, от которого отступается весь народ. Иную оценку Вадима дал Я. Б. Княжнин в трагедии «Вадим Новгородский». Его герой стал первым в русской литературе образом революционера-республиканца. В творчестве писателей-декабристов тема древнего Новгорода и новгородской вольности также нашла широкое отражение.

Пользуясь историческими фактами, декабристы проводили соответствующие параллели с современностью. Так, символом борьбы за политическую свободу является образ Вадима в одноименной думе Рылеева. Упоминается имя Вадима и в стихотворении В. Ф. Раевского «Певец в темнице». Наконец, его же собирался сделать героем поэмы и трагедии Пушкин, написавший, однако, лишь отрывки этих произведений и план одного из них.

Тема новгородской вольности заинтересовала и Лермонтова, творчество которого было в 30-е гг. «последним и глубоко искренним эхом декабрьских настроений» (А. В. Луначарский. М. Ю. Лермонтов. – В кн.: М. Ю. Лермонтов в русской критике. М., 1951, с. 271). Подобно тому как это было у декабристов и Пушкина, обращение Лермонтова к образу Вадима и его борьбе за свободу древнего Новгорода носило злободневный характер. Сама постановка темы новгородской вольности напоминала о свободе, за которую боролись декабристы. Говоря об изгнанниках, патриотах Древней Руси и защитниках новгородской свободы, поэт, по-видимому, вспоминал о декабристах, находившихся в то время в Сибири (см. комментарий Б. М. Эйхенбаума в кн.: М. Ю. Лермонтов. Поэмы и драмы в стихах, т. 2. Л., 1941, с. 520–521).

Поэма «Последний сын вольности» посвящена Николаю Семеновичу Шеншину (1813–1835) – близкому другу Лермонтова, товарищу по Московскому университету и Школе юнкеров.

Эпиграф взят из поэмы Байрона «Гяур»,

стих 6.

Стихи «Он всё любил, он всё страдал», «Но память, слезы многих лет!.. Кто устоит противу них?» (с. 82) были перенесены в поэму в несколько измененном виде из стихотворения «Ночь» («Один я в тишине ночной», см. наст. изд., т. 1, с. 153). Заключительная цитата взята из поэмы Оссиана «Картон» (ее же приводит Пушкин в поэме «Руслан и Людмила»: «Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой»).

Каллы

Начало поэмы впервые опубликовано в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина (т. 2, с. 292–293), полностью – в 1882 г. в «Русской мысли» (кн. 11, с. 3–8) и более исправная редакция в «Русской старине» (1882, № 12, с. 697–700).

В авторизованной копии (ИРЛИ) рукой Лермонтова написаны подзаголовок («Черкесская повесть»), примечание к названию поэмы и эпиграф. Последний лист отсутствует: текст обрывается на стихе «И женщин он ласкать не мог». Заключительные строки печатаются по копии со списка В. Х. Хохрякова

(ГПБ). В этом списке оторван угол листа и выпали десять строк между стихами: «И женщин он ласкать не мог» и «Хранил он вечное молчанье». В настоящем издании это место отмечено строкой точек. Есть еще одна копия (ИРЛИ) с исправлениями Висковатова «по рукописи Верещагиной». Здесь имеются стихи заключительной части (VI раздел), отсутствующие в других источниках:

*Быть может, совести упрек
В ее чертах найти страшился...
Следы страданья и тревог
Не укрывались от вниманья,
Под башлыком упорный взор
Внушал лишь страх... Ни состраданья,
Ни сожаленья – лишь укор
Судьбы читался в нем... Никто
Не признавал в абреке друга.
Он поражал как бич недуга...
Встречал ли ночью он кого,
Встречал ли днем – всегда его
Все сторонились, избегали,
Как дней проклятья иль печали.
Ему открыт был всюду путь.*

«Каллы́» датируется предположительно

1830–1831 годами. Поэма основана на черкесском предании (см.: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, с. 62).

Слово «каллы́» происходит от тюркского «канлы» – «кровавый». «Между убийцею и родственниками убитого с момента убийства до момента примирения за кровь устанавливаются особые отношения, называемые кровными. Сам убийца весь этот промежуток времени носит название канлы, что значит кровник», – пишет Н. Семенов в книге «Туземцы северо-восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народцев)» (СПб., 1895, с. 280).

В глубоко драматичной по сюжету поэме «Каллы́» ярко выражен протест против устаревших жестоких обычаев, поддерживаемых муллами.

<Азраил>

Впервые опубликована в 1876 г. в «Саратовском справочном листке», 26 февраля, № 43, с. 1–2.

Датируется 1831 годом. Приятель Лермон-

това А. Д. Закревский вписал отрывки из «Азраила» в альбом Ю. Н. Бартенева с пометой: «15-го августа 1831 г.».

Поэма своеобразна по форме: стихи чередуются с прозой, точнее с драматизированным диалогом между героем и героиней. Лермонтов вводит ремарки, рисующие место действия, внешний облик, одежду героев и пр. На замысел «Азраила» оказали воздействие «Каин» (1821) и «Небо и земля» (1822) Байрона. Образная и стиховая структура песни Девы построена на контрастном развитии фольклорных параллелизмов.

Лермонтов изобразил Азраила падшим ангелом (хотя у мусульман – это ангел смерти). Обращенные к героине слова Азраила о законе Моисея, т. е. о еврейской религии, и то, что действие поэмы происходит, по-видимому, в Палестине (Лермонтов рисует пустынный пейзаж) до разрушения Иудейского царства (жених девы – воин), говорит о некоторой локализации, но ремарка «крест на груди у нее» (с. 104) противоречит этому.

Тематически поэма «Азраил» связана с ранними редакциями «Демона» и «Ангелом

смерти».

Ангел смерти

Впервые опубликована отдельным изданием в 1857 г. в Карлсруэ.

В беловом автографе «Ангел смерти» датирован: «1831 года сентября 4-го дня». Известен предшествующий тексту план поэмы: «Ангел смерти при смерти девы влетает в ее тело из сожаления к любезному и раскаивается, ибо это был человек мрачный и кровожадный, начальник греков. – Он ранен в сражении и должен умереть; ангел уже не ангел, а только дева, и его поцелуй не облегчает смерти юноши, как бывало прежде. Ангел покидает тело девы, но с тех пор его поцелуи мучительны умирающим» (см. заметку «Написать поэму „Ангел смерти“» – наст. изд., т. 4).

Поэма «Ангел смерти» связана с традицией европейской романтической поэмы Байрона («Каин», «Небо и земля») и А. де Виньи («Элоа»). Сюжет ее восходит к новелле Ж.-П. Рихтера «Смерть ангела». Сохранив некоторые общие моменты, Лермонтов заменил рихтеровскую тему небесного милосердия темой противостояния добра и зла (*Т. А. Недосе-*

кина. Ранние поэмы М. Ю. Лермонтова (1828–1832). Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 8, 12–14). Проблематика «Ангела смерти» непосредственно связана со сходными проблемами в поэме «Демон», над которой Лермонтов тогда работал.

Поэма посвящена Александре Михайловне Верещагиной (1810–1873), впоследствии баронессе Хюгель, родственнице и приятельнице Лермонтова (к ней же обращена «Баллада» («До рассвета поднявшись, перо очинил...»), см. наст. изд., т. 1, с. 521).

Исповедь

Впервые опубликована в 1887 г. в «Русской старине» (№ 10, с. 112–119). Датируется предположительно второй половиной 1831 г. Есть мнение, что поэма является первым осуществлением плана поэта: «Написать записки молодого монаха 17-ти лет. – С детства он в монастыре...» (см. наст. изд., т. 4). Набросок этот находится в тетради после текста драмы «Станный человек», которую сам Лермонтов датировал 17 июля 1831 г. (см. наст. изд., т. 3).

Моряк

Впервые в сокращенной редакции опубли-

кована в литературном сборнике «Раут» (М., 1851, с. 197–199), полностью – в 1913 г. в «Русском библиофиле» (№ 1, с. 14–15). Автограф не сохранился. Датируется 1832 годом на основании пометы на копии.

Поэму «Моряк» Лермонтов написал строфой «Евгения Онегина» Пушкина.

Измаил-Бей

Впервые опубликована в 1843 г. в «Отечественных записках» (т. 27, № 3, отд. I, с. 1–25) с неточностями и пропусками цензурного характера.

Автограф всей поэмы не сохранился, имеется авторизованная копия и черновой автограф посвящения. Датируется 1832 годом. Сохранились сведения, что на обложке автографа была помета: «Измаил-Бей. Восточная повесть. 1832 год. 10 мая». Автограф посвящения относится ко времени не ранее октября – ноября того же года. Один из первых собирателей материалов о Лермонтове В. Х. Хохряков относит «Измаил-Бея» к числу произведений, написанных в юнкерской школе.

В основу сюжета поэмы положены реальные исторические события, происходившие

на Кавказе в начале XIX в., хотя и не они представляют собой главный предмет внимания поэта, разрешавшего в первую очередь нравственно-психологические задачи. В образе Измаил-Бея Лермонтов впервые вывел человека, терзаемого внутренними противоречиями, обусловленными в большой степени историческими обстоятельствами. Прототипом лермонтовского героя был кабардинский князь Измаил-Бей Атажуков, получивший военное образование в России и продолжительное время служивший в русской армии (он был участником второй турецкой войны). Вероятно, Лермонтов знал и народное предание об Измаил-Бее (см.: *С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, с. 16–71; М. О. Косвен. Кабардинский патриот Измаил Атажуков. – Учен. зап. Адыгейского науч. – исслед. ин-та яз., лит. и истории, т. 1. Майкоп, 1957, с. 43–68).*

Прообразом другого героя, Росламбека, явился двоюродный брат Измаил-Бея Атажукова – Росламбек Мисостов (см.: *Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, с. 36–37).*

В поэме Измаил-Бей погибает от руки Росламбека; очевидно, Лермонтову была известна эта версия его смерти, имевшая распространение на Кавказе. В частности, в одном из писем декабриста А. И. Якубовича, который был знаком с родственниками Измаила, содержится прямое указание на «братоубийство князя Росламбека Мисостова» (см.: *М. К. Азадовский. О литературной деятельности А. И. Якубовича. – В кн.: Литературное наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 278*). В действительности Росламбек был убит по приказу Измаил-Бея (см.: *Р. У. Туганов. Измаил-Бей. Исторический очерк о герое одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова. Нальчик, 1972, с. 159 и др.*).

Образ Зары, принимавшей участие в боях в качестве воина в отряде Измаил-Бея, исторически правдоподобен. Лермонтов мог слышать о том, что девушки-горянки сражались рядом со своими отцами и братьями (см.: *Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе, с. 38*).

В отличие от большинства романтических поэм в «Измаил-Бее» любовная интрига соединена с новой для Лермонтова темой наци-

онально-освободительной войны, которую поэт рисует, не затушевывая крайне жестокого характера политики русского царизма по отношению к кавказским племенам и в то же время подчеркивая ее историческую сущность.

Когда в 1843 г. поэма была впервые напечатана в «Отечественных записках», в ней оказались выпущенными по требованию цензуры многие стихи и даже целые строфы.

Однако даже в таком виде она произвела сильное впечатление на Л. Н. Толстого, который 9 июля 1854 г. записал в своем дневнике: «...я нашел начало Измаил-Бея весьма хорошим. Может быть, это показалось мне более потому, что я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикой, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи – война и свобода» (*Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Сер. 2. Дневники, т. 47. М., 1937, с. 10*).

В черновом автографе посвящения за стихом «Она поет о солнце юга» следуют еще восемь стихов:

*И ты, звезда любви моей,
Товарищ бурь моих суровых,
Послушай песни прежних дней...
Давно уж нет у сердца новых;
Ни мрачных дум, ни дум святых
Не изменила власть разлуки –
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты в других!*

Эти стихи не вошли в окончательный текст поэмы, вероятно, из-за слишком личного характера их. По этой же причине исключена была Лермонтовым и следующая строфа, которая сохранилась в выписках В. Х. Хохрякова:

*Я сам знавал когда-то в старину
Подобную волшебницу одну.
И от нее оторван был я роком,
И за нее творца благословил;
В объятиях, напитанных пороком,
Я б ангела, быть может, осквернил!
Но в час ночной, когда воспомина-
нье
Приводит к нам минувшего скелет,
И оживляет прежние страданья,*

*И топит в них всё счастье прежних лет,
Тогда, тогда порою нахожу я
В душе, как бога в храмине пу-
стой,
Тот милый взор, с улыбкою свя-
той;
И мнится, я храним ее рукой,
И жду, безумец! Ласки, поцелуя...
Бледнеют грезы мрачные мои,
Всё исчезает, кроме дум любви;
Но с ней, хоть образ узнаю пре-
красный,
Сравнить мечту стараюсь я на-
прасно;
Заснул? – передо мной во время
сна
Опять, опять она – и все она!*

По-видимому, речь идет здесь о Варваре Александровне Лопухиной (1814–1851), которую Лермонтов полюбил в студенческие годы и сохранил это чувство до конца жизни.

Некоторые стихи «Измаил-Бея» Лермонтов перенес в несколько переработанном виде в поэмы «Аул Бастунджи», «Мцыри» и «Демон». «Песня Селима» с небольшими изменениями включена в поэму «Беглец». Отрывок из «Пес-

ни Селима» Н. Г. Чернышевский включил в роман «Что делать?» (гл. V).

Литвинка

Впервые опубликована в отрывках в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина (т. 2, с. 287–290), полностью – в 1882 г. в «Русской старине» (№ 12, с. 685–696) и одновременно в «Русской мысли» (кн. 12, с. 1–15) с произвольными отступлениями от текста в некоторых стихах.

Датируется 1832 годом на основании пометы Лермонтова в авторизованной копии.

Действие поэмы отнесено ко времени русско-литовских войн, происходивших в XV – начале XVI в. Лермонтов стремился отразить в «Литвинке» социально-бытовые особенности той эпохи.

По месту и времени действия, а также совпадению имени героя (Арсений) эта поэма сходна с более поздней – «Боярин Орша». Образ девы-воина, возможно, возник у Лермонтова под влиянием поэмы А. Мицкевича из древнелитовской жизни – «Гражина» (1822). Некоторые мотивы роднят «Литвинку» и с «Конрадом Валленродом» (1827) того же писа-

теля.

Несколько стихов перенесено в эту поэму в измененном виде из «Джюлио» и из стихотворения «1831-го июня 11 дня» (см. наст. изд., т. 1, с. 167).

Аул Бастунджи

Впервые опубликована в отрывках в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина (т. 2, с. 290–292), полностью – в 1883 г. в «Русской мысли» (кн. 2, с. 3–23) с неточностями и отступлениями от текста (исправления – в «Саратовском листке», 1884, № 56–57).

Датируется предположительно 1833–1834 годами, так как на обороте последнего листа автографа находится черновик стихотворения «На серебряные шпоры», относящегося к годам пребывания Лермонтова в юнкерской школе.

Действие поэмы происходит в районе Пятигорья, где в конце XVIII и самом начале XIX в. реально существовал неподалеку от Бештау аул Бастунджи. Он был разрушен, как и многие другие соседние аулы, после 1804 г., когда жившие здесь кабардинцы, отрезанные

от остальной Кабарды линией русских укреплений, покинули свои жилища и ушли в горы. В 1825 г. Лермонтов мог видеть лишь развалины аула Бастунджи.

«Бастунджи» (вернее «бустанджи» или «бостанджи») означает «огородник» или «садовник», от тюркского слова «бустан» или «баштан» – «огород».

Как и в «Каллы», в «Ауле Бастунджи» отразились не только воспоминания Лермонтова о поездках на Кавказ в детстве, но и чтение литературы о нем, рассказы родственников – Хастатовых и Шан-Гиреев, московских студентов и юнкеров-кавказцев.

Лермонтову, вероятно, было известно народное черкесское предание о двух братьях Канбулате и Атвонуке (или Антиноко). Вражда между ними произошла из-за жены Канбулата.

Фабула поэмы исполнена драматизма: герой – бунтарь, не признающий нерушимости брака, освященного обычаем, страстно протестующий против одного из адатов – права старшинства. В результате Селим проклят, обречен на одиночество и позорную смерть

(здесь уже предвосхищен конец героя поэмы «Беглец», также Селима). Самостоятельную роль приобретают описания природы, быта и нравов горцев: подробнее, чем в предшествующих поэмах, обрисованы герои (в особенности Селим) – их психология.

Отмечалось влияние на «Аул Бастунджи» поэм Байрона и «Бахчисарайского фонтана» Пушкина.

Некоторые образы и стихи из «Аула Бастунджи» Лермонтов позднее использовал в других произведениях: «Хаджи Абреке», «Демоне», «Мцыри».

Посвящение к «Аулу Бастунджи» по содержанию и форме близко к стихотворению «Тебе, Кавказ, суровый царь земли» (см. наст. изд., т. 1, с. 510; т. 2, с. 564).

Поэма написана восьмистишной строфой – октавой. Интерес поэта к этой стихотворной форме, новой для русской поэзии, связан, очевидно, прежде всего с переводами С. Е. Раича и А. Ф. Мерзлякова (учителей Лермонтова) из итальянских поэтов – Тассо и Ариосто. К 1830 г. относится поэма Пушкина «Домик в Коломне», написанная октавой, опубликован-

ная, однако, лишь в 1833 г. Между тем еще в 1831 г. в «Телескопе» (№ 11 и 12) была напечатана статья С. П. Шевырева «О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение». Лермонтов, который внимательно следил за самыми последними событиями в русской и европейской поэзии, был одним из первых русских поэтов, осваивавших эту трудную форму.

Хаджи Абрек

Напечатана при жизни поэта в 1835 г. в «Библиотеке для чтения» (т. 11, отд. I, с. 81–94).

Н. Н. Манвелов рассказывает, что в год «производства в офицеры» (1834) Лермонтов представил поэму преподавателю словесности В. Т. Плаксину, который, прочитав «Хаджи Абрека», тут же на кафедре торжественно произнес: «Приветствую будущего поэта России» (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 146).

Это – первая поэма Лермонтова, появившаяся в печати. Об истории публикации «Хаджи Абрека» рассказывает родственник и друг поэта – А. П. Шан-Гирей: «С нами жил в то время дальний родственник и товарищ Мишеля по

школе, Николай Дмитриевич Юрьев, который, после тщетных стараний уговорить Мишеля печатать свои стихи, передал тихонько от него поэму „Хаджи Абрек“ Сенковскому, и она, к нашему немалому удивлению... появилась напечатанною в „Библиотеке для чтения“. Лермонтов был взбешен; по счастью, поэму никто не разобрал, напротив, она имела некоторый успех...» (там же, с. 40–41).

Датируется 1833–1834 годами на основании свидетельств товарищей Лермонтова – Н. Н. Манвелова и А. М. Меринского, который писал: «В юнкерской школе он написал стихотворную повесть (1833 г.) „Хаджи Абрек“» (там же, с. 134).

Лермонтов мог слышать рассказ о гибели известного чеченского наездника Бей-Булата Таймазова от своих родственников, приезжавших с Кавказа, или от юнкеров-кавказцев, сыновей Шамхала Тарковского – Шах-Вали и Мехти Ассан-Хана, бывших на выпуск старше поэта (см. примечания И. Л. Андроникова к поэме «Хаджи Абрек» в издании: *М. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1953, с. 484; А. В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Став-*

рополь, 1954, с. 19–20). Бей-Булат (он пользовался широкой популярностью на Кавказе и упомянут, между прочим, Пушкиным в «Путешествии в Арзрум») стал «кровником» кумыцкого князя Салат-Гирея, убив его отца. Через десять лет, в 1831 г., Бей-Булат погиб от руки Салат-Гирея, прострелившего ему сердце и разрубившего голову (В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. 2, вып. 1. СПб., 1885, с. 187–188).

Назвав именем Бей-Булата одного из главных действующих лиц поэмы, Лермонтов развил мотив кровной мести и рассказал в заключение о гибели героя на поединке. «Абрек» – здесь не собственное имя, а прозвище. Оно означает «изгой, исключенный из семьи и рода... Абреком делался по преимуществу убийца, от которого отказывался род... По черкесским обычаям убийца в таком положении должен был уходить из своего рода в горы и другие места и скрываться здесь, ведя жизнь бездомного и безродного бродяги – абрека, пока не находил для себя в чужом роде защитника – кунака, являвшегося посредни-

ком в деле примирения абрека с родом убитого» (Л. П. Семенов. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941, с. 30). Намек на полную отчужденность от всех Хаджи Абрека после убийства им Леилы содержится в заключительном стихе поэмы. Когда погибли в схватке оба героя, то

*В одном узнали Бей-Булата,
Никто другого не узнал,*

т. е. не хотел узнать как абрека.

Сохранились данные о том, что Пушкин знал о Лермонтове и «восхищался его стихами. – Далеко мальчик пойдет, – говорил он» (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 163). Этот отзыв Пушкина мог быть вызван только «Хаджи Абреком». Поэма была напечатана при жизни Пушкина, и номер журнала сохранился в его библиотеке. Белинский в 1842 г. отнес «Хаджи Абрека» к числу тех произведений поэта, которые «драгоценны для почитателей его таланта, ибо он и на них не мог не наложить печати своего духа, и в них нельзя не увидеть его мощного, крепкого таланта» (В. Г. Белинский.

Полн. собр. соч., т. 6. М., 1955, с. 548). Ф. Боденштедт, по свидетельству М. И. Михайлова, находил «высочайшие красоты поэзии» в изображении скачки Хаджи Абрека с головой Лелилы (Современник, 1861, № 2, отд. II, с. 331). Первые четыре стиха из «Хаджи Абрека» приведены Н. Г. Чернышевским в его романе «Повести в повести» (1863) (см.: *Н. Г. Чернышевский*. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1949, с. 199). Позднее В. Г. Короленко процитировал стихи из «Хаджи Абрека» («Но и под снегом иногда бежит кипучая вода») в очерке «В облачный день» (1896).

Боярин Орша

Впервые опубликована в 1842 г. в «Отечественных записках» (т. 23, № 7, отд. I, с. 1–24) с изъятием по цензурным условиям многих стихов. Некоторые из них поэт также по цензурным соображениям сам не включил в авторизованную копию, по-видимому, предназначавшуюся для печати. В частности, в автографе (ГПБ) рукою Лермонтова сделана пометка «вымарать» против следующих стихов:

*Пусть монастырский ваш закон
Рукою бога утвержден,*

*Но в этом сердце есть другой,
Ему не менее святой:
Он оправдал меня – один
Он сердца полный властелин!*

Поэма «Боярин Орша» датируется 1835–1836 годами. Публикуя ее впервые, А. А. Краевский писал: «Эта поэма принадлежит к числу первых опытов Лермонтова. Она написана была еще в 1835-м году, когда Лермонтов только что начинал выступать на литературном поприще. Впоследствии, строгий судья собственных произведений, он оставил намерение печатать ее, и даже, взяв из нее целые тирады, преимущественно из II главы, включил их в новую свою поэму: „Мцыри“... Рукопись поэмы, данная мне автором еще в 1837-м году и едва ли не единственная, хранилась у меня до сих пор, вместе с другими оставленными им пьесами» (Отечественные записки, 1842, т. 23, № 7, отд. I, с. 1–2). В авторизованной копии на последнем листе обозначена дата: «1836», написанная позднее карандашом рукою Краевского.

Действие поэмы «Боярин Орша» происходит в период царствования Ивана Грозного.

Поединок Арсения и боярина Орши отнесен ко времени литовских войн XVI в. В поэме использован материал двух ранних произведений поэта: «Литвинки» и, в особенности, «Исповеди». Но, в отличие от них, в «Боярине Орше» острее звучит социальная тема: сюжет построен на столкновении и борьбе безродного бедняка Арсения со знатым и богатым отцом его возлюбленной.

История отношений Арсения и дочери боярина Орши обрисована в духе народных песен и сказок о любви «холопа» к боярской дочери. Мотивами народного творчества проникнута также сказка, которую рассказывает Орше Сокол (близкие по содержанию песни см. в кн.: *А. И. Соболевский. Великорусские народные песни*, т. 1. СПб., 1895, с. 34–47).

В. Г. Белинский, читавший поэму Лермонтова в рукописи (т. е. без цензурных купюр), 7 ноября 1842 г. писал Н. А. Бакунину: «Читали ли Вы „Боярина Оршу“ Лермонтова? Какое страшно могучее произведение! Привезу его к Вам вполне, без выпусков» (*В. Г. Белинский. Полн. собр. соч.*, т. 12. М., 1956, с. 115). В «Библиографических и журнальных известиях»

Белинский, указывая, что «пафос поэзии Лермонтова заключается в нравственных вопросах о судьбе и правах человеческой личности», писал далее: «Для кого доступна великая мысль лучшей поэмы его „Боярин Орша“ и особенно мысль сцены суда монахов над Арсением, те поймут нас и согласятся с нами» (*В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1955, с. 36–37*).

Сашка

Впервые отрывки поэмы опубликованы в 1861 г. П. А. Ефремовым в «Библиографических записках» (№ 18, стб. 557–563) по недошедшему до нас черновому автографу. Полностью поэма была опубликована в 1882 г. П. А. Висковатовым в «Русской мысли» (кн. 1, с. 68–120) по рукописи И. А. Панафутина (с множеством опечаток, неточностей и с произвольными изменениями текста).

Автографа всей поэмы или авторизованных копий не сохранилось; имеется лишь отрывок чернового автографа в учебной («юнкерской») тетради Лермонтова (ГПБ), соответствующий 62, 75–87, 90, 95-й строфам I главы поэмы. Н. Н. Буковский выправил печатный

текст «Русской мысли» по утраченной ныне рукописи И. А. Панафутина. Список Н. Н. Буковского хранится в ГПБ. Отдельные явно дефектные стихи списка Буковского выправлены по указанным выше черновому автографу ГПБ и публикации в «Библиографических записках».

Стих «Пишу что мыслю, мыслю что придется» восстановлен по выписке В. Х. Хохрякова в его тетради «Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» (ИРЛИ). Стих «И смело вкривь и вкось глаголет он» – по печатному тексту «Русской мысли» с позднейшими исправлениями П. А. Висковатова, сделанными после дополнительной сверки с утраченными ныне источниками (ГПБ, ф. 148, № 5, л. 215).

Время написания поэмы до сих пор точно не установлено. Существует предположение, что поэма создавалась между 1835 и 1839 гг. (см.: *М. Ю. Лермонтов. Соч. в 6-и т., т. 4. М.–Л., 1955, с. 400–401*). Однако наиболее вероятно, что поэма написана в 1835–1836 гг. Такая датировка подтверждается следующими аргументами: 1) Свидетельство А. П. Шан-Гирея,

приведенное П. А. Висковатовым в биографии Лермонтова: «Тогда же (речь идет о январе – феврале 1836 г., – *Ред.*) Лермонтов в Тарханах стал писать поэму „Сашка“ пользуясь набросками, сделанными им в разное время» (Сочинения М. Ю. Лермонтова под редакцией Висковатова, т. 2, с. 344). 2) Текст, опубликованный Ефремовым, находился в тетради со стихотворениями, написанными до 1837 г., а черновые отрывки – в учебной тетради (ГПБ), что также подтверждает отнесение поэмы к раннему периоду. 3) В тексте поэмы имеется несколько мест, косвенно подтверждающих эту датировку. В строфах 47 и 127 («На этих днях мы ждем к себе комету, Которая несет погибель свету») говорится об ожидавшейся комете. Речь идет о знаменитой комете Галлея, которая появилась 13 ноября 1835 г. В связи с этим распространились слухи о близком конце света. Лермонтовские строки, очевидно, написаны незадолго до появления кометы или вскоре после этого. Слова в строфе 31: «Неаполь мерзнет, а Нева не тает», на основании которых поэма относилась к 1839 году, вполне могут относиться к 1835 году. В этот

год Нева вскрывалась со значительным опозданием, а на юге Европы были сильные холода. 4) Строфы 2–4 и 137–139, вошедшие в переделанном виде в стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» (умершего 15 августа 1839 г.), не дают основания для датировки, так как перенесение отдельных строк из одного произведения в другое обычный для Лермонтова прием. В стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» вошли, например, строки из стихотворения 1832 г. «Он был рожден для счастья, для надежд». Возможно, что «Сашка» является законченным произведением. Б. М. Эйхенбаум выдвинул предположение, что последняя, 149-я, строфа I главы – на самом деле конец поэмы, а первая строфа II главы – начало нового произведения. Такое заключение подтверждается сопоставлением обеих глав, не связанных друг с другом по содержанию. При публикации поэмы П. А. Висковатов мог ошибочно присоединить к «Сашке» начало другой поэмы, которая находилась у И. А. Панафутина вместе с «Сашкой».

Сюжет «Сашки» не противоречит предположению о том, что поэма завершена. Фраг-

ментарность – один из жанровых признаков такого рода поэм (например, внезапно обрывается байроновский «Беппо»). В «Сашке» Лермонтов раскрывает судьбу своего поколения на материале обыденной современной русской жизни и выбирает героем не исключительную личность, а обыкновенного дворянского юношу 30-х гг. («Герой мой добрый малый»). Это определение, а также стремление дать развернутую биографию героя, написать роман в стихах связывает «Сашку» с «Евгением Онегиным». Поэма развивает и традиции «Домика в Коломне»: шуточный, комический тон, бытовая конкретность, целый ряд реминисценций и даже заимствование имен (Параша). Выбором имени героя поэт подчеркнул его родство с героем поэмы Полежаева «Сашка» («„Сашка“ – старое названье!»).

Однако и в характеристике героя и в повороте темы Лермонтов был вполне оригинален. Иронический подзаголовок «Нравственная поэма» подчеркивает безнравственную сущность отношений между людьми в крепостническом обществе. Осуждая барский разврат, ложь и лицемерие семьи, Лермонтов

выступает против ханжеского отношения к конкретно-чувственному, воспеваает красоту материального мира, красоту любви.

В публикации П. А. Ефремова (1861) начало поэмы дошло до нас в следующем варианте:

1

*Свои записки ныне пишут все,
И тот, кто славно жил и умер
славно,
И тот, кто кончил жизнь на ко-
лесе;
И каждый лжет, хоть часто
слишком явно,
Чтоб выставить себя во всей кра-
се.
Увы! – Дела их, чувства, мненья
Погибнут без следа в волнах за-
бвенья,
Ни модный слог, ни модный фрон-
тиспис –
Их не спасет от плесени и крыс;
Но хоть пути предшественников
склизки,
И я хочу издать мои записки!*

2

Наш век ужасно странен! Всё пи-

ши

*Ему про добровольные изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышно – муки да стра-
данья.*

Такие вещи хороши

*Тому, кто мало спит, кто ду-
мать любит,*

*Кто жизнь свою в воспоминаньях
губит.*

*Впадал я прежде в эту слабость
сам,*

*Но видя от нее лишь вред глазам,
Минувшее свое, без дальней справ-
ки,*

*Я схоронить решился в модной
лавке.*

3

*Печальных много будет тут ве-
щей,*

*И вас они заставят рассмеяться.
Когда, устав от дел, от ласк дру-
зей,*

*От ласк жены, случится вам
остаться*

Одним, то книжкою моей

Займитесь чинно. Кликните Пет-

рушку;
Он даст вам трубку; мягкую по-
душку
Вам за спину положит; – и по-
том,
Раскрыв на середине первый том,
Любезный мой, вы можете сво-
бодно
Уснуть или читать, как вам угод-
но.

4
Виденья сна заменят мой рассказ,
Запутанный и, как они, неясный.
И если б мог я спать, то в этот
час,
С пером в руках, я б наяву напрас-
но
Не бредил... Правда, мне не в пер-
вый раз
Просиживать в мечтах о том,
что было,
Мучительные ночи... Тайной си-
лой
Я был лишен от первых детских
лет
Забвенья жизни и забвенья бед...

Впервые опубликована П. А. Ефремовым в 1861 г. в «Библиографических записках» (№ 20, стб. 653–658) с некоторыми купюрами и неточностями.

Автографы и авторизованные копии поэмы не сохранились. Единственный дошедший до нас список О. И. Квиста (ИРЛИ) весьма неисправен. В нем имеется указание: «Было подписано: „корнет Лермонтов“». Список, по которому впервые напечатал поэму Ефремов, также не сохранился, однако в бумагах Ефремова имеется копия с этого списка (ИРЛИ). На основании данной копии вносятся поправки и дополнения в текст настоящего издания.

Поэма датируется 1836 годом. В списке О. И. Квиста рядом с заглавием имеются следующие пометы: «30 августа» и ниже (под ней): «19 сентября» (пометы перечеркнуты). По-видимому, эти даты обозначают время написания поэмы. Такое предположение поддерживается содержанием поэмы (в поэме описывается приключение, которое произошло летом во время лагерных учений), а также воспоминаниями В. П. Бурнашева (в данном случае, очевидно, вполне достовер-

ными), где указывается, что поэма написана в первой половине сентября 1836 г. (Русский архив, 1872, № 9, стб. 1779–1781).

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Поэма напечатана при жизни поэта в 1838 г. в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» (30 апр., № 18, с. 344–347) и в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (с. 1–31). Автограф не сохранился.

В издании «Стихотворений» поэма датирована 1837 г., но возможно, что замысел ее возник несколько раньше. По содержанию она связана как со стихотворением «Бородино» (1836), пафос которого – мечта о богатырях духа, так и с «Думой» (1838), исполненной негодования на больное, бездеятельное поколение. В «Песне» отразились размышления Лермонтова о нравственных и политических проблемах своей эпохи, о судьбе и правах человеческой личности, в частности, о судьбе и трагической дуэли Пушкина.

Белинский писал, что здесь «поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской

жизни перенесся в ее историческое прошед-
шее, подслушал биение его пульса, проник в
сокровеннейшие и глубочайшие тайники его
духа, сроднился и слился с ним всем суще-
ством своим, обвеялся его звуками, усвоил се-
бе склад его старинной речи, простодушную
суровость его нравов, богатырскую силу и
широкий размет его чувства...» (В. Г. Белин-
ский. Полн. собр. соч., т. 4, М., 1954, с. 504).

Опубликование «Песни» встретило серьез-
ные затруднения. Когда поэма была отпра-
влена в цензуру, «цензор нашел совершенно
невозможным делом напечатать стихотво-
рение человека, только что сосланного на Кав-
каз за свой либерализм. Издатель „Прибавле-
ний“ выручил стихотворение только тем, что
обратился к Жуковскому, который был в ве-
ликом восторге от стихотворения Лермонто-
ва, находил, что его непременно надо напеча-
тать, и дал г. Краевскому письмо к министру
народного просвещения. Уваров нашел, что
цензор был прав в своих опасениях, но разре-
шил печатание на своей ответственности, не
позволив, однако, ставить имени Лермонто-
ва, которое было заменено случайными бук-

вами» (А. Н. Пыпин. Лермонтов. – В кн.: Сочинения Лермонтова под ред. П. А. Ефремова, т. 1. СПб., 1873, с. LII).

С отроческих лет Лермонтову был свойствен интерес к народному творчеству (см.: М. Азадовский. Фольклоризм Лермонтова. – В кн.: Литературное наследство, т. 43–44, М., 1941, с. 227–262). Позже он еще более усилился под влиянием родственника и друга поэта – С. А. Раевского, который был знатоком и собирателем фольклора. В литературе о Лермонтове неоднократно указывалось на связь «Песни» с народной поэзией, в частности с былинами и историческими песнями (см.: М. Штокмар. Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова (там же, с. 263–352); В. Э. Вацуро. М. Ю. Лермонтов. – В кн.: Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976, с. 227–238). Поэт несомненно знал, например, «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», изданные в 1804 и 1818 гг. Некоторые из них («Мастрюк Темрюкович», «Иван Годинович» и др.) в какой-то степени отразились в «Песне».

Возможно, что вспомнился Лермонтову и эпизод, рассказанный Н. М. Карамзиным и относящийся к эпохе Ивана IV, о чиновнике Мясоеде Вислом, который «имел прелестную жену: ее взяли, обесчестили... а ему отрубили голову» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 9. СПб., 1834, с. 160). Первый на это указал П. В. Владимиров (см. его книгу: Исторические и народно-бытовые сюжеты в поэзии М. Ю. Лермонтова. Киев, 1892, с. 17). Обобщенный образ Ивана IV создан Лермонтовым в духе народной традиции – исторических песен об Иване Грозном – и отчасти «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Современники высоко оценили поэму. Декабрист Н. А. Бестужев писал брату П. А. Бестужеву 4 июля 1838 г. из Петровского завода: «Недавно прочли мы в приложении к Инвалиду „Сказку о купеческом сыне Калашникове“. Это превосходная маленькая поэма... вот так должно передавать народность и ее историю! Если тебе знаком и этот... въ (подпись – анаграмма под «Песней» в журнальной публикации. – *Ред.*) – объяви нам эту литератур-

ную тайну. Еще просим сказать: кто и какой Лермонтов написал „Бородинский бой“?» (Бунт декабристов. Юбилейный сборник 1825–1925. Л., 1926, с. 371). Белинский справедливо отмечал, что «поэт вошел в царство народности, как ее полный властелин, и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество» (*В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 4. М., 1954, с. 517*).

Тамбовская казначейша

Поэма напечатана при жизни поэта в 1838 г. в «Современнике» (т. 11, № 3, отд. VIII, с. 149–178) под заглавием «Казначейша» без подписи, с пропусками (название города всюду заменено буквой Т с точками, отдельные строки – черточками).

Известен рассказ И. И. Панаева о том возмущении, которое вызвали у Лермонтова эти цензурные искажения: «Он держал тоненькую розовую книжечку „Современника“ в руке и покушался было разодрать ее, но г. Краевский не допустил его до этого.

– Это черт знает что такое! Позволительно ли делать такие вещи! – говорил Лермонтов,

размахивая книжечкою... – Это ни на что не похоже!

Он подсел к столу, взял толстый красный карандаш в на обертке „Современника“, где была напечатана его „Казначейша“, набросал какую-то карикатуру» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, с. 135).

Время создания поэмы не установлено. По всей вероятности, она написана во второй половине 1837 г. или в начале 1838 г. Это подтверждается письмом Лермонтова к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г., в котором поэт сообщал, что он был у Жуковского и отнес ему «Тамбовскую казначейшу», которая будет напечатана в ближайшем номере «Современника» (см. наст. изд., т. 4). В пользу этой датировки говорят и стихи из строфы XXIX:

*О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного...
...И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я...*

В них выражено стремление Лермонтова возвратиться с Кавказа в лейб-гвардии гусарский полк (червонные ментики носили лейб-гусары). Наконец, следует учитывать и распо-

ложение черновика посвящения к «Тамбовской казначейше» на обороте листа со стихотворением «Кинжал», относящегося ко времени после первой кавказской ссылки. Но существует также предположение о том, что начало работы над «Тамбовской казначейшей!» относится к 1836 г. и в поэме непосредственно отразились впечатления Лермонтова от посещения им Тамбова в 1836 г., когда он заезжал туда по дороге в Тарханы. Поэт иронически изобразил военный и чиновничий быт. Однако провинциальный анекдот Лермонтов «неожиданно и смело переключил в драматически напряженную кульминацию шутливо начатого повествования» (см.: В. А. Мануйлов. [Послесловие]. – В кн.: М. Ю. Лермонтов. Тамбовская казначейша. Л., 1978, с. 90).

«Тамбовская казначейша» по жанру продолжает традицию шутливых реалистических поэм Пушкина – «Граф Нулин» и «Домик в Коломне».

В стихах заключительной строфы «Тамбовской казначейши» – «Признайтесь, вы меня бранили? Вы ждали действия? Страстей?» и следующих – содержится не только деклара-

ция Лермонтова об отходе его от эстетических норм романтической поэзии, но, возможно, и полемика с «Северной пчелой». Ведь именно Булгарин, возражая Гоголю, который в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (Современник, 1836, т. 1) жаловался на равнодушие читателей к поэзии, прямо призывал: «Давайте действия, давайте страстей», и утверждал, что тогда-то «поэзия воскреснет» (Северная пчела, 1836, 6 июня, № 127, с. 508. Об этом см. в статье: Э. Герштейн «Тамбовская казначейша». – В кн.: Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 404–405). Лермонтов иронически откликнулся в своей поэме на эти слова Булгарина. Так поэт продолжал литературную борьбу, начатую Пушкиным, за реалистическое, лишенное экзотики и мелодраматизма изображение повседневной действительности.

Беглец

Впервые опубликована в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (кн. II. СПб., 1846, с. 154–158) с некоторыми искажениями.

Датируется предположительно 1838 годом на основании свидетельства А. П. Шан-Гирея

(см.: Сочинения М. Ю. Лермонтова под ред. П. А. Висковатова, т. 2, с. 302). Возможно, что на разработке сюжета «Беглеца» сказались и знакомство Лермонтова с неоконченной поэмой Пушкина «Тазит», которая в 1837 г. была напечатана в «Современнике» (т. 7) под названием «Галуб».

Поэт дал своей поэме подзаголовок «Горская легенда». Песню или легенду на сходный сюжет он мог слышать на Кавказе, когда был сослан туда в 1837 г. В книге Тетбу де Марины «Путешествие в Черкессию» (Брюссель, 1821) есть упоминание о черкесской песне, содержащей «жалобу юноши, которого хотели изгнать из страны, потому что он вернулся один из экспедиции против русских, где все его товарищи погибли» (см.: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, с. 84).

В «Беглеце» повествуется о борьбе кавказских горцев за независимость. Этой поэме в особенности присущ пафос героики и свободлюбия, характерный для всего творчества Лермонтова.

Песня «Месяц плывет» в несколько изме-

ненном виде была перенесена в поэму «Беглец» из поэмы «Измаил-Бей». (Если в «Измаил-Бее» говорилось, что «погибнет без славы» «любви изменивший», то в «Беглеце» это «своим изменивший», что резко меняет акцент). Н. Г. Чернышевский включил в роман «Повести в повести» (1863) зачеркнутый в автографе, но печатавшийся длительное время в тексте «Беглеца» отрывок:

*В горах никого нет,
Кто б вынес позор,
И труса прогонит
Красавица гор*

*(Н. Г. Чернышевский. Полн. собр.
соч., т. 12. М., 1949. с. 275).*

(см.: И. Я. Заславский. Поэма М. Ю. Лермонтова «Беглец». Поэма о мужестве и гражданском долге. Опыт идейно-эстетического анализа. Киев, 1967, с. 74–75).

Демон

При жизни Лермонтова поэма не печаталась, но получила довольно широкое распространение благодаря множеству списков. Они восходили к различным редакциям поэмы и

иногда искусственно комбинировались переписчиками. Автографа или авторизованных копий последней редакции «Демона» не сохранилось. Поэтому долгое время вопросы текста и датировки поэмы вызывали затруднение: ее завершение чаще всего относилось к 1841 г.

Теперь документально установлено, что Лермонтов окончил работу над «Демоном» в начале 1839 г. (не позднее 8 февраля) и что дошедшая до нас копия, сделанная родственником поэта А. И. Философовым, достаточно точно воспроизводит автограф этой редакции (см. об этом: Э. Э. Найдич. Последняя редакция «Демона». – Рус. лит., 1971, № 1, с. 72–78).

Выяснено также, что 10 марта 1839 г. рукопись «Демона» получила цензурное разрешение, но по каким-то причинам поэма не была напечатана (Вацуро В. Э. К цензурной истории «Демона» – В кн.: Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979, с. 410–414).

Впервые отрывки из «Демона» опубликованы в «Отечественных записках» (1842, № 6, отд. I, с. 187–201) по списку, собственноручно изготовленному В. Г. Белинским и представ-

ляющему соединению текстов двух редакций (8 сентября 1838 г. и последней). Однако на этот раз даже публикация отрывков проходила с большими цензурными трудностями.

Полностью «Демон» по уже названной авторитетной копии А. И. Философова был напечатан им в 1856 г. в Карлсруэ ограниченным тиражом (28 экз.), чтобы раздать экземпляры «высоким особам» и добиться отмены цензурного запрещения. В том же году «Демон» был напечатан в Берлине, а в 1857 г. снова в Карлсруэ. Однако оба эти издания в текстологическом отношении значительно уступали первой философской публикации.

В России «Демон» (в последней редакции) полностью напечатан в 1860 г. (собрание сочинений Лермонтова под ред. Дудышкина, т. 1, с. 7–50; с некоторыми неточностями).

Лермонтов начал писать поэму в четырнадцатилетнем возрасте и возвращался к ней на протяжении всей жизни. Несмотря на многочисленные переделки, первая строка – «Печальный Демон, дух изгнанья», возникшая в 1829 г., сохранилась и в окончательном варианте.

Первый набросок 1829 г. содержал всего 92 стиха и краткое прозаическое изложение содержания (см. с. 437), передающее сюжет всех ранних редакций. К началу 1830 г. относится II редакция, заключающая уже законченный очерк «Демона». В последующих III (1831 г.) и V редакциях (1832–1833 гг.) Лермонтов постепенно разворачивает образ Демона и монахини, несколько расширяет описательные элементы, совершенствует стих. По сути дела все эти три законченных юношеских редакции являются вариантами одной. Однако между переходами от редакции к редакции у Лермонтова возникали иные замыслы, связанные с тем же героем. Так, незадолго до создания III редакции он сделал запись: «Метод: написать длинную сатирическую поэму: приключения демона» (1831 г.).

В том же году Лермонтов набрасывает семь строф так называемой IV редакции, написанной другим размером.

К 1832 г. относится запись сюжета, не осуществленного Лермонтовым: «Демон. Сюжет. Во время пленения евреев в Вавилоне (из Библии). Еврейка; отец слепой; он в первый

раз видит ее спящую. Потом она поет отцу про старину и про близость ангела; и проч. как прежде. Евреи возвращаются на родину – ее могила остается на чужбине» (см. наст. изд., т. 4).

Работа над ранними редакциями была в основном завершена в начале 1833 г.

В 1834 г. были сделаны некоторые сокращения в тексте V редакции (1833–1834), отраженные в авторизованной копии, выполненной рукою друга Лермонтова А. П. Шан-Гирея. Кроме того, в одном из списков (Р. В. Зотова) содержится интересное дополнение, начинающееся словами «Обломки старых поколений» (см. с. 486).

В ранних редакциях Лермонтову не удалось добиться художественной целостности и убедительности. Поэма носила отвлеченно-философский характер, действие развешивалось в условной обстановке, образы героев, в особенности монахини, не были индивидуализированы, центральный образ был сознательно соотнесен с лирическим героем («Как демон мой, я зла избранник»).

Принципиально новым этапом в работе

над поэмой становятся редакции, созданные поэтом после возвращения с Кавказа.

Зрелые редакции «Демона» отличаются большей идейной глубиной, символической многоплановостью, конкретностью изображения, психологической разработкой образов главных героев, недостижимой высотой в изображении картин природы. От редакции к редакции усиливается объективная манера повествования, превратившая «Демона» в «восточную повесть», насыщенную фольклорными мотивами, изображением грузинского феодального быта.

Происходит и существенное изменение в сюжете. В период между ранними и поздними редакциями Лермонтов создал «Маскарад», где демонический герой также пытался вырваться из мира зла через любовь. Убийство Нины было одновременно проявлением злой воли Арбенина и результатом сцепления обстоятельств, отражающих несправедливый миропорядок. В этом смысле и следует понимать слова Арбенина «Не я ее убийца». Смерть Тамары в поздних редакциях поэмы происходит не по вине главного героя, а в ре-

результате закона мироздания, установленного богом: соприкосновение с Демоном приносит гибель.

Впервые действие поэмы связывается с людьми и природой Кавказа в так называемой ереванской редакции, написанной Лермонтовым вскоре после возвращения из Грузии в первой половине 1838 г. Это первоначальный вариант VI, «лопухинской», редакции, единственной из поздних редакций «Демона», сохранившийся в авторизованной копии с датой 8 сентября 1838 г. Рукопись эта была подарена В. А. Лопухиной и сопровождается посвящением («Я кончил – и в груди невольное сомненье!»). Здесь появились знаменитые стихи «На воздушном океане» (в «ереванском» списке этот монолог был написан другим размером: «Взгляни на свод небес широкий»). В остальном тексты названных редакций весьма близки.

VI редакция получила известность во множестве списков. Собираясь опубликовать поэму, Лермонтов продолжал совершенствовать текст и одновременно учитывал сложность прохождения такого рода произведения через

цензуру. Он сохранил без изменений образ Демона, но сочинил новый конец поэмы, в котором ангел спасает душу Тамары. Самый ее образ, описание Тамары в гробу подверглись изменениям. Однако двойное поражение Демона лишь усилило пафос отрицания и тему отчаяния, не изменив общего философского замысла поэмы. Так возникла VII редакция поэмы от 4 декабря 1838 г.

В начале 1839 г. поэма привлекла внимание высших кругов общества, близких к императорскому двору. Ею заинтересовалась императрица. Ко двору был представлен исправленный и каллиграфически переписанный текст, в который поэт внес новые поправки и исключил диалог о боге («Зачем мне знать твои печали?»).

8–9 февраля этот текст был прочитан императрице и возвращен автору. VIII редакция поэмы, после которой текст уже не переделывался, легла в основу карлсруйского издания 1856 г.

Переработка поэмы в 1838–1839 гг. представляет сложный творческий процесс; его нельзя свести к приспособлению поэмы к

цензурным условиям. Устраняя некоторые строки, недопустимые с точки зрения цензуры, Лермонтов вместе с тем изменял сюжет, отдельные части текста, обогатил характеристики и описания, отшлифовал произведение в целом. При переделке поэмы возникли новые монологи Демона, ставшие выдающимися достижениями русской поэзии. Поэтому возвратиться к VI редакции «Демона», отвергнув позднейшие, как это предлагали некоторые исследователи, невозможно.

Вместе с тем VI редакция представляет значительный интерес для понимания идейного замысла поэмы. Она печатается полностью в приложении к основному тексту. Там же печатаются отрывки из первой кавказской редакции «Демона», известные по ереванскому списку Х. И. Кучук-Ованесяна и по списку Олимпиады Лермонтовой (ксерокопии в ИРЛИ и ГПБ). В этих списках тексту поэмы предпослано посвящение «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...», напечатанное впервые как отдельное стихотворение (в сборнике «Молодик», 1844 г.) и помещенное в академическом собрании сочинений Лермонтова (т. 2.

М.–Л., 1954, с. 233) под № 1 рядом с начинающимся одинаковым четверостишием стихотворением «Тебе, Кавказ, суровый царь земли», обозначенным № 2 (там же, с. 234). Теперь выяснено, что стихотворение № 2 было написано вне связи с «Демоном». Автограф этого стихотворения, находящийся в частном собрании, расположен на двойном листе с рисунком и подписью под ним рукою Лермонтова «21 мая после прогулки на мельницу Волобуева». Недавно найден еще один похожий рисунок Лермонтова, также сделанный под Ставрополем с подписью поэта «1837 г. 13 мая. Волобуева мельница» (См. Наука и жизнь, 1972, № 1, с. 18–20). Следовательно, стихотворение «Тебе, Кавказ, суровый царь земли», обозначенное в академическом издании № 2, создано в мае 1837 г., когда кавказской редакции «Демона» еще не существовало. Эта дата позволяет уточнить вопрос о соотношении двух текстов и внести коррективы в существующие комментарии (см. с. 538, 621 т. 1 наст. изд.). Текстуально, тематически и по поэтическим особенностям стихотворение «Тебе, Кавказ, суровый царь земли» связано с по-

священием к «Аулу Бастунджи» и в редакции 1837 г. мыслилось, по-видимому, как самостоятельное стихотворение, посвященное предстоящей встрече поэта с горами Кавказа. Редакция 1837 г. – черновая, не подвергшаяся окончательной отделке. В 1838 г. она полностью перерабатывается, и на ее основе возникает последняя редакция «Тебе, Кавказ, суровый царь земли» (№ 1); она создана уже на севере (ср. строки: «На севере – в стране тебе чужой Я всюду твой – всегда и всюду твой») и предпослана «Демону» в виде посвящения. В настоящем издании именно эта редакция печатается в т. 1 (с. 510) как окончательная; предшествующую редакцию 1837 г. см. в настоящем томе на с. 486–487.

Поэма Лермонтова основана на библейском мифе о падшем ангеле, восставшем против бога. К этому образу, олицетворяющему «дух отрицания», обращались многие европейские поэты (Сатана в «Потерянном рае» Мильтона, Люцифер в байроновском «Каине», Мефистофель в «Фаусте» Гете, Падший дух в поэме «Элоа» Виньи и др.), а также Пушкин в стихотворениях «Демон» и «Ангел». Однако

Лермонтов в разработке сюжета и трактовке главного образа вполне оригинален, он не идет прямо за кем-либо из своих предшественников. Своеобразие лермонтовского «Демона» в том, что он необычайно возвышен и внутренне трагичен. В конечном счете, сквозь символично-философскую форму в поэме проступают черты лермонтовского современника с его идейными и нравственными исканиями.

Если в «Фаусте» Гете жизненная диалектика раскрывалась в соотношении образов Фауста и Мефистофеля, то Лермонтов как бы совместил эти образы, сосредоточив тем самым внимание на внутренних противоречиях и судьбе личности.

В. Г. Белинский обращался к образу Демона, чтобы определить общий характер поэзии Лермонтова: «Демон не пугал Лермонтова; он был его певцом» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1955, с. 37). Тема Демона связывалась Белинским с пафосом борьбы и отрицания, которыми насыщена лермонтовская мысль: «исполинский взмах, демонский полет – с небом гордая вражда» – такими слова-

ми определял критик основную особенность поэзии Лермонтова (там же, т. 12. М., 1956, с. 84). Он был солидарен со своим корреспондентом В. П. Боткиным, который видел в «Демоне» «отрицание духа и мирозерцания, выработанного средними веками, или, еще другими словами – пребывающего общественного устройства» (письмо В. П. Боткина к В. Г. Белинскому от 31 марта 1842 – в кн.: *Белинский*. Письма. Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого, т. II. СПб., 1914, с. 419).

Позднее, в письме к В. П. Боткину от 17 марта 1842 г., Белинский, называя поэму «детским, незрелым» и в то же время «колоссальным созданием», писал взволнованно: «„Демон“ сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня – миры истин, чувств, красот» (*В. Г. Белинский*. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1956, с. 85 и 86).

Мцыри

Напечатана при жизни поэта в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (с. 121–159) с пропуском по цензурным условиям некоторых стихов.

Написана в 1839 г. (на обложке тетради

имеется помета Лермонтова: «1839 года Августа 5»).

В автографе поэма была названа «Бэри» с примечанием: «Бэри, по-грузински монах». Там же, на л. 3 сначала был написан эпиграф: «On n'a qu'une seule patrie» («У каждого есть только одно отечество»), позже зачеркнутый Лермонтовым и замененный эпиграфом из 1-й Книги царств, гл. 14 («Вкушая вкусих мало меда, и се аз умираю»). Этот библейский эпиграф имеет символическое значение нарушения запрета. Самим же поэтом было заменено заглавие, и в сборник «Стихотворения М. Лермонтова» поэма вошла под названием «Мцыри». По-грузински «мцыри» означает, во-первых, «послушник», а во-вторых, «пришелец», «чужеземец», прибывший добровольно или привезенный насильственно из чужих краев, одинокий человек, не имеющий родных, близких (см.: *В. Шадури. Заметки о грузинских связях Лермонтова. – Литературная Грузия, 1964, № 10, с. 102–103*). Лермонтов выбросил многие стихи, которые имелись в первоначальной редакции. Так, он вычеркнул, например, 46 стихов после стиха «Люблю, как

жизнь мою» (окончание песни золотой рыбки, с. 423), в которых заключалось описание горцев – соотечественников Мцъри, в том числе и его отца), сражавшихся за свою свободу. Приводим их полностью:

*Но скоро вихорь новых грез
Далече мысль мою унес,
И пред собой увидел я
Большую степь... Ее края
Тонули в пасмурной дали,
И облака по небу шли
Косматой бурною толпой
С невыразимой быстротой:
В пустыне мчится не быстрее
Табун испуганных коней,
И вот я слышу: степь гудит,
Как будто тысячу копыт
О землю ударялись вдруг.
Гляжу с боязнию вокруг,
И вижу: кто-то на коне,
Взвивая прах, летит ко мне,
За ним другой, и целый ряд...
Их бранный чуден был наряд!
На каждом был стальной шелом
Обернут белым башлыком,
И под кольчугою надет
На каждом красный был бешмет.*

Сверкали гордо их глаза;
И с диким свистом, как гроза,
Они промчались близ меня.
И каждый, наклонясь с коня,
Кидал презренья полный взгляд
На мой монашеский наряд
И с громким смехом исчезал...
Томим стыдом, я чуть дышал,
На сердце был тоски свинец...
Последний ехал мой отец.
И вот кипучего коня
Он осадил против меня,
И тихо приподняв башлык,
Открыл знакомый бледный лик:
Осенней ночи был грустней
Недвижный взор его очей,
Он улыбался – но жесток
В его улыбке был упрек!
И стал он звать меня с собой,
Маня могучею рукой,
Но я как будто бы прирос
К сырой земле: без дум, без слез,
Без чувств, без воли я стоял
И ничего не отвечал.

Иногда Лермонтов сам выбрасывал стихи, по всей вероятности, из цензурных соображений. В частности, он зачеркнул 69 стихов по-

сле стиха «И кинул взоры я кругом» (глава 20), в которых Мцъри упрекает бога за то, что тот ему «Дал вместо родины тюрьму». Вот эти стихи:

*Тот край казался мне знаком...
И страшно, страшно стало мне!..
Вот снова мерный в тишине
Раздался звук: и в этот раз
Я понял смысл его тотчас:
То был предвестник похорон,
Большого колокола звон.
И слушал я, без дум, без сил,
Казалось, звон тот выходил
Из сердца, будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
О боже, думал я, зачем
Ты дал мне то, что дал ты всем,
И крепость сил, и мысли власть,
Желанья, молодость и страсть?
Зачем ты ум наполнил мой
Неутолимою тоской
По дикой воле? Почему
Ты на земле мне одному
Дал вместо родины тюрьму?
Ты не хотел меня спасти!
Ты мне желанного пути
Не указал во тьме ночной,*

И ныне я как волк ручной.
Так я роптал. То был, старик,
Отчаянья безумный крик,
Страданьем вынужденный стон.
Скажи? Ведь буду я прощен?
Я был обманут в первый раз!
До сей минуты каждый час
Надежду темную дарил,
Молился я, и ждал, и жил.
И вдруг унылой чередой
Дни детства встали предо мной.
И вспомнил я ваш темный храм
И вдоль по треснувшим стенам
Изображения святых
Твоей земли. Как взоры их
Следили медленно за мной
С угрозой мрачной и немой!
А на решетчатом окне
Играло солнце в вышине...
О, как туда хотелось мне,
От мрака кельи и молитв,
В тот чудный мир страстей и
битв...
Я слезы горькие глотал,
И детский голос мой дрожал,
Когда я пел хвалу тому,
Кто на земле мне одному
Дал вместо родины – тюрьму...

*О! Я узнал тот вещий звон,
К нему был с детства приучен
Мой слух. – И понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложит уж никогда.
И быстро духом я упал.
Мне стало холодно. Кинжал,
Вонзаясь в сердце, говорят,
Так в жилы разливает хлад.
Я презирал себя. Я был
Для слез и бешенства без сил.
Я с темным ужасом в тот миг
Свое ничтожество постиг
И задушил в груди моей
Следы надежды и страстей,
Как душит оскорбленный змей
Своих трепещущих детей...
Скажи, я слабою душой
Не заслужил ли жребий свой?*

В поэме «Мцыри» повторены многие мысли и отдельные стихи из более ранних поэм – «Исповеди» и «Боярина Орши». Если в «Исповеди» характер героя раскрывается в основном в чувстве любви, то в «Боярине Орше» он усложняется, внутренний мир его расширяется: Арсений «тоской по вольности томим». Поведение Мцыри уже полностью определяется

устремлениями к свободе. Мотив противопоставления природы законам общества, стесняющим свободу личности, оказался в «Мцыри» особенно устойчивым.

Образ Мцыри – оригинальное создание Лермонтова. В отличие от разочарованного героя романтической поэмы, Мцыри свойственно стремление к яркой и полноценной жизни. В его романтическом образе поэт создал героический характер борца против гнета и насилия над личностью. Мцыри противостоит монастырскому миру, так как монастырь – это символ действительности, враждебной природной естественности и простоте. Природа в поэме не только живописный фон, но и действенная сила. В ней – величие и красота, отсутствующие в человеческом обществе. Природа заключает в себе грозную опасность, но она же приносит радость наслаждения красотой, дикой вольностью, позволяет герою в полной мере проявить себя. Позиция Лермонтова определяется руссоистским утверждением, что в природе человека – залог возможной гармонии, между тем как в обществе, напротив, – источник дисгар-

монии. Проблематика поэмы предвосхищает типично толстовскую литературную ситуацию: представление о простой патриархальной жизни как общественной норме и трагическая невозможность героя реализовать свое стремление к ней.

Существует рассказ П. А. Висковатова о возникновении замысла поэмы, основанный на свидетельствах А. П. Шан-Гирея и А. А. Хастатова. Поэт, странствуя в 1837 г. по старой Военно-грузинской дороге, «наткнулся в Мцхете... на одинокого монаха или, вернее, старого монастырского служку, „Бэри“ по-грузински. Сторож был последний из братии упраздненного близлежащего монастыря. Лермонтов с ним разговорился и узнал от него, что родом он горец, плененный ребенком генералом Ермоловым во время экспедиции. Генерал его вез с собою и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он и вырос; долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его на край могилы. Излечившись, дикарь угомонился и

остался в монастыре, где особенно привязался к старику монаху. Любопытный и живой рассказ „Бэри“ произвел на Лермонтова впечатление... и вот он решился воспользоваться тем, что было подходящего в „Исповеди“ и „Боярине Орше“, и перенес все действие из Испании и потом Литовской границы – в Грузию. Теперь в герое поэмы он мог отразить симпатичную ему удаль непреклонных свободных сынов Кавказа, а в самой поэме изобразить красоты кавказской природы» (Рус. старина, 1887, кн. 10, с. 124–125).

Если даже сведения, сообщенные Висковатовым, не совсем достоверны, нельзя не учитывать того обстоятельства, что захват русскими в плен горцев-детей был в период завоевания Кавказа типичным явлением. Известно, например, что художник-академик П. З. Захаров (из чеченцев) ребенком был взят в плен русскими и генерал Ермолов отвез его в Тифлис. Лермонтов мог знать полную драматизма историю Захарова и другие, аналогичные ей (Н. Ш. Шабаньянц. Академик Захаров П. З. (художник из чеченцев) (1816–1846 гг.). Изд. 2-е, перераб. и доп. Гроз-

ный, 1974). Сюжетная ситуация и образы поэмы вполне конкретны, хотя одновременно они и символичны. Реальный образ томящегося в неволе героя-горца вместе с тем – символ современного Лермонтову молодого человека, переживающего в условиях после 14 декабря 1825 г. подобного же рода драму.

«Мцыри» почти целиком представляет собой монолог героя, что является одной из характерных особенностей романтической поэмы. Стих поэмы чрезвычайно выразителен; «этот четырехстопный ямб с одними мужскими окончаниями, как в „Шильонском узнике“, по словам В. Г. Белинского, «звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву. Упругость, энергия и звучное, однообразное падение его удивительно гармонируют с сосредоточенным чувством, несокрушимою силою могучей природы и трагическим положением героя поэмы» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 4. М., 1954, с. 543).

В начале поэмы Лермонтов описал древний Мцхетский собор и могилы последних грузинских царей Ираклия II и Георгия XII, при котором состоялось в 1801 г. присоеди-

ние Грузии к России. Кавказский материал в поэме насыщен фольклорными мотивами. Так, центральный эпизод «Мцыри» – битва героя с барсом – основан на мотивах грузинской народной поэзии, в частности хевсурской песни о тигре и юноше, тема которой нашла отражение и в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (см.: *Ираклий Андроников*. Лермонтов. М., 1951, с. 144–145). Известны 14 вариантов древней грузинской песни «Юноша и тигр», опубликованные А. Г. Шанидзе (см.: *Л. П. Семенов*. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941, с. 60–62).

Сохранились воспоминания современников о чтении «Мцыри» самим автором. «Мне случилось однажды, – пишет А. Н. Муравьев, – в Царском Селе уловить лучшую минуту его вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. „Что с тобою?“ спросил я. „Сядьте и слушайте“, – сказал он, и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю великолепную поэму Мцыри... которая только что

вылилась из-под его вдохновенного пера... Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления» (А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 27).

Известно также, что Лермонтов 9 мая 1840 г. (в день именин Гоголя) в Москве «читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы „Мцыри“, и читал, говорят, прекрасно» (С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960, с. 38).

«Мцыри» как романтическая поэма о герое-бунтаре имела своих предшественников в литературе. Указывалось на связь ее с «Чернецом» (1825) И. И. Козлова (внешнее сходство сюжетов и различное идейное содержание), с декабристской литературой. Отмечалась, в частности, близость «Мцыри» к «Войнаровскому», «Наливайко» и «Думам» Рыльева (все – 1825).

Поэма Лермонтова обнаруживает также его знакомство с поэзией И.-В. Гете: в песне рыбки-русалки в известной степени воссоздана сюжетная ситуация стихотворений «Лес-

ной царь» (1782) и «Рыбак» (1779).

Бунтарский пафос поэмы «Мцыри» оказался близким революционным демократам. «Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью», – отмечал Белинский (*В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 4. М., 1954, с. 537*).

По мысли Н. П. Огарева, «Мцыри» у Лермонтова – «его самый ясный или единственный идеал» (*Н. П. Огарев. Избранные произведения, т. 2. М., 1956, с. 485*).

Сказка для детей

Впервые опубликована в 1842 г. в «Отечественных записках» (т. 20, № 1, отд. I, с. 116–123).

Поэма осталась незаконченной: сюжетные линии произведения не замкнуты, не имеет структурной законченности эпическая часть повествования, оборван вмонтированный в нее монолог Мефистофеля, намечены лишь исходные моменты в судьбе Нины, основной

героини поэмы. В первых же строфах произведения содержатся, кроме жанровой его характеристики, композиционные наметки повествования – «волшебнo-темная» завязка, «печальный ряд» эпизодов, касающихся то «тайных дел, семейных и любовных», то «страшных тайн» истории, «минувших лет, событий роковых»; обещан автором и конец, который «не будет без морали». В целом автор сообщает, что он намеревался написать «легкую поэму в сорок песен» (в другом месте – «короткую поэмку в сорок песен»). Написано же 27 строф, которые оканчиваются строкой точек, обозначающих недосказанность.

Датируется поэма по упоминанию в черновом тексте о международных событиях того времени – турецко-египетском конфликте 1839–1841 гг.:

*Меж тем о благе мира чуждых
стран
Заботимся, хлопочем мы не в ме-
ру,
С Египтом новый сладил ли сул-
тан?*

Что Тьер сказал – и что сказали Тьеру?

Поэма не могла быть написана ранее второй половины 1839 г.: новый султан, который упоминается в тексте, – Абдул-Меджид, вступил на престол 30 июня 1839 г. Кончена поэма не позднее начала мая 1840 г., так как рукопись была оставлена Лермонтовым А. А. Кравецкому перед отъездом поэта в ссылку на Кавказ. Вернее всего, поэма писалась весной 1840 г., когда Адольф Тьер, также упоминаемый в тексте, возглавил новый французский кабинет (1 марта 1840 г.).

Поэма написана Лермонтовым 11-строчной строфой, которую он впервые применил в «Сашке». «Сашка» и является одним из подступов к «Сказке...» в шутливой разработке демонической темы. Небольшая, в несколько строк, зарисовка ночных «дел, которых знать и черт бы не хотел», в «нравственной поэме» «Сашка» разрастается в «Сказке...» в ведущую линию повествования – монолог Мефистофеля, озирающего раскинувшуюся перед ним ночную панораму грешной земли. Высказывалось предположение, что поэма «Сашка» и

так называемое «Начало поэмы», считавшееся второй главой «Сашки», а также «Сказка для детей» представляют фрагменты единого, но неосуществленного замысла.

В «Сказке для детей» соединяются фантастика (отсюда название – «сказка») и реальный план, иронический, шутливый тон и высокий лиризм. «Сказка...» как шутливая повесть в стихах, содержащая и эстетическую самохарактеристику (рассуждения о стихе, о рифмах и т. д.), справедливо сравнивалась с «Домиком в Коломне» Пушкина. Но она имеет некоторые общие черты и с другими произведениями Пушкина – например, с поэмой «Медный всадник» (широкий исторический фон, лиризм, в частности лирическое описание белых ночей в Петербурге, построенное на метафорической картине встречи «ночного полусвета» с «новой денницей»). Указывалось и на влияние Байрона на «Сказку...».

Фантастический план поэмы с «ее волшебнотемной завязкой» определяется героем поэмы – новым вариантом образа Демона, но это уже иной Демон, он рисуется без героического ореола и становится персонажем петер-

бургской повести, посвященной истории героини, ее детству и воспитанию, формированию ее характера. В поэме проявился интерес Лермонтова к углубленному психологическому анализу.

Героиня поэмы – маленькая Нина – при всем ее лирическом обаянии – натура в потенции трагическая, из тех, что рождены «для мук и счастья» – для «добра и зла в них пищи много». Это один из первых в русской литературе сложных женских образов. Интерес писателя сосредоточен на процессе становления такой личности, его зависимости от обстоятельств, которые породили и Арбениных и Печориных. «Сказка...» создавалась после «Маскарада» и почти одновременно с «Героем нашего времени», представляя собой заключительный этап в работе поэта над темой Демона. Сатирическое снижение могучего образа, долгое время волновавшего «юный ум» поэта, в последней поэме относительно. В самой декларации отречения от «волшебной-сладкой красоты» прежнего Демона есть некая литературная условность, так как Мефистофель «иного сорта» лишен зримых величествен-

ных форм, но не лишен высокой ценностной характеристики («Жизнь, сила, чувство, зренье, голос, слух – И мысль – без тела – часто в видах разных...») В обзоре литературы за 1842 г. В. Г. Белинский назвал «Сказку» «лучшим, самым зрелым из всех его произведений», несмотря на ее незавершенность (*В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1955, с. 533*). С точки зрения «углубления в действительность жизни» и живописного проникновения в русский быт высоко оценил неоконченную поэму Лермонтова Гоголь. По его словам, «Сказка» – есть «лучшее стихотворение» поэта, в котором новый демон «получает больше определительности и больше смысла». («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». – *Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 8. [М.–Л.], 1952, с. 402*). Такую же высокую оценку «началу стихотворного романа» Лермонтова дал Н. П. Огарев: «Это просто роскошь... Может быть – самая лучшая пьеса Лермонтова» (см. *М. О. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, с. 462*).

«Сказка для детей» оказала воздействие на литературу позднейшего времени. Устанав-

ливалось влияние поэмы Лермонтова на поэму «Параша» И. С. Тургенева (*В. Буренин. Литературная деятельность Тургенева. СПб., 1884, с. 11*) и на «Талисман» Фета (*Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. 2. М.–Л., 1961, с. 393–397*).

Известны попытки «продолжить» «Сказку...» с целями мистификации или использования произведения Лермонтова в идейной борьбе последующих времен. Своеобразной мистификацией можно считать «свободный» перевод «Сказки...» на немецкий язык Ф. Боденштедтом, который произвольно увеличил текст 4-й и 5-й строф и вместо окончания произведения приписал от себя лишнюю строфу (см. об этом: *Н. А. Сигал. Боденштедт – переводчик Лермонтова. – Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, 1941, вып. 8, с. 335, 339, 348; Н. В. Попова. Лермонтов или Боденштедт? – Филологические науки, 1964, № 3, с. 34–41*). В Петербурге в 1859 г. вышло «Продолжение „Сказки для детей“ М. Ю. Лермонтова», соч. Неизвестного. Автором оказался провинциальный житель, сотрудник иркутской газеты Ю. Волков, который в духе социальной проблематики своего времени, прибегая к реминисценциям

из «Сказки...», изобразил историю отвергнутой любви аристократки Нины к герою демократического происхождения.

Примечания

1

Уздени – в Кабарде горцы-землевладельцы.

[^^^]

2

*Наслаждайся и страдай!
Терпи и довольствуйся!
Люби, надейся и верь!*

Конец.

(Нем.).

[^^^]

3

Сайгак (сайга) – разновидность диких коз, встречается в степях Северного Кавказа.

[^^^]

4

Тулук (бурдюк) – мешок из шкур животных для хранения вина и других жидкостей; использовался для переправы через мелкие, но быстрые кавказские речки.

[^^^]

*Долго счастье ему благоприятствовало
В таком опасном ремесле.
Увы! Он становится чрезмерно
смелым,
Потому что был чрезмерно
счастливым.
Лагарп.*

(Франц.).

[^^^]

Геллеспонт – древнегреческое название Дарданелльского пролива. В данном случае Лермонтов употребил это географическое название не точно, имея в виду прилегающую к проливу северную часть Эгейского моря.

[^^^]

Афос – греческая форма названия горы Афон. Эта же форма встречается во всех западноевропейских языках (*Athos*).

[^^^]

Лемос (правильно: *Лемнос*) – остров в северной части Эгейского моря. С Афона виден город Кастрон (крепость) на западном берегу Лемноса.

[^^^]

Царьград – древнерусское название Константинополя, столицы бывшей Византийской империи (ныне г. Стамбул в Турции).

[^^^]

10

Речь идет о боге грома и молнии (Перуне), которому поклонялись древние славяне. Перун считался богом-покровителем войны.

[^^^]

Лада (ладо) – припев зимних, весенних и летних, а также свадебных песен славян («Ай дид, ой ладо», «ой ди ди ладу» и т. п.). В XVIII–XIX вв. некоторые фольклористы (М. Д. Чулков, А. Н. Афанасьев и др.) считали, что Лада – имя славянской богини веселья и всякого благополучия, жертвы которой приносили готовящиеся к вступлению в брак. А. А. Потебня в работе «Объяснения малорусских и сродных народных песен» (отдельный оттиск из «Русского филологического вестника»; Варшава, 1883, с. 16–38) показал неосновательность такого предположения.

[^^^]

Ср. у Пушкина в стихотворении «Домовому»:
«Они знакомы вдохновенью».

[^^^]

Скальды – древнескандинавские певцы, слагавшие и собиравшие рассказы, стихотворения и песни о героях и их подвигах.

[^^^]

Стрибог – бог ветра по представлениям древних славян (упоминается в «Слове о полку Игореве» и в «Повести временных лет»). Обращение к Стрибогу Лермонтов ввел во II отрывок, вероятно, под влиянием летописи, где рассказывается о том, как Олег, приплыв к столице Византии, «поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю» (см.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 1. СПб., 1816, с. 132).

[^^^]

Варяги – древнерусское и византийское название скандинавов. Здесь так назван Олег, родственник варяга Рюрика, якобы положившего начало Русскому государству (согласно антинаучной, так называемой «норманской», теории, имевшей распространение в XIX в.).

[^^^]

Веси – деревни, села (старинное название).

[^^^]

Печенеги – тюркоязычный народ, кочевавший в VIII–IX вв. между низовьями Волги и Яиком (теперь река Урал). Здесь допущена историческая неточность: набеги печенегов начались только при Игоре, после смерти Олега.

[^^^]

Казары (правильно: хазары) – племена и народности, в основном тюркские, некогда жившие в низовьях Волги и на Дону. Олег подчинил себе некоторые племена, ранее платившие дань хазарам.

[^^^]

Ср. со стихами из «Евгения Онегина»: «Враги!
Давно ли друг от друга» (гл. VI, строфа XXVIII).

[^^^]

Описания финской природы в последней строфе поэмы могли быть навеяны произведениями К. Н. Батюшкова («Отрывок из писем русского офицера о Финляндии») и Е. А. Баратынского («Эда», «Финляндия»).

[^^^]

*Избави, боже, от ревности.
Отелло. В. Шекспир.*

(Англ.)

[^^^]

Эдем – мифическая страна, в которой, согласно библейскому рассказу, находился рай.

[^^^]

Стихи, начиная от строки «*Заботы вьются в сумраке ночей*» и до «*Не отстают ни в куще, ни в бою*» – вольное переложение двух строф оды XVI Горация (II книга), крупнейшего римского поэта (65–8 до н. э.).

[^^^]

В стихах, начиная от строки «*Я прихожу в гре-
мящий маскарад*» и в следующих, подчерки-
вающих фальшь светского общества, содер-
жится как бы зерно будущего замысла драмы
«Маскарад» (см. наст. изд., т. 3).

[^^^]

Чичисбей – в XVI–XVIII вв. в Италии постоянный спутник богатой, знатной женщины, с которым она выходила на прогулку. Здесь это слово употреблено в значении «возлюбленный».

[^^^]

Стихи, начиная от строки «Средь гор кавказских есть, слышал я, грот» и следующие, тематически и стилистически близки к стихотворению Пушкина «Обвал» (1829).

[^^^]

Аквилон – северный или северо-восточный ветер.

[^^^]

*Когда такой герой будет жить
вновь?*

Гяур. Байрон.

(Англ.)

[^^^]

Чернобог – по славянской мифологии, бог, воплощавший начало зла (в противоположность Белбогу).

[^^^]

Имя «*Ингелот*» встречается у Карамзина в «Истории государства Российского» (в тексте договора с греками, в числе подписей русских послов).

[^^^]

Песнь Ингелота. Написана так называемым «русским размером», которым пользовался, между прочим, А. Н. Радищев в «Бове».

[^^^]

Кривичи – восточнославянское племя.

Весь – древнее племя, жившее в районе Белозера и слившееся в IX–XII вв. со славянами.

Чудью называли в русских летописях финские племена.

[^^^]

Рюрик, Трувор и Синав (Синеус) – три брата-варяга, согласно антинаучной, так называемой «норманской», теории происхождения Руси, положившие начало Русскому государству. Лермонтов изображает их насильниками – поработителями славянской вольности.

[^^^]

*Сказание седых времен!..
Деянья прежних лет и дней!..*

(Англ.)

[^^^]

По-черкесски: убийца. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

*Вот край Востока; вот страна
Солнца –
Может ли оно встречать улыб-
кой деяния, какие совершали его
дети?
О! Неистовы, как возгласы любов-
ников при расставании,
Сердца, ими носимые, повести,
ими рассказываемые.
Абидосская невеста. Байрон.*

(Англ.).

[^^^]

Кальян (персидск. *гальян*) – курительный прибор, который часто делали из металла и украшали золотом, серебром, слоновой костью и т. п.

[^^^]

Такие памятники ставились на скалах и возвышенностях над могилами убитых, которые должны были быть отомщены. Изображение чалмы указывало на то, что погребенный – хаджи, т. е. мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

[^^^]

*На радостных волнах синего моря,
Где мысли наши, как море, безграничны,
а души, как море, свободны*

—
*Куда только может занести нас
ветер и где пенятся волны,
Там наши владения, там наша родина.*

Корсар. Л<орд> Байрон.

(Англ.).

[^^^]

*Так двигалась по земле дочь Чер-
кесии
Прелестнейшая птица Франги-
стана.*

Байрон. Гяур.

(Англ.).

[^^^]

Две главные горы. *(Примечание Лермонтова).*

[^^^]

Две главные горы. *(Примечание Лермонтова).*

[^^^]

Джяуры, или гяуры (от турецкого *gâvir* – ино-
верец, неверующий), – у исповедующих ислам
презрительное прозвище всех немусульман.

[^^^]

Две горы, находящиеся рядом с Бешту. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Две горы, находящиеся рядом с Бешту. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Шат – Эльбрус.

[^^^]

Шайтан – в мусульманской мифологии дух зла, дьявол.

[^^^]

Чихирь – молодое неперебродившее виноградное вино домашнего приготовления.

[^^^]

Пери – в персидской мифологии волшебное существо, охраняющее людей от злых духов; изображалось в виде прекрасной крылатой женщины.

[^^^]

*Высокие души, по природной гор-
дости и силе,
Глубже всех чувствуют твои
угрызения, Совесть!
Страх, как бич, повелевает низ-
кой чернью,
Ты же – истязатель смелого!
Мармион. С<эр> Вальтер-Скотт.*

(Англ.).

[^^^]

Дивы – духи зла и тьмы в мифологии древних народов Средней Азии и Ирана.

[^^^]

Байран (байрам) – название мусульманских праздников.

[^^^]

Черкесская песня. В основу ее положена русская народная песня «Ты дума моя, думушка» (Собрание разных песен М. Д. Чулкова, ч. 3. СПб., 1770–1773, с. 95–96), в которой имеются строки:

*Не женись ты, добрый молодец,
А на те деньги коня купи.*

Ср. с песней Казбича в «Бэле» («Герой нашего времени», наст. изд. т. 4).

[^^^]

Речь идет об одном из кавказских вариантов легенды о герое древнегреческой мифологии – Прометее (Амирани), который похитил у богов огонь, принес его людям и в наказание был прикован Зевсом к скале, где орел клевал его печень.

[^^^]

*Она не сказала, ни откуда она, ни
почему она оставила
Всё для того, кто, казалось, с ней
был тоже неласков.
Почему она любила его? Пытливый
глупец! Молчи:
Разве человеческая любовь рождается
по воле человека?
Лара. Л<орд> Байрон.*

(Англ.).

[^^^]

Украсит Север Августом другим! – Лермонтов имеет в виду Николая I, сравнивая его историческую роль с ролью первого римского императора Гая Юлия Цезаря Октавиана, которому был присвоен титул Августа, то есть «Священного». Строфа I третьей части поэмы в идейном отношении близка к стихотворению «Спор».

[^^^]

Наездники. *(Примечание Лермонтова).*

[^^^]

Осаевское Поле – так называли в начале XIX в. равнину, лежащую вдоль берега реки Асса.

[^^^]

Аул Трам, существовавший до 1818 г., славился своими конями. Он находился около Константиногорской крепости (по дороге в Кисловодск), построенной в 1780 г. русскими военными властями у подножия Бештау.

[^^^]

Ширванский 84-й пехотный полк был образован из частей Азовского и Казанского полков. Особенно отличился Ширванский полк в войнах с Персией и Турцией 1826–1829 гг.

[^^^]

Речь идет о георгиевском кресте, который носили на полосатой черно-оранжевой ленточке. Исторический Измаил-Бей (Атажуков) был награжден орденом Георгия 4-й степени за участие в Измаильском штурме.

[^^^]

Гурии – по Корану (священной книге мусульман), вечно юные красавицы, живущие в раю.

[^^^]

Арчаг (арчак) – деревянный остов седла.

[^^^]

Симун – самум.

[^^^]

Есть предположение, что действие поэмы происходит в карачаевском ауле Джемате, в Теберде (см.: Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, с. 58–60). Другие исследователи полагают, что в поэме изображен дагестанский аул Чиркей (Б. Гаджиев. Они были в Дагестане. Махачкала, 1963, с. 25–43).

[^^^]

*Тогда сердце ее разорвалось в од-
ном протяжном крике,
И на землю она упала, как камень
Или статуя, сброшенная с своего
пьедестала.*

Байрон.

(Англ.).

[^^^]

Образ березы, растущей «среди развалин», см. в стихотворении «1831-го июня 11 дня» (наст. изд., т. 1, с. 167) и в посвящении к драме «Испанцы» (наст. изд., т. 3).

[^^^]

*Остальное тебе уже известно,
И все мои грехи, и половина моей
скорби,
Но не говори более о покаянии...*
Байрон.

(Англ.).

[^^^]

Ср. со стихотворением «Челнок» (1832; наст. изд., т. 1, с. 343).

[^^^]

*Это он, это он! Я узнаю его те-
перь;
Я узнаю его по бледному челу...
Байрон.*

(Англ.).

[^^^]

Возможно, текст этого стиха изменен П. А. Висковатовым. В черновом автографе было: «Там новый век развил свою чуму».

[^^^]

Зоил (IV–III в. до н. э.) – древнегреческий ритор и софист, придирчиво и мелко критиковавший «Илиаду» и «Одиссею». Имя его стало нарицательным для обозначения несправедливой и недоброжелательной критики.

[^^^]

В романе «Хромой бес» французского писателя Алена Рене Лесажа (1668–1747) бес, летая со своим спутником над городом, приподнимал крыши домов и проникал в домашние тайны людей.

[^^^]

Сусанна – библейская красавица, была ложно обвинена и приговорена к смертной казни за то, что отвергла низменные притязания старцев, оказавшихся судьями.

[^^^]

Речь идет о В. А. Лопухиной. В 1835 г. она вышла замуж за Н. Ф. Бахметева.

[^^^]

Здесь говорится о распространявшейся в списках поэме А. И. Полежаева «Сашка» (1825), о трагической судьбе поэта, подвергшегося гонениям за создание этой поэмы.

[^^^]

Саул – библейский царь. Он приказывал играть для него на арфе, чтобы заглушить мучения совести.

[^^^]

Демосфен (384–322 до н. э.) – выдающийся афинский оратор.

[^^^]

Строфа 53 состоит из 13-ти стихов, тогда как вся поэма написана одиннадцатистрочной строфой. По всей вероятности, в текст ошибочно включены черновые варианты двух стихов.

[^^^]

Цитата из трагедии Шекспира «Гамлет»
(акт 1, сцена 5).

[^^^]

Маркиз де Тесс. (*Франц.*).

Прототипом маркиза де Тесса, очевидно, был гувернер Лермонтова Жан Пьер Келлет Жандро, французский эмигрант, роялист.

[^^^]

В строфах 76–81 говорится о событиях французской революции 1789–1793 гг., о казни короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты.

[^^^]

Адонис – божество, которому поклонялись в Финикии, а затем в Греции и Риме. Бог ежегодно умирающей и воскресающей растительности представлялся в виде прекрасного юноши.

[^^^]

Речь идет об Андре Шенье (1762–1794), французском поэте и публицисте, казненном якобинским правительством. В русской традиции, идущей от Пушкина и декабристов, Шенье рисуется как певец свободы, как мужественный борец против тирании.

[^^^]

Сударь, это мое дело. (Франц.).

[^^^]

Фоблаз – герой французского романа «Aventures du chevalier de Faublas» («Приключения кавалера Фобласа») Жана Батиста Лувре де Кувре (1760–1797).

[^^^]

Ариадна – в греческой мифологии дочь критского царя. Спасла афинского героя Тесея, который безжалостно бросил ее.

[^^^]

Аббадона – падший ангел из поэмы «Мессиада» немецкого писателя Клопштока (1724–1803).

[^^^]

Гвидо Рени (1575–1642) – знаменитый итальянский художник; его картину, изображающую раскаянье Магдалины, Лермонтов мог видеть в картинной галерее Строгановых.

[^^^]

«Ну, сударь, что я вижу?» – «Ах, это вы!»

«Что это за шум? Что вы делаете?» – «Я <...>!»

(Франц.).

[^^^]

В строфах 116–119 описание пансиона и Московского университета имеет автобиографический характер.

[^^^]

Висковатов писал: «Арап этот был слугою в доме Лопухиных, близких друзей Лермонтова. Он его очень любил и в одном из писем упоминает о нем, как о друге своем» (Русская мысль, 1882, кн. 1, с. 111). Сохранился акварельный портрет Ахилла, выполненный Лермонтовым в альбоме А. М. Верещагиной (см. об этом в кн.: М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979, с. 59–61).

[^^^]

Пифия – жрица-прорицательница в храме древнегреческого бога Аполлона в Дельфах. Свои прорицания произносила, сидя на треножнике.

[^^^]

Монго – прозвище Алексея Аркадьевича Столыпина (1816–1858), двоюродного брата матери поэта и его близкого товарища. В 1835 г., по окончании Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, Столыпин был выпущен в лейб-гвардии гусарский полк, где служил вместе с Лермонтовым (об А. А. Столыпине и его отношении к Лермонтову см.: Литературное наследство, т. 45–46. М., 1948, с. 749–754).

[^^^]

Маёшка – фамильярное прозвище Лермонтова по имени популярного в те годы карикатурного персонажа французской сатирической литературы.

[^^^]

В поэме описывается поездка Лермонтова и Столыпина к балерине Е. Е. Пименовой (1816 – после 1860) на дачу, находившуюся на Петергофской дороге, близ Красного кабачка.

[^^^]

Бернар Флёрис – известный артист балета и преподаватель танцев.

[^^^]

Ср. в стихотворении Пушкина «Если жизнь тебя обманет» (1825):

*Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.*

[^^^]

Лобное место в Москве – «каменная подвысь против Спасских ворот; никогда не было местом казни, а царским и патриаршим, при беседе с народом, при народных торжествах и молебствиях; с него же читались указы, приговоры; казни происходили близ, на площади Китай-города». (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. И – О. М., 1955, с. 261).

[^^^]

Поэма Лермонтова написана 14-строчной
строфой «Евгения Онегина» Пушкина.

[^^^]

И. Дубасов в статье «Тамбовский край в конце XVIII и в начале XIX столетия» писал: «Все местные старожилы помнят... что Тамбов в прежние времена был ссылочным местом... Эта мысль выражена также и в известном стихотворении Лермонтова – «Казначейша». Между тем на основании документов тамбовских архивов можно сказать, что... ссыльные бывали в Тамбовской губернии... но только их ссылали не в город Тамбов, а в разные монастыри Тамбовской епархии» (Историч. вест., 1884, № 10, с. 119).

[^^^]

Этому стиху, по сообщению П. А. Висковатова, ссылавшегося на продиктованный А. П. Шан-Гиреем текст, предшествовал следующий стих: Там зданье лучшее острог... (см. здесь и далее, где идет речь о сообщенном Висковатовым тексте, в кн.: М. Ю. Лермонтов. Соч. под ред. П. А. Висковатова, т. 2, с. 230).

[^^^]

Аврора – в римской мифологии богиня утренней зари, приносящая дневной свет богам и людям.

[^^^]

Имеется в виду марш из оперы французского композитора Этьена Мегюля (1763–1817) «Два слепых из Толедо» (1806), очень популярной тогда в России.

[^^^]

После этого стиха, по сообщению П. А. Висковатова со слов А. П. Шан-Гирея, шел текст:

*У них! – О том причины скрыты;
Но есть в Тамбове две кумы,
У них, пожалуй, спросим мы.*

[^^^]

Этот стих, искаженный в «Современнике», печатается по тексту, сообщенному П. А. Висковатовым со слов А. П. Шан-Гирея.

[^^^]

По сообщению П. А. Висковатова, далее шел текст:

*И не смущен бы был и раем,
Когда б попался и туда.*

[^^^]

Амфитрион – греческий царь, муж Алкмены, обманутой Юпитером, принявшим вид Амфитриона. Этот сюжет использован Мольером в его комедии «Амфитрион», где имеются стихи, вошедшие в поговорку: «Тот истинный Амфитрион, кто приглашает нас к обеду». С тех пор это имя стало нарицательным для обозначения любезного, гостеприимного хозяина.

[^^^]

Вдвоем. (Франц.).

[^^^]

После этого стиха, по сообщению П. А. Висковатова, шел текст:

Увы! Молясь иной святыне.

[^^^]

Далее, по сообщению Висковатова, следовало:

*За злато совесть и закон
Готов продать охотно он.*

[^^^]

Столпообразные раины – пирамидальные то-
поли.

[^^^]

Покрывало. *(Примечание Лермонтова).*

[^^^]

Вроде волынки. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Верхняя одежда с откидными рукавами. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Стремена у грузин, вроде башмаков из звонкого металла (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Шапка, вроде ериванки. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Муэцины (муэдзины, муэззины) – служители религиозного культа у мусульман, призывающие с минарета к молитве.

[^^^]

Здесь Лермонтов отразил народные грузинские и осетинские легенды о горном духе Амирани, подобно Прометею принесшем огонь с неба.

[^^^]

Чингар, род гитары. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Мицри на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Примечание Лермонтова).

[^^^]

Это мило?.. (Франц.).

[^^^]

В первой публикации эти стихи были вычеркнуты цензурой. Предполагалось, что здесь идет речь о восстании декабристов. Но названный текст (строфа 11) примыкает к строфе 10, содержащей образную ассоциацию с «Медным всадником» Пушкина. Возможно, что под «роковыми событиями» подразумевается и петербургское наводнение 1824 г., ставшее в поэме Пушкина кульминацией трагической судьбы человека, зависимого от стихий природы и истории. В «Сказке...» человек тоже трагически зависим от диктата времен с их социальными переменами (нисходящая история знатного боярского рода) и от диктата страстей (формирование души Нины).

[^^^]

Пьетро Перуджино (ок. 1446–1523) – знаменитый итальянский живописец эпохи Возрождения, учитель Рафаэля.

[^^^]

Каин.

Кто ты?

Люцифер.

Властелин духов.

Каин.

*Но если так, можешь ли ты
Покидать их и пребывать с
смертными?*

Люцифер.

*Я знаю мысли
Смертных и сочувствую им, и за-
одно с вами.*

Л<орд> Байрон. Каин.

(Англ.).

[^^^]

Текст, не вошедший в другие редакции, выделяется курсивом.

[^^^]

В основу посвящения легло стихотворение, являющееся промежуточной редакцией между посвящением к «Аулу Бастунджи» (см. с. 212–213) и приведенным выше текстом. Это незаконченное стихотворение датируется маем 1837 г.:

*Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небреж-
ный;
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
Еще ребенком, чуждый и любви
И дум честолюбивых, я беспечно
Бродил в твоих ущельях, грозный,
вечный,
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пестун, юных сил
Хранитель верный – <и мечтою
Я страстно обнимал тебя по-
рою.>*

*И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, собирались облака,
Туманные вершины омрачая,*

*Косматые, как перья шишака;
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих виде-
ний,
Зубчатою тянулись полосой,
Таинственной, синей одна другой,
Всё горы, чуть приметные для
глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.*

[^^^]

Белое покрывало. *(Примечание Лермонтова).*

[^^^]

Род флейты. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Верхняя грузинская одежда. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Баранья шапка, персидская. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Род гитары. (*Примечание Лермонтова*).

[^^^]

Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным, в двух томах. СПб., 1860.

[^^^]

Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание под редакцией П. А. Висковатова, в шести томах. М., 1889–1891.

[^^^]

Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, под редакцией Арс. И. Введенского, в четырех томах. СПб., 1891.

[^^^]

Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова в пяти томах, под редакцией Д. И. Абрамовича. (Академическая библиотека русских писателей, изд. Разряда изящной словесности Академии наук). СПб., 1910–1913.

[^^^]

В дальнейшем сокращенно: ИРЛИ.

[^^^]

В дальнейшем сокращенно: ГПБ.

[^^^]